

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 4 (109)

Гуманитарные науки

2018

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-кор. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвилов, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лabyнтцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
О.А. Макушников, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук,
проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus
Higher Attestation Commission list of scientific publica-
tions of the Republic of Belarus, which publish the main
results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
O.A. Makushnikov, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2018, № 4 (109) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бабков А.М. Деятельность эвакуационных органов по подготовке и вывозу промышленности Витебской губернии (1915–1916 гг.).....	5
Белозорович В.А. Роль Белорусской исторической публицистики в формировании национальной концепции истории (1906–1915 гг.).....	11
Горобец И.В. Особенности развития пакистано-китайских отношений в начале XXI века..	18
Карнялюк В.Р. Сацыяльная адаптацыя вымушаных мігрантаў з Беларусі ў расійскім грамадстве: дынаміка ўзаемазносін у 1915–1923 гг.....	22
Келлер О.Б. Феномен обращения за правовыми разъяснениями в Средние века и Раннее Новое время.....	28
Козлова Н.Н. Служение гомельских православных священников в период Первой мировой и гражданской войн.....	35
Кротов А.М. Особенности развития этнонационального самосознания белорусов в конце XIX – 20-х годах XX в.....	42
Мацук А.У. Рэчыцкія павятовыя соймакі ў бескаралеўе 1764 г.....	48
Мязга М.М. Савецкая гістарыяграфія адносін паміж Савецкай Расіяй / СССР і Польшчай: змена парадыгмы даследаванняў у 1930-я гады.....	56
Савіч А.А. Гістарыяграфічныя аспекты Рыжскага міру ў кантэксце гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг.....	62
Скрябина Л.С. «Новый порядок»: аспекты жизненной практики населения Гомеля в условиях военной действительности (1941–1943 гг.).....	68
Толочко Д.М. Беженцы из Польши в советско-германских отношениях (сентябрь 1939 – июнь 1940 гг.).....	75
Чаропка С.А. Літва і Русь вачыма жыхароў ВКЛ XVII ст.....	81
Шиляев А.П. Войсковые урядники в системе управления войском ВКЛ во второй половине 16 – начале 17 века.....	86

ФИЛОЛОГИЯ

Артюшкова Е.О., Кирюшкина А.А. Английская лексика и билингвизм во французском рекламном дискурсе.....	93
Бартош Ю.В. Экспериментальные жанры сетевой поэзии.....	97
Гэн Цзянь. Метафора в классической поэзии Ду Фу.....	102
Иванчикова Ю.С. Структура семантико-этимологического поля ‘собственность’ в русском языке.....	107

Иоскевич М.М. <i>Социальный миф в художественной повседневности романа З. Бядули «Язэп Крушынскі»</i>	114
Кирюшкина А.А. <i>Культурно-лингвистический феномен <i>franglais</i></i>	121
Новак В.С., Кастрьца А.А. <i>Народная дэманалогія Гомельска-Бранскага памежжэа (на матэрыяле фальклору Гомельскага, Добрушскага і Веткаўскага раёнаў Гомельскай вобласці)</i>	125
Паўлавец Д.Д., Паўлавец А.Д. <i>Канцэпт лёс у паэзіі Уладзіміра Караткевіча</i>	132
Пятроўская Т.М. <i>Канцэпцыя патрыятычнага выхавання ў казках А. Карлюкевіча</i>	138
Сидорская И.В. <i>Роль массмедиа в продвижении здорового образа жизни (на примере Минского полумарафона-2017)</i>	142
Сытько А.В. <i>К вопросу об определении статуса деонтической модальности</i>	149
Храбан Т.Е. <i>Стилистические приемы передачи речевой агрессии в социальных сетях</i> ..	156
ФИЛОСОФИЯ	
Борецкая В.К., Яхно В.Н. <i>Аксиологические приоритеты современных студентов и магистрантов (на примере ГГТУ им. П.О. Сухого)</i>	162
Корень Е.В. <i>Методологический аспект исследования менталитета интеллигенции как культурно-исторического феномена</i>	168
Новік І.М. <i>Канцэпт «Веды» ў філасофіі Мішэля Фуко</i>	175
РЕЦЕНЗИИ	
Коваль В.И. <i>В мире парадоксов русской морфемике</i>	182

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year

Published since 1999

• 2018, № 4 (109) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

- A.M. Babkov. *Activity of evacuation bodies on preparation and export of industry of Vitebsk province (1915–1916)* 5
- V.A. Belozorovich. *The role of Belarusian historical journalism in the formation of the national concept of history (1906–1915)*..... 11
- I.V. Gorobets. *The particular features of the development of Pakistani-Chinese relations at the beginning of the XXI century*..... 18
- V.R. Karnyalyuk. *Social adaptation of forced migrants from Belarus in the Russian society: the dynamics of the relationship 1915–1923* 22
- O.B. Keller. *The phenomenon of applying for legal explanations in the Middle Ages and Early New Time*..... 28
- N.N. Kozlova. *The activities of Gomel Orthodox priests during the First World War and the Civil War* 35
- A.M. Krotov. *The peculiarities of the development of the ethno-national self-consciousness of Belarusians in the late nineteenth century – the twenties of the 20th century*..... 42
- A.U. Matsuk. *The sejmihs of Rechitsa povet in the period of interregnum of 1764* 48
- M.M. Miazga. *Soviet historiography of relationship of Soviet Russia/USSR and Poland: change of the research paradigm in 1930s*..... 56
- A.A. Savich. *Historiographical aspects of the Riga Peace Treaty in the context of the history of Western Belarus in 1921–1939*..... 62
- L.S. Skryabina. *«New Order»: aspects of the life practice of the population of Gomel in conditions of military reality (1941–1943)* 68
- D.M. Tolochko. *Refugees from Poland in Soviet-German relations (September 1939 – June 1940)*..... 75
- S.A. Charopka. *Lithuania and Russia from the point of view of the inhabitants of GDL in XVII century* 81
- A.P. Shyliayeu. *Military administrators in the system of command of the GDL's army in the second half of the 16th – early 17th century* 86

PHILOLOGY

- E.O. Artyushkova, A.A. Kirushkina. *English vocabulary and bilingualism in the French advertising discourse* 93
- Yu.V. Barthosh. *Experimental genres of net poetry* 97
- Geng Jian. *Metaphor in classical poetry of Du Fu*..... 102
- Yu.S. Ivanchikova. *Structure of the semantic-etymological field 'property' in Russian* 107
- M.M. Ioskevich. *The social myth in the literary everyday life in the novel «Jazep Kruszynski» by Žmitrok Biadula*..... 114

A.A. Kirushkina. <i>Cultural and linguistic phenomenon of franglais</i>	121
V.S. Novak, A.A. Kastritsa. <i>Folk demonology of the Gomel-Bryansk border region (based on the folklore of the Gomel, Dobrush and Vetka districts, Gomel region)</i>	125
D.D. Paulavets, A.D. Paulavets. <i>Concept fate in the poetry of Uladzimir Karatkevich</i>	132
T.M. Piatrouskaya. <i>The conception of patriotic education in the tales of A. Karlyukevich</i>	138
I.V. Sidorskaya. <i>The role of mass media in promoting a healthy lifestyle (on the example of the Minsk half-marathon-2017)</i>	142
A.V. Sytko. <i>On the question of determining the status of the deontic modality</i>	149
T.E. Hraban. <i>Stylistic devices for the transmission of verbal aggression in social networks</i> ...	156
PHILOSOPHY	
V.C. Boretskaya, V.N. Yachno. <i>Axiological priorities of modern students and undergraduates (by the example of the Sukhoi State Technical University of Gomel)</i>	162
E.V. Koren. <i>Methodological aspect of the study of the mentality of intelligentsia as a cultural and historical phenomenon</i>	168
I.M. Novik. <i>The concept of «knowledge» in the philosophy of Michel Foucault</i>	175
REVIEWS	
V.I. Koval. <i>In the world of paradoxes of Russian morpheme</i>	182

История

УДК 94:355.244.212(476.5)«1915–1916»

Деятельность эвакуационных органов по подготовке и вывозу промышленности Витебской губернии (1915–1916 гг.)

А.М. БАБКОВ

Исследуется подготовка и проведение эвакуации в Витебской губернии промышленности оборонного значения во внутренние губернии Российской империи в начальный период Первой мировой войны. Рассмотрена эвакуационная деятельность Особой комиссии, военно-промышленных комитетов и районной подкомиссии. Сделан вывод о неподготовленности властей к проведению эвакуации промышленности и ее ограниченный характер.

Ключевые слова: эвакуация, Витебская губерния, Особая комиссия, военно-промышленный комитет, фабрично-заводское оборудование, военный округ.

Preparing and conducting the evacuation of the defense industry from the Vitebsk province to the internal provinces of the Russian Empire during the initial period of the First World War is investigated. The evacuation activity of the Special Commission, military industrial committees and the regional subcommittee is considered. The conclusion is made that the authorities were not prepared for conducting the evacuation of industry and the nature of evacuation was limited.

Keywords: evacuation, Vitebsk province, Special commission, military industrial committee, factory equipment, military district.

После оккупации в августе–сентябре 1915 г. немецкими войсками Западной Беларуси военные действия развернулись на территории Минской губернии, что приблизило линию фронта к Витебской губернии.

В условиях военного времени Витебская губерния входила в состав Двинского военного округа во главе с генерал-инженером Н.Е. Тумановым, который руководствовался приказами главнокомандующего Северным фронтом генерала Н.В. Рузского и начальника снабжения армии фронта генерала Фролова. Главному начальнику военного округа подчинялись все войска на территории округа, а также местные гражданские власти.

В обстановке военной нестабильности на российско-германском фронте летом–осенью 1915 г. перед царскими властями возникла необходимость проведения срочной эвакуации материальных ценностей и, прежде всего, оборудования предприятий, и сырьевых запасов. Предварительных планов эвакуации промышленности в Российской империи не составлялось, поскольку оперативный план войны российского генштаба предусматривал наступление армии и ведение боевых действий на территории противника. Чтобы не допустить захвата противником материальных ценностей в прифронтовой полосе, военные власти занялись перемещением их вглубь страны. С большим опозданием правительство летом 1915 г. приступило к созданию государственной системы по переводу промышленности на рельсы военного производства и обеспечения армии вооружением и снаряжением. Центральным органом по эвакуации в Российской империи явилось созданное в августе 1915 г. Особое совещание по обороне государства во главе с военным министром генералом А.А. Поливановым. Осенью при нем была учреждена Эвакуационная комиссия во главе с председателем Государственной думы М.В. Родзянко, на которую возлагались обязанности координации работы по эвакуации предприятий и учреждений из прифронтовых районов.

Учитывая стихийный характер эвакуации материальных ценностей из западных губерний в начальный период войны и осознавая важность перемещения промышленности во внутренние губернии страны для усиления боеспособности армии, 2 октября 1915 г. Особое сове-

щение приняло решение об образовании районных комиссий при фронтах армий, на которые возлагались задачи практической подготовки к эвакуации промышленности. «Положением о комиссиях по эвакуации» предусматривалась возможность образования на наиболее сложных участках фронтов, где возникала угроза прорыва войск противника, подкомиссий для быстрого обследования местной промышленности и подготовки ее к эвакуации. Одновременно «Положение...» предоставляло возможность участвовать в подготовке и проведении эвакуации промышленности местным военно-промышленным комитетам (далее – ВПК) [1, л. 107].

С развертыванием военных действий на Северо-Западном фронте к эвакуационным мероприятиям стали привлекаться губернские власти. 22 августа 1915 г. по распоряжению главного начальника Двинского военного округа интендантским управлением был выдан Витебскому, Виленскому, Псковскому губернаторам кредит по 1 млн руб. на ссуды владельцам эвакуируемых предприятий и пособия рабочим [2, л. 361]. Однако до конца года эти кредиты не были использованы губернаторами. 8 декабря начальник интендантского управления Двинского военного округа генерал-майор Сакович сообщил в канцелярию округа, что «в настоящее время от губернаторов поступили сведения об остатках кредитов в губерниях и выяснилось, что в Витебской губернии он составил 996,5 тыс. руб., а виленский и псковский губернаторы вообще не использовали кредиты для эвакуации. «В виду того, что такие крупные суммы продолжительное время находятся непроизводительно, без движения», генерал-майор Сакович высказался за закрытие кредитов на счетах губернаторов и перевод их на баланс витебской казенной палаты. Витебский губернатор согласился с требованием интендантства возратить кредит и признал «желательным оставить в своем распоряжении 196,5 тыс. руб., остальные 800 тыс. руб. могут быть переведены в распоряжение интендантства» [3, л. 397].

В августе 1915 г. главный начальник Двинского военного округа Н.Е. Туманов издал распоряжение по созданию Особых комиссий по эвакуации заводского оборудования и материалов из пределов Витебской, Псковской, Виленской, Ковенской и Гродненской губерний, о чем 19 августа сообщилось в телеграмме на имя начальника снабжения армий фронта [4, л. 71].

Выполняя требования начальника военного округа, витебские губернские власти 5 сентября 1915 г. учредили Особую комиссию по эвакуации оборудования фабрик и заводов. Комиссию возглавил старший фабричный инспектор Н.К. Метельский. В нее вошли представители военного ведомства – В.А. Снесарев; контрольной палаты – В.Г. Дроздецкий; акцизного управления – С.З. Епифанов; городской управы – Д.К. Веглин и Б.М. Криштафович; уездной земской управы – Д.Т. Коньков; ВПК – А.Г. Левинсон, Е.В. Давидовский, А.Ю. Берлин; строительного отделения – Э.Х. Земмель [5, л. 53]. Комиссия сразу обратилась к владельцам многочисленных средних и мелких предприятий с предложением предоставить сведения о планируемой ими эвакуации фабрично-заводского оборудования, изделий и сырья.

16 сентября 1915 г. витебский губернатор внес предложение «о выработке плана действий Особой комиссии по эвакуации фабрик и заводов Витебской губернии». Предложение губернатора было рассмотрено на заседании Особой комиссии 21 сентября. Свой проект эвакуации промышленных предприятий представил Витебский эвакуационный отдел Северо-Западного областного ВПК, в котором предлагалось установить «два принципа эвакуации: обязательный и необязательный». Исходя из такого подхода, в проекте предлагалось установить пять очередей, из которых первые три включали предприятия и материальные ценности, обязательные к эвакуации, а четвертая и пятая распространялись на предприятия, не подлежащие обязательной эвакуации». Однако Особая комиссия не поддержала проект областного ВПК, хотя и согласилась с распределением всех эвакуируемых грузов на пять очередей, но внесла изменения в принцип эвакуации грузов четвертой и пятой очередей. Если в первоочередном порядке подлежали эвакуации предприятия «полностью или частично работающие на нужды армии», а также предприятия «могущие быть приспособленными для обеспечения потребностей армии» и стратегические материалы военного назначения (кожа, медь, лен), то во вторую очередь эвакуации подлежало ценное техническое оборудование предприятий, оказавшихся в чрезвычайных обстоятельствах [6, л. 5].

Деятельность Особой комиссии в Витебске, как это видно из протоколов ее многочисленных заседаний, сводилась в основном к выдаче владельцам фабрик и заводов Витебской

губернии разрешений на вывоз оборудования и готовой продукции во внутренние районы Российской империи. Чаще всего такие разрешения получали владельцы более крупных предприятий, представлявших ценность для обороны. На первых заседаниях Витебской комиссии были приняты решения о вывозе готовой продукции наиболее крупной льнопрядильной фабрики «Двина» и стекольного завода «Западная Двина». Так, 8 октября комиссия выдала разрешение фабрике «Двина» на внеочередной платный вывоз 1 тыс. пудов льняной пряжи в Петроград и Витебскому отделению «Соединенного банка» на вывоз 8,4 тыс. пудов прессованного льна. 12 октября завод «Западная Двина» получил разрешение вывезти готовые стекольные изделия из Витебска общим весом 37,5 тыс. пудов, для чего комиссия постановила выделять ему ежедневно 1 вагон на ст. Витебск и 5 вагонов на ст. Лосвида. 15 октября такое же разрешение было выдано владельцу машиностроительного завода И. Гринбергу на внеочередной льготный вывоз из Витебска в Харьков оборудования завода, весом 600 пудов железа, 3 тыс. пудов чугуна [7, л. 4, 4 об, 5]. По ходатайству акционерного общества «Витебский трамвай» ему было выдано разрешение на первоочередной вывоз за казенный счет 9 тыс. 476 пудов рельс и рельсовых креплений на сумму 16 тыс. 446 руб. В журнальных записях постановлений заседаний Особой комиссии имеются данные об удовлетворении просьб многочисленных владельцев небольших фабрик и заводов текстильной, пищевой и кожевенной отраслей промышленности на возможный вывоз их оборудования и готовой продукции во внутренние губернии Российской империи. Такие разрешения на случай объявления эвакуации были выданы ряду собственников фабрик и заводов Полоцка. В частности, владельцам завода искусственных, минеральных и фруктовых вод С.А. Райнусу на транспортировку его оборудования из Полоцка в Самару; табачной фабрики Н.И. Ривлиной – в Козлов Тамбовской губернии; завода газовых и фруктовых вод А.Д. Рушонику – в Тверь; торговому дому «Е.Н. Левин и С-ья» – в Харьков [8, л. 4, 4 об, 5]. В сентябре–октябре наиболее часто выдавались удостоверения владельцам кожевенных заводов Витебска, Полоцка, Двинска на вывоз оборудования и выделанных кож. Особая комиссия удовлетворила просьбы собственников кожевенного завода Г.А. Соловейчика и фирмы Х.В. Фрейнкеля на вывоз их оборудования из Витебска в Москву; кожевенного завода П.Л. Ильмера и фирмы наследников Эпштейна из Полоцка в Елец и Вятку соответственно [9, л. 1, 1 об, 4–6]. Между эвакуационными органами и владельцами предприятий часто возникали разногласия по вопросу характера вывозимых материальных ценностей и сырьевых запасов. Военные предпочитали вывозить в первую очередь оборонные заводы и энергетические мощности предприятий. А частные предприниматели, чтобы обезопасить свое имущество от реквизиций противником, стремились эвакуировать оборудование заводов и сырьевые запасы, не имеющих военного значения.

Особая комиссия привлекала к своей работе техников, инженеров ВПК для разрешения спорных вопросов о целесообразности перемещения отдельных предприятий. В частности, специалисты губернского ВПК участвовали в обследовании писчебумажной фабрики В.И. Володковича «Скина», находившейся в имении Смолянцы Лепельского уезда. Ее владелец возбудил ходатайство перед Особой комиссией о выдаче ему пособия в размере 1,5 млн руб. для эвакуации фабрики. Комиссия в составе инженера-техника С.З. Епифанова, члена Лепельской земской управы А.М. Деменско, фабричного инспектора Биржанского, обследовавшая на месте оборудование фабрики и пути его транспортировки сообщила в Витебскую комиссию, что «не находит возможным произвести эвакуацию фабрики» ввиду громоздкости ее оборудования и удаленности фабрики от железнодорожной станции, что потребовало бы больших финансовых расходов. Фабрика находилась на расстоянии 70 верст от грунтовой дороги, а вес ее оборудования составлял 375 тыс. пудов, стоимость перебазирования которого исчислялась в 1 млн 370 тыс. рублей по грунтовой дороге или 530 тыс. руб. по рр. Улле и Западной Двине. Витебская комиссия согласилась с экспертной оценкой рабочей группы о неоправданных финансовых расходах и отказала В.И. Володковичу в эвакуации писчебумажной фабрики «Скина» [10, л. 5, 6].

По неполным сведениям, витебской Особой комиссией было выдано разрешений на вывоз 13,6 тыс. пудов различных металлов; около 40 тыс. пудов выделанных кож и кожевенного сырья, 45 тыс. пудов льна, 4 тыс. 350 пудов шерстяных и шелковых тканей и др. ману-

фактуры, 80 тыс. пудов оконного стекла, 10 тыс. пудов толи и др. сырья. Для их перевозки было предписано выделить в общей сложности более 1 тыс. железнодорожных вагонов и платформ [11, с. 122].

Наряду с Особой комиссией в подготовке и эвакуации промышленности в Витебской губернии принимали участие военно-промышленные комитеты. ВПК, как общественные организации торгово-промышленной буржуазии, ставили своей целью перевести среднюю и мелкую промышленность на производство продукции военного назначения. Витебская губерния входила в район деятельности Областного ВПК Северо-Западного края, который был образован в Вильно 18 июня 1915 г. под председательством городского головы М.А. Венславского. По распоряжению главного начальника Двинского военного округа Областной ВПК командировал управляющего делами в Витебск для открытия своего эвакуационного отдела по оказанию помощи местным предпринимателям в подготовке к эвакуации промышленности. По его инициативе было проведено совещание совместно с городским головой В.Е. Литевским и участием представителей промышленно-финансовых кругов, которое приняло решение учредить в Витебске эвакуационный отдел Областного ВПК. Отдел возглавили А.Г. Левинсон и его заместители Д.А. Тфельт и А.Ю. Берлин, в состав отдела также вошли три представителя областного ВПК [12, с. 24–26]. Его деятельность осуществлялась параллельно и зачастую несогласованно с Особой комиссией по эвакуации. Вскоре выяснилось, что эвакуационный отдел Областного ВПК не может стать объединяющим органом по мобилизации местной промышленности на оборону.

Поэтому представители промышленных и торговых кругов губернии выступили за учреждение местного ВПК, т. к. созданный ранее комитет прекратил свою работу. При их поддержке 31 октября 1915 г. состоялось учредительное собрание Витебского ВПК. В резолюции собрания было выражено «убеждение, что вся отечественная промышленность должна быть мобилизована в интересах страны» [13, л. 320–321]. В состав Витебского ВПК вошли представители промышленности: директора акционерных обществ стекольного завода «Западная Двина» Л.Л. Галеркин, льнопрядильной фабрики «Двина» Д.А. Тфельт, сахарного завода «Левенброй» А.Г. Левинсон, «Витебского трамвая» Г.С. Чернявский, владелец табачной фабрики Л.А. Колбановский; представители витебского биржевого комитета Г.М. Биндлер, А.Т. Буйницкий; заместитель городского головы Д.К. Веглин и другие [14, л. 319–321]. В «Наказе» от 6 ноября 1915 г. Витебский ВПК объявлялся «общественной организацией, не преследующей коммерческих выгод», а его деятельность распространялась на Витебскую губернию. Финансовые средства ВПК формировались «из добровольных взносов учреждений и отдельных предприятий, ассигнований Центрального или Областного ВПК и правительства, а также отчислений из сумм заказов, передаваемых через посредство комитетов», которые не должны превышать 1 % стоимости заказа [15, л. 323–325].

14 декабря 1915 г. на заседании Витебского ВПК была создана Оценочная комиссия, которая являлась «специальным органом для установления стоимости эвакуируемого имущества». Она определяла «кредитоспособность предприятия», что имело существенное значение при решении вопроса о выдаче ссуды и субсидий предприятию. Оценочные работы комиссия производила по приказу военных властей, обращению владельца предприятия, а также по поручению Особой комиссии по эвакуации или Витебского ВПК [16, л. 394].

В начале войны ряд предприятий Витебска получили заказы непосредственно от военного ведомства. Они поставляли армии предметы интендантского и военно-технического обеспечения, открывали вблизи линии фронта склады и ремонтные мастерские. Среди них машиностроительный завод И. Гринберга, завод сельскохозяйственных машин и орудий Берлина, льнопрядильная фабрика «Двина», сахарный завод Левенброй, фабрика очков Зеллига, маслобойный завод Мнухина, фабрика толя Левина, лесопильные заводы [17, с. 10].

В Витебский ВПК поступили предложения военного ведомства на изготовление жестяных коробок, оружейных болванок, колес, телеграфных крюков. Наиболее крупный заказ комитет получил от интендантства на пошив белья для армии в размере 1 млн руб., который не был выполнен. Витебский ВПК арендовал кожевенный завод, на котором выделялось 500 кож в месяц [18, с. 4].

Планирование командованием российской армии наступательных операций весной 1916 г., в т. ч. на территории Беларуси, активизировало подготовительные работы по эвакуации материальных ценностей из прифронтовых районов. Однако бюрократичность и инертность в работе государственных эвакуационных органов не позволили своевременно образовать районные комиссии. 11 февраля 1916 г. на заседании Эвакуационной комиссии Особого совещания выяснилось, что «невзирая на то, что со времени принятия постановления об образовании трех районных комиссий прошло более четырех месяцев, никаких дальнейших действий в отношении разработки и подготовки эвакуации полосы, угрожаемой нашествием неприятеля, до сих пор не предпринято, не образованы предусмотренные Положением 2 октября 1915 г. районные подкомиссии по эвакуации». Эвакуационная комиссия признала «дальнейшее промедление в этом деле недопустимым» и приняла решение «самостоятельно определить число и место нахождения подкомиссий по эвакуации» [19, л. 50, 51]. По итогам своего заседания она учредила районные подкомиссии по эвакуации в городах Ревеле, Пскове, Витебске, Смоленске, Минске, Киеве, Житомире и Одессе. Для их организации каждой подкомиссии из военного фонда был выдан аванс по 5 тыс. рублей [20, л. 52, 53].

Витебскую подкомиссию по эвакуации возглавил фабричный инспектор Ф.Я. Качков. В ее состав вошли представители Витебского городского управления гласный думы Я.П. Фрейвальд, губернской земской управы А.Ф. Стырикович и А.В. Бурмейстер. Витебский ВПК представлял бельгийский подданный Дезире Августович Тфельт, а управление Ригго-Орловской железной дороги – С.Е. Серебренитский [21, л. 107]. Ее состав был утвержден председателем эвакуационной комиссии Северного фронта генералом А. Вершининым.

На фронтах российской армии в феврале 1916 г. Особым совещанием по обороне государства были образованы «четыре эвакуационные комиссии: в Пскове – для Северного фронта, Минске – для Западного, Бердичеве – для Юго-Западного, Одессе – для Одесского военного округа. На должности председателей эвакуационных комиссий фронтов были назначены соответственно генерал-майор Вершинин, генерал-майор Павлов, генерал-лейтенант Толмачев и генерал Холодовский» [22, л. 17].

В связи с возросшей военной активностью российских войск летом 1916 г. на территории Беларуси Витебская подкомиссия направила главные усилия на обследование предприятий и других материальных ценностей губернии. В сентябре 1916 г. она составила план эвакуации предприятий Витебской губернии, который был направлен в районную эвакуационную комиссию Северного фронта [23, л. 65, 107].

В Витебской губернии районной подкомиссией было намечено к принудительной эвакуации в случае военной угрозы 214 торгово-промышленных предприятий, из них 89 промышленных и 125 торговых. Среди промышленных предприятий самой многочисленной являлась группа предприятий пищевкусовых производств (37), затем подлежали эвакуации предприятия по обработке животных продуктов (17), деревообрабатывающие (10), бумажное и полиграфическое производство (12). Значительно меньшую группу для вывоза составляли металлообрабатывающие предприятия (3), химические (2), а также по обработке минеральных веществ (2), горно-обрабатывающее (1) и 5 разноотраслевых предприятий. По подсчетам районной подкомиссии приблизительный вес эвакуируемого оборудования промышленных предприятий составлял 40 811 пудов, стоимость которого оценивалась почти в 667 тыс. руб. Для перевозки грузов по железной дороге требовались 41 товарный вагон и 32 платформы. К тому же, для доставки эвакуируемых грузов на железнодорожные станции необходимо было привлечь 462 рабочих и 588 подвод. Общая сумма эвакуационных пособий подкомиссией исчислялась в 33 779 рублей. Что касается торговых предприятий Витебской губернии, запланированных подкомиссией к эвакуации, то приблизительный их вес составлял свыше 70 тыс. пудов, а стоимость эвакуируемого имущества оценивалась в сумму более 546,4 руб. Для их перевозки требовалось 76 товарных вагонов и платформа. Для доставки эвакуационных грузов торговых заведений на железнодорожные станции понадобилось бы 313 рабочих и 274 подводы с выплатой эвакуационных пособий в сумме 8,4 тыс. руб. [24, л. 110, 119].

В результате работы эвакуационных органов из Витебской губернии были вывезены отдельные предприятия и ремесленные мастерские. Наиболее крупный из них топорный завод Т.С. Бушунова из Полоцка был эвакуирован в Вязьму. Оборудование суконной фабрики товарищества Рабухина и Авербуха из мест. Ливенгоф Витебской губернии было вывезено в г. Ковров Владимирской губернии. В Нижний Новгород были перемещены витебская военно-амуничная мастерская и щетинное производство Х.И. Хурина, ранее размещавшееся в мест. Креславка Витебской губернии [25, с. 12, 14–15, 29]. Только отдельные эвакуированные заводы возобновили свою деятельность в местах нового размещения. Показательным в этом отношении является топорный завод Т.С. Бушунова с численностью 47 рабочих, на котором в 1916 г. ежемесячно выпускалось продукции на сумму 10,6 тыс. руб. [26, л. 22, 215].

Таким образом, подготовка и проведение эвакуации промышленности оборонного значения из Витебской губернии, как и в других западных губерниях, вглубь страны носила запоздалый и ограниченный характер. Важную роль в эвакуационных мероприятиях сыграли Особая комиссия, военно-промышленные комитеты и районная подкомиссия. Однако несогласованность в их деятельности, ограниченность полномочий общественных эвакуационных организаций и финансовых средств затрудняли их работу. В результате из Витебской губернии удалось вывезти только отдельные предприятия. После стабилизации положения на российско-германском фронте на территории Беларуси эвакуационные мероприятия были свернуты.

Литература

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 369. – Оп. 6. – Д. 276.
2. РГВИА. – Ф. 1932. – Оп. 12. – Д. 76.
3. РГВИА. – Ф. 1932. – Оп. 12. – Д. 76.
4. РГВИА. – Ф. 1932. – Оп. 12. – Д. 72.
5. РГВИА. – Ф. 1932. – Оп. 12. – Д. 76.
6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2955. – Оп. 1. – Д. 1.
7. НИАБ. – Ф. 2955. – Оп. 1. – Д. 1.
8. НИАБ. – Ф. 2955. – Оп. 1. – Д. 1.
9. НИАБ. – Ф. 2955. – Оп. 1. – Д. 1.
10. НИАБ. – Ф. 2955. – Оп. 1. – Д. 1.
11. Смольянинов, М.М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М.М. Смольянинов. – Мн. : Беларуская навука, 2014. – 317 с.
12. Областной военно-промышленный комитет Северо-Западного края. Отчет о деятельности за время от 18 июня до 15 ноября 1915 г. – Петроград : Садовая Типо-литография Н.Г. Мазур, 1915. – 61 с.
13. РГВИА. – Ф. 1932. – Оп. 12. – Д. 76.
14. РГВИА. – Ф. 1932. – Оп. 12. – Д. 76.
15. РГВИА. – Ф. 1932. – Оп. 12. – Д. 76.
16. РГВИА. – Ф. 1932. – Оп. 12. – Д. 76.
17. Деятельность областных и местных военно-промышленных комитетов на 10-е февраля 1916 г. На правах рукописи. – Петроград, 1916. – Ч. II. – 26 с.
18. Список собственных предприятий военно-промышленных комитетов. – Петроград, 1917. – 18 с.
19. РГВИА. – Ф. 369. – Оп. 6. – Д. 2.
20. РГВИА. – Ф. 369. – Оп. 6. – Д. 2.
21. РГВИА. – Ф. 369. – Оп. 6. – Д. 276.
22. НИАБ. – Ф. 62. – Оп. 1. – Д. 2.
23. РГВИА. – Ф. 369. – Оп. 6. – Д. 284.
24. РГВИА. – Ф. 369. – Оп. 6. – Д. 325.
25. Адреса эвакуированных из Западного края промышленных предприятий и других учреждений. – М. : Типография Т-ва Рябушинских, 1916. – 36 с.
26. РГВИА. – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 568.

УДК 930(476)''19''(0.54)

Роль Белорусской исторической публицистики в формировании национальной концепции истории (1906–1915 гг.)

В.А. БЕЛОЗОРОВИЧ

Исследуются исторические публикации в газете «Наша Нива» с 1906 по 1915 гг. На основании анализа содержания статей определена роль еженедельника в формировании белорусской историографической концепции и национального самосознания у читателей газеты.

Ключевые слова: газета «Наша Нива», белорусская историография, историческая публицистика, национальная концепция истории.

The historical publications in the newspaper *Nasha Niva* from 1906 to 1915 are considered. Based on the analysis of the content of the articles, the role of the weekly in the formation of the Belarusian historiographic concept and national consciousness among readers of the newspaper was determined.

Keywords: *Nasha Niva* newspaper, Belarusian historiography, historical journalism, national conception of history.

Развитие белорусской историографии в досоветский период проходило в сложных исторических условиях. Официальные круги Российской империи не считали белорусов самостоятельным этносом, не ставили вопрос о возможном его политическом самоопределении, не признавали белорусский язык и культуру. Консолидация белорусов в нацию привела к институционализации белорусского движения, что проявилось в создании на рубеже XIX–XX вв. кружков, обществ, политических партий. Их деятельность определялась патриотической позицией немногочисленной на то время национальной интеллигенции. Поскольку в белорусско-литовских губерниях отсутствовали университет и студенчество как возможная либеральная среда, которая могла стать основой для формирования науки, то историческое знание оставалось на донаучном уровне.

Национальная историография начала XX в. была представлена исторической публицистикой. Представители белорусской интеллигенции группировались вокруг периодических изданий, из которых следует признать ведущим еженедельник «Наша Нива» (1906–1915 гг.).

Цель работы – раскрыть роль исторической публицистики (на примере еженедельной газеты «Наша Нива») в формировании концепции национальной истории. Источником для написания работы стали номера газеты «Наша Нива» с ноября 1906 по август 1915 гг. В отечественной историографии данная тема исследовалась фрагментарно при изучении влияния «Нашей Нивы» на развитие белорусской государственности и культуры. Немецкий исследователь Р. Линднер выделил особенности оформления исторической памяти белорусов в научное знание как один из этапов развития белорусской национальной идеи в начале XX в. [1, с. 99–109]. А.В. Унучек рассмотрел влияние «Нашей Нивы» на развитие белорусской национальной идеи [2]. Однако место исторической публицистики начала XX в. в формировании исторической науки Беларуси авторами не рассматривалось.

«Наша Нива» стала центром белорусского национального возрождения. Издание носило просветительский характер, его основатели стремились «зажечь свет в темноте» и «донести науку людям». В обращении редакции газеты к читателям отмечалось, что цель еженедельника – «экономический и культурный подъем белорусского края и культуры», чтобы каждый белорус знал «кто он такой», что «он человек и гражданин одного великого народа». За три года, предшествовавших первому июлю 1910 г., на страницах газеты было опубликовано 960 собственных корреспонденций из 489 населенных пунктов, 246 стихотворений 61 автора и 91 рассказ 36 корреспондентов. Отмечалось, что «сознательные белорусы» стали организовывать театры, хоры, библиотеки, покупать белорусские книги [3]. Только за 1910 г., по подсчетам Ш. Ядвигина, в «Нашей Ниве» было размещено 666 корреспонденций от 427 человек [4].

Немецкий исследователь Р. Линднер считал еженедельник немассовым изданием и привел пример трехтысячного тиража газеты в 1911 г. Однако следует обратить внимание на высокий процент неграмотного населения в белорусских губерниях Российской империи. Доля людей, умеющих читать и писать, составляла к началу XX в. лишь 25,9 % от общего количества взрослого населения и детей от 10 лет. Поэтому «Наша Нива» была рассчитана на представителей интеллигенции, которые, прочитав газету, могли передать ее содержание неграмотным крестьянам и жителям городов. Члены редакции констатировали факт, что местная интеллигенция отреклась от белорусского народа, стремилась «убить народное чувство в народных массах». Результатом подобного отчуждения стало увеличение количества ополяченных и обрусевших белорусов. Однако после выхода «Нашей Нивы» сформировалась сознательная часть национальной интеллигенции [5].

В редакционной статье «10 ноября 1906 г. – 10 ноября 1911 г.», посвященной пятилетию со дня выхода газеты, издатели сетовали на нехватку денег, на отсутствие белорусов среди депутатов III-й Государственной Думы, на недостаточный интерес к белорусской культуре со стороны земских учреждений Минской, Витебской и Могилевской губерний [6].

В то же время в публикациях прослеживается сравнительная параллель с украинской действительностью. Приводятся многочисленные примеры, свидетельствовавшие о массовом вовлечении украинской интеллигенции в национальное движение. Те же земства активно распространяли книги на родном языке. Автор статьи «Лісты з України» некто «Я.Г.» обратил внимание на роль театра М.Л. Кропивницкого (1840–1910) в популяризации украинского языка и литературы. Поэтому белорусы должны осознать роль театра в развитии национальной культуры, поскольку «забытая всеми Беларусь позже за Украину пошла по тропе национального развития...» [7]. Часто на страницах еженедельника фигурировала информация о выступлениях Белорусского музыкально-драматического кружка и передвижного театра И. Буйницкого. Театральные постановки «будили народ видимым знаком белорусского живого слова», ставили перед зрителем вопрос: «А кто я такой?» [8].

Также встречается призыв к развитию экскурсионной деятельности по родному краю, чтобы «спасти то, что еще живет в нашем народе». Приводился пример литовской молодежи, т. н. «шведов» – юношей, которые под руководством частных учителей готовились к экзаменам в 4-й класс. Летом, возвращаясь из городов в села, они пешком обходили родные места, чтобы познать народную культуру [9].

В № 42 за 1910 г. содержится обращение к учителям народных училищ (начальных школ) активно использовать, за отсутствием собственного, украинский педагогический журнал «Світло» [10]. Некто «Юлька из Молодова» в статье «Вялікі час» сравнила внешний облик украинской и белорусской деревни, отметив более высокий уровень бытовой культуры украинского села [11].

Издатели «Нашей Нивы» желали как можно быстрее сформировать национальную культуру белорусов. А «наиболее легкий путь к культурной жизни народа» предусматривал распространение белорусского языка, письменности и искусства [10]. По мнению редакции, белорусский крестьянин жил долгие годы безмолвной жизнью, но, в результате развернувшегося белорусского национального движения, народ понял, что сила его в самостоятельности. Белорусский язык из крестьянской среды постепенно стал проникать в иные сферы общественной жизни. Однако сохранились две области, закрытые для родного языка, – это школа и церковь. Учителям было запрещено употреблять белорусский язык, а религиозный дуализм (католики – поляки, православные – русские) не содействовал развитию белорусского самосознания [12].

Когда в польской газете «Przyjacieł» автор статьи высказал опасение, что использование белорусского языка в католическом богослужении приведет к русификации прихожан, то в ответ В.Ю. Ластовский привел пример издания большого количества католических религиозных книг на белорусском языке. Он напомнил об инструкции, выданной Могилевской архидиаконией 25 января 1794 г., согласно которой ксендзы были обязаны использовать белорусский язык. В.Ю. Ластовский задал риторический вопрос: «Почему правительство в 1839 г. запретило в костелах вести богослужение на белорусском языке?» [13]. С другой стороны, он придерживался позиции о денационализации белорусов православными священниками [14].

Однако главным фактором формирования национального самосознания белорусского народа редакция «Нашей Нивы» считала национальную историю. Поэтому историческая проблематика стала одной из главных тем еженедельника.

На первой странице первого номера газеты был размещен фотоснимок «замчышча Лішкеў» на берегу Немана в Сувалковской губернии. Анонимный автор «Шчасны» отмечал, что замчище относится к XI в., что там короновался Миндовг «каралём Літвы і Белай Русі» [15]. В № 2 тот же автор на фоне руин Новогрудского замка вновь писал о коронации Миндовга, о Новогрудке как первой столице Великого Княжества Литовского, о том, что там жил «пясняр нашага краю» Адам Мицкевич [16].

Один из первых разработчиков национальной истории В.Ю. Ластовский обратил внимание на древние народные верования, обряды, традиции и на происхождение белорусов.

В статье «Колькі слоў аб даўнай веры беларусоў» он считал прародителем всего сущего Кона, который предопределил богов, людей, землю, моря, животных, растения. В древности его изображали в виде фигуры из трех ужей, сплетенных в единое целое хвостами и развернутыми головами. Жизнь людей определяли две силы: добро, символом которого было солнце, и зло (ночь, темнота). Каждая сила имела своих духов. Предки белорусов верили, что души добрых людей остаются в домах («на покуці»), а души злых людей находятся под землей. Страдающие души выходят наружу только весной в виде русалок, казыток.

В.Ю. Ластовский определил белорусский пантеон богов. Главными из них он считал бога правды, судов, справедливости «Рока», бога добра и порядка «Ладо», бога милости и любви ближнего «Ессе». К второстепенным богам относились Перун, Волос, Световид, Радогост (бог купцов). По мнению В.Ю. Ластовского, от слова «рок» произошел термин «урочище», т. е. место поклонения богам. Там до середины XVII в. вершили суд, возможно, копный суд. Поэтому белорусы называли древний суд «роком». В урочищах девушки ворожили, используя сосуд с водой. Считалось, что вода способна показать все обиды человека.

Автор отмечал, что в древности белорусы жили общиной, состоящей из сорока семей. В качестве примера магического значения числа сорок В.Ю. Ластовский привел обычай, сохранившийся в Могилевской губернии. При пошиве рубахи и «казакина» крестьянка должна была застрочить не менее сорока складок на изделии [17].

В статье «Купальле» В.Ю. Ластовский предложил праздник Ивана Купалы сделать белорусским национальным праздником. Купалье – это праздник солнца, «полноты силы природы». Солнце в образе юноши вступает в брак с девушкой (богиней леса). У белорусов сохранился обычай в купальскую ночь организовывать в лесу игрища, жечь костры, пускать венки на воде. В эту ночь зацветает папоротник, а закопанные в землю клады светятся синим огнем, деревья разговаривают между собой [18].

На страницах еженедельника В.Ю. Ластовский стремился доказать древность, а тем самым самостоятельность белорусского народа. На его родине, Витебщине, сохранились предания о мифических волотах, захороненных в длинных курганах. На этой основе автор сформировал теорию происхождения белорусских фамилий (родов). По его мнению, последним из волотов был князь Бой, имевший семь жен. От них произошли 160 родов [19]. Как мы видим, исторический отдел в газете «Наша Нива» полностью курировал В.Ю. Ластовский. Он формировал у читателей концептуальное видение отечественной истории путем публикации как отдельных узкотематических статей, так и серии статей из рукописи, подготовленной к изданию книги «Кароткая гісторыя Беларусі».

Спорадическое обращение к событиям белорусской истории было обусловлено юбилейными датами. Например, в 1910 г. исполнялось 500 лет Грюнвальдской битве. В редакционной статье «1410–1910» был размещен портрет великого князя литовского Витовта и приведена обширная цитата из «Хроники Быховца» о знаменитом сражении. Редакционная позиция определялась признанием самостоятельного в XV в. Литовско-Белорусского государства, т. е. наличием белорусской государственности и культуры. Было отмечено, что «прошло 20 поколений, заросли могилы, но должны их помнить, чтобы наши внуки помнили о нас» [20].

В 1913 г. отмечали 500-летие Городельской унии. Этому событию В.Ю. Ластовский посвятил две статьи: «Наша старая слава» и «Городэльская уния». В них автор поднял проблему особого исторического пути белорусского народа. Подобный подход к историческому процессу не является феноменальным, присущим только белорусской историографии. На рубеже XIX–XX вв. представители украинской, литовской историографии так же стремились найти свой, национальный, исторический путь, отдельный от великорусской истории. Этноцентризм исходил из особенностей национального характера народа.

В.Ю. Ластовский считал характер белорусов добродушным, благоразумным и молчаливым, русских – широким и размашистым, украинцев – задумчиво-гулящим, поляков – легкодумно-хитрым, литовцев – подозрительно-скрытным. За белорусами еще в XII в., когда было написано «Слово о полку Игореве», закрепились слава пророков, ворожеев и знахарей. Поэтому соседи смотрели на них с подозрительностью и страхом. Автор приводит пример отправки киевским князем Владимиром своего сына Изяслава в Полоцкую землю. В.Ю. Ластовский отметил «правдивый белорусский характер» князя Всеслава Чародея. Поскольку князь много вынес горя, то и белорусы должны были «много вытерпеть».

Испытанием народа на прочность стала Городельская уния 1413 г. Историк акцентировал внимание на том, что союз двух государств заключался на равноправной основе – «как вольные с вольными». Но впоследствии Польша подчинила Великое Княжество Литовское, «перетянула к себе белорусское и литовское боярство». Причину разрыва равновесия В.Ю. Ластовский привел весьма субъективную с точки зрения профессиональной историографии. Он считал, что «Бог больше интересовался польскими делами, да и правовая польская система была сильнее» [21]. Фактически Княжество заработало на унии, «как Зблосцкий на мыле» [22].

Интересовали В.Ю. Ластовского и отдельные аспекты социальной истории Беларуси, в частности сословия. Автор назвал их «станами» и писал о том, что сословное положение определялось не социальным статусом отца или деда, а повинностью, которую человек выполнял перед государством [23]. Проанализировав земские суды, историк отрицал феноменальность земских судов ВКЛ в XVI в. Их прототипом он считал грамоты на внутреннее самоуправление, выданные князем Витовтом [24]. А вот истоки копных судов В.Ю. Ластовский «увидел» в практике городского вече эпохи Древней Руси [25].

Особое внимание на страницах «Нашей Нивы» уделялось формированию пантеона белорусских национальных исторических деятелей. В № 20 за 1910 г. была размещена статья Винцука Цитовича «Святая Ефрасіння – княжна Полацкая», обусловленная передачей мощей Евфросиньи Полоцкой из Киева в Полоцк. Автор назвал Полоцк «сталічным горадам вялікага беларускага народу». Также В. Цитович определил свою политическую позицию: «Пакінула яна свой Полацк багатым і слаўным, – знойдзе цяпер руіну, абломкі даўняга вяліччя, Лазара ў абрыўках княжацкай бармы, – пакінула свой народ гордым і вольным, каторы любіў і шанаваў свой княжацкі род, але слухаўся толькі веча – народнага голасу; пакінула ў росквіце сіл яго, – знойдзе цяпер заспаным, прыніжаным і прыбітым доўгай нядоляй; пакінула яго светлым, развітым, свядомым грамадзянінам, – знойдзе толькі цёмныя масы, каторыя імені свайго забыліся...» [26].

В еженедельнике были опубликованы биографические статьи как об общественных деятелях, так и о представителях литературы XIX в. Анонимный автор попытался ввести в ранг национального героя одного из руководителей тайной организации «Демократическое общество» Шимона Конарского. Его гражданская позиция определялась интересами крестьян, их желанием ликвидировать барщину и осуществить земельный передел. Возможно, факт расстрела Ш. Конарского в 1839 г. в Вильно содействовал его «героизации» [27].

К «звездам белорусского возрождения» Р. Земкевич отнес личность Адама Киркора. Автор отметил заслуги этого общественного деятеля, сочетавшего в себе археолога, историка и журналиста, перед Беларусью. А. Киркор не писал по-белорусски, но имел белорусское происхождение, возглавлял белорусский литературный кружок, участвовал в организации «первого белорусского собрания писателей» (съезд шляхты в 1858 г. в Вильно, предложивший Александру II отменить крепостное право и издавать книги для белорусского народа) [28].

Из литературных деятелей дань уважения отдавалась Адаму Мицкевичу, который «искренне описал прелесть «Литвы» – Белорусско-Литовского края» [29], «наднеманскому соловью» Владиславу Сырокомле, писавшему по-польски, но имевшему дух белорусский [30].

Отцом белорусской литературы был назван Винцент Дунин-Мартинкевич – белорус, принявший польскую культуру и живший в окружении ополяченной интеллигенции. Поэт «вжился в душу простого крестьянина, понял его мысли, его горе, его тайные душевные желания...». Ему, фактически единственному из литераторов первой половины XIX века, удалось опубликовать произведения, написанные «хамским» языком в условиях жесткой цензуры. Р. Земкевич вслед за А. Ельским и М. Довнар-Запольским приписывал В. Дунину-Мартинкевичу авторство поэмы «Тарас на Парнасе» [31]. Со страниц «Нашей Нивы» можно узнать, что первым белорусским писателем следует считать не Игната Маньковского, а Яна Борщевского. В 1809 г. он написал стихотворение «Ах, чым жэ твая, дзеванька, галоўка занята» [32]. Отдельная статья «Пятрок с Крошына» посвящена Павлюку Багриму – поэту крестьянского происхождения [33].

Историческое толкование прошлого белорусов прослеживается в серии заметок «Немного интересных слов», появившейся в еженедельнике в 1914–1915 гг. Их автором был В.Ю. Ластовский. Он приводил интересные даже для нас, людей XXI в., факты. Например, слово «друк» означало «палка», кол с сучками для просушки льняных головок перед молотью (Дисненский повет) [34].

Чтобы пробудить интерес читателей к истории, редакция «Нашей Нивы» приветствовала краеведческие заметки и статьи, которые сегодня могут быть ценным историческим источником по реконструкции повседневной жизни местных жителей. Ш. Ядвигин описал Любчу, Сенно, Щорсы [35]. Никита Аррамчик обратил внимание на сохранившиеся исторические места и реликты в местечке Романово Слуцкого повета [36]. В.Ю. Ластовский раскрыл историю города Быхова [37], Гродно [38], Вильно [39]. Еще в № 28 за 1907 г. на первой странице редакторы еженедельника поместили фотографию Вильно, назвав город «давним столичным местом Литвы и Белой Руси».

Учитывая невысокий уровень образованности населения, слабую информационную связь между городом и деревней, патриархальность жизненного уклада крестьян, отсутствие у них потребности в постоянном притоке новой информации, авторы статей использовали понятия, образы, слова, доступные для восприятия белорусами. Белорусский народ представлял перед читателями безысторическим, забытым Богом. Его жизнь ассоциировалась с «темнотой», «кладбищем», «одинокими придорожными крестами». Тишка Гартный писал, что «уся гісторыя яе [Беларусі] – адна цёмная восеньская ноч», а «наша радзіма, мілая Беларусь, быццам, спіць нейкім моцным, глухім сном» [40]. Основу «пробуждения» белорусов национальная интеллигенция видела не в формировании государственности, а в народной культуре. Поэтому исторический путь народа предопределялся его исторической судьбой. Поскольку белорусы были набожными людьми, верили в приход Мессии, то национальное возрождение увязывалось с «духовным воскрешением». Сергей Полуян сравнивал путь белорусского народа с судьбой Иисуса Христа: «Хрыстос быў с табой у тваіх муках, і ён разам з табой цягнуў іх. Колькі разоў распіналі Яго с табой! Больш разоў, чым ёсць пясчынак на дне мора! Але кожнага года па ўсёй Беларускай зямлі разносіўся клік: «Хрыстос Уваскрэс!»... І ты ўваскрэсьнеш, мой родны краю...» [41]. В силу отсутствия сложившейся исторической научной традиции, историческая судьба белорусов была связана с христианской теологией.

На страницах «Нашей Нивы» публиковались отдельными фрагментами [42], а в 1910 г. вышла отдельной книгой «Короткая гісторыя Беларусі» В.Ю. Ластовского [43]. В статье «Беларуская справа на чацвёртым гаду жыцця «Нашае Нівы» было отмечено, что «дождались белорусы давно ожидаемой и желанной «Короткой гісторыі Беларусі» Власта», что «белорусский народ пойдет по пути возрождения национальной культуры и национальной души» [44].

В книге впервые история белорусов представлена концептуально как история отдельного и самостоятельного народа. Автор свел известные ему научные факты об истории белорусских земель в единую схему. Проведенная компиляция была обусловлена вызовами, обусловленными общественно-политической ситуацией, а не научной потребностью, исходившей от ученого сообщества.

В.Ю. Ластовский представил историю Беларуси в пяти этапах: с древнейших времен по современный ему период Российской империи. Сам автор поддерживал мысль, что прошлое белорусов определяется беспамятством и рабством: «Мы были всегда только рабами...» [45]. Исторический процесс трактуется не в оптимистическом духе французского Просвещения, а пессимистично и тревожно, поскольку история Беларуси подавалась В.Ю. Ластовским как саморазвитие общественного самосознания, как инструмент прекращения «летаргического сна» народа, как возможность национального пробуждения. В итоге сложилась концепция упадка белорусского этноса после 1569 г. На смену «золотому веку» пришли три столетия национальной дискриминации, когда белорусский народ был лишен возможности для своего свободного развития. В.Ю. Ластовский придерживался стратегии исторической мобилизации, чтобы белорусы, прочитав его книгу, захотели изменить свою историческую судьбу.

В целом, историческая публицистика на страницах еженедельника «Наша Нива» содействовала реализации основной задачи белорусского движения – национально-культурного возрождения народа. Помимо теоретического и исторического обоснования права белорусов на собственный язык и культуру, была сформирована первая концепция его национальной истории. Многие ее положения носили умозрительный характер и не были подтверждены профессиональной историографией. Прослеживается зависимость исторических конструкций и выводов от степени образованности населения и общественно-политической ситуации, политических задач, реализуемых авторами. Положения о самостоятельном «белорусском племени» и самостоятельной белорусской истории, высказанные М.В. Довнар-Запольским в 1888 г. в газете «Минский листок» [46], не стали предметом научных дискуссий и не обсуждались на страницах периодической печати. Только газета «Наша Нива», твердо придерживаясь национальной позиции, публиковала исторические статьи, которые впервые сформировали в сознании молодой белорусской интеллигенции, а за ней и более широких слоев общества (крестьянства), концептуальное видение отечественной истории.

Литература

1. Ліндэр, Р. Гісторыкі і ўлада : нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / Р. Ліндэр ; пер. з ням. Л. Баршчэўскага. – Мінск : Бел. Гіст. Агляд, 2005. – 538 с.
2. Унучак, А.У. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906 – 1915 гг.) / А.У. Унучак ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 184 с.
3. Да чыгачоў // Наша Ніва. – 1910. – 1 ліп. – С. 1–3.
4. Бульба, А. Наш рахунак за мінулы год / А. Бульба // Наша Ніва. – 1911. – 10 лют. – С. 2–3.
5. Ясеновіч, С. Беларуская літэратура у 1909 гаду / С. Ясеновіч // Наша Ніва. – 1910. – 11 лют. – С. 4–6.
6. 10 мая 1906 г.–10 мая 1911 г. // Наша Ніва. – 1911. – 10 ліст. – С. 1–2.
7. Я.Г. Лісты з Украіны / Я.Г. // Наша Ніва. – 1910. – 18 лют. – С. 8–9.
8. Бульба, А. З нашага жыцця / А. Бульба // Наша Ніва. – 1911. – 29 верас. – С. 4–6.
9. Экскурсіі і іх культурнае значэнне // Наша Ніва. – 1910. – 6 мая. – С. 3–4.
10. Г.Б. Родная мова і яе культурнае значэнне / Г.Б. // Наша Ніва. – 1910. – 14 кастр. – С. 4–6.
11. Юлька з Молодова. Вялікі час / Юлька з Молодова // Наша Ніва. – 1911. – 1 сн. – С. 5–7.
12. а-н-а. Беларуская мова ў апошнім пяцігоддзі / а-н-а // Наша Ніва. – 1911. – 10 ліст. – С. 2–4.
13. Власт. Спаткаліся / Власт // Наша Ніва. – 1911. – 1 сн. – С. 3.
14. Власт. У справе мовы ў цэрквах / Власт // Наша Ніва. – 1912. – 25 студз. – С. 2.
15. Шчасны. Замчышчэ Лішкоў / Шчасны // Наша Ніва. – 1906. – 10 ліст. – С. 1.
16. Шчасны. Замчышчэ у Новагрудку / Шчасны // Наша Ніва. – 1906. – 17 ліст. – С. 1.
17. В.Л. Колькі слоў аб даўнай веры беларусоў / В.Л. // Наша Ніва. – 1910. – 8 крас. – С. 4–6.
18. Власт. Купальне / Власт // Наша Ніва. – 1911. – 1 ліп. – С. 6–7.
19. Верэшка, Ю. Беларускі радавод / Ю. Верэшка // Наша Ніва. – 1913. – 20 крас. – С. 3.
20. 1410–1910 // Наша Ніва. – 1910. – 8 ліп. – С. 1–2.
21. В. Наша старая слава / В. // Наша Ніва. – 1913. – 19 ліп. – С. 1–2.
22. Верэшка, Ю. Городэльская унія / Ю. Верэшка // Наша Ніва. – 1913. – 10 кастр. – С. 1.
23. В.Л. Станы ў старой Беларусі / В.Л. // Наша Ніва. – 1912. – 5 ліп. – С. 2–3.
24. В.Л. Земскія суды / В.Л. // Наша Ніва. – 1912. – 22 сак. – С. 3.
25. В.Л. Копныя суды / В.Л. // Наша Ніва. – 1912. – 14 чэрв. – С. 3–4.

26. Цітовіч, В. Сьвятая Еўфросінія княжна Полацкая / В. Цітовіч // Наша Ніва. – 1910. – 13 мая. – С. 4–5.
27. Х. Сымон Канарскі / Х. // Наша Ніва. – 1907. – 4 чэрв. – С. 5–6.
28. Земкевіч, Р. Адам Гоноры Кіркор / Р. Земкевіч // Наша Ніва. – 1911. – 8 сн. – С. 4–9.
29. З «Пана Тадэуша» А. Міцкевіча // Наша Ніва. – 1907. – 21 чэрв. – С. 1.
30. Власт. Людвік Кондратовіч (Сырокомля) / Власт // Наша Ніва. – 1912. – 6 верас. – С. 4.
31. Земкевіч, Р. У 25-летнюю гадаўшчыну сьмерці В. Дунін-Марцінкевіча / Р. Земкевіч // Наша Ніва. – 1910. – 25 ліст. – С. 1–11.
32. Земкевіч, Р. Ян Баршчэўскі, першы беларускі пісьменьнік XIX стагодзьдзя / Р. Земкевіч // Наша Ніва. – 1911. – 22 сн. – С. 10–14.
33. Пятрок с Крошына // Наша Ніва. – 1911. – 28 ліп. – С. 5–7.
34. В.Л. Крыху цікавых слоў / В.Л. // Наша Ніва. – 1914. – 18 сн. – С. 3.
35. Ядвігін, Ш. Лісты з дарогі / Ш. Ядвігін // Наша Ніва. – 1910. – 29 ліп. – С. 3–4.
36. Аррамчык, М. З Слуцкаго павету / М. Аррамчык // Наша Ніва. – 1911. – 29 верас. – С. 8–11.
37. Власт. З мінуўшчыны гораду Быхова / Власт // Наша Ніва. – 1911. – 8 верас. – С. 6–7.
38. Ю.В. Горадня / Ю.В. // Наша Ніва. – 1915. – 22 мая. – С. 2–3.
39. Ю.В. Вільня / Ю.В. // Наша Ніва. – 1915. – 19 чэрв. – С. 2–3 ; 9 ліп. – С. 3–4 ; 7 жн. – С. 2–3.
40. Гартны, Ц. Думкі беларуса / Ц. Гартны // Наша Ніва. – 1909. – 13 жн. – С. 7–9.
41. Полуян, С. Хрыстос Уваскрос! / С. Полуян // Наша Ніва. – 1910. – 15 крас. – С. 1–2.
42. Власт. Кароткая гісторыя Беларусі / Власт // Наша Ніва. – 1910. – 1 студз. – 21 мая.
43. Ластоўкі, В. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ластоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1993. – 126 с.
44. Беларуская справа на чацвёртым гаду жыцьця «Нашае Нівы» // Наша Ніва. – 1910. – 11 ліст. – С. 7–9.
45. В.Л. Памяці Сяргея Полуяна / В.Л. // Наша Ніва. – 1910. – 29 крас. – С. 2–4.
46. Довнар-Запольскі, М. Беларуское прошлое / М. Довнар-Запольскі // Homo historicus 2008. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / пад. рэд. А.Ф. Смаленчука з удзелам І.М. Дубянецкай. – Вільня : ЕГУ, 2008. – С. 304–335.

УДК 327:330:341

Особенности развития пакистано-китайских отношений в начале XXI века

И.В. ГОРОБЕЦ

Рассмотрены политические аспекты особенностей развития пакистано-китайских отношений на современном этапе. Китай воспринимает Пакистан как фактор сдерживания развития Индии. Проблемы в пакистано-китайских отношениях обусловлены нестабильностью внутривнутриполитического развития Пакистана, фактором радикального экстремистского исламизма, что имеет ключевое значение для проблемной китайской провинции Синьцзян. Вопреки противоречиям, Пакистан остается приоритетным направлением китайской политики в Южной Азии.

Ключевые слова: Пакистан, Индия, Китай, радикальный исламизм, Синьцзян.

The political aspects of the development of modern Pakistani-Chinese relations are considered. China sees Pakistan as a deterrent to the development of India. The problems in the relations between China and Pakistan are caused by the instability of Pakistan's internal political development, and the factor of radical Islamic extremism, which is crucial for the troubled Chinese province of Xinjiang. In spite of all contradictions, Pakistan remains the priority of Chinese foreign policy in Eastern Asia.

Keywords: Pakistan, India, China, Islamic radicalism, Xinjiang.

Со времени проведения в мае 1998 г. в Индии и Пакистане испытаний ядерного оружия ситуация в Южной Азии остается в фокусе внимания международного сообщества. Это эпохальное историческое событие существенно изменило параметры системы международных отношений в регионе. Пакистан хотя бы частично восполнил ассиметричность в своих отношениях с Индией (по экономическому, демографическому, военному и ресурсному потенциалам). В свою очередь Индия учитывает особенности развития пакистано-китайских отношений в своих стратегических расчетах.

Объект исследования – пакистано-китайские отношения на современном этапе своего развития.

Цель статьи – показать особенности эволюции двусторонних пакистано-китайских отношений и их влияние на соотношение сил в регионе Южной Азии и в Азии в целом.

Методы исследования представлены проблемно-хронологическим, компаративным методами. Фактический материал статьи проанализирован с точки зрения исторического проблемно-хронологического подхода. Также проведено сравнение эволюции пакистанско-китайских отношений со стратегическими тенденциями развития индийско-пакистанских и индийско-китайских отношений.

Историографический обзор. Китайская гуманитарная наука уделяет много внимания истории отношений с Пакистаном. Возрастание стратегического значения для Исламабада и Пекина двусторонних отношений обуславливалось их напряженным отношением с Индией. Китай и Пакистан имеют территориальные проблемы с Индией. Пакистан воевал с Индией за Кашмир в 1948, 1965, 1972, 1999 гг. Индийско-китайская война за спорные районы в Гималаях пришлась на 1962 г. [1, с. 40–51]. В 1960-х гг. пакистано-китайские отношения стали стремительно развиваться. Китай рассматривал их с точки зрения своих отношений со странами Третьего мира. Одновременно Пакистан стал важен для КНР как фактор сдерживания Индии. Значение региона Южной Азии сохраняется для КНР и в условиях глобализации [2, с. 26]. Интересно, что индийский исследователь Параг Хана классифицирует Китай и Пакистан как страны, принадлежащие к так называемому Второму миру [3, с. 201]. Однако, по нашему мнению, такая классификация не учитывает тот факт, что Китай является общепризнанным претендентом на роль глобальной мировой державы. Причем роль Пакистана, как привилегированного стратегического партнера Китая, играет значительную роль в этой борьбе Китая за глобальное лидерство.

В научной литературе, представленной работами пакистанских исследователей, также признается существенное значение отношений с Китаем. Например, Хасан Хагани показал значение военно-технического пакистано-китайского сотрудничества [4, с. 111]. Показательно, что это сотрудничество не претерпело существенных изменений и после пакистанского испытания ядерного оружия [5, с. 34]. Российские исследователи истории Пакистана также обращают внимание на стратегическое значение для Пакистана его отношений с Китаем [6].

Результаты и их обсуждение. По нашему мнению, поворотным моментом в эволюции пакистано-китайских отношений стали теракты 11 сентября 2001 г. в США. После этого США вмешались в дела Афганистана, и афганская проблематика в пакистано-китайском сотрудничестве претерпела изменения. Напомним, что в 1979–1988 гг. Пакистан и Китай интенсивно сотрудничали между собой и с США в противостоянии советской армии в Афганистане. Однако, начиная с 2002 г., Афганистан превратился в плацдарм США для контроля ситуации в Евразии в целом. Особую обеспокоенность Китая вызвала близость к Афганистану китайской провинции Синьцзян. В частности, Пекин обеспокоен проникновением в свою провинцию идей радикального ислама. Тем не менее, Пакистан остается для Китая стратегически важным партнером. Через Ладакх (район вблизи Кашмира) проходит стратегическое шоссе, выводящее китайские товары транзитом в пакистанский порт Карачи. Масштабное присутствие Китая в Пакистане, который имеет выход в Аравийское море, приближает Китай к стратегическим путям транзита нефти из района Персидского залива. Индия воспринимает пакистано-китайский стратегический союз как историческую данность, которую в обозримом будущем не изменить, но факт наличия которого необходимо учитывать. Ответом Индии на эту региональную реальность стало замирение с Китаем. Эта тенденция особенно интересна, учитывая, что США с начала 1990-х гг. пытались использовать Индию как инструмент сдерживания глобальных амбиций Китая. Тем не менее, руководство Индии и Китая оказалось мудрее этих расчетов. Пекин и Дели вернулись к идее мирного сосуществования, которая четко была сформулирована в Бандунге в 1955 г. Нормализация индийско-китайских отношений актуализировала идею подключения Индии и Пакистана к Организации Шанхайского сотрудничества, которая в перспективе может играть роль азиатской организации по безопасности и сотрудничеству. Это особенно важно, ибо острые индийско-пакистанские противоречия фактически парализовали плодотворную работу в формате Ассоциации сотрудничества государств Южной Азии.

Существенным фактором, влияющим на развитие международных отношений в Азии, остаются США. Вашингтон, начиная с 2001 г., с переменным успехом пытается выстроить систему сдержек и противовесов в Евразии. Поэтому чрезмерное сближение Пакистана и Китая, собственно, как и Китая с Индией, не отвечают потребности эффективности такой геополитической стратегии США. Инструментом дестабилизации ситуации в Южной Азии остается Пакистан. Этому государству свойственны существенные противоречия в развитии: стремительный демографический рост, низкие темпы развития экономики с одновременными высокими расходами на военные нужды, внутривластная нестабильность на фоне постоянной борьбы за власть между пакистанскими военными и светскими политиками. За полвека особого партнерства с Пакистаном Китай смог выстроить стройную систему своего влияния на светские и военные пакистанские элиты. Пекин для Исламабада фактически стал главным международным партнером, от развития отношений с которым зависят перспективы сохранения стабильности в Пакистане. Эта тенденция подтверждается решением администрации президента США Дональда Трампа не предоставлять Пакистану в 2018 г. 250 млн. военной помощи. Причина такого решения Вашингтона в оценочных суждениях, обоснованных на выводах о недостаточном сотрудничестве Пакистана с США в вопросах противодействия международному исламскому терроризму [7]. Показательно, что фактор исламского терроризма, который закоренился в Пакистане, беспокоит и Китай. Исламский фактор в китайской провинции Синьцзян остается сильным раздражителем. Радикалы уйгуры часто реагируют синхронно с исламской общественностью. Так было на фоне «арабской весны» 2011 г., когда внутривластная нестабильность стала заметной в большинстве стран Ближнего Востока. Показательно, что Китай дипломатически последовательно поддержал борьбу с «Исламским государством Ирак и Леванта» на территории Сирии и Ирака. Многие пакистанские исламские радикалы симпатизируют идее возрождения Халифата как опти-

мальной формы существования исламской цивилизации. Китай и США пытаются по-разному влиять на пакистанские светские и военным элиты, подвигая их к более последовательной борьбе против исламского радикализма. В свою очередь, пакистанские элиты рассматривают Китай как фактор нейтрализации чрезмерного «либерального» влияния США на Пакистан.

При президенте США Б. Обаме Пакистан мог себе позволить шантажировать Вашингтон блокированием транзита грузов из пакистанских портов в Афганистан. Пик обострения пакистанско-американских отношений пришелся на ликвидацию американским спецназом Усамы бин Ладена. Однако США пытались при Б. Обаме не допустить превращения оси Исламабад – Пекин в антиамериканский инструмент ограничения влияния США в Азии [8]. Однако во второй президентский срок Б. Обамы пакистанско-американские отношения ухудшались по мере углубления стратегического содержания пакистанско-китайских отношений. Причем обострение китайско-американской конкуренции за монопольное влияние на Пакистан стало дополнительным фактором дестабилизации внутривосточного положения в Пакистане [9]. Накануне президентских выборов 2016 г. в США Китай фактически выиграл конкуренцию у Вашингтона за влияние на Пакистан. Не в последнюю очередь так произошло из-за американской политики ограничения практики продажи современного оружия Пакистану. Китай, который включил пакистанский порт Гвидар в составляющую своего проекта «Один пояс, один путь», заинтересован в надежной охране этого торгового пути. Поэтому не удивительно, что, вопреки критике со стороны США и Индии, Китай продает оружие Пакистану. Речь идет даже о подводных лодках, которые позволяют Пакистану асимметрично отвечать военно-морским силам Индии в Аравийском море [10]. С точки зрения современной китайской внешнеполитической стратегии сохранение баланса сил региональных великих держав в Азии является условием для сбережения мирных условий развития китайской экономики. Такой стратегический курс утвержден XIX съездом Коммунистической партии Китая [11]. Свидетельством этого является успех китайской дипломатии в привлечении Пакистана к функционированию «Шанхайской организации сотрудничества». Кроме Пакистана, в 2017 г. к этой организации присоединились Индия и Иран. Вопреки тезисам З. Бжезинского, который предостерегал США от появления в Евразии союза государств, способного кинуть вызов американскому доминированию в Евразии, американской дипломатии по факту не удалось предотвратить появление такой организации. Тем не менее, администрация президента США Д. Трампа пытается играть на противоречиях между ведущими азиатскими государствами. 8 мая 2018 г. США вышли из режима соглашения 2016 г. с Ираном по иранской ядерной программе. Показательно, что ни Китай, ни Индия, ни Пакистан не признали возможным идти в иранском вопросе в фарватере американской внешней политики. Пакистан последовательно доказывает свое ответственное поведение в сфере нераспространения ядерного оружия и отрицает любое сотрудничество с шиитским Ираном в процессе реализации ядерного проекта. На сайте МИД Пакистана в этом контексте представлена программа гарантирования режима безопасности пакистанской ядерной программы [12].

9 июня 2018 г. в китайском портовом городе Циндао с участием президента Пакистана М. Хусейна и премьер-министра Индии Н. Моди прошел саммит «Шанхайской организации сотрудничества». Китайская дипломатия эффективно воспользовалась этим случаем для демонстрации высокого качества китайско-пакистанских и китайско-индийских отношений. На этом акцентировалось внимание на переговорах Ху Цзиньтао с президентом Пакистана М. Хусейном [13]. Сайт МИД Индии так же в позитивных тонах прокомментировал участие премьер-министра Н. Моди в саммите ШОС в Циндао [14].

Китай становится равнодействующей силой стабилизации ситуации в Южной Азии. Такая роль Китая также органично вписывается в стратегию стабилизации геостратегической ситуации в Азии в целом. 12 июня 2018 г. на встрече в Сингапуре президента США Д. Трампа и северокорейского лидера Ким Чен Ына шла речь о денуклеаризации КНДР. Однако, отказ от ядерного оружия не является приемлемым выходом из ситуации для официально ядерных держав-членов ШОС – Индии и Пакистана и потенциальной ядерной державы Ирана. США пытаются представить северокорейский прецедент как универсальный инструмент решения проблемы «суннитской ядерной бомбы» в случае с Пакистаном или гипотетической «шиитской ядерной бомбы» на примере Ирана. Китайская дипломатия и российская дипломатии склон-

ны учитывать тенденцию легализации пакистанской и иранской ядерных программ, а их членство в ШОС таковым решением фактически является, как проявление глобальной тенденции превращение однополярного мира в многополярную систему международных отношений. В этом контексте современные пакистанско-китайские отношения могут играть роль важной оси такой многополярной системы международных отношений в ее азиатском измерении.

Заключение. Таким образом, особенности развития пакистано-китайских отношений на современном этапе опровергают выводы С. Хантингтона о несовместимости ценностных ориентиров мусульманской и китайской цивилизаций. Оказывается, что здравый смысл рационально понимаемых государственных интересов в логике политического реализма оправдывает неожиданные межгосударственные союзы. Если в условиях «холодной войны» КНР строила отношения с Пакистаном на основе сдерживания влияния СССР в Южной Азии и зеркального противодействия влиянию Индии на Движение Неприсоединения, то на современном этапе Пакистан стал для Китая стратегическим узлом в Аравийском море и Индийском океане (с целью нейтрализации союза великих демократий, таких как США и Индия). За полвека Пакистан и Китай выстроили инфраструктуру стратегического партнерства, которая опирается на взаимную заинтересованность элит и объективные государственные интересы двух стран. Показательно, что Китай инициировал присоединение не только Пакистана, но и Индии в Организацию Шанхайского сотрудничества, что формирует в Южной Азии один из полюсов формируемой многополярной системы международных отношений.

Литература

1. Чжан Байцзя. Исторический обзор эволюции внешнеполитических отношений Китая в период осуществления реформ и политики расширения внешних связей / Чжан Байцзя // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 6. – С. 40–51.
2. Гао Шучинь. Внешняя политика КНР в условиях глобализации / Гао Шучинь // Азия и Африка сегодня. – 2004. – № 3. – С. 25–28.
3. Ханна Параг. Второй мир / Ханна Параг; пер. с англ. – М., 2010. – 616 с.
4. Haqqani Hasan. Pakistan: Between Mosque and Military / Haqqani Hasan. – Washington, 2005. – 297 p.
5. Hafeez, M. Pakistan: founders aspirations and today's realities / M. Hafeez. – Oxford, 2001. – 468 p.
6. Энциклопедия Пакистана. – М., 1998. – 639 с.
7. Statement by the Press Secretary on Lashkar-e-Tayyiba Leader [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements-press-secretary-lashkar-e-tayyiba-let-leader/>. – Date of access : 02.12.2017.
8. Малеев, В.А. Пакистан – Китай – США: взаимодействие ради стабильности? [Электронный ресурс] / В.А. Малеев. – Режим доступа : <https://www.journal-neo.org/2013/04/11/pakistan-kitaj-ssha-vzaimodejstvie-radi-stabil-nosti/>. – Дата доступа : 25.11.2017.
9. Куликов, В. Пакистан превращается в арену борьбы США с Китаем [Электронный ресурс] / В. Куликов. – Режим доступа : <https://www.ru-journal-neo.org/2015/04/27/pakistan-prevrashaetsya-v-arenu-borby-ssha-s-kitaem/>. – Дата доступа : 25.11.2017.
10. Терехов, В. Китай продает Пакистану подводные лодки [Электронный ресурс] / В. Терехов. – Режим доступа : <https://www.ru-journal-neo.org/2015/10/21/kitaj-prodaet-pakistanu-podvodnye-lodki/>. – Дата доступа : 02.12.2017.
11. Дейч, Т.Л. XIX съезд КПК: значение для Китая и его внешней политики / Т.Л. Дейч // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 5. – С. 11–18.
12. Pakistan's Nuclear Security Regime [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.mofa.gov.pk/documents/PNSR.pdf>. – Date of access : 02.12.2017.
13. President Mamnoon Hussain and President Xi Jinping agreed to strengthen all weather strategic cooperative partnership between Pakistan and China [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.mofa.gov.pk/pk-detals.php>. – Date of access : 02.12.2017.
14. Prime Minister departs for Qingdao for SCO Summit 2018 in China [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.mea.gov.in/news.html>. – Date of access : 02.12.2017.

УДК 947.6.

Сацыяльная адаптацыя вымушаных мігрантаў з Беларусі ў расійскім грамадстве: дынаміка ўзаемазносін у 1915–1923 гг.

В.Р. КАРНЯЛЮК

Закранаецца праблема сацыяльнай адаптацыі вымушаных мігрантаў з Беларусі. Звернута ўвага на такі важны аспект гэтага сацыяльнага працэсу, як узаемаадносіны бежанцаў і эвакуяваных з мясцовым насельніцтвам расійскай правінцыі. На падставе новых крыніц і навуковай літаратуры, аўтар паказвае, як мяняліся гэтыя ўзаемаадносіны на працягу перыяду 1915–1917 гг., прапануе ўласнае тлумачэнне прычын гэтых змен. У артыкуле пазначаны фактары, якія прывялі да якаснага змянення ўзаемаадносін, якія сталі адной з перадумоў масавай рээвакуацыі вымушаных мігрантаў у 1917–1923 гг.

Ключавыя словы: мігранты, палітыка, рээвакуацыя, сацыяльная адаптацыя.

The problem of social adaptation of forced migrants from Belarus is considered. Attention is drawn to the important aspect of this social process as the relationship between the refugees and evacuees with the local population of the Russian province. On the basis of new sources and scientific literature, the author shows how this relationship has varied throughout the period 1915–1917, offers its own explanation of the reasons for these changes. The factors that have led to a qualitative change of relations, which is one of the prerequisites of mass resettlement of forced migrants in 1917–1923, are presented.

Keywords: migrants, politics, re-evacuation, social adaptation.

У ходзе ажыццяўлення дзяржаўнай міграцыйнай палітыкі ў часы Першай сусветнай вайны вымушаныя мігранты заходніх губерняў Расійскай імперыі ўключаліся ў складаны працэс сацыяльнай адаптацыі ў тых мясцовасцях, куды траплялі ў выніку масавага руху 1915 г. Адным з важных сацыяльных індыхатараў працэсу такой адаптацыі можа выступаць стаўленне да вымушаных мігрантаў з боку грамадства [1, с. 40]. Важным з’яўляецца не проста стаўленне, а «прыняцце праблем мігрантаў з боку грамадства, у якім тыя апынуліся, а таксама здольнасць гэтага грамадства аказаць неабходную для мігранта падтрымку і дапамогу» [2, с. 8]. Адсюль мэтай нашага аналізу будзе дынаміка ўзаемаадносін бежанцаў з Беларусі і насельніцтва расійскай правінцыі ў 1915–1923 гг. і яе значэнне.

На сённяшні час гісторыя вывучэння бежанства і эвакуацыі з Беларусі мае пэўныя вынікі і азначана шэрагам заўважных даследаванняў. Гэта працы А. Бабкова, С. Лапановіча, В. Скалабана, В. Утгаф, В. Карнелюка [3]–[11]. За апошнюю чвэрць стагоддзя шмат новых даследаванняў з’явілася ў замежнай гісторыяграфіі Першай сусветнай вайны, сярод якіх нельга не адзначыць працы І. Бяловай, Л. Жванко, Н. Міхалёва, Н. Лахаравай, А. Солапавай, І. Шчэрова, Д. Фёніка, П. Гатрэла, [12]–[20]. Складзены навуковы падмурак дазволіў нам вырашыць пастаўленыя задачы.

Асноўнымі крыніцамі ў нашым даследаванні сталі такія архіўныя дакументы ДАРФ у г. Маскве, НГАБ у г. Гродна, як матэрыялы справаводства дзяржаўных устаноў і арганізацый, грамадскіх арганізацый, лісты, хадайніцтвы і анкетныя бежанцаў і іх пазнейшыя ўспаміны, а таксама вялікая калекцыя друкаваных крыніц тагачаснай расійскай прэсы.

У ліку вымушаных мігрантаў намі, у дадзеным выпадку, разглядаецца эвакуяванае і бежанскае насельніцтва. За паняццем «расійскае грамадства» мы бачым розныя саслоўі і сацыяльныя групы, а таксама дзяржаўную адміністрацыю. Зыходзячы з такіх устаноў, праблемай нашага даследавання выступае агульнае і пераменнае ў характары стаўлення да названых катэгорый вымушаных мігрантаў, а таксама прычыны перамен узаемаадносін.

Гэта дапаможа адказаць на пытанні пра фактары фармавання гістарычнай памяці былых бежанцаў, пра прычыны палітычнай актыўнасці і неактыўнасці бежанцаў у 1917–1918 гг., пра вынікі працэсу сацыяльнай адаптацыі бежанцаў у расійскім грамадстве. Зыходзячы з вынікаў найноўных навуковых прац па гісторыі бежанства, неабходна адзначыць, што ў іх па розных прычынах адсутнічаюць да канца абгрунтаваныя адказы на такія пытанні.

Адказы на гэтыя пытанні дазваляюць нам паглядзець на вымушаных мігрантаў з Беларусі, і, у прыватнасці, на бежанцаў-беларусаў, як сацыяльна і палітычна заўважную групу насельніцтва на тэрыторыі Расійскай імперыі ў даследуемы час, як на тую сацыяльную групу, якая перажывала пэўныя змены ў сабе [21, с. 314–316]. Нешта асэнсоўвалася асобнымі прадстаўнікамі гэтай сацыяльнай групы, для большасці гэтыя змены ці прадумовы іх не зусім усведамляліся [18, с. 3–4]. Тым больш, што самі падзеі бежанства адбываліся даволі імкліва для чалавечага жыцця. Таму мы можам казаць хутчэй пра магчымы каардынальны паварот у свядомасці гэтых бежанцаў, чым пра паслядоўную змену гэтай свядомасці. Хутчэй пра штуршок, пра ўражанне ад новага, таго, што ўбачылі і пра што пачулі ў культурных асяродках тых народаў, сярод якіх апынуліся. Потым гэтыя новыя веды і ўражанні будуць узгадвацца ва ўспамінах бежанцаў [21], [22].

У пачатку адзначым той факт, што сярод «рускай» часткі бежанцаў пераважалі беларусы. Гэта сцвярджае выцякае з самых розных статыстычных дадзеных і іх лагічнага спалучэння. Амаль усе статыстычныя звесткі пра бежанцаў, якія збіраліся і акамуляваліся бежанскімі арганізацыямі, згадвалі пра нацыянальны склад бежанцаў, акрэслены, у прыватнасці, словамі «рускія», «праваслаўныя», «палякі», «каталікі» [23], [24, с. 4], [25, с. 10]. На 1917 г. у працэнтным суадносіні нацыянальная структура насельніцтва была наступнай: беларусы – 80,6 %, палякі – 2,08 %, рускія – 8,1 %, украінцы – 0,7 % і габрэі – 8,3 % [26, с. 44]. Для параўнання ў 1909 г. нацыянальны склад у адносных велічынях Віленскай і Гродзенскай губерняў складаў: асобы рускай (беларусы, рускія маларосы) нацыянальнасці – 76,8 %, габрэі – 17,9 %, палякі – 4,3 %, іншыя – 0,89 % [27]. Прыклад нячастага, а па словах мінскага губернатара і няпоўнага, размеркавання бежанцаў г. Мінска і двух павеатаў Мінскай губерні па нацыянальнасцям на 8 студзеня 1916 г. паказвае, што з 116812 бежанцаў беларусы складалі – 49872 чал., палякі – 33716 чал., літоўцы – 6917, габрэі – 5134, астатнія былі латышамі, украінцамі і эстонцамі [28, арк. 175]. Другі варыянт нацыянальнага вызначэння складу бежанцаў, зарэгістраваныя бежанцы ў Калужскай губерні, куды прадугледжвалася размясціць не менш 50 тыс. жыхароў Гродзенскай губерні. На 1 красавіка 1916 г. лічба зарэгістраваных бежанцаў склала 65915 чалавек, з якіх, у прыватнасці, 34014 былі беларусамі, 4930 – палякі, 9872 – рускія [29, с. 133].

Пра дадзенае этнічнае размеркаванне ўскосна сцвярджаюць Н. Міхалёў і С. П’яноў, спецыяльна аналізуючы колькасны склад бежанцаў і іх размеркаванне па тэрыторыі. Больш паловы (54 %) паводле гэтых гісторыкаў складалі «рускія», да якіх адносілі ўкраінцаў і беларусаў, наступнай буйной групай былі палякі (15 %) [30, с. 101]. Кажучы пра колькасны склад бежанцаў на Урале, гэтыя расійскія гісторыкі, на падставе статыстычных дадзеных Таццянінскага камітэта, згадваюць 104241 бежанец з пяці беларускіх губерняў, якія складалі 54 % ад усёй колькасці (192783 чал.) бежанскага насельніцтва на тэрыторыі Вяцкай, Арэнбургскай, Пермскай і Уфійскай губерняў у 1917 г. [31, с. 336]. Калі адзначыць, што 74,6 % (143997 чал.) усіх бежанцаў складалі «рускія», то мы можам бачыць, што большасць гэтых «рускіх» будуць жыхары з нашых беларускіх зямель, дзе па вядомых дадзеных пераважала беларускае этнічнае насельніцтва [31, с. 337]. На 4 верасня 1918 г. у Тамбоўскай губерні налічвалася на той час 106437 бежанцаў, сярод якіх 13594 назваліся беларусамі, 1478 – украінцамі, 3791 – палякамі і 61546 – рускімі [32, арк. 25 адв.]. У Калужскай губерні нацыянальнае суадносіненне прасочваецца ў сведках пра беспрацоўных бежанцаў. Іх у губерні на 12 снежня 1915 г. налічвалася 7789 чалавек, з якіх, у прыватнасці, беларусы складалі 4621 чалавек (59,3 %), маларосы (украінцы) – 1398 чалавек (17 %), рускія 687 чалавек (8,8 %) і палякі – 375 чалавек (4,8 %) [33, с. 3]. Цікаваць іх у тым, што нават пры вызначэнні беларусаў у асобную групу, такой вялікай групы рускіх бежанцаў проста не было. Беларускія бежанцы запісваліся «рускімі» па прычыне таго, што яны і так лічыліся такімі ўсімі агульнарасійскімі бежанскімі арганізацыямі, і, менавіта, як рускія, атрымлівалі розную дзяржаўную дапамогу.

Гэтыя факты будуць неаднаразова пацверджаны спісамі бежанцаў. У ходзе рээвакуацыі, падкрэсліваючы сваю нацыянальную прыналежнасць, бежанцы імкнуліся абaperціся на падтрымку той ці іншай нацыянальнай арганізацыі, якія спрыялі «сваім» этнічнымі групам. А на старонках тагачасных газет актыўная дапамога бежанцам з боку

польскіх, габрэйскіх, літоўскіх, латышскіх арганізацый супрацьпастаўлецца адсутнасцю дастатковай дапамогі бежанцам «рускім», прычым, падкрэсліваецца, што наступіў для рускіх «час вучыцца дапамагаць самім сабе» [34, с. 1].

Амаль кожны выпуск газет з сярэдзіны 1915 г. змяшчаюць хоць бы невялічкую згадку пра бежанцаў. Гэта могуць быць паведамленні пра іх прыбыццё ў губернскі горад, формы дапамогі, пэўная статыстыка, рэпартажы з «глыбінкі», радзей – аналітычныя артыкулы [35, с. 1–2]. Бежанцы былі публіцыстычнай навіной.

У прыватнасці, было важна аператыўна, дакладна, зразумела інфармаваць насельніцтва пра ўсе тыя аспекты бежанства, якія непасрэдна былі звязаны з мясцовым грамадствам. Асобна стаяла пытанне збірання грашовых, харчовых і рэчавых ахвяраванняў [36, с. 3], [37]. У хуткім вельмі часе з’явілася архіактуальная праблема працаўладкавання бежанцаў, і месца, і ролі мясцовага насельніцтва, як працадаўцаў.

Падкрэслім, што за словам «бежанцы» стаялі прадстаўнікі ўсіх груп і саслоўяў насельніцтва заходніх губерняў Расіі. А гэта азначае, што і маёмасны стан, і сацыяльныя магчымасці, і культурна-адукацыйны узровень, нацыянальны, і канфесійны падмуркі ў вымушаных мігрантаў былі вельмі розныя [38, с. 5]. Сярод інфармацыі ў прэсе можна сустрэць нямала згадак пра культурныя мерапрыемствы, адрасаваныя бежанцам, альбо праведзеныя з мэтай збору ахвяраванняў на патрэбы бедакоў. Істотным фактарам правядзення рознага кшталту такіх культурна-масавых, асветніцкіх мерапрыемстваў сярод бежанцаў былі ідэалагічныя ўстаноўкі як нацыянальных бежанскіх арганізацый, так і агульнарасійскіх грамадскіх арганізацый. Інфармацыя пра іх намаганні таксама трапляла на старонкі агульнарасійскіх, губернскіх і павятовых газет [39, с. 3], [40], [41].

Расійскае грамадства было грамадствам, у жыцці якога вялікае месца займала царква. Бежанцы з заходніх зямель былі звязаны з рознымі канфесіямі. Іх актыўнасць, у сваю чаргу, у рознай ступені асвятлялася ў прэсе. Гэта былі пытанні працаўладкавання служачых царквы ў новыя прыходы, паведамленні пра дабрачыннасць [42, с. 3], [43, с. 4.]. Хаця не засталіся па-за ўвагаю і такія паводзіны святароў, што сталі падставаю для абмеркавання на ўроўні пасяджэння Асобнай Нарады па ўладкаванню бежанцаў 26 лістапада 1915 г.: «У многіх мясцовасцях, пры пагрозе непрыяцеля святары здымаліся з месцаў раней, чым прыхаджане..., у пунктах прыпынкаў, мясцовыя праваслаўныя святары не заўсёды з’яўляліся для выканання трэбаў і для духоўнага суцяшэння.... Але да цягнукоў з параненымі заўсёды прыходзілі каталіцкія святары... Таксама ... былі выпадкі непасільных для большасці бежанцаў патрабаванняў платы за трэбы або за месца для пахавання на могілках» [44, арк.5–5 адв.].

Спецыфіка бежанскага стану і ўсяго комплексу бежанскіх пытанняў стала падставаю для з’яўлення і існавання шэрагу спецыяльных бежанскіх газет, як агульнарасійскага, так і месцачковага маштабу, такіх як «Беженец» (штотыднёвік г. Масквы), «Северный беженец» (штотыднёвік Ноўгарадскага «Тацянінскага камітэта»), «Спутник беженца квартирнанимателя и трудящегося» (г. Масква), «Беженский листок» (штотыднёвы орган Цвярской бежанскай рады), «Голос жертв войны» (штотыднёвы орган Калегіі пра палонных і бежанцаў Цвярской губерні і губернскай бежанскай рады).

Адметнасць рэгулявання расійскага жыцця – гэта работа земстваў. Дзейнасць гэтых мясцовых органаў заўважная і эфектыўная. Друкаваныя органы земстваў у розных губернях актыўна паведамлялі пра свае намаганні ў забеспячэнні бежанскіх патрэб. Сваеасаблівай энцыклапедыяй бежанскага жыцця з’яўляецца «Нижегородская земская газета», дзе да чытача даносяцца звесткі і разважанні пра працаўладкаванне бежанцаў, стасункі бежанцаў і мясцовага насельніцтва.

Да ўсяго згаданага неабходна дадаць, што пра бежанцаў друкавалі ўласна нацыянальныя друкаваныя органы, у прыватнасці, аспекты жыцця беларускіх бежанцаў адлюстраваны на старонках газет «Дзяніца» (Масква), «Белорусское Эхо» (Кіеў), «Беларуская Рада» (Мінск). Прэса істотны інфармацыйны асяродак у агульнай расійскай інфармацыйнай прасторы, безумоўна падпарадкаванай ваеннай і палітычнай цензуры.

З пункту гледжання дынамікі ўзаемаадносін бежанцаў і мясцовага грамадства 1916 г. у гісторыі бежанства займае асобнае месца. Ужо ўзімку 1916 г. інтэнсіўны бежанскі рух амаль скончыўся па прычыне стабілізацыі лініі фронту. На маршы сфарміраваная пачала працаваць

дзяржаўная машына па добраўладкаванню бежанцаў, калі «дзяржаўная дабрачыннасць была заменена дзяржаўнай эфектыўнасцю». З другой паловы 1915 г. мы можам казаць пра ажыццяўленне асобнай міграцыйнай палітыкі ўлады.

На месцах групы бежанцаў былі размеркаваны па гарадах і мястэчках, вёсках і станіцах, хутарах і выселках. Бежанства ў гэтым годзе перастала ўяўляць навалу, а ператварылася для дзяржаўных органаў у перманентную праблему ваеннага часу, праблему нават адносна прагназуемую. На карціну бежанскага жыцця ў 1916 г. істотна ўплывала становішча на фронце, якое не было яшчэ катастрафічным для расійскай арміі. У такіх умовах жыццёвымі пытаннямі былі пошук працы і ўладкаванне на яе, працяг адукацыі бежанскіх дзяцей, падрыхтоўка дакументаў на пазыкі, кампенсацыі, атрыманне пайкоў. Менавіта гэтаму прысвечаны дзеянні розных бежанскіх арганізацый і ўстаноў. У 1916 г. бежанства перастае быць навіной жыцця і ўжо не корміць прэсу сенсацыйнымі паведамленнямі пра прыбыццё тысяч людзей з захаду. Менавіта 1916 г. быў годам найбольшых вынікаў у працэсе сацыялізацыі бежанцаў у расійскае грамадства, працэсе, які адыграў сваю істотную ролю ў далейшым лёсе ўсіх яго ўдзельнікаў.

Усё і назаўсёды змянілася ў наступным 1917 г. Люстэркам перамен зноў стала мясцовая прэса. У ёй амаль ні слова пра бежанцаў. На фоне лёсавызначальных перамен і слоў пра іх, на фоне загалоўкаў і слогаў рэвалюцыі, голасу бежанцаў і пра бежанцаў амаль няма. Толькі адзінкавы зацемкі, сухія інфармацыйныя радкі пра статыстыку бежанцаў у губерні, сцісла канстатацыя цяжкага становішча, звароты (пры разгорнутых рэпартажах пра іншыя з'езды, якія ланцугом змянялі адзін аднаго) [45, с. 4], [46, с. 2]. Такая інфармацыйна пустэча мае сваё тлумачэнне. Бежанцы са сваімі турботамі і праблемамі былі адсунуты падзеямі рэвалюцыйнага крызісу на перэфірыю свядомасці мясцовых людзей. Яны – не гаспадары на чужой для іх зямлі, і пытанне «зямлі» было не адрасавана да іх. Па-абавязку, па адпрацаванай схеме, па ўласцівай, ідэйнай накіраванасці, бежанцы застаюцца ў полі зроку і дзейнасці шэрагу арганізацый і ўстаноў. Красамоўным прыкладам з'яўляецца спроба няўдалага стварэння новай аб'яднанай грамадскай арганізацыі – «Камітэта Аб'яднаных нацыянальных і грамадскіх арганізацый вяртання ў Літву і Беларусію» з усіх нацыянальных таварыстваў, што займаліся рээвакуацыяй вымушаных мігрантаў [47, арк. 1–13]. Бежанцы ў 1917 г. застаюцца сам-насам з самімі сабою і больш ніколі не стануць прадметам увагі ўсяго грамадства.

Але такія агульны позірк на стан узаемаадносін вымушаных мігрантаў і грамадства патрабуе ўдакладнення. Справа ў тым, што ходам рэвалюцыйных падзей даволі імкліва на новую ступень актыўнасці зноў, як у першы год вайны, выходзяць нацыянальныя, у тым ліку і бежанскія арганізацыі. У 1917 г. і далейшых гадах часу рээвакуацыі іх роля становіцца больш заўважнай. Накіраванасць на нацыянальнае самавызначэнне ў межах былой Расійскай імперыі абумовіла перамены ў паводзінах бежанцаў і стасунках з імі з боку розных структур. Бежанцы накіроўваюцца дадому і робяць гэта ўжываючы адпаведную нацыянальную рыторыку. Цяпер у паперах ад імя бежанцаў з Гродзенскай, Віцебскай губерняў усё часцей сустракаецца слова «беларусь». А ў дачыненні да бежанцаў, якія накіроўваліся вярнуцца на Берасцейшчыну, «украінцы», а да тых, хто быў з Віленшчы, «літоўцы» ці «літвіны» [48, арк. 6 адв. 8], [49, арк. 1–120].

Аналізуючы дынаміку эвалюцыі ўзаемаадносін бежанцаў з Беларусі і расійскага грамадства, мы можам сцвярджаць, што перамены ў гэтых узаемаадносінах былі выкліканы шэрагам фактараў. Адны з іх былі сфармаваны самім развіццём бежанства. Станоўчае, гасціннае, канструктыўнае прыняцце мясцовымі людзьмі бежанцаў, якія перажылі велізарны стрэс, стала амарцізатарам самых розных канфліктагенных сітуацый. Гісторыя бежанства, на шчасце, не ведае нейкіх істотных прыкладаў нацыянальных ці рэлігійных канфліктаў паміж бежанцамі і мясцовымі.

Наступным фактарам стала неўхільная і планамерная праца дзяржаўных структур усіх узроўняў па стварэнні сістэмы забеспячэння бежанцаў на месцах іх часовага знаходжання. Бежанцы на імгненне гісторыі вайны сталі (пры ўсіх рухах і выключэннях) няхай і не арганічнай, але часткаю грамадства расійскай правінцыі. Часткаю, якая была з уласным культурным патэнцыялам і мела чым падзяліцца, дзялілася, а гэта, дарэчы, заўважалася і заахвочвалася ўладнымі структурамі [50, с. 2].

Трэці, рэвалюцыйны, фактар меў выключна разбуральны змест. Гэта знішчэнне створанай царскай сістэмай бежанскай апекі [12, с. 142–143]. Гэта суцэльны эканамічны і грамадска-палітычны крызіс, які нарадзіў паўсюднае бязладдзе ў расійскай правінцыі, адварнуў ад бежанцаў мясцовае насельніцтва, заклапочанае ўласным ратаваннем і прыстасаваннем да новых выклікаў жыцця. І бежанцаў у гэтым жыцці проста не было, не павінна было быць. Разгорнутым тлумачэннем матывацыі выязду можна разглядаць ліст за 10 ліпеня 1918 г. беларускіх бежанцаў, якія пражывалі ў Разанскай губерні: «...З пачатку бежанства грамадзяне карэннага насельніцтва... адносіліся дабразычліва і дапамагалі ў ва ўсіх бежанскіх патрэбах.

З пачаткам дарагоўлі, голаду і беспрацоўя, якія, як мы бачым, пачаліся ад дзяржаўнага бязладдзя..., і з-за дэмабілізацыі войска, апошняя, карэнная насельніцтва пачало ставіцца вельмі варожа, што стала вельмі бачна падчас падрыхтоўкі бежанцаў для адпраўкі на радзіму. Цяпер жыццё стала невыносным: выганяюць, ...з кватэр, і ўвогуле адусюль, як быццам бы нейкі лішні варожы элемент. Жыць далей нам не магчыма...» [51, арк. 128-128 адв.]. Немалаважным аспектам працэсу руйнавання ўзаемаадносін бежанцаў і грамадства стала мэтанакіраванае наступленне новай рэвалюцыйнай ідэалогіі на царкву і яе каштоўнасці, такія як дабрачыннасць і міласэрнасць. Пасля рэвалюцыйнага разбуральнага ўзаемадзеяння на ўсю бежанскую палітыку, апошнім было адно выйсце, пра якое яны, між іншым, і так ніколі не забываліся – вяртанне дадому. І той, хто мог вырашыць гэтае пытанне, знаходзіў гэтыя разарваныя ніці стасункаў з гэтай рухомай, велізарнай, стракатай, змучанай масаю – бежанцамі, у тым ліку, вымушанымі мігрантамі з Беларусі.

Такім чынам, можна сцвярджаць, што працэс сацыяльнай адаптацыі вымушаных мігрантаў, як неадаптыўнай групы, які ў любым выпадку не мог скончыцца цалкам станоўча з-за такіх характарыстык уцекачоў, як адсутнасць кола зносін, змена ладу жыцця, адчужанасць ад мясцовай культуры, негатыўнае ўспрыняцце жыццёвых перспектыв, яшчэ больш пагоршыўся пачынаючы з 1917 г. [52, с. 18]. Тэя намаганні, якія далі ў 1915–1916 гг. першасны плён у стварэнні станоўчага сацыяльнага кантакту мігрантаў і мясцовага насельніцтва, былі знішчаны рэвалюцыяй і грамадзянскім супрацьстаяннем 1917–1921 гг., павярнуў усю масу мігрантаў у рух дадому.

Літаратура

1. Назарова, Е.А. Социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев в контексте современной миграционной политики России: социологический анализ / Е.А. Назарова. – М., 1999. – 140 с.
2. Подпоринова, Н.Н. Социальная адаптация мигрантов к социокультурной среде региона: автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.06 / Н.Н. Подпоринова ; Курский ГТУ. – Курск, 2005. – 24 с.
3. Бабков, А. Беженцы в Беларуси в годы первой мировой войны (1915–1917) / А. Бабков // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліке Беларусь. – 1993. – Ч. 1. Гісторыя Беларусі. – С. 131–138.
4. Бабков, А. Деятельность Белорусского управления по эвакуации населения (январь–август 1921 г.) / А. Бабков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2011. – № 5 (68). – С. 9–16.
5. Бабков, А. Установление германского оккупационного режима в Западной Беларуси во время Первой мировой войны / А. Бабков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2014. – № 1 (82). – С. 5–10.
6. Бабков, А. Деятельность Главэвакзапа в Беларуси по реэвакуации беженцев и пленных Первой мировой и польско-советской войн летом–осенью 1920 г. / А. Бабков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2015. – № 4 (91). – С. 5–10.
7. Бабков, А. Эвакуация учреждений Минской губернии (1915–1916 гг.) / А. Бабков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2016. – № 4 (97). – С. 5–10.
8. Скалабан, В. Беларуский Национальный комиссариат (янв. 1918 – март 1919) : аўтарэф. дис. ... кан. гіс. навук : 07.00.02 / В. Скалабан. – Мінск, 1987. – 25 с.
9. Лапановіч, С.Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.) / С.Ф. Лапановіч. – Мінск : Акадэмія МУС, 2010. – 126 с.
10. Утгоф, В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Утгоф. – Санкт-Петербург, 2003. – 183 с.
11. Карнялюк, В. Наступствы бежанства Першай сусветнай вайны для жыхароў Гродзеншчыны / В. Карнялюк // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2016. – № 45. – S. 72–81.
12. Белова, И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. / И.Б. Белова. – Москва : АИРО-XXI, 2014. – 432 с.
13. Лахарева, Н.В. Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.) / Н.В. Лахарева. – Курск, 2001. – 204 с.
14. Михалёв, Н.А. «Величайшая трагедия войны не видна на поле боя»: беженцы Первой мировой войны в России / Н.А. Михалёв // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 1. – С. 89–99.

15. Жванко, Л. Біженці Першай сусветнай вайны: украінскі вымір (1914–1918 рр.) / Л. Жванко. – Х. : Віровець А.П. «Апостроф», 2012. – 568 с.
16. Солопова, О.В. Социокультурные и идентификационные изменения в среде белорусских мигрантов Первой мировой войны / О.В. Солопова // Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сб. мат. Международной научной конференции, Вилейка, 18 октября 2014 г. – Минск, 2014. – С. 35–51.
17. Щеров, И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 г. / И.П. Щеров. – Смоленск, 2000 – 316 с.
18. Фіонік, Д. Беженство. Дорога і повороты 1915–1922 / Д. Фіонік. – Бельск Подляскі : Музей Малёзіі Батькувшчыны в Студзіводах, 2015. – 224 с.
19. Gattrell, P. A whole Empire walking. Refugees in Russia during World War I / P. Gattrell. – Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1999. – 318 p.
20. Europe on the move Refugees in the era of the Great War / Edited by P. Gattrell, L. Zhvanko. – Manchester University Press, 2017. – 325 p.
21. Беженства 1915 года. – Беласток : Праграмная рада тыднёвіка «Ніва», 2000. – 416 с.
22. Беженства 1915 года. – Беласток : Праграмная рада тыднёвіка «Ніва», 2015. – 576 с.
23. Труды Соединённого собрания членов комитета Ея Императорского Высочества в кн. Татьяны Николаевны с местными представителями 3–7 мая 1915 года. – Петроград, 1915. – 344 с.
24. Разделение беженцев по национальностям // Северный беженец. – 1916. – 26 января. – С. 4.
25. Численность безработных беженцев (по сведениям Особого Отдела МВД по делам беженцев) // Беженец. – 1915. – 4 октября. – С. 10.
26. Карнялюк, В.Р. Фактары гісторыка-дэмаграфічных змен у складзе насельніцтва Беларусі ў 1913–1918 гг. : дыс. ... канд.гіст. навук : 07.00.02 / В.Р. Карнялюк – Гродна, 2001. – 109 с.
27. Статистические материалы по девяти западным губерниям (Виленская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилёвская губернии). – 1909.
28. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 295. – Воп. 1. – Адз. Зах. 9032. – Арк. 175.
29. Суханова, О.Н. Земская помощь беженцам во время Первой мировой войны (на материалах Калужской губернии) / О.Н. Суханова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 4. – С. 130–135.
30. Михалев, Н.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав / Н.А. Михалев, С.А. Пьянков // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4. – С. 95–104.
31. Пьянков С.А. Беженцы Первой мировой войны на Урале: численность, размещение, состав / С.А. Пьянков, Н.А. Михалёв // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4 (49). – С. 332–339.
32. Дзяржаўны Архіў Расійскай Федэрацыі (ДАРФ). – Ф. Р3333. – Воп. 2а. – Адз. Зах. 19. – Арк. 25 адв.
33. Свободные от работы беженцы // Калужский курьер. – 1915. – 15 декабря. – С. 3.
34. Русские беженцы // Томский вестник. – 1915. – 11 сентября. – С. 1.
35. Беженцы // Калужский курьер. – 1915. – 11 августа. – С. 1–2.
36. В пользу беженцев // Томский вестник. – 1915. – 13 декабря. – С. 3.
37. Сбор в пользу беженцев // Калужский курьер. – 1915. – 19 сентября. – С. 3.
38. Особое Собрание по устройству беженцев // Беженец. – 1915. – 8 ноября. – С. 5.
39. В польском комитете // Зауральский край. – 1917. – 4 января. – С. 3.
40. Школа для беженцев // Калужский курьер. – 1915. – 13 декабря. – С. 3.
41. К судьбе детей беженцев // Томский вестник. – 1915. – 24 сентября. – С. 3.
42. Беженцы-семинаристы // Уфимская жизнь. – 1915. – 3 сентября. – С. 3.
43. Определение беженцев на службу по епархиальному ведомству // Северный беженец. – 1916. – 7 февраля. – С. 4.
44. ДАРФ. – Ф. 564. – Воп. 1. – Адз. Зах. 719. – Арк. 5–5 адв.
45. Бедственное положение беженцев // Тамбовский земский вестник. – 1917. – 5 февраля. – С. 4.
46. Помогите беженцам // Тамбовский земский вестник. – 1917. – 24 сентября. – С. 2.
47. ДАРФ. – Ф. 5115. – Воп. 4. – Адз. Зах. 1. – Арк. 1–13.
48. ДАРФ. – Ф. 1318. – Воп. 23. – Адз. Зах. 48. – Арк. 6 адв. 8.
49. ДАРФ. – Ф. 5115. – Воп. 4. – Адз. Зах. 37. – Арк. 1–120.
50. Беженцы и русская деревня // Спутник беженца квартиронанимателя и трудящегося. – 1915. – 29–30 сентября. – С. 2.
51. ДАРФ. – Ф. 3333. – Воп. 7. – Адз. Зах. 10. – Арк. 128–128 адв.
52. Гуков, Д.А. Регулирование социальной адаптации вынужденных мигрантов (на примере центрально-чернозёмного региона) : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.08 / Д.А. Гуков. – Белгород, 2004. – 24 с.

Феномен обращения за правовыми разьяснениями в Средние века и Раннее Новое время

О.Б. КЕЛЛЕР

Данная статья описывает феномен обращения за правовыми разьяснениями, характерный для тех регионов, куда переносилось немецкое средневековое право (Магдебургское, Любекское, Нюрнбергское). Обращения шеффенов в различные инстанции (городской Совет, коллегия шеффенов) за соответствующими разьяснениями правового характера были налицо как в период Средневековья, так и в Раннее Новое время. Они являлись неотъемлемой частью процесса трансферта средневекового немецкого права на земли, расположенные к востоку от Германии, но, безусловно, не на все. В первую очередь за разьяснениями обращались близлежащие города, но иногда бывали и исключения.

Ключевые слова: трансферт, средневековое немецкое право, обращения за правовыми разьяснениями в неясных ситуациях, городской Совет, Коллегия шеффенов, хайшуртайли.

The phenomenon of applying for legal explanations is described. This procedure was typical for the regions to which German medieval law had been transferred (Lübeck, Magdeburg, Nürnberg). Within the period of the Middle Ages and Early Modernity, one can find a number of examples of Schöffen's appeals to various instances, such as City Council, Board of Schöffen, for legal explanations. These appeals were an integral part of transferring the medieval German law to the lands, certainly not to all, to the east of Germany. Although Schöffen primarily appealed for explanations to the nearest cities, there were some exceptions.

Keywords: transfer, medieval German law, applying for legal explanations in the case of uncertainty, City Council, Board of Schöffen, Heischurteile.

Немецкое право, которое использовалось во многих исторических регионах, расположенных восточнее Германии, на практике отличалось от применяемого права на западе. Оно, несомненно, претерпело ряд изменений. Историография проблематики распространения средневекового немецкого права в регионах, расположенных восточнее Германии обширна. Исследования, посвящённые ей, появились ещё в XIX в. К числу авторов, которые описывали и анализировали самые разные аспекты данной проблематики относились: М.Ф. Владимирский-Буданов, В.Б. Антонович, Д.И. Багaley, Ф.В. Тарановский, В.Д. Спасович, М.К. Любавский, Ф.И. Леонтович, С.А. Бершадский, А.Ф. Кистяковский, Р. Роепелл, А. фон Халбан, Г. Вильмовский и др. Отдельными аспектами проблематики занимаются учёные всего мира и в настоящее время, в XXI в. Это А.Л. Рогачевский, М.Д. Макаров, С.П. Стренковский, А.Б. Довнар, Н.В. Мисаревич, Т. Гошко, М. Кобылецкий, Н. Билоус, К. Гёнчи, Д. Яницка, Й. Карпавичиене, И. Кейр, М. Целко и многие-многие другие.

Процесс трансферта проходил в различных регионах по-разному. Это могло происходить как, во-первых, в форме дарования немецкого права новооснованным или уже существующим городам в виде привилегий на немецкое (Любекское, Нюрнбергское, Магдебургское, Кульмское, Ноймарктское и др.) право, как, во-вторых, в форме обращения шеффенов или судов отдельных городов за правовыми разьяснениями к шеффенам Магдебурга или Совету города Любека и Совету города Нюрнберга, а также обращения «дочерних» городов к «материнским», так и, в-третьих, в форме использования немецкоязычных правовых сборников, а также их переводов судами многочисленных городов Центральной и Восточной Европы. Порой сочетались две-три формы одновременно. Специального пояснения требуют все три вышеозначенные формы трансферта немецкого средневекового права [1, с. 13].

Первая форма – процесс дарования немецкого права новооснованным или уже существующим городам. Ярким примером этой формы трансферта служит Силезия. В 1188 г. магдебургский архиепископ Вихман (1152–1192) даровал городу Магдебургу привилегию на городское право. Эта льгота архиепископа Вихмана исходила из уже существующего в городе правового порядка и отличалась от действующего вокруг земского права, 40 лет спустя письменно зафиксированного в «Саксонском Зерцале».

В 1211 г. польский герцог Генрих I Бородатый из Силезии попросил копию привилегии Вихмана от 1188 г., дарованной Магдебургу, при основании нового города Гольдберга. В Силезии немецкие нормы, сориентированные на специфические городские отношения, брались за основу при заложении многих новых силезских городов. В 1241 г. после набега татар краковский князь Болеслав Стыдливый издал указ о застройке Кракова на основании Магдебургского городского права. В 1257 г. Кракову было даровано уже не просто Магдебургское, а Магдебургско-Бреславльское право. Кроме того, и уже длительное время существовавшим городам, например, на украинских, белорусских или литовских землях ВКЛ, тоже от случая к случаю передавалось право другого города. Результатом такой передачи немецкого права «материнскими» городами городам «дочерним», а затем и от «дочерних» городов другим городам, было появление различных семей городского права, из которых наиболее известными являлись Магдебургская и Любекская правовые семьи [2, с. 11].

Вторая форма – процесс обращения за правовыми разъяснениями. Связь с «материнским» городом поддерживалась не только посредством последующего дарования городского права. В Богемии, Моравии и других исторических регионах данная связь осуществлялась, прежде всего, посредством испрашивания правовых предписаний и правовых уведомлений у Городского совета, например, в Любеке и Нюрнберге, или у шеффенов, то есть судебных заседателей «материнского» города, например, в Магдебурге. Подобное происходило регулярно в случае наличия пробелов в истолковании и комментировании собственного городского права. В связи с заложением новых городов или при утере письменно зафиксированного «дочернего» права, к примеру, в результате пожара, посылались прошения о копиях «материнского» права. В ответ на это «материнский» город посылал правовые сообщения заинтересованной стороне. Ко всему этому добавлялась потребность в сведущих в законах специалистах, имеющих юридическое образование, из «материнских» городов для решения конкретных судебных дел [2, с. 12].

Третья форма – применение и использование судами различных городов отдельных параграфов и статей, взятых из немецкоязычных первоисточников или из их польскоязычных и латинских переводов. Немецкие правовые сборники попадали в регионы Центральной и Восточной Европы различными путями. Они могли быть приобретены за деньги или быть получены в качестве подарка. Например, в 1261 г. шеффены города Магдебурга наряду с правовым сообщением послали городу Бреслау (Бреславлю, ныне польский город Вроцлав) экземпляр «Саксонского Зеркала». Наряду с вышесказанным, следует обратить внимание на использование судами литовских, белорусских и украинских земель ВКЛ и Речи Посполитой трудов польских авторов, в частности, книг Варфоломея Гроицкого «Артикулы» 1558 г., «Порядок» 1559 г., «Постепек» 1559 г. и «Титулы» 1567 г., а также работ Павла Щербича «Спекулум Саксонум» 1581 г. и «Иус Майдебургензе» 1581 г. [1, с. 16].

Для каких же регионов был характерен подобный, второй вид трансферта немецкого средневекового права? Как выглядит логистика данного процесса? В большинстве своём, если брать во внимание распространение Магдебургского или Нюрнбергского права, то можно констатировать, что этот процесс налицо в регионах, близко расположенных к Священной Римской империи, то есть к Германии. А вот если мы рассмотрим распространение Любекского городского права к востоку от Германии, то обнаружим, что наиболее удалённой точкой, из которой обращались за правовыми разъяснениями, являлся город Ревель (ныне Таллин).

Много обращений к шеффенам Магдебурга поступало из силезского города Бреслау (Бреславль, ныне Вроцлав), из богемского Лейтмерица (ныне Литомержице), в Любек регулярно поступали обращения из Ревеля (ныне Таллин). Приговоры из Ревеля должны были присылать в двух экземплярах на двух различных кораблях в письменном виде, зафиксированными на пергаменте, так как бумага могла отсыреть. Ответ из Любека тоже давался письменно. Согласно данным из Нюрнбергского городского архива, в период с 1508 по 1620 гг. город Нюрнберг адресовал 33 правовых разъяснения богемскому городу Эгеру (Хебу). Кроме того, сохранились документы, составленные в Нюрнберге и предназначенные «дочерним» городам Эгера: чешским городам Эльбогену, Соколову (Фалькенау), Жлутнице (Лудитцу), Острову (Шлакентверту) и Красна-Липе (Шёнлинде). Город Жлутнице представлен

в сохранившихся актах тремя правовыми делами, остальные четыре города – каждый по одному. Прямое обращение шеффенов или судов отдельных городов ВКЛ и Речи Посполитой напрямую в Магдебург, Любек и Нюрнберг за правовыми разъяснениями отсутствовало.

Попробуем воссоздать картину обращения за правовыми разъяснениями из различных городов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в немецкие инстанции, а именно, в Городские Советы Лююека и Нюрнберга и в Коллегию шеффенов Магдебурга регионально.

Инстанция, в которую обращались за правовыми разъяснениями в Магдебурге, именовалась «Коллегией шеффенов». Наряду с толкованием права эта инстанция выполняла функции судебной инстанции города. После 1336 г. было запрещено одновременное членство в «Коллегии шеффенов», отвечавшей за вынесение судебных решений, и в Совете города, отвечавшем за законодательство. В Магдебурге насчитывалось 11 шеффенов, или судебных заседателей. Шеффены занимали свою должность пожизненно и имели право сами назначать своих преемников.

Значимую роль в распространении немецкого права на восток вплоть до 1335 г. сыграла Силезия. Большинство силезских городов были наделены Магдебургским правом. Это право они приобретали либо непосредственно из Магдебурга, либо через посредство иных силезских городов. Причём как Магдебург взимал мзду за свои правовые наставления и поучения, что составляло 4 гульдена (флорина), так и силезские города требовали плату за дальнейшую передачу своего права. Например, в 1352 г. за вынесение одного судебного решения город Бреслау потребовал 24 польских гроша для шеффенов и 4 польских гроша для писаря [3, с. 178]. В правовых поучениях города Бреслау городу Нейсе от 1308 г. и городу Лигницу от 1326 г. тоже указана определённая стоимость, уплаченная за них [4, с. 206]. Вполне возможно, что и герцог (князь) требовал определённую сумму за своё согласие, так что можно предположить, что получение права представляло собой, с одной стороны, нечто весьма ценное, а с другой – было делом, приносящим прибыль землевладельцу.

В середине XX в. были опубликованы изречения магдебургских шеффенов для Силезии [5], затем изречения шеффенов Магдебурга для богемского Лейтмерица [6], а также правовые постановления магдебургских шеффенов для города Познани и иных польских городов [7]. В конце XX в. Ф. Эбелем были опубликованы изречения шеффенов города Магдебурга для города Бреслау [8], [9]. Инстанцией, в которую обращались за правовыми разъяснениями в Любеке, в отличие от Магдебурга, являлся Совет города.

В период Средневековья юридические консультации давались устно и конкретной партии. Враждующие стороны, ведущие спор между собой, или их официально уполномоченные для процесса представители из города Ростока, Штральзунда и других обязаны были персонально прибыть в Любек, чтобы изложить в устном виде спор или приговор Совета их родного города перед Городским советом.

Исключение Совет города Любека сделал только для города Ревеля (ныне Таллин) из-за его значительной удалённости. Из Ревеля приговор должны были присылать в двух экземплярах на двух различных кораблях в письменном виде на пергаменте, так как бумага могла отсыреть. Ответ из Любека тоже давался письменно. Поэтому понятно, почему сохранились судебные решения именно для Ревеля [10].

Все остальные, обращавшиеся в Городской совет за получением необходимой консультации, протоколировались по указу Совета в Любекском Нижегородском сборнике. Лишь в 1500 г. начинается письменная фиксация внутринемецких любекских городов, не удалённых на большое расстояние. Совет города Любека ещё долгое время уклонялся от этой, как он считал, новой моды [11, с. 41–42].

В отличие от Магдебургского права, города с правом Любекским не имели такого института, как скамья судебных заседателей-шеффенов. Политическая, экономическая, распорядительная и исполнительная силы являлись в Любеке прерогативой Городского совета. Первое упоминание о Совете города Любека приходится на 1226 г. [12, с. 136].

В отчёте церковного характера, датированном 1300 г., можно прочитать, что городом Любеком управляют ратманы (радцы, заседатели) – члены Городского совета, что им надлежит функция контроля за штрафами, и что все решения касательно горожан они принимают на своё усмотрение. Совет города Любека был своего рода «Господином» города. В общей

сложности, на сегодняшний день сохранилось примерно 3600 решений города Любека, опубликованных в четырёхтомнике под названием «Постановления Совета города Любека» [13], [14], [15], [16]. Среди них можно найти ряд документов Любекского городского Совета таким городам, как Ревель, Нарва и т. д.

Клятва при получении гражданства давалась жителями Любека не городу или Городскому совету, а Городскому совету и городу. Из-за этого предлога «и» в городе в 1600 г. возникли серьёзные беспокойства, продолжавшиеся семь лет, вплоть до момента заключения мирного соглашения с горожанами от 14 июня 1605 г. без того, чтобы формулировка клятвы была изменена [17, с. 56].

К слову сказать, Городской совет в Любеке, Итцехо, Анкламе и Нарве, как, впрочем, и в Гамбурге, избирался не решением граждан, а посредством кооптации, представлявшей собой вид «избрания сверху». Фактически это введение в состав выборного органа новых членов либо кандидатов собственным решением данного органа без проведения дополнительных выборов. Избранный занимал эту должность пожизненно. Как правило, заседало две трети Совета; одна треть имела свободный год для решения иных вопросов. Ежегодное заседание всех членов Совета проводилось 22 февраля, в день праздника основания папского престола. В этот же день официально открывался после зимней паузы судоходный сезон. Процесс выборов был непрост. Ремесленники или мелкие торговцы не имели права избираться на должность ратманов (радцев, заседателей). Такой порядок оставался неизменным до 1848 г. [18, с. 44]. Точно также, как и в Любеке, инстанцией, в которую обращались за правовыми разъяснениями в Нюрнберге, являлся городской Совет.

Начиная с XIII в., Нюрнбергское городское право оказывает всестороннее влияние на соседние и отдалённые места и территории. По причине того, что нюрнбергскими правами и свободами наделялись и другие общины, образовалась так называемая Нюрнбергская семья городского права [19, с. 10]. Многие города, рынки и их судебные учреждения зачастую обращались в не совсем ясных ситуациях к Совету города Нюрнберга. Такие «неясные» ситуации могли возникнуть при вынесении окончательного приговора или при разделении мнений судебных заседателей. Обращения, или «испрошенные приговоры» («Heischurteile»), можно найти в «Городских книгах» Эгера (Хеба), Хофа, Амберга, Эрбендорфа и Ноймаркта в Верхнем Пфальце XIV–XV вв. [19, с. 10].

На сегодняшний день сохранилось значительное количество обращений (хайшуртайлей), которые Совет города Нюрнберга выдал многим городам, местечкам и судам как на близлежащей территории, так и за её пределами [20, с. 59]. Нельзя не отметить, что в источниках для обозначения «испрошенных приговоров» иногда могли применяться и другие термины, например, «толчок» («Schub»). Первое официально зафиксированное правовое разъяснение подобного рода было подготовлено шультгейсом, Советом города Нюрнберга и его шеффенами в 1288 г. Оно касалось залогового права евреев и было составлено в форме документа для города Вайзенбурга с целью дальнейшей его передачи Папенхайму. Юридические наставления, датированные 1374 г., были отправлены в Ноймаркт (здесь речь шла об уголовно-процессуальных правовых аспектах) и в Эберманштадт в Верхней Франконии (здесь речь шла о порядке наследования) и исходили уже лишь от одного Совета города Нюрнберга [19, с. 10].

Что касается интересующих нас регионов восточнее Германии, то статистика такова. По данным чешского исследователя XX в. Рудольфа Вениша, опубликованным в 51 томе «Сообщений Общества по изучению истории города Нюрнберга», который был издан в Нюрнберге в 1962 г., можно найти 88 упоминаний о наличии 33 правовых разъяснений Нюрнберга, адресованных богемскому городу Эгеру (Хебу). Эти 33 правовых пояснения были записаны в период между 1508 и 1620 гг. [21, с. 449]. Кроме того, сохранились документы, составленные в Нюрнберге и предназначенные «дочерним» городам Эгера (Хеба), а именно: чешским городам Эльбогену, Соколову (Фалькенау), Жлутнице (Лудитцу), Острову (Шлакентверту) и Красна-Липе (Шёнлинде). Город Жлутнице (Лудитц) представлен в сохранившихся актах тремя правовыми делами, остальные четыре города – каждый по одному [21, с. 449].

Р. Вениш является также составителем одной из таблиц под названием «Жители отдалённых и иностранных городов как апеллирующие и апелляционные ответчики». В ней приводятся уникальные данные о том, что в Нюрнберге в качестве апеллирующих граждан неме-

стных городов в самое разное время обращались граждане из города Праги (1519–1588), из города Познани (1551), из города Бреслау (1563), из города Эгера (1568), из города Кракова (1595–1600), из города Кёнигсберга (1615), из города Нейсе (1617–1619) и т. д., а апелляционными ответчиками являлись горожане Кёнигсберга (1612–1613), Праги (1618), Эгера (1561) и т. п. [21, с. 458–459].

Огромный интерес вызывает тот факт, что за разъяснениями в Нюрнберг обращались также города, принадлежавшие как к Магдебургской правовой семье городского права, так и к Любекской правовой семье городского права. Магдебургская группа представлена девятью городами. Среди них наиболее известными являются немецкие города Лейпциг и Цвиккау, а также нижнесилезский город Бреслау и силезско-пруссский город Швейдниц. Любекская группа представлена всего двумя городами: это немецкий Гамбург и польский Гданьск (Данциг). Как подобное было возможным, и почему эти города не обратились непосредственно в Любек или в Магдебург – не совсем ясно. Однако обращения вышеозначенных городов неоспоримы по причине того, что засвидетельствованы в документах [21, с. 450–452].

Если, начиная с середины XVI в., «испрошенные приговоры» можно было идентифицировать по их подробному изложению, то до этого времени «испрошенные приговоры» определялись при помощи определённых выражений. В качестве примера можно привести выписки подобных характерных фраз из некоторых протоколов Нюрнбергского суда. Место хранения протоколов – городской архив города Нюрнберга:

– Запись от 8 января 1474 г.: «...вынесение судебного решения было отложено на 10 дней» [22].

– Запись от 22 мая 1476 г.: «А также Никлас Гролант и Цингель должны пробовать переправить дело из Пилленевта сюда» [23].

– Запись от 16 апреля 1546 г.: «Акты, которые переданы сюда судом Немецкого двора с рапортом, по какому вопросу выносятся судебные решения...» [24].

Интересно знать, кто являлся отправителем таких запросов, адресованных Совету города Нюрнберга? Если речь шла о попечительских, рыночных или деревенских судах, то запрос делал попечитель или судья соответственного суда. Часто в качестве отправителей запросов выступали, помимо судьи, также шеффены и судебный писарь. Иногда, правда, крайне редко, отправителем запроса могло являться и индивидуальное лицо (господин). В таком случае Совет города Нюрнберга контактировал непосредственно с ним, а не, как это было принято, с судьёй, судебными заседателями и судебным писарем. В провинциальных городах отправителями запроса в Нюрнберг, помимо попечителя, могли являться бургомистр и непосредственно Городской совет, ответственные за местную юрисдикцию. Как правило, отправитель запроса и получатель ответа были идентичны. Но бывали и исключения [20, с. 67]. Запрос представлял собой послание Совету города Нюрнберга, в котором отправитель вкратце описывал рассматриваемое судебное дело, а также обрисовывал ход процесса на тот момент. Например: «Необходимо вписать в ответ показания опекуна из Альторффа, который сообщает, что жена Ганса Рингеля из Пенцельхофа перед свадьбой забеременела от другого, которого зовут Ганс Вильдт, однако, Рингель также давно спал с ней...» [25]. К посланию прилагались признания обвиняемой стороны, показания свидетелей и иные документы, если таковые имелись.

Обращения в Совет города Нюрнберга могли делаться не в письменном виде, а в устной форме. При этом запросы устно излагались шеффенами испрашиваемого разъяснения суда или посланниками провинциальных городов [20, с. 73]. Запросы делались по праву уголовному, гражданскому и др. В области гражданского права речь шла о заключении сделок купли-продажи. В области уголовного права в глаза бросается большое количество противозаконных развратных действий и случаев нарушения супружеской верности, убийства. Кроме того, налицо многочисленные случаи воровства, нанесение тяжких телесных повреждений, драки и т. д. [20, с. 130–131].

Отдельные документы по истории города Нюрнберга можно найти в уголовно-правовых ведомственных книгах Нюрнберга, таких как «Книги объявлений вне закона», «Книги запретов» и «Книги по междуусобицам». К сожалению, на сегодняшний день опубликовано незначительное количество положений Совета города Нюрнберга. Их можно найти в двухтомнике под на-

званием «Постановления Совета города Нюрнберга» лишь в сокращённом варианте [26], [27]. Для данной статьи автором переведены на русский язык названия документов, имеющих отношение к городам Силезии, Польши, Венгрии, Богемии и иных, из этих двух сборников.

Таким образом, данная статья посвящена рассмотрению одной из трёх форм трансферта немецкого права в Центральной и Восточной Европе, а именно: феномену обращения за правовыми пояснениями в спорных или не совсем однозначных ситуациях из «дочерних» городов в так называемые «материнские». Ведь связь с «материнским» городом поддерживалась не только посредством последующего дарования городского права или использованием отдельных статей и параграфов источников этого права судами городов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы; в Богемии, Моравии и других исторических регионах связь могла осуществляться и посредством испрашивания правовых предписаний и правовых уведомлений у Городского совета в Любеке и Нюрнберге, или у шеффенов, то есть судебных заседателей, «материнского» города в Магдебурге.

Литература

1. Келлер, О.Б. Трансферт средневекового немецкого права на земли к востоку от Германии / О.Б. Келлер. – Минск : РИВШ, 2017. – 392 с.
2. Келлер, О.Б. Средневековое немецкое право на землях Центральной и Восточной Европы в XIII–XVIII веках / О.Б. Келлер. – Минск : РИВШ, 2012. – 244 с.
3. Schubart-Fikentscher, G. Die Verbreitung der deutschen Sradtrechte in Osteuropa / G. Schubart-Fikentscher. – Weimar : H. Böhlau Nachf., 1942. – 567 s.
4. Schmidt-Wiegand, R. Die vier Bilderhandschriften des Sachsenspiegels im Vergleich / R. Schmidt-Wiegand // Gott ist selber Recht: die vier Bilderhandschriften des Sachsenspiegels : Oldenburg, Heidelberg, Wolfenbüttel, Dresden : Ausst. in der Schatzkammer der Bibliotheca Augusta vom 12. Febr. bis 11. März 1991 : Ausst. u. Kat. / R. Schmidt-Wiegand, W. Milde ; Herzog August Bibl., Niedersächsische Sparkassenstiftung. – Hannover, 1992. – S. 9–30.
5. Die Magdeburger Schöffensprüche und Rechtsmitteilungen für Schweidnitz / Bearb. : Th. Goerlitz, P. Gantzer. – Stuttgart : W. Kohlhammer, 1940. – IX, 348 s.
6. Die Magdeburger Schöffensprüche und Rechtsmitteilungen für den Oberhof Leitmeritz / Bearb. W. Weizsäcker. – Stuttgart : W. Kohlhammer, 1943. – 425 s.
7. Die Magdeburger Schöffensprüche für die Hansestadt Posen und andere Städte des Warthelandes / Bearb. Th. Goerlitz. – Stuttgart : W. Kohlhammer, 1944. – VIII, 176 s.
8. Magdeburger Recht : in 2 Bd. / Hrsg. F. Ebel. – Köln [etc.]: Böhlau, 1983–1995. – Bd. 2 : Die Rechtsmitteilungen und Rechtssprüche für Breslau. – T. 1 : Die Quellen von 1261 bis 1452. – 1989. – XXXIV, 723 s.
9. Magdeburger Recht : in 2 Bd. / Hrsg. F. Ebel. – Köln [etc.]: Böhlau, 1983–1995. – Bd. 2 : Die Rechtsmitteilungen und Rechtssprüche für Breslau. – T. 2 : Die Quellen von 1453 bis zum Endes des 16. Jahrhunderts. – 1995. – XLII, 817 s.
10. Bunge, F.G. von. Die Revaler Rathslinie: nebst Geschichte der Ratsverfassung und einem Anhang über Riga und Dorpat / F.G. von Bunge. – Nachdr. [d. Ausg.] Reval 1874. – Hannover-Döhren : H. v. Hirschheydt, 1973. – VI, 210 s.
11. Ebel, W. Lübisches Recht im Ostseeraum / W. Ebel. – Köln : Westdt. Verl., 1967. – 49 s. – (Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen; Geisteswissenschaften).
12. Рогачевский, А.Л. Кульмская грамота – памятник права Пруссии XIII в. / А.Л. Рогачевский. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. – 368 с.
13. Lübecker Ratsurteile: in 4 Bd. / Hrsg. W. Ebel. – Göttingen : Musterschmidt, 1955–1967. – Bd. 1 : 1421–1500. – 1955. – XV, 579 s.
14. Lübecker Ratsurteile : in 4 Bd. / Hrsg. W. Ebel. – Göttingen : Musterschmidt, 1955–1967. – Bd. 2 : 1501–1525. – 1956. – 640 s.
15. Lübecker Ratsurteile : in 4 Bd. / Hrsg. W. Ebel. – Göttingen : Musterschmidt, 1955–1967. – Bd. 3 : 1526–1550. – 1958. – 747 s.
16. Lübecker Ratsurteile : in 4 Bd. / Hrsg. W. Ebel. – Göttingen : Musterschmidt, 1955–1967. – Bd. 4 : Ergänzungen und Nachträge, 1297–1550. – 1967. – VIII, 446 s.
17. Asch, J. Rat und Bürgerschaft in Lübeck 1598–1669 : die verfassungsrechtlichen Auseinandersetzungen im 17. Jahrhundert und ihre sozialen Hintergründe / J. Asch. – Lübeck : Schmidt-Römhild, 1961. – 186 s.

18. Келлер, О.Б. Об особенностях Любекского городского права и его отличиях от Магдебургского городского права / О.Б. Келлер // Проблемы государственно-политического развития в истории стран Европы : сб. науч. ст. / Смолен. гос. пед. ун-т ; под ред. Ю.Е. Ивонина, Л.И. Ивониной. – Смоленск, 2004. – С. 42–47.
19. Schultheiß, W. Geschichte des Nürnberger Ortsrechtes / W. Schultheiß. – Nürnberg : Korn u. Berg, 1972. – 26 s.
20. Pütz, K.-R. Heischurteile der Reichsstadt Nürnberg für ihr Territorium im Spiegel der Ratsverlässe (vom 15. bis 18. Jahrhundert) / K.-R. Pütz. – Nürnberg : Stadtarch., 1977. – XV, 142 s.
21. Wenisch, R. Nürnbergs Bedeutung als Oberhof im Spiegel seiner Verlässe / R. Wenisch // Mitt. des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg. – 1962. – Bd. 51. – S. 443–467.
22. Staatsarchiv Nürnberg. – RV 32. – Fol 5`.
23. Staatsarchiv Nürnberg. – RV 64. – Fol 6`.
24. Staatsarchiv Nürnberg. – RV 995. – Fol 16.
25. Staatsarchiv Nürnberg. – RV 2277. – Fol 108.
26. Nürnberger Ratsverlässe : in 2 Bd. – Neustadt an der Aisch : Degener, 1983–1995. – Bd. 1 : 1449–1450 / Hrsg. I. Stahl. – 1983. – XVI, 444 s.
27. Nürnberger Ratsverlässe : in 2 Bd. – Neustadt an der Aisch: Degener, 1983–1995. – Bd. 2 : 1452–1471 / Hrsg. M. Schieber. – 1995. – XI, 313 s.

Тюбингенский университет
Эберхарда и Карла

Поступила в редакцию 23.03.2018

Служение гомельских православных священников в период Первой мировой и гражданской войн

Н.Н. КОЗЛОВА

Систематизируются материалы о «военных» церквях региона. Анализируется деятельность семи церквей полевых запасных госпиталей и центрального городского военного госпиталя, священников городского военного госпиталя и гарнизонного благочинного г. Гомеля (протоиерея В.В. Нименского). На основе выявленных в НИАБ и ГАГО послужных списков священников гомельских городских церквей и священников указанных госпиталей рассматривается деятельность клириков, одновременно служивших и в городских, и в указанных церквях. Выявленные архивные документы констатируют также функционирование в 1913–1919 гг. Свято-Николаевской церкви-вагона Полесских железных дорог. Добросовестное служение клириков в нескольких церквях и неустанная, кропотливая работа в экстремальное время свидетельствует об их гражданской позиции.

Ключевые слова: Первая мировая война, гражданская война, необычные «военные церкви» региона, клирики, гражданская позиция.

The materials about the «military» churches of the region are systematized. The activity of seven churches of the field emergency hospitals and the central city military hospital, as well as the work of the priests of the city military hospital and garrison of the Dean of Gomel (archpriest V. Nimensky) is analyzed. The activities of the clergymen who served simultaneously in the above mentioned churches and the city churches are described on the basis of service records taken in the National Historical Archive of Belarus and the State Archive of the Gomel Region. The study of the archival documents has revealed that there also existed St Nikolay's church-carriage which functioned in 1913–1919 years on the Polesie railway. The fact that the clergymen served simultaneously in several churches and their hard work in the war time shows their civic stand and high moral standards.

Keywords: First World War, Civil War, «unusual military» churches of the region, clergymen, high moral standards, civil position.

Введение. Составная часть богатого историко-культурного наследия Гомельской области – это не только 27 православных храмов, созданных в XVIII–XX вв. и занесенных в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [1, с. 234–310], но и большое количество недостаточно исследованных культовых памятников означенного периода. Дореволюционная история гомельских церквей освещалась в документах НИАБ, ГАГО, Могилевских Епархиальных Ведомостей, Памятной книжке Могилёвской губернии [2], а также фрагментарно в трудах Л. Виноградова [3], Ф. Жудро, И. Сербова, Д. Довгялло [4]. Этноконфессиональные процессы региона описаны в трудах Ал.Вл. Гурко и Ал.Викт. Гурко [5]. Гомельский историк О.Г. Яценко исследовала архивные материалы по истории церквей г. Гомеля [6]. Архитектурные особенности белорусских церквей исследуют академик А.И. Локотко [7] и В.Ф. Морозов [8], А.М. Кулагин [9], Ю.А. Чантурыя [10], особенности церквей региона – И.Г. Малков [11], Е.Р. Маликов [12].

Значительную роль в освещении означенной темы привносит церковное краеведение. Выпускниками Минской духовной семинарии, возрожденной в 1989 году при Свято-Успенском Жировичском монастыре, написано более 30 работ, повествующих об истории благочиний, находившихся на территории современной Беларуси, из них только семь посвящены церковной истории Гомельщины, их создали Г. Прищепов [13], Г. Пшенко [14], Е. Новик [15], В. Дубяго [16], Р. Губаревич [17], В. Грень [18], Д. Шиленок [19], [20]. Следует отметить, что две работы Д. Шиленка описывают другой период – 1920–30 гг. В 2017 г. вышла в свет книга преподавателя Минской Духовной Академии, доцента А.В. Слесарева «Матриолог Гомельской епархии» [21].

В 2013 г. при Гомельской епархии Белорусского Экзархата была создана ЦИК – Церковно-историческая комиссия. На базе личных архивов ее сотрудников – С.В. Цыкунова,

Е.Р. Маликова, Н.А. Шуканова, В.А. Потапова, Н.Н. Козловой, А.В. Ананьева, С.И. Буйнович, семьи Шестаковых – издаются книги по истории приходов региона. При поддержке гомельской епархии подготовлены к печати исследование А.В. Ананьева «История Скитковского монастыря»; серия книг С.В. Цыкунова «Исторические сведения о приходах Гомельской епархии», в апреле 2017 г. издан первый исторический блокнот [22]. В 2018 г. в серии «Духовное наследие Гомельщины», издано исследование С.В. Цыкунова и Н.Н. Козловой «Чонский монастырь. История и судьбы» [23]. Церковно-историческая комиссия полагает, что в отличие от российской историографии, белорусскими историками недостаточно исследована деятельность православного военного духовенства в годы революций и Первой мировой войны. Этот факт отмечен также в работах белорусских историков Э.В. Старостенко [24], [25], С.В. Силовой [12], А.В. Кашеева [26], что и обусловило **цель** работы: воссоздать деятельность представителей РПЦ в г. Гомеле и регионе в период Первой мировой и гражданской войн. Ввести в научный оборот материалы об истории Николаевской привокзальной церкви-вагона, семи церквей *полевых запасных госпиталей Западного фронта*, а также двух церквей при военном госпитале и временной церкви при *«распределительном пункте»*; также актуализировать имена клириков, служивших одновременно в городских и военных церквях города.

Дореволюционная история православных церквей города. В 1914 г. 75 % (338 тыс. из 450 тыс.) населения Гомельского уезда были прихожанами РПЦ [2, с. 46–47]. В 1912 г. в Могилевской губернии (в которую входила восточная половина современной Гомельской области) насчитывалось 7 соборов, 791 церковь. Для сопоставления роли конфессий: служителей религиозных культов в регионе насчитывалось: православных священников – 2155, раввинов – 271, ксендзов – 113 [27, с. 157].

Согласно данным первых гомельских историков начала XX в. Л. Виноградова [3, с. 40], Ф. Жудро, И. Сербова, Д. Довгялло [4, с. 114], в 1900 г. в г. Гомеле богослужения осуществлялись в **11** православных церквях. Это:

а) девять городских: Петропавловский собор (1808–1824 гг.); Троицкая церковь (1828–1833 гг.); Александра Невского церковь в Ново-Белице (1850–1861 гг.); Николаевская церковь в Ново-Белице (1904 г.) (выявлено точное месторасположение) [28, с. 331], [29, с. 151];

б) из них пять домовых: церковь Вознесения Господня при духовном училище (1896 г.); церковь Иоанна Богослова и св. Елизаветы (1856 г.); церковь Александра Невского при городской тюрьме (1895 г.); Успенская Либаво-Роменская железнодорожная церковь (1901 г.); церковь Александра Невского при мужской гимназии (1898 г.);

в) две кладбищенские: Рождество-Богородицкая на Новиковском кладбище в конце Румянцевской улицы (1896 г.); Феодора Тирона на Ново-Белицком кладбище (1885 г.).

Однако, на основании изученных документов МЕВ, НИАБ, ГАГО, ГАООГО, документов Гомельской церковно-исторической комиссии следует дополнить названный список действующих до 1917 г. православных культовых зданий ещё *четырьмя*: Преображенская церковь (1901–1907 гг., улица Замковая, 55). Георгиевская военная церковь (угол улиц Румянцевской и Почтовой). Выявленные автором архивные документы конкретизируют дату постройки – 1905 г. [28, с. 332], [29, с. 152], в то время как предыдущие исследователи ошибочно указывали иные даты – 1900 г. [13, с. 66] и 1904 г. [30, с. 234]. Основателем церкви ошибочно считали военных 160 полка, но на самом деле она была создана на средства государственной казны [31, л. 2]. Никольская привокзальная церковь (1904 г., улица Никольская, 4, в Залинейном районе города); Николаевская церковь в Волотове (1799–1805 гг., древнейшая в городе, располагавшаяся у старого русла р. Сож), не упоминается Ф. Жудро и Л. Виноградовым, очевидно, потому, что в данный период была малопосещаемая прихожанами и временно закрыта в 1907 г. [13, с. 28], [12].

В качестве культовых зданий следует учесть также часовню и усыпальницу князей Паскевичей (являющуюся в настоящее время объектом дворцово-паркового ансамбля) и часовню в честь царя Александра II (размещалась на современной площади Ленина, не сохранилась) [12], [13, с. 45]. В НИАБ были выявлены сведения о привокзальной часовне, построенной на средства Чёнковского монастыря и железнодорожных служащих [32, л. 146], [33, л. 162]. В часовне проходили послушание монахини этого монастыря [32, л. 215], в ней же

состоятельные горожане Петрограда и Ирина Паскевич жертвовали для монастыря средства, конкретно для слепой послушницы Александры Евмененковой, в 1916–1917 гг. (по 50 руб.) [33, л. 156]. Таким образом, накануне Первой мировой войны в регионе функционировали 15 указанных церквей и 3 часовни [28, с. 332], [29, с. 153].

В годы Первой мировой войны на территории современной Беларуси дислоцировались армии Западного фронта, находилось большое число войск, которые прикрывали Московское направление, находилась ставка Верховного Главнокомандующего, поэтому действовало много госпиталей. В г. Гомеле, наряду с указанными церквями, начали работать семь военных госпиталей: № 716, № 791, № 955, № 972, № 151 и Курский [34, л. 23], [35, л. 44]. При них часто имелись церкви, в которых трудились штатные священники. В Ведомстве Протопресвитора Военного и Морского Духовенства особое внимание уделяли работе военных священников, были даже введены новые должности, разъясняющие клирикам их функции в работе с военнослужащими. Главной заботой священника в армии была внекультовая и культовая деятельность: организация богослужений, молебнов и таинств.

Наиболее полная информация о временной церкви Гомельского военного госпиталя, дислоцированной в здании гинекологической больницы, содержится в выявленных метрических книгах этой церкви. Она была построена С. Шабуневским на средства И. Паскевич, действовала с 3.10.1914 г. по 5.11.1916 г. Медперсонал и клирики ухаживали за больными и ранеными, уделяя большое значение поддержанию их духовного и эмоционального состояния, необходимого для выздоровления, тем самым облегчали их страдания. Основную часть обрядов отпевания и погребения православных воинов совершал священник *Георгий Тиховский*, который обобщал сведения о проводимых обрядах.

Треб было много и Г. Тиховскому сослужили известные гомельские священники: Павел Гинтовт, священник Гомельского военного распределительного пункта [36, л. 3, 10–40, 161(б), 162, 218–226, 235–241], [21, с. 5]; Владимир Бутумо (священник Успенской Либаво-Роменской железно-дорожной церкви и настоятель Никольской церкви [21, с. 19], [36, л. 11, 30, 36, л. 146–148, 159–160]; Стефан Цитович, представитель церковной династии, священник тюремной церкви Александра Невского [36, л. 356], гарнизонный благочинный г. Гомеля, протоирей Василий Нименский [36, л. 60, 119, 241]. Также задокументированы четыре священника Троицкой церкви: Феодор Страдомский [36, л. 220–221, 232–233]; Андрей Трусевич [36, л. 224–225, 234–236, 240]; Павел Карнажицкий [36, л. 238, 240, 242–244]; Иоанн Розмаинский [36, л. 97, 101, 194, 222, 236, 238], [36, л. 211(б), 219], [37, л. 29].

Архивные материалы сохранили обстоятельные сведения о полевых запасных госпиталях Западного фронта № 209, 288, 297, 302, 315, 436, дислоцированных на территории Гомельщины; также сохранена информация о служивших в церквях при госпиталях клириках, представленных в таблице. Ее анализ позволяет выявить фамилии священников, служивших одновременно в городских и военных церквях города (в таблице выделены жирным шрифтом).

В означенных госпиталях сослужили также известные гомельские священники: благочинный Гомельских городских церквей Павел Левашов [36, л. 230–232, 239], [38, л. 29] и настоятель Петропавловского собора, протоирей Александр Зыков [36, л. 222–223, 237–238]. Особо следует отметить труд клириков, одновременно задействованных в трудах в военном госпитале и в полевых церквях: А. Богоевский [36, л. 159, 239]; В. Занкевич [36, л. 156, 232]; Н. Шиманский [36, л. 160, 252]; Н. Знаменский и А. Шавельский [36, л. 130, 139, 220, 232]. К ним же следует отнести деятельность иеромонахов Анатолия (священника 279 госпиталя), Алексея, Самуила, Иосафа [36, л. 160, 221, 252]; полковых священников А. Гутаревича и К. Пилинкевича [36, л. 136, 159, 209]; иеромонаха третьего Крестовоздвиженского полка о. Нифонта, который также возглавлял тыловой эвакуационный пункт [36, л. 147–148, 239(а), 257(а)]; Георгия Бардиона [36, л. 63–104], служившего и в Петропавловском Соборе. Следует упомянуть С. Цитовича, в служении церкви полевого запасного госпиталя № 288 он упоминается неоднократно [36, л. 228–230, 234, 237]. Также учтены 4 вышеуказанных священника Троицкой церкви, в частности Иоанн Розмаинский священник Троицкой церкви [39, л. 84]. Он служил также полковым священником в 288 госпитале.

Таблица – Об особенностях функционирования военных госпиталей

Номер госпиталя	Ф.И.О клириков	Количество выполненных треб
Гомельский военный госпиталь	Священнослужители: Г. Тиховский , А. Гутаревич, В. Занкевич, Н. Лысенко, К. Пилинкевич , А. Богоевский, С. Михайловский, И. Барманский, Н. Шиманский; иеромонахи: Анатолий, Алексей, Иосаф	Погребено в 1914 г. – 175, в 1915 г. – 1146, в 1916 г. – 632. Всего – 1953 православных воина. В 1915 г. окрестили 2, а в 1916 г. – 4. Всего 6 человек
№ 209	Священники: К. Пиленкевич , С. Богданович	Погребено в 1915 г. – 128, в 1916 г. – 131, в 1917г. – 16, в 1918г. – 1 воин. Всего – 276 православных воинов
№ 213	Гарнизонный благочинный протоирей В.В. Нименский , священники А. Гутаревич , Н. Шиманский , В. Занкевич, отец Нифонт, церковники: И. Поляков, М. Тимошков, псаломщик Шавельский	Погребено в 1915 г. – 4, в 1916 г. – 97, в 1917 г. – 10. Всего – 111 православных воинов. В 1916 г. – 2, в 1917 г. – 2, в 1918 г. – 1 человек. Крещено 5 человек
№ 288	Полковой священник Иоанн Розмаинский , священники: В. Стрельченко, Н. Лысенко , А. Богоевский , С. Цитович , В. Занкевич , церковники: А. Чалым, Г. Бардион	Погребено в 1916 г. – 132, в 1917 г. – 28, также в 1917 г. – 20 человек, возвратившихся из плена, в 1918 г. – 108, в 1919 г. – 10. Всего – 332 православных воина
№ 297	Два полковых священника: иеромонах Анатолий , протоирей В. Ральцевич , псаломщик И. Кочергин	Погребено в 1915 г. – 56, с января по июль 1916 г. – 64, в 1917 г. – 29. Всего – 149 православных воинов
№ 302	Полковой священник П. Авдашкевич, отец Нифонт , церковники: А. Успенский и Георгий Бардион	Погребено в 1916 г. – 73, в 1917 г. – 5. Всего – 78 православных воинов. Родилось и крещено в 1916 г. – 4 человека
№ 315	Священник протоирей А. Пославский	Погребено в 1917 г. – 1, в 1918 г. – 3. Всего – 4 православных воина
№ 436	Полковой священник И. Васильковский, протоирей В. Ральцевич , иеромонах Андвий, церковники: М. Чернышов и И. Кочергин	Погребено в 1914 г. – 3, в 1915 г. – 58, в 1916 г. – нет умерших, в 1917 г. – 64, в 1918 г. – 3. Всего – 128 православных воинов

Согласно данной таблице, наибольшее количество отпеваний и погребений – **1953** – было осуществлено в церкви Гомельского военного госпиталя, наименьшее – в полевой церкви при военном госпитале № 315 – **4** требы, что дает возможность предположить, что далеко не все осуществляемые требы были задокументированы в экстремальное время и сохранить все документы в годы «военного лихолетья» было практически невозможно.

В документах задокументировано, что кроме погребений, священники указанных госпиталей совершали другие таинства, в частности – крещения [36, л. 24, 62, 101, 132, 134, 271–274]. Хоронили умерших воинов на Гомельском и Новобелицком братских кладбищах, на кладбище Ирины Паскевич, на Люблинском заражном, на холерном кладбище, пригородном военном кладбище, деревенских [36, л. 3–241]. Месторасположение кладбищ в архивных материалах не указано. Часто офицеры строевых частей предлагали прибыть для отпевания и погребения клирикам, например, о. Павлу Гинтовту [36, л. 161(б)].

Погребениями занимались также клирики других конфессий. В военном госпитале служили ксендз Глыбовский, священник старообрядческой Ильинской церкви И. Мамонтов [36, л. 126, 137, 219]. Ксендз Глыбовский отпевал и погребал на кладбище Ирины Паскевич католиков, родившихся в Люблинской губернии: Станислава Монко [36, л. 211] и Станислава Августиняки [36, л. 66], а священник старообрядческой Ильинской церкви о. Мамонтов погребал старообрядцев И. Тихонова, А. Козлова [36, л. 21].

На территории военных действий были созданы следующие подразделения: а) «команда выздоравливающих», в которой служил Николай Тиминский. Он же был задействован в требах в 209 госпитале [36, л. 30–31, 38–41], в 302 госпитале [36, л. 50–51, 60–62], также в 213 госпитале [36, л. 143, 146]; б) «пересыльный пункт» [13, с. 69], в) «распределительный пункт» и временная церковь при нем, средства на существование которых были выделены представителями Русской Армии.

Доказательством большого вклада военнослужащих в создание надлежащей обстановки временной церкви при «распределительном пункте» служит выявленный членом ИЦК А. Ананьевым протокол «Союза гомельских православных приходов» от 26.01.1918 г., в котором указано: «...военные часто за свои средства приобретали необходимую церковную утварь...». Несмотря на годы военного лихолетья, внутреннее убранство церкви оставалось эстетичным и хорошо сохранённым, поэтому в 1919 г. после окончания военных действий и закрытия церкви иконостас и убранство церкви передали на хранение в Никольский храм [39, л. 44, 45 и об.]. Служил в церкви о. Павел Гинтовт [21, с. 49], [36, л. 161(б)].

Тела умерших часто отправляли на родину, причем перед их отправкой священник совершал отпевание [36, л. 211(б)]. Для отправки на родину необходимо было разрешение Генштаба, о чем свидетельствует разрешение священника 297 госпиталя иеромонаха Анатолия (№ 33511 от 13.10.1915) на перевозку тела лекаря 481 госпиталя Павла Садовника в г. Иркутск [36, л. 170(а)]. Гробы перед отправкой запаивали, перевязывали лентой, припечатывали печатью полка и госпиталя. Документы подписывали ординатор, врач, коллежский секретарь, священник [36, л. 170(а), 211(а)].

Документы сообщают, что после Октябрьской революции 1917 г. при отпевании и погребении воинов 288 полка на братском кладбище в Новобелице принимали участие также сотрудники формирующихся органов новой власти: 7 ноября 1917 г. – комиссар 4 части Гомельской городской милиции В. Семенов [36, л. 206(в)], 13 декабря 1917 г. – представитель комитета Солдатских депутатов тыловой оружейной мастерской Западного фронта и комиссар 326 рабочей роты С. Бойко [36, л. 206(г)], 26 декабря 1917 г. – комиссар станции Гомельской Либаво-Роменской железной дороги С. Башлаков [36, л. 111].

Следует отметить, что особый интерес для исследователей Первой мировой войны будет представлять обстоятельное перечисление воинских подразделений (полков, рот), воевавших на территории Гомельщины [36, л. 3–281]. Метрические книги всех полевых запасных госпиталей свидетельствовал Главный священник армий Западного фронта протоирей А. Грифцов, а документы госпиталей № 297 и № 213 – также гарнизонный благочинный г. Гомеля протоирей Василий Васильевич Нименский, годовые отчеты – протопресвитер Г. Шавельский. Месторасположение полевых госпиталей в перечисленных документах НИАБ не указано, но часто упоминается: район «Новобелица», что подтверждается преданиями старожилов города [12]. Больше документов о функционировании данных церквей не выявлено. С роспуском военных формирований потребность в этих церквях отпадала. После 1919 г. данные церкви прекратили свое существование. Построенные бараки разбирали или передавали на хозяйственные нужды. Также были закрыты распределительный пункт и церковь при нем [39, л. 44, 45 и об.].

Выявленные в НИАБ дела свидетельствуют о функционировании передвижной **Свято-Николаевской церкви-вагона** Полесских железных дорог. Эта церковь-вагон была создана в сентябре 1913 г., о чём свидетельствует запись о крещении Софьи Максимовой [40, л. 662]. Священник Автоном Ширинский и псаломщик Евстафий Келлер данной церкви, переезжая от станции к станции, окормляли православных жителей Гомельского уезда [41, л. 562]. Метрические книги сохранили сведения о количестве, поле, возрасте прихожан. Так, в 1916 г. на станции Добруш исповедовались и причастились 31 человек [42, л. 517–518 об.]; на разъезде Закопытье – 97 человек [42 л. 518–519 об.]; на разъезде Прибор – 281 человек [42, л. 520–521]. В 1916 г. они исповедовали и причастили 409 прихожан [42, л. 663–680]. В означенных книгах имеются также записи о рождении и крещении прихожан [42, л. 512–513, 522].

Заключение. На основании обширного круга изученных материалов приводится полный список церквей, действующих в городе в начале XX в. Представлены некоторые неизвестные факты из истории храмов региона, в частности Георгиевской церкви. Приводятся сведения о возникших в г. Гомеле в экстремальный военный период семи госпиталей, о двух церквях при военном госпитале и временной церкви при «распределительном пункте». На основании выявленных архивных материалов проанализирована деятельность шести церквей полевых запасных госпиталей Западного фронта, установлены точные сроки функционирования всех воен-

ных церквей. Следует отметить, что в работах Э.В. Старостенко и С.В. Силовой проанализированы общие тенденции служения православного военного духовенства, в данной же работе приведены конкретные сведения о числе действующих военных церквей исследуемого региона. Воссоздан список имен клириков всех конфессий, служивших в этих церквях, актуализированы имена клириков, служивших одновременно и в городских и военных церквях. Количество проведенных ими треб и постоянная забота священников о раненых свидетельствует об их гражданской позиции, добросовестном служении обществу.

Литература

1. Дзяржаўны спіс гістарычна-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / В.Я. Абламскі, І.М. Чарняўскі, Ю.А. Барысюк. – Мн. : БЕЛТА, 2009. – 680 с.
2. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1916 год – Могилев, 1916. – Гродно: ЮрСа репринт, 2011. – 432 с.
3. Виноградов, Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900 гг. / Л. Виноградов. – Гомель: Сож, 2005. – 44 с.
4. Жудро, Ф.А. Весть Западного отдела Императорского Русского географического общества / Ф.А. Жудро, И.А. Сербов, Д.И. Довгялло. – Вильно, 1911. – 180 с.
5. Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем / Под. ред. А.В. Гурко. – Мн. : Беларуская навука, 2010. – 465 с.
6. Яценко, О.Г. Гомель во второй половине XIX – начале XX века. Историко-этнографический очерк / О.Г. Яценко. – Гомель, 1997. – 80 с.
7. Локотко, А.И. Архитектурное наследие Беларуси (развитие традиций, охрана и реставрация) / А.И. Локотко. – Мн. : ИООО, Право и Экономика, 2004. – 304 с.
8. Морозов, В.Ф. Гомель классический. Эпоха, меценаты, архитектура / В.Ф. Морозов. – Мн. : Четыре четверти, 1997. – 335 с.
9. Кулагін, А.М. Праваслаўныя храмы на Беларусі: энцыклапедычны даведнік / А.М. Кулагін. – Мн. : БелЭн. 2001. – 328 с.
10. Чантурия, В.А. Памятники архитектуры и градостроительства Белоруссии / В.А. Чантурия. – Мн.: Польша, 1982. – 222 с.
11. Малков, И.Г. История и современность каменных православных храмов Белорусского Полесья / И.Г. Малков, Д.П. Ковалев. – Гомель : БелГУТ, 2011. – 110 с.
12. Архивные материалы ИЦК (историко-церковной комиссии).
13. Прищепов, Г. Историческое обозрение храмов Гомеля / Г. Прищепов. – Жировичи : Изд-во Минской Духовной Академии, 2001. – 99 с.
14. Пшенко, Г. Жизнь и проповеднические труды священномученика архиепископа Митрофана Краснопольского (1869–1919гг.) / Г. Пшенко. – Жировичи, 2002. – 239 с.
15. Новик, Е. Историко-статистическое описание приходов Светлогорского благочиния Гомельской епархии / Е. Новик. – Жировичи : Изд-во Минской Духовной Академии, 2009. – 28 с.
16. Дубяга, В. Жизнь и деятельность протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1752) : дисс. ... канд. богос. / В. Дубяга ; Минская духовная академия. – Мн., 2009. – 82 с.
17. Губаревич, Р.О жизни и деятельности И. Григоровича (1792–1852 гг.) / Р. Губаревич. – Жировичи: Изд-во Минской Духовной Академии, 2000. – 75 с.
18. Грень, В. Православные архиереи Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / В. Грень. – Жировичи : Изд-во Минской Духовной Академии, 2003. – 131 с.
19. Шиленок, Д. Жизнь и архипастырские труды епископа Тихона (Шарапова) / Д. Шиленок. – Жировичи : Изд-во Минской Духовной Академии, 2000. – 80 с.
20. Шиленок, Д. Из истории православной Церкви в Белоруссии (1922–1939) (Обновленческий раскол в Белоруссии) / Д. Шиленок. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 2006. – 218 с.
21. Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии / А.В. Слесарев. – Мн., 2017. – 339 с.
22. Цыкунов, С.В. Исторические сведения о приходах Гомельской епархии / С.В. Цыкунов. – Гомель : Барк, 2017. – 170 с.
23. Козлова, Н.Н. Чонский монастырь. История и судьбы / Н.Н. Козлова, С.В. Цыкунов. – Гомель : Барк, 2018. – 490 с.
24. Старостенко, Э.В. Православное военное духовенство Западного фронта в период революционных преобразований 1917 г. в России / Э.В. Старостенко // Веснік МДУ ім. А. Куляшова. – 2017. – № 2. – С. 19–24.

25. Старостенко, Э.В. Изучение деятельности православного военного духовенства в годы первой мировой войны на основе источников личного происхождения / Э.В. Старостенко // Веснік МДУ ім. А. Куляшова. – 2016. – № 1. – С. 86–90.
26. Кащеев, А.В. Наградные листы, как источники по истории военного духовенства Российской империи в годы первой мировой войны / А.В. Кащеев // Веснік БДУ. – 2016. – № 2. – С. 77–81.
27. Канфесіі Беларусі (канец XVIII–XXст.) / навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мн. : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
28. Козлова, Н.Н. Об особенностях развития православных церквей г. Гомеля в первой половине XX века / Н.Н. Козлова. – Мн. : Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы АН РБ, ИООО, Права эканоміка, 2017. – С. 330–338.
29. Козлова, Н.Н. Государственно-церковные отношения Гомельщины межвоенного периода / Н.Н. Козлова // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 149–155.
30. Гомель. Энциклопедический справочник. – Мн. : БелЭн, 1991. – 527 с.
31. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф.3004. – Оп. 1. – Д. 5.
32. НИАБ. – Ф.2301. – Оп. 1. – Д. 721.
33. НИАБ. – Ф.2301. – Оп. 13. – Д. 847.
34. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф.11. – Оп. 1. – Д. 1168.
35. ГАГО. – Ф.11. – Оп.1. – Д. 581.
36. НИАБ. – Ф.2301. – Оп. 13. – Д. 308.
37. НИАБ. – Ф.2301. – Оп. 13. – Д. 12.
38. НИАБ. – Ф.2301. – Оп. 13. – Д. 309.
39. НИАБ. – Ф.2415. – Оп. 1. – Д. 459.
40. НИАБ. – Ф.2301. – Оп. 13. – Д. 9.
41. НИАБ. – Ф.2301. – Оп. 13. – Д. 11.
42. НИАБ. – Ф.2301. – Оп. 13. – Д. 13.

Гомельский государственный колледж
искусств им. Н.Ф. Соколовского

Поступила в редакцию 22.04.2017

УДК 94:323.1:316.64(=161.3)"18/19"

Особенности развития этнонационального самосознания белорусов в конце XIX – 20-х годах XX в.

А.М. КРОТОВ

Анализируются особенности развития этнонационального самосознания белорусов в конце XIX – 20-х гг. XX в. Делается вывод, что первоначальный импульс ему придала борьба России и Польши за преобладание в Беларуси. В рамках этой борьбы сначала поляки, а потом и русские поддержали процесс её этнокультурного возрождения, который в годы Первой мировой войны вышел из-под российского контроля. В 1920-х гг. большевики не только смогли взять контроль над ситуацией в БССР в свои руки, но и возглавили процесс белорусизации, перенаправив его в безопасное для них русло культуры и образования.

Ключевые слова: белорусы, этнонациональное самосознание, менталитет, белорусизация.

The peculiarities of the development of the ethno-national self-consciousness of Belarusians in the late nineteenth century – the twenties of the 20th century – are analyzed. It is concluded that the initial impetus to the development of ethno-national self-consciousness was given by the struggle between Russia and Poland for the predominance of their ideologies in Belarus. As part of this struggle, first the Poles, and then the Russians, supported the process of its ethno-cultural revival, which during the First World War, got out of Russian control. In the 1920's. Bolsheviks not only managed to take control of the situation in the BSSR into their own hands, but also led the process of belarusization, redirecting it to a safe channel for culture and education.

Keywords: Belarusians, ethnonational self-consciousness, mentality, belarusization.

Тот факт, что окружённые близкородственными славянскими народами белорусы долгое время имели большие проблемы по части этнического самоопределения, сегодня в науке споров не вызывает. И русские, и поляки, по большому счёту, смотрели на белорусов как на объект ассимиляции. Не менее категоричными в этом отношении были (и остаются) многие представители украинской национальной идеи. Так, например, Павло Штепа, автор известных в украинском мире трудов «Московство», «Українець і москвин: дві протилежності» в своих рассуждениях об отличиях, существующих между украинцами и русскими, ни разу не упоминает о существовании белорусов как таковых, а белорусские города вовсе называет «украинскими» [1]. Никто из соседей-славян не считал белорусов чужими. Правда и своими тоже не считал. Белорусы являлись объектом воздействия с их стороны – пассивной, управляемой, гуттаперчевой массой.

В XIX в., на очередном витке русско-польского противостояния, сначала поляки, затем русские, стремясь навредить противнику (т. е. друг другу) и ослабить его влияние в Беларуси, стали внушать местному, всё ещё не определившемуся на предмет своей собственной этничности, элементу мысли о его национальной самобытности. Вклад, сделанный поляками в дело белорусского национально-культурного возрождения, является весьма значимым и вряд ли его возможно оспорить. Но истинной их целью было, конечно же, не национально-культурное возрождение Беларуси. В идеале они стремились сохранить за собой Беларусь или, если этого сделать не удастся, хотя бы отколоть белорусов от России.

Российская пропаганда второй половины XIX в. весьма рьяно взялась за искоренение польских влияний в Северо-Западном крае и, не отрицая самобытности этого «во многом отличающегося от остальных русских, русского-же народа – белорусов, потомков древних славянских народов – кривичей и дреговичей» [2, с. 45], сделала многое для пробуждения в среде титульного населения Беларуси белорусского этнического самосознания. Но, как и поляки, русские делали это не ради самих белорусов, а для противодействия «польской каверзе». Насколько успешным оказалось это идеологическое противодействие показало восстание 1863–1864 гг., в ходе которого большинство белорусских крестьян не только не поддержали повстанцев, но и оказывали содействие российским властям в преследовании польских инсургентов [3]. Итак, стараниями поляков и русских, хотя и не белорусофильскими, белорусы

вдруг узнали то, что давно уже подсказывал им их собственный жизненный опыт – что они являются отдельным народом, имеющим свою историю и культуру. В связи с этим сам по себе возникал вопрос о том, почему этот народ не является хозяином своей страны?

Так уж случилось, что к началу процесса белорусского национально-культурного возрождения белорусы не имели собственного этнического автостереотипа – сформированного и идеологически обоснованного взгляда на самих себя. Этническое самосознание их находилось в зачаточном состоянии и проявляло себя только в противопоставлении с представителями других этнических групп, выказывавших в отношении белорусов отчуждённость. Как пишет В. Лобач, в традиционной белорусской (крестьянской) среде механизм самоидентификации срабатывал, прежде всего, в рамках конкретной общины или деревни [4]. В целом можно говорить о том, что белорусское крестьянство испытывало своего рода «комплекс «этнической неполноценности» [5, с. 62].

Но в XIX в. ситуация стала меняться. Сегодня невозможно отрицать тот факт, что внимание представителей белорусской интеллектуальной элиты стало привлекать к себе украинское национально-культурное возрождение, начавшееся в конце XVIII в. Достижения украинцев на этом поприще производили позитивный эффект, вызвали желания им подражать. К примеру, изданная в 1798 г. «Энеида» И.П. Котляревского, которая показала всему миру богатство, мелодичность, выразительность и колоритность украинского языка, его пригодность к чёткому и яркому выражению мыслей на письме, стала объектом подражания, вызвав к жизни белорусскую «Энеиду навыварат», наиболее вероятным автором, которой считается В.П. Ровинский. Желанием подражать, разумеется, дело не ограничивалось – «ветры» с Украины явно не способствовали укоренению в белорусской среде господствовавших в российских общественных и научных кругах представлений о русском народе как широкой этнической общности, состоявшей из великороссов, белорусов и малороссов, и понимавших под «русским языком» все «русские наречия»: великорусское, белорусское и малорусское [6].

Белорусское национально-культурное возрождение стало закономерным результатом долгой и преднамеренной работы польских приверженцев белорускости, а также разбуженных ими и подвигнутых к творчеству на белорусской народной ниве энтузиастов и самородков из числа «тутэйшых», а также российских администраторов «Северо-Западного края», в чьи расчёты, как одно из средств борьбы с польскими влияниями, чудесным для белорусов образом входило умеренное поощрение белорускости.

В рамках этого национально-культурного возрождения в Беларуси начинается процесс формирования белорусского национализма. Скорее всего данное явление надо расценивать как дань моде, ибо никаких предпосылок для него здесь ещё не было. Учитывая реальное состояние этнического самосознания белорусов, о каких шансах развития белорусского национализма, тем более о его перспективах, можно было говорить?

Тем не менее, в ходе Первой мировой войны обстоятельства стали складываться таким образом, что даже у вялого белорусского национального движения появились совершенно неожиданные возможности и перспективы. 21 февраля 1918 г. Исполком Первого Всебелорусского съезда обратился к народам Беларуси с Уставной грамотой, в которой объявил себя временной властью на её территории [7]. 9 марта 1918 г. Исполком принял Вторую Уставную грамоту, в которой объявил Беларусь Белорусской Народной Республикой (БНР). Сам же исполком был переименован в Раду БНР [8]. 25 марта 1918 г. Рада БНР приняла Третью Уставную грамоту, в которой провозглашалась независимость Республики [9].

В немалой степени росту политической активности белорусских политиков в годы Первой мировой войны поспособствовали германские оккупационные власти, которые весьма благосклонно относились ко всему, что было нацелено против России. В то же время политика этих властей была направлена исключительно на соблюдение германских интересов. Немцы вовсе не собирались способствовать созданию белорусского государства в какой-либо из известных на то время форм. Тем не менее, Рада БНР в своей телеграмме, посланной на имя германского императора Вильгельма II, выражала глубокую благодарность за освобождение Беларуси немецкими войсками «з цяжкага ўціску, чужога пануючага зьдзеку і анархіі» [10] и выказывала оптимистическую уверенность, что «толькі пад абаронай Германскай Імпэрыі бачыць край сваю добрую долю у будучыні» [10].

Несмотря на возлагаемые на него надежды, германское руководство отказалось признать независимость БНР. Оно указывало, что препятствием тому является Брестский договор между Германией и РСФСР, которым Германия обязывалась не поддерживать новых государственных образований на территории бывшей России [11].

Стало очевидно, что политическая ситуация развивалась явно не в пользу БНР. Однако судьба её решалась не только ведущими политическими игроками, но и самим белорусским народом, который стоял в стороне от того процесса, в который были задействованы весьма и весьма немногие его представители. Этот народ никогда ничего не решал в своей судьбе и на этот раз тоже не собирался этого делать. Голос первых носителей и популяризаторов национальной идеи не мог быть услышан.

В итоге эксперимент БНР закончился так и не успев толком начаться. Реальное состояние этнического самосознания титульного населения страны не оставляло никаких надежд на исправление ситуации – без проведения в массах соответствующей воспитательной, идеологической работы – и в ближайшей, и в отдалённой перспективе. Как мог белорусский крестьянин, в котором давно уже вытравили чувство хозяина собственной земли, а чувство национального достоинства ещё даже и не зародилось, страстно желать создания белорусского национального государства? Тем более бороться за него, не щадя своей жизни?

Создатели БНР, несмотря на свойственные им иллюзии, понимали насколько не подготовлены были белорусы к решению стоявших перед ними исторических задач. Осознавали, что перед ними был обширный фронт культурно-просветительской и идеологической работы. И начинать надо было с внедрения в сознание масс идеи, что белорусы – отдельный народ, живущий на своей земле, на которой испокон веков жили их предки, у которых их агрессивные и воинственные, а главное – более организованные соседи отобрали право быть её хозяевами.

Не вдаваясь в подробности и оценочные суждения акций, проводившихся в рамках политики белорусизации, предпринятой «незалежниками», следует признать, что на этом поприще за очень короткий период времени последние успели сделать многое. Но проводившаяся ими политика стала свидетельством противоречий, существовавших между их проектом «белорусской идентичности» и реальным состоянием этнического самосознания белорусов.

В начале 20-х гг. XX в. за дело белорусизации взялись большевики. 1 января 1919 г. была провозглашена Советская Социалистическая Республика Белоруссия (в составе Российской СФСР). Причины такого решения народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин, который в партии большевиков ещё с конца 1912 г. считался главным специалистом по национальным проблемам, однако не сообщил, сказав лишь, что ЦК принял решение «по многим соображениям, о которых теперь говорить не приходится, согласиться с белорусскими товарищами на образование Белорусской советской республики» [12]. Понятно, что к такому решению большевиков подталкивали насущные политические обстоятельства. Они же привели к тому, что 31 января 1919 г. ССРБ вышла из состава РСФСР.

Важные решения, оперативно принимаемые большевистским правительством в условиях складывающейся политической конъюнктуры, довольно быстро находили своё отражение и в большевистской идеологии. Тот же Сталин признавал наличие национального вопроса в России и в республиках, с нею связанных: «Хотя при советском режиме... нет уже ни господствующих, ни бесправных наций, ни метрополии, ни колоний, ни эксплуатируемых, ни эксплуататоров, тем не менее национальный вопрос всё же существует... При старом режиме царская власть не старалась и не могла стараться развить государственность на Украине, в Азербайджане, Туркестане и других окраинах, она боролась с развитием государственности на окраинах, так же как и с их культурным развитием, стремясь насильственно ассимилировать местное коренное население» [13, с. 38]. Разумеется, делался вывод, что единственным режимом, способным разрешить национальный вопрос, т. е. режимом, способным создать условия, обеспечивающие мирное сожительство и братское сотрудничество различных наций и племён, является режим Советской власти, режим диктатуры пролетариата [13, с. 38]. Признавал Сталин и то, что положение великорусской нации, являвшейся господствующей, оставило следы своего влияния на «немногочисленных группах русских коммунистов, которые, игнорируя в своей работе особенности быта и культуры на окраинах, иногда уклоняются в сторону русского великодержавного шовинизма» [13, с. 40]. Вместе с тем, Сталин утверждал, что национальный гнёт, существовавший при царском режиме, сказался и на коммунистах из числа местного населения национальных окраин, которые «не умеют иногда

отличить классовые интересы трудовых масс своего народа от так называемых “общенародных” интересов» [13, с. 40]. Он чётко обозначил, что имеет ввиду «уклон в сторону местного национализма, который наблюдался иногда в рядах нерусских коммунистов» [13, с. 40].

10 марта 1921 г., завершая свой доклад на X съезде РКП(б), состоявшемся 8–16 марта 1921 г. в Москве, Сталин сказал: «При Советском федеративном государстве нет больше ни угнетённых наций, ни господствующих, национальный гнёт уничтожен, но, ввиду унаследованного от старого буржуазного порядка фактического неравенства (культурного, хозяйственного, политического) между нациями более культурными и нациями менее культурными, национальный вопрос принимает форму, требующую выработки мероприятий, ведущих к тому, чтобы трудовым массам отсталых наций и народностей облегчить хозяйственное, политическое и культурное преуспеяние, дать им возможность догнать ушедшую вперёд центральную – пролетарскую – Россию» [13, с. 44].

В БССР начинается реализация советского проекта белорусизации, ставившего своей целью внесение таких перемен в этническое самосознание белорусов, которые бы соответствовали идеологическим требованиям советского этнического национализма. В этой кампании участвовали и деятели бывшей БНР, имевшие, как уже выше указывалось, большой опыт белорусизаторской деятельности, в том числе и один из инициаторов создания БНР, председатель Рады БНР Иосиф (Язэп) Лёсик.

А.Ю. Бендин, известный специалист в области исследования белорусско-российских взаимосвязей, национальной идентичности белорусов, межконфессиональных отношений и истории православной церкви, пишет по поводу советского проекта белорусизации следующее: «Коммунистической партии большевиков Белоруссии предстояло в краткий исторический срок сформировать новую коллективную идентичность, то есть титульную нацию советских белорусов. В этой связи административно-командное внедрение белорусского языка в сферу образования, культуры, науки, делопроизводства и пропаганды рассматривалось коммунистами как неотъемлемый элемент советского национального строительства. Русская идентичность населения, связанная с православной традицией и русским языком, должна была уйти в прошлое как исторический пережиток российского «русификаторства» [6].

Большевицкая белорусизация началась по-революционному решительно. Разумеется, она не должна была затрагивать и не затрагивала основ белорусской советской государственности. Не шла речь и о белорусской «национальной идее». Всё свелось к развитию белорусской советской культуры и искусства, развитию белорусского языка и внедрению его в широкий официальный обиход.

Что касается области белорусской литературы и искусства, то следует отметить, что здесь проводился в жизнь принцип социалистического реализма, согласно которому советский человек стал показываться как творец и хозяин новой жизни, и отражались преимущественно события строительства нового общества.

Белорусский язык, как было сказано в одной из статей того времени, стал «злостью дня» [14]. Работа велась масштабно, с задействованием всех партийных и государственных ресурсов, с переводом на него всего документооборота вплоть до армейского устава. Это вызвало неоднозначную реакцию в обществе. Внешне всё выглядело вполне благополучно – большевицкая партия и советская власть определили курс, вызвав воодушевление народных масс, страдавших прежде от русификаторских и полонизаторских влияний. Теперь надо было ждать только победных реляций...

Однако на деле было всё иначе. Рьяное выполнение партийными и советскими работниками полученных указаний традиционалистски настроенным населением не могло быть встречено с пониманием, на которое власть рассчитывала. В уведомление информационно-статистического подотдела ЦК КП(б) об отношении населения к белорусизации в Слуцком округе (22–23 апреля 1926 г.), например, сказано: «Отношение к белорусскому языку всех групп населения Слуцкого округа в общем доброжелательное. Язык начинает прививаться и крестьянство говорит: «Если уже власть заговорила с нами на нашем языке, то [это] будет к добру». Однако в отношении к языку имеется и много отрицательных моментов. Главным образом в связи с литературной терминологией, которая крестьянству не понятна. Почти на всех перевыборных собраниях население требовало разъяснения наказа на русском языке. В дер. Рудное Копыльского района на собрании крестьян было вынесено постановление: «Ликвидировать белорусский язык и потребовать от власти быстрого его уничтожения» [15].

От подобных примеров отдельные авторы переходили к обобщениям: «Язык белорусский стал злобой дня в Белоруссии... Казалось бы, что раз вводится в крае язык белорусский, то населению остается только радоваться – «благодарить и кланяться». А тут как раз наоборот: население на 75–80 % выражает свой громкий протест против своего языка, чтобы его не вводить в жизнь, в учреждения, в школы, чтобы его изъять из употребления... И получилось у нас два враждебных лагеря; с одной стороны – правящие сферы, навязывающие язык населению, а с другой – белорусы, не принимающие в обиход свой язык... Когда впервые здесь насильно, т. е. без всякого плебисцита, стали вводить в школы, в учреждения белорусский язык, то население отнеслось к этой реформе настолько отрицательно, что в деревнях стали раздаваться такие голоса: «Сначала к нам пришли немцы, потом поляки, а теперь идут на нас... белорусы...». Т. е. население стало считать белорусизаторов своими... врагами» [14].

Но, как известно, в конце 1920-х–1930-х гг. советская власть отказалась от белорусизации. Тех деятелей культуры, которые приняли активное участие в её проведении, обвинили в «национал-демократизме» («нацдемовщине»), под которым понималась будто бы враждебная советской власти деятельность с целью восстановления капиталистического строя в Беларуси. Летом 1930 г. по обвинению в «нацдемовщине» было арестовано 108 виднейших деятелей национальной науки и культуры, в их числе академики В. Ластовский, И. Лесик, С. Некрашевич, профессор А. Смолич, нарком земледелия Д. Прищепов, нарком просвещения А. Балицкий, писатели М. Горецкий, Я. Пуца и др. В 1931 г. ряд деятелей культуры были осуждены за принадлежность к «Союзу освобождения Беларуси» – организации, которой в действительности никогда не существовало. В их числе были почти все ведущие языковеды. Их научные труды были признаны «вредительскими», обширные картотеки белорусского языка были изъяты, пользоваться ими было запрещено. На роль её руководителя был «назначен» Янка Купала, который после очередного допроса совершил попытку самоубийства. Обвинения в принадлежности к этой организации были предъявлены и Якубу Коласу. В ходе допросов в ОГПУ по т. н. делу «Союза освобождения Белоруссии» 4 февраля 1931 г. застрелился В.М. Игнатовский. Большинство арестованных были осуждены на различные сроки заключения.

В мае–сентябре 1931 г. были исполнены приговоры и по другим «разработанным» и «вскрытым» ГПУ контрреволюционно-вредительским организациям. Классики белорусской литературы – Янка Купала и Якуб Колас – были раздавлены большевистским воспитательным режимом.

Было репрессировано 26 академиков и 6 членов-корреспондентов Академии наук, большое количество рядовых учёных, преподавателей вузов, более 100 писателей. Поступательный процесс роста белорусской культуры был прерван, возобладали жёсткий идеологический контроль, началась русификация всей жизни БССР.

Противоречивость в развитии культуры Беларуси проявилась в политике ограничения белорусского языка. Правила произношения и правописания, закреплённые в начале XX в. учебником белорусской грамматики Бронислава Тарашкевича (1918 г.), были заменены новыми, которые должны были «отдалить» белорусский язык от польского и «приблизить» его к единому русскому образцу. Подогнанный под эти новые правила белорусский язык получил название «наркомовка» [16].

Однако и принудительная белорусизация, проводившаяся под контролем партийных органов и чекистов, и развернувшаяся затем борьба с нацдемовщиной, так или иначе привлекали внимание белорусов к проблемам их языка и культуры, внушая осознание того, что они являются собой отдельный народ. Тем самым и белорусизацию, и борьбу с нацдемовщиной можно считать факторами, стимулировавшими развитие национального самосознания белорусов.

Итак, всё происходившее с белорусами, белорусским языком и белорусской культурой в конце XIX – 20-х гг. XX в. было закономерной реакцией внешних сил, заинтересованных в сохранении своего господствующего влияния в Беларуси, на естественные изменения, которые происходили в жизни её коренного населения. Белорусы, наконец, стали осознавать свою этническую уникальность, ощущать свою принадлежность именно к белорусской этнической общности, а не какой-либо иной, что грозило при дальнейшем успешном развитии этнонациональных тенденций нежелательными политическими последствиями. Взросление белорусского этноса, вступление его в новую фазу своего развития приводило к изменениям в мировосприятии белорусов, порождая в них понимание того, что сами по себе они являются определённую проблему для тех, кто ими руководит. Белорусский этнонационализм, рождение которого было скорее данью моде и велениям бурного времени, нежели результатом развития

освободительных и национальных устремлений белорусов, не имел серьёзной опоры в массах и вряд ли мог рассчитывать на успех – разве что в неких тепличных условиях. Тем не менее, сам факт его появления знаменовал собой новую веху в жизни белорусского народа. Сами белорусы, по крайней мере подавляющее их большинство, этот переход не ощутили. Однако внешний мир на него отреагировал оперативно – появление БССР и начало белорусского советского строительства стало попыткой большевистской партии возглавить процесс дальнейшего этнополитического развития белорусского народа и направить его в безопасное для российских большевиков – интернационалистов с имперским мышлением – русло.

Литература

1. Штепа, П. Українець і москвін: дві протилежності / П. Штепа. – Дрогобич : Видовнича фірма «Відродження», 2010. – 687 с.
2. Народы России. Живописный альбом. – Спб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1877. – 572 с.
3. Кротов, А.М. Реакция белорусского обывателя на польское национально-освободительное движение на белорусских землях в XIX веке / А.М. Кротов // Беларусь у XIX–XXI стагоддзях : праблемы этнакультурнага і нацыянальна-дзяржаўнага развіцця : зб. навук. арт. – Гомель : ГДУ ім. Ф.Скарыны, 2013. – С. 17–26.
4. Лобач, В. Восточный сосед. Образ русского в белорусской традиционной культуре [Электронный ресурс] / В. Лобач, Ю. Борисёнок // Родина. – 2002. – № 7. – Режим доступа : <http://www.wirade.ru/cgi-in/wirade/YaBB.pl?board=krievs;action=display;num=1084573414;start=0#0>. – Дата доступа : 23.02.2013.
5. Чернявская, Ю. Белорусы. От «тутэйшых» – к нации / Ю. Чернявская. – Минск, 2010. – 512 с.
6. Бендин, А. «Белорусская национальная идея» в свете исторической критики [Электронный ресурс] / А. Бендин. – Ч. II. – Режим доступа : <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/1119-belorusskaya-natsionalnaya-ideya-v-svete-istoricheskoy-kritiki-chast-ii.html>. – Дата доступа : 19.11.2016.
7. Першая устаўная грамата да народаў Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/bcrsb/Дакуманты_і_матар’ялы_сабраныя_..._для_друку_камісіяй_Беларускай_Цэнтральнай_Рады.html#10. – Дата доступу : 14.12.2016.
8. Другая Устаўная грамата [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/bcrsb/Дакуманты_і_матар’ялы_сабраныя_..._для_друку_камісіяй_Беларускай_Цэнтральнай_Рады.html#10. – Дата доступу : 14.12.2016.
9. Трэцяя Устаўная грамата [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/bcrsb/Дакуманты_і_матар’ялы_сабраныя_..._для_друку_камісіяй_Беларускай_Цэнтральнай_Рады.html#10. – Дата доступу : 14.12.2016.
10. Тэлеграма нямецкаму імператару Вільгельму II выслана Радай БНР дня 25 красавіка 1918 г. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/bcrsb/Дакуманты_і_матар’ялы_сабраныя_..._для_друку_камісіяй_Беларускай_Цэнтральнай_Рады.html#10. – Дата доступу : 14.12.2016.
11. Господину Германскому Имперскому Канцлеру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/bcrsb/Дакуманты_і_матар’ялы_сабраныя_..._для_друку_камісіяй_Беларускай_Цэнтральнай_Рады.html#10. – Дата доступу : 14.12.2016.
12. Запись разговора по прямому проводу И.В. Сталина с председателем Северо-западного областного комитета РКП(б) А.Ф. Мясниковым о государственном строительстве Белоруссии (25 декабря 1918 г.) // Беларусь паміж Усходам і Захадам : станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У.Ф. Ладысеў, П.І. Брыгадзін. – Мн. : БДУ, 2003. – С. 265–266.
13. Сталин, И.В. Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. / И.В. Сталин // Сочинения : в 13 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1952. – Т. 5 (1921–1923). – С. 33–44.
14. Артыкул «Имеет ли белорусский народ свой язык и свою культуру?» (16 мая 1926 г.) // Беларусізацыя. 1920-я гады : дакументы і матэрыялы. / У.К. Коршук, Р.П. Платонаў, І.Ф. Раманоўскі, Я.С. Фалей. – Мн. : БДУ, 2001. – 270 с.
15. Паведамлення інфармацыйна-статыстычнага пададдзела ЦК КП(б)Б аб адносінах насельніцтва да беларусізацыі ў Слуцкай акрузе // Беларусізацыя. 1920-я гады : дакументы і матэрыялы / У.К. Коршук, Р.П. Платонаў, І.Ф. Раманоўскі, Я.С. Фалей. – Мн. : БДУ, 2001. – 270 с.
16. Прокопчук, А. Язык мой – враг мой (размышления об исторической судьбе белорусского языка) [Электронный ресурс] / А. Прокопчук. – Режим доступа : <http://jivebelarus.net/publicism/my-tongue-my-enemy.html>. – Дата доступа : 13.11.2016.

УДК [94(476)+[323.311+342.5](476)(091)], „1764”

Рэчыцкія павятовыя соймакі ў бескаралеўе 1764 г.

А.У. МАЦУК

Даследуюцца рэчыцкія павятовыя соймакі ў бескаралеўе 1764 г. на падставе новых крыніцаў – дакументаў двух канкурэнтных рэчыцкіх каптуровых судаў. На рэчыцкім перадканвакацыйным соймаку 1764 г. адбыўся падзел сярод шляхты і прайшло два альтэрнатыўных соймакі прыхільнікаў Радзівілаў і Чартарыйскіх. Крывавыя сутыкненні на пачатку працы рэчыцкага каптуровага суда былі выкліканы імкненнем даказаць законнасць менавіта свайго каптуровага суда. Каптуровая кніга Чартарыйскіх утрымлівае дакументы пра рэчыцкія канфедэрацыі, перадэлецыйны і перадкаранацыйны соймак, якія прайшлі пад кантролем прыхільнікаў Фаміліі.

Ключавыя словы: рэчыцкі павет, соймак, бескаралеўе, сойм, канфедэрацыя, каптуровы суд, гродскі суд, шляхта, Чартарыйскія, Радзівілы.

The sejmiks of Rechitsa povet in the period of interregnum of 1764 are investigated on the basis of new sources – documents of two competitive Rechitsa kaptur courts. It happened, on Rechitsa before-convocation sejmik in 1764 there was a division among the gentry and two alternative sejmiks of the Radziwills and the Czartoryskis supporters passed. The bloody clashes at the beginning of the work of the Rechitsa kaptur court were caused by the desire to prove the legality of its own kaptur court. In these clashes, the Radziwills supporters won. The kaptur book of the Czartoryskis contains documents about Rechitsa confederation, before election and before coronation sejmik, which passed under the control of «the Family» supporters.

Keywords: Rechitsa povet (county), sejmik (province assembly), interregnum, sejm, confederation, kaptur court, grodzk court, gentry, Czartorysky, Radziwill.

Уводзіны. Пад час архіўных пошукаў у Дзяржаўным архіве ў Лодзі нам удалося патрапіць на кнігу рэчыцкага каптуровага суда [1]. Гэтая кніга знаходзіцца ў фондзе Барташэвічаў. Аб гэтай кнізе ў адной са сваіх працаў пісаў Юліян Барташэвіч [2]. Храналагічна дакументы ў яе заносіліся ад 27 лютага да 31 кастрычніка 1764 г. Пранумераваных у ёй 866 аркушаў. Кніга дзеліцца на некалькі частак. Акта каптуровых судаў знаходзяцца ад пачатку кнігі да 415 аркуша. Пасля іх да 613 аркуша ідуць вечыстыя каптуровыя акты. Далей да 643 аркуша знаходзяцца інтрамісіі. Пасля да 697 аркуша змешчаны акты рэчыцкага соймака. Пасля іх да канца каптуровай кнігі знаходзяцца працэсы. Першая справа ў каптуровай кнізе датуецца 27 лютага 1764 г. [2, s. 29, 37]. Зрабіўшы аналіз рэчыцкай каптуровай кнігі, Юліян Барташэвіч шмат увагі ў сваім артыкуле надзяліў барацьбе паміж прыхільнікамі Радзівілаў і Чартарыйскіх. Апісаў крывавае пасяджэнне рэчыцкага каптуровага суда і асуджэнне за гэта радзівілаўскіх прыхільнікаў Юдыцкіх і Антонія Маліноўскага. Спыніўся Барташэвіч на соймакавых дакументах, выкарыстаўшы іх для апісання рэчыцкіх соймакаў 1764 г. Аднак, пры гэтым карыстаўся толькі дзвюма інструкцыямі рэчыцкім паслам на элецыйны і каранацыйны сойм і памінуў іншыя соймакавыя дакументы, якія знаходзяцца ў гэтай каптуровай кнізе. Гэта робіць актуальным правядзенне нашага даследвання па вывучэнні рэчыцкіх павятовых соймакаў у бескаралеўе 1764 г. згодна ўсіх выяўленых соймакавых дакументаў.

Асноўная частка. Сярод розных судовых дакументаў у гэтай кнізе вылучаюцца дакументы, якія тычацца дзейнасці рэчыцкага павятовага соймака. Сярод судовых дакументаў гэта «Працэс Найяснейшага ўсяго прысветнага Рэчыцкага павета супраць мяцежнікаў учынены». Гэты працэс быў актыкаваны ў рэчыцкай каптуровай кнізе 20 красавіка 1764 г. Згодна яму ад соймака адлучыліся гродскія і «два павятовыя» ўраднікі з «кільканасце» шляхты. Менавіта яны праз тры дні пасля заканчэння соймака правялі свой соймак, дзе абралі іншых паслоў і іншы склад каптуровага суда. Больш таго, калі легальна абраныя судзіі каптуровага суда пасля прысягі сабраліся на сваі пасяджэнні, то іх «агнапальнай зброяй, арматамі, кулямі і карцечай набітай» атакавалі. На чале нападаўшых былі рэчыцкія земскія судзічы Юдыцкія, рэчыцкі гродскі рэгент і рэчыцкі канюшыч Антоні Маліноўскі. Яны не паслухаліся і пасрэднакаў, а наадварот жаўнерам «з ручной стрэльбы і арматы агня выдаць казалі» да стаяўшай каля судовай ізбы шляхты. У выніку было забіта 2 шляхцічы і «кільканасце» розных людзей «ні ў чым невінаватых» на тым жа месцы, а іншых

потым пасяклі. Пасля гэтага са сваіх прыхільнікаў, якія ў большасці знаходзіліся пад судовымі дэкрэтамі і ўвогуле не былі вызначаны каптуровымі суддзямі на рэчыцкім перадканвакацыйным соймаку 1764 г., сфарміравалі свой каптуровы суд, які да с'яго часу працягваў сваю працу. Радзівілаўскія прыхільнікі не спыніліся на гэтым і працягвалі напады на законна абраных каптуровых суддзяў і дамы ўраднікаў з прыхільнікаў Фаміліі. У адказ на такія дзеянні мясцовая шляхта заяўляла аб стварэнні канфедэрацыі, а яе маршалкам абрала дырэктара рэчыцкага перадканвакацыйнага соймака рэчыцкага падкаморыя Антонія Халецкага. Таксама было абрана 4 кансыляжы: рэчыцкі гараднічы Ігнат Халецкі, рэчыцкі падстолі Лявон Кяльчэўскі, рэчыцкі падчашы Міхал Прушаноўскі і рэчыцкі падкаморыч Юзаф Халецкі. Шляхта прасіла новаабранага маршалка прызначыць ротмістраў, дзе іх не было, а дзе былі абраны раней, каб зараз прадпрынялі меры для абароны павета. Гэты працэс быў складзены 16 красавіка 1764 г. Свае подпісы пад ім паставіла 55 шляхцічаў. Сярод іх неабходна вылучыць мясцовых ураднікаў і каптуровых суддзяў: канфедэрацкі маршалак і рэчыцкі падкаморы Антоні Халецкі, рэчыцкі войскі і маршалак каптуровага суда Казімір Прушаноўскі, рэчыцкі гараднічы Ігнат Халецкі, рэчыцкі падчашы і рэчыцкі каптуровы суддзя Міхал Прушаноўскі, рэчыцкі падкаморыч і пісар каптуровага суда Юзаф Халецкі, рэчыцкі каптуровы суддзя Томаш Марачэўскі, рэчыцкі каптуровы суддзя Францішак Гурскі, рэчыцкі каптуровы суддзя Феліцыян Гарбачэўскі, рэчыцкі каптуровы суддзя Стэфан Жаўток, смаленскі лоўчы і рэчыцкі каптуровы суддзя Базыль Шаціла, рэчыцкі каптуровы суддзя Антоні Ханецкі, рэчыцкі каптуровы суддзя Якуб Харкевіч, рэчыцкі падстолі Лявон Кяльчэўскі, рэчыцкі лоўчы і пасол на канвакацыйны сойм Томаш Прушаноўскі, лідскі чашніковіч і рэчыцкі каптуровы суддзя Міхал Пакрашыньскі, рэчыцкі каптуровы суддзя Якуб Сенажэцкі і рэчыцкі будаўнічы Павел Сенажэцкі [1, к. 465–476]. Такім чынам, канфедэрацыя прыхільнікаў Фаміліі ў Рэчыцкім павеце была створана 16 красавіка 1764 г. У той самы дзень, што і Генеральная канфедэрацыя ВКЛ у Вільні. Падставай яе стварэння была тая ж: злоўжыванні радзівілаўскіх прыхільнікаў. Праўда, датычылася яна толькі злоўжывання радзівілаўскіх прыхільнікаў не ва ўсім Княстве, а толькі ў Рэчыцкім павеце. Сярод яе стваральнікаў было 6 мясцовых ураднікаў (падкаморы, войскі, падстолі, гараднічы, падчашы, лоўчы і будаўнічы) і 15 каптуровых суддзяў. Менавіта яны і складалі аснову групоўкі прыхільнікаў Фаміліі ў Рэчыцкім павеце.

Дзеянні радзівілаўскіх прыхільнікаў у тым ліку падчас пачатку працы каптуровага суда ў Рагачове сярод іншых было выкарыстана прыхільнікамі Фаміліі для стварэння Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ, якая была створана супраць злоўжыванняў віленскага ваяводы Караля Станіслава Радзівіла і яго прыхільнікаў у Княстве. Нічога дзіўнага, што справа нападу на рэчыцкі каптуровы суд знайшла сваё месца ў пастанове Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ у Вільні 16 красавіка 1764 г. У ёй сцвярджалася, што напад на каптуровы суд быў ажыццёлены ў час, калі ён ужо распачаў сваю працу пад кіраўніцтвам рэчыцкага падкаморыя Антонія Халецкага. Атакаваўшыя былі ўзброены ў агняпальную зброю і гарматы, якія ўжыты для забойства некалькіх шляхцічаў і для фарміравання іх саўдзельнікамі новага каптуровага суда [3, s. 387–388]. Сярод падпісаўшых гэтае пастанаўленне Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ¹ у Вільні да рэчыцкай шляхты толькі адносіцца жэчанскі староста Казімір Халецкі [3, s. 391].

У асобны раздзел у рэчыцкай каптуровай кнізе, які называецца «Акты рэчыцкага соймавання ў 1764 г.», былі выдзелены ўсе дакументы рэчыцкіх павятовых соймакаў 1764 г. Першым дакументам у гэтым раздзеле быў лаўдум рэчыцкага канфедэрацкага соймака ад 25 чэрвеня 1764 г., які быў актыкаваны 26 чэрвеня 1764 г. Гэты соймак быў скліканы ўніверсалам маршалка Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ Міхалам Бжастоўскім і маршалка рэчыцкай канфедэрацыі Антоніем Халецкім. Мясцовая шляхта, нягледзячы на просьбы з універсала Бжастоўскага, адмовілася выставіць жаўнераў іншаземнага ўзору з падаткаў з земскіх і каралеўскіх дымоў. Прычынай была «шчупласць» земскіх дымоў і «недастатковасць» каралеўскіх уладанняў. Таму замест жаўнераў іншаземнага ўзору была выстаўлена стоконная выпраўная харугва. Час збору харугвы вызначаўся праз 6 тыдняў. Падатак на яе збор і ўтрыманне вызначаўся па 8 злотых з дыму з земскіх уладанняў і ажно 40 злотых з каралеўскіх уладанняў. З чачэрскага староства ўстанаўлівалася выплата ў 2400 злотых, а з жыдоў у павеце ў 4000 злотых. Пастанову гэтага канфедэрацкага соймака падпісала 94 шляхцічы на чале з маршалкам і рэчыцкім падкаморыям Антоніем Халецкім, рэчыцкім войскам і маршалкам каптуровага суда Ігнатам Прушаноўскім, рэчыцкім падстоліем Лявонам Кяльчэўскім, рэчыцкім падкаморычам і пісарам каптуровага суда Юзафам Халецкім, рэчыцкім земскім сурагатарам Антоніем Прушаноўскім, рэчыцкім

¹ Падрабязней аб Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ. – [4], [5].

гараднічым (На сам рэч быў гараднічыцам – А.М.) Міхалам Скарынай, рэчыцкім крайчым і каптуровым суддзёй Аляксандрам Ваўком Левановічам і рэчыцкім мастаўнічым Казімірам Збарамірскім [1, к. 645–652], [2, s. 34].

Інструмент далучэння да Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ быў актыкаваны 26 чэрвеня 1764 г. і падпісаны 119 шляхцічамі² на чале з маршалкам рэчыцкай канфедэрацыі Антоніем Халецкім. Цікава, што сярод падпісаўшыхся была нязначнай лічба мясцовых ураднікаў: крайчы Аляксандр Воўк Левановіч, земскі сурагатар Антоні Прушаноўскі, падчашы Самуэль Прушаноўскі [1, к. 753–756], [2, s. 38]. Копія гэтага дакумента ў выглядзе выпіса з рэчыцкай каптуровай кнігі была актыкаваны ў кнігах Метрыкі ВКЛ сярод актаў Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ 1764 г. [6, арк. 122–125].

Згодна інструкцыі кансыляжам да Генеральнай канфедэрацыі рэчыцкаму падчашаму Міхалу Прушаноўскаму і рэчыцкаму падкаморычу Юзафу Халецкаму. Яны мелі данесці аб далучэнні шляхты Рэчыцкага павета да Генеральнай канфедэрацыі. У яе пачатку рэчыцкая шляхта прасіла звярнуць увагу на сітуацыю ў іх уласным павеце. Пералічваліся ўсе шкоды, зробленыя з боку радзівілаўскіх прыхільнікаў. Асабліва звярталася ўвага, што яны ўжо пасля заканчэння перадканвакацыйнага сойма сфарміравалі незаконны другі сойм, дзе былі абраны незаконныя паслы на канвакацыйны сойм і незаконны каптуровы суд. Больш таго, радзівілаўскія прыхільнікі 27 лютага 1764 г. напалі на законны каптуровы суд, які пачаў сваю працу ў Рагачове. Пасля гэтага пасмелі праводзіць пасяджэнні і прымаць рашэнні сваім незаконным каптуровым судом. Да таго ж не хацелі падчыняцца рашэнням Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ аб далучэнні да яго, а наадварот сталі збіраць яшчэ больш жаўнераў, меўшых «агняпальную зброю». У такіх абставінах шляхта прасіла прызнаць за сапраўднымі і пацвердзіць прынятыя ёю пастановы і ўмяшацца з дапамогай войска супраць гэтых парушальнікаў закону ў Рэчыцкім павеце. Некаторыя з гэтых «крыміналістаў» мелі ахоўныя дакументы ад маршалка Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ і таму мясцовая шляхта прасіла скасаваць гэтыя паперы і асудзіць іх згодна закону разам з іншымі «крыміналістамі». Свае подпісы пад інструкцыяй паставіла ажно 102 шляхцічы на чале з маршалкам канфедэрацыі і рэчыцкім падкаморыем Антоніем Халецкім [1, к. 657–664], [2, s. 38–39].

Наступны дакумент гэта крэдэнсы паслам з перадэлекцыйнага сойма 1764 г. на сойм Рэчы Паспалітай. Гэтымі пасламі былі абраны палкоўнік Казімір Халецкі, рэчыцкі падстолі Лявон Кяльчэўскі, рэчыцкі земскі сурагатар Антоні Прушаноўскі, рэчыцкі крайчы Аляксандр Воўк Левановіч, рэчыцкі падстоліч Юры Скарына і лідскі чашніковіч Міхал Пакрашыньскі. Пасольшчына ім была вызначына з сабраных грошай згодна пастановы прошлага канфедэрацкага сойма. Яна мела складаць на кожнага па 400 талераў бітых. Крэдэнс падпісала 29 шляхцічаў на чале з маршалкам і рэчыцкім падкаморыем Антоніем Халецкім [1, к. 665–666]. Далей быў актыкаваны крэдэнс рэчыцкаму палкоўніку, якім быў абраны рэчыцкі падкаморыч Казімір Халецкі. Крэдэнс яму падпісала 30 шляхцічаў на чале з канфедэрацкім маршалкам [1, к. 667–668]. Гэты выбар пацвярджаў вялікае значэнне рода Халецкіх сярод прыхільнікаў Фаміліі.

Інструкцыя рэчыцкім паслам на элекцыйны сойм складалася з 26 пунктаў. Сярод іх вылучым наступныя. У справе выбараў караля шляхта ВКЛ хацела, каб згодна пастановам канвакацыйнага сойма быў абраны толькі радавіты жыхар Рэчы Паспалітай. Рэчыцкая шляхта звяртала ўвагу, што на канвакацыйным сойме з-за ўмяшальніцтва вялікай колькасці каронных паслоў не былі прыняты ўсе падрыхтаваныя праекты законаў для ВКЛ. Для гэтага патрабавалася, каб у далейшым каронныя паслы ня ўмешваліся ў справы ВКЛ. Праекты законаў Княства мелі разглядацца толькі на правінцыйных пасяджэннях ВКЛ на сойме міністрамі, сенатарамі і соймавымі пасламі і галасавацца адзінагалосна ці большасцю галасоў. У гэты ж пункт шляхта дадала патрабаванні, каб выконвалася чарговасць кіраўніцтва соймамі ад паслоў Кароны і Княства, і аб правядзенні кожнага трэцяга сойма ў Гродна. Менавіта таму патрабавалася правесці першы сойм пасля бескаралеўя ў Гродна, не ў Варшаве. У наступным пункце шляхта хацела, каб урады ў ВКЛ надаваліся толькі жыхарам Княства, якія мелі ўладанні тут не менш як пяць год. Акрамя таго, каб гэта было такое ўладанне, каб шляхціч мог, узяўшы ўрад не менш за паўгады ў гэтым уладанні, «прыстойна» жыць. Адначасова, каб земскія, гродскія зрады і староства ў ваяводствах і паветах Княства надаваліся толькі мясцовым шляхцічам, якія тут жа мелі ўладанні. Каб новаабраны кароль не надаваў нават двух міністэрскіх урадаў прадстаўнікам свайго рода.

² Па падліках Дэймантаса Карвеліса 122 рэчыцкія шляхцічы [5, p. 398].

Старства мелі надавацца не больш за два ў адныя рукі. Як не паспелі разгледзець на канвакацыйным сойме пытанне паднясення годнасці віленскага біскупа да арцыбіскупа, то рэчыцкая шляхта хацела ўнясення гэтага пункта ў «пакты канвенты» новаабранага караля. Рэкамендавалі за заслугі Міхала Масальскага новаабранаму каралю. Шляхта скардзілася на гродскіх ураднікаў, якія занябалі вядзенне судовых дакументаў. Безумоўна гэты быў пункт супраць гродскага старосты Альбрэхта Радзівіла і яго прыхільнікаў. Таксама ў інструкцыі прапаноўвалася арганізаваць камісію па рэформе права для скарачэння судовага працэсу і памяншэння выдаткаў. Шляхта прапаноўвала арганізаваць магдэбургскі суд у Жлобіне, каб мець магчымасць судзіць “розных гайдамакаў” і крыміналістаў, якія ўрываліся ў Рэчыцкі павет з-за мяжы. Рэчыцкая шляхта хацела захавання права самой павятовай шляхце абіраць памежных суддзяў. Менавіта таму прасіла, каб пасля каралеўскіх выбараў былі скліканы соймакі для выбару памежных суддзяў. Інструкцыю разам з маршалкам канфедэрацыі і рэчыцкім падкаморыем Халецкім падпісала 143 шляхцічы [1, к. 669–678]. Захаваўся і інструмент на пасольшчыну паслам, абраным на элекцыйны сойм. Як казалася вышэй, пасольшчына для кожнага пасла вызначалася ў 400 талераў бітых. Цікава, што гэты інструмент падпісала яшчэ больш шляхцічаў – 159 [1, к. 679–682].

Дакументы з рэчыцкага перадкаранацыйнага соймака пачынае крэдэнс абраных на ім паслам. Гэтымі пасламі былі абраны рэчыцкі войскі і маршалак каптуровага суда Ігнат Прушаноўскі і рэчыцкі палкоўнік Казімір Халецкі. У крэдэнсе ўпаміналася, што адначасова паслам была выдадзена і інструкцыя з пажаданнямі павятовай шляхты. Разам з канфедэрацкім маршалкам і рэчыцкім падкаморыем Антоніем Халецкім гэты крэдэнс падпісала 68 шляхцічаў [1, к. 683–686].

Інструкцыя рэчыцкім паслам на каранацыйны сойм утрымлівала 32 пункты. Першым з іх рэчыцкая шляхта зноў звяртала ўвагу, што на з-за ўмяшальніцтва вялікай колькасці каронных паслоў на сойме не былі прыняты ўсе падрыхтаваныя праекты законаў для ВКЛ. Для гэтага патрабавалася, каб у далейшым каронныя паслы не ўмешваліся ў справы ВКЛ. Праекты законаў ВКЛ мелі разглядацца міністрамі, сенатарамі і соймавымі пасламі і галасавацца адзінагалосна ці большасцю галасоў толькі на правінцыйных пасяджэннях Княства на сойме. Выказвалася шляхта супраць нядобальнасці гродскіх ураднікаў, якія яшчэ незаконна ўмешваліся ў працу соймакаў. Шляхта скардзілася на крыміналы, якія адбыліся пад час пачатку працы каптуровага суда, калі былі забіты шляхцічы Стэфан Сенажэцкі і Тэадор Харкевіч. Патрабавалася, каб вінаватыя былі пакараны за свае крымінальныя дзеянні згодна закону. Таксама, паўтаралася патрабаванне, каб віленскае біскупства было павышана статусам да арцыбіскупства. Гэтае пытанне разглядалася на канвакацыйным сойме, але як раз было адкладзена да каранацыйнага сойма. Мясцовая шляхта хацела, каб не парушаліся прэагатывы ўлады гетманаў, якія былі прыняты на соймах 1736 і 1764 гг. Для абароны межаў прапаноўвалася павялічыць камплектаванне войска, але без павялічэння колькасці харугваў, устаноўленых на сойме 1717 г. За шматгадовыя заслугі вялікага гетмана ВКЛ Міхала Масальскага рэчыцкая шляхта прасіла надаць яму і ўрад віленскага ваяводы. Рэфэрэндары ВКЛ Антоні Пшаздзецкі быў рэкамендаваны да атрымання ўрада падканцлера ВКЛ. Таксама, у інструкцыі была змешчана агульная рэкамендацыя да караля за заслугі маршалка Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ і канюшага ВКЛ Міхала Бжастоўскага. Рэчыцкая шляхта аплаквала стан каталіцтва ў Рэчы Паспалітай з-за сітуацыі з «прускімі і рускімі» гарадамі, дзе панавалі іншыя канфесіі. Прапаноўвалася палепшыць сітуацыю, павысіўшы статус «рускіх біскупаў», якія мелі атрымаць месцы ў сойме. Лічылася неабходным зрабіць і іншыя крокі да забеспячэння «роўнасці» ўніятаў і «ахвотнейшага злучэння» з каталіцкім Касцёлам. Шляхта хацела, каб выбары памежных суддзяў мелі арганізоўваць паветы. Таму шляхта прасіла вызначыць чарговы тэрмін такіх выбараў. У канцы шляхта выказвала шкадаванне з-за адсутнасці «некаторых шляхцічаў» на мясцовых соймаках «з-за цяжкасцяў» і прасіла паслоў пастарацца рашыць гэтыя праблемы. Таксама, патрабавалася захаваць, як у ранейшыя часы, права «ліберум вета». Гэтая інструкцыя была падпісана 179 шляхцічамі на чале з маршалкам і рэчыцкім падкаморыем Антоніем Халецкім, Самуэлем Прушаноўскім, рэчыцкім гараднічым Ігнатам Халецкім, рэчыцкім лоўчым Томашам Прушаноўскім, рэчыцкім падчашым Міхалам Прушаноўскім, рэчыцкім земскім сурагатарам Антоніем Прушаноўскім, рэчыцкім крайчым Аляксандрам Ваўком Левановічам [1, к. 689–695], [2, s. 34, 39–40].

Нічога не засталася ў гэтай каптуровай кнізе аб рэчыцкім перадканвакацыйным, з якога і пачаўся канфлікт паміж прыхільнікамі Радзівілаў і Чартарыйскіх. Вядома, што падчас яго адбыўся падзел і прайшлі два альтэрнатыўныя перадканвакацыйныя соймакі. З літаратуры вядома, што на ім пад дырэкцый рэчыцкага падкаморыя Антонія Халецкага пасламі былі абраны яго сын Казімір Халецкі і рэчыцкі лоўчы Самуэль Прушаноўскі [7, s. 44]. Нам удалося выявіць інструкцыю гэтым пасламі у мазырскай гродскай кнізе. Яна была занесена ў мазырскім гродскім суддзе 11 лютага 1764 г. пасля непрыняцця яе ў рэчыцкім гродскім суддзе і складалася з 16 пунктаў. Рэчыцкая шляхта патрабавала, каб новым каралём быў абраны «радавіты паляк». Асабліва ўвага звярталася на парушэнні падчас соймакаў і ў розных судах. Рэчыцкая шляхта хацела рэфармавання судовай сістэмы, а дакладней: скарачэння працягласці судовага працэсу; гродскіх і земскіх судоў, у якіх суддзямі мелі быць толькі «радавітыя шляхцічы». Таксама патрабавалася абраць, як мага хутчэй, вышэйшых земскіх ураднікаў. Шмат увагі рэчыцкая шляхта надавала захаванню спакою ад розных «свавольных людзі» ў іх памежным павеце Княства. Мясцовая шляхта хацела аднаўлення шляхецкіх подпісаў, якія былі «заядбань». Свае подпісы пад гэтай інструкцыяй паставіла 284 шляхцічаў на чале з мясцовымі ўраднікамі: падкаморы, соймакавы дырэктар і маршалак канфедэрацыі Рэчыцкага павета Антоні Халецкі, войскі Ігнат Казімір Прушаноўскі, падстолі Лявон Кяльчэўскі, падчасы Самуэль Прушаноўскі, гараднічы Ігнат Халецкі, стражнік Ян Халецкі, крайчы Аляксандр Воўк Левановіч, мастаўнічы Казімір Збарамірскі [8, арк. 1264–1270]. Гэта вельмі значная колькасць падпісаўшых інструкцыю шляхцічаў. Аднак існуюць сумненні ў сапраўднасці гэтых подпісаў, тым больш, што імёны і прозвішчы некаторых шляхцічаў паўтараюцца.

Таксама ў гэтай мазырскай гродскай кнізе быў актыкаваны «Акт элекцыйнага інструмента ад Рэчыцкага павета каптуровым суддзям Рэчыцкага павета даным». Згодна яго было абрана 40 каптуровых суддзяў: рэчыцкі войскі Ігнат Прушаноўскі, рэчыцкі падстолі Лявон Кяльчэўскі, рэчыцкі стражнік Ян Халецкі, рэчыцкі падчасыч Міхал Прушаноўскі, рэчыцкі падкаморыч Юзаф Халецкі, рэчыцкі крайчы Аляксандр Воўк Левановіч, рэчыцкі вайсковіч Хлявінскі, рэчыцкі мастаўнічы Казімір Збарамірскі, рэчыцкі будаўнічы Міхал Шалюта, рэчыцкі ротмістр Антоній Кяльчэўскі, рэчыцкі ротмістр Павел Орда, брацлаўскі стольнік Міхал Маліноўскі, рэчыцкі каморнік Міхал Случаноўскі, рэчыцкі канюшыч Гіляры Скарына, старадубскі стражнік Павел Казлоўскі, смаленскі стольнік Міхал Вышынскі, ражанскі падчасыч Ігнат Шалюта, інфлянцкі лоўчы Баніфацы Гіжыцкі, лідскі чашніковіч Міхал Пакрашынскі, Томаш Марачэўскі, Стэфан Жаўток, Міхал Івашкевіч, Тадэвуш Мурашка, смаленскі лоўчыч Базылі Шаціла, Міхал Левановіч, Павел Стракоўскі, Якуб Сенажэцкі, Міхал Солтан, Францішак Гурскі, Дыанізі Гарбатыўскі, Феліцыян Гарбачэўскі, Антоній Грахоўскі, Ян Сакалоўскі, Якуб Харкевіч, Якуб Давідовіч, Юзаф Усціновіч, Ян Плескі, Антоні Ханецкі, Уладзіслаў Антусевіч, Ігнат Шымкевіч. Свае подпісы пад гэтым «Атам элекцыйнага інструмента» пакінула 137 шляхцічаў на чале з дырэктарам соймака рэчыцкім падкаморыем і маршалкам канфедэрацыі Антоніем Халецкім, рэчыцкім падчасым Самуэлем Прушаноўскім, рэчыцкім гараднічым Ігнатам Халецкім [8, арк. 1260–1263 адв]. Таксама ў мазырскай гродскай кнізе быў актыкаваны працэс дырэктара перадканвакацыйнага соймака рэчыцкага падкаморыя і канфедэрацкага маршалка Антонія Халецкага супраць рэчыцкага гродскага рэгента Антонія Маліноўскага, які адмовіўся прыняць і актыкаваць у рэчыцкай гродскай кнізе інструкцыю рэчыцкім пасламі на канвакацыйны сойм і інструмент суддзям каптуровага суда [8, арк. 1272–1272 адв]. Наступны працэс быў пададзены супраць Юзафа, Іяхіма і Марціна Юдыцкіх, якія са сваімі слугамі і жаўнерамі падчас правядзення рэчыцкага перадканвакацыйнага соймака 6 лютага 1764 г. нападлі на «станцыі» Халецкіх і іншай рэчыцкай шляхты. Больш таго, 7 лютага 1764 г. стралялі з рагачоўскага замка да выязджаўшай з горада шляхты [8, арк. 1273–1273 адв].

У рэчыцкай гродскай кнізе знаходзіцца пастанова рэчыцкага перадканвакацыйнага сойма прыхільнікаў Радзівілаў «як пасламі, так і магілёўскім бернардынам». Згодна гэтай пастанове соймак адбыўся на звычайным месцы на замку ў Рагачове. Як сцвярджалася ў сітуацыі непрыезду рэчыцкага падкаморыя Антонія Халецкага перадканвакацыйны соймак распачаў рэчыцкі гродскі староста Альбрэхт Радзівіл. Потым нібыта былі абраны соймакавы дырэктар, каптуровы суд і паслы на канвакацыйны сойм. Гэтым жа пасламі была складзена і зацверджана інструкцыя. Пасля гэтага былі абраны павятовыя ротмістры: Павел Халецкі і Юзаф Пяскоўскі. Пасля гэтага для паслоў на канвакацыйны сойм рэчыцкага канюшыча Антонія Маліноўскага і рэчыцкага земскага судзіча Юзафа Юдыцкага была вызначына

пасольшчына ў 8 злотых з дыму. Адначасова з пасольшчынай было вырашана сабраць па шостаку з дыму для магилеўскіх бернардынаў. Свае подпісы пад пастановай паставіла 114 рэчыцкіх шляхцічаў на чале з дырэктарам сойма рэчыцкім гродскім старостай Альбрэхтам Радзівілам, а таксама мясцовымі ўраднікамі: стольнікам і гродскім пісарам Юзафам Лявонам Дзерналовічам, мечным Казімірам Вішчынскім [9, арк. 848–849 адв].

Больш інфрамацыі пра гэты перадканвакацыйны соймак 1764 г. захавалася ў дыярыушы гэтага соймака. Аўтарам гэтага дыярыуша быў прыхільнік Радзівілаў і таму ў ім адлюстравана пазіцыя гэтай групойкі на падзеі, якія разгарнуліся падчас рэчыцкага перадканвакацыйнага соймака. Згодна яму яшчэ 4 лютага 1764 г. рэчыцкі стольнік і рэчыцкі гродскі суддзя прыехаў да Рагачова, каб дамовіцца аб выбарах на перадканвакацыйным соймаку 1764 г. і прымірыць Юдыцкіх і Хлявінскіх. Раней прыбыў і рэчыцкі гродскі староста Альбрэхт Радзівіл, які таксама стараўся прымірыць шляхту і прывесці перадканвакацыйны соймак да абрання паслоў. 5 лютага 1764 г. у Рагачоў прыбыў рэчыцкі падкаморы Антоні Халецкі з сынам і Прушаноўскімі на чале ўласнага гарнізона і жаўнераў нанятых у шляхціча Свадкоўскага. Яны не кантактавалі з групойкамі, звязанымі з Радзівіламі, і размясціліся ў новым горадзе, які быў уласнасцю стражніка ВКЛ Людвіка Пацея. 6 лютага 1764 г. у дзень соймака Альбрэхт Радзівіл заклікаў Халецкіх да згоды падчас выбараў на соймаку. Тыя з сваімі прыхільнікамі прыйшлі на замак толькі пасля абеды. Халецкія і іх прыхільнікі не сталі раіцца наконт парадку правядзення соймака і ўзгадняць кандыдатаў на выбар дырэктарам соймака і каптуровых суддзяў. Яны адразу пачалі складаць спіс кандыдатаў да пасольства, якіх набралася ажно – 7. Згодна дыярыуша, Альбрэхт Радзівіл спрабаваў узгадніць з іх двух паслоў. У гэты час Халецкія і іх прыхільнікі накіраваліся ў знаходзячуюся недалёка, тут жа на замку, ад соймакавай шопы царкву. За імі мусілі пайсці Радзівіл і яго прыхільнікі. Усе вярнуліся ў соймакавую шопу толькі а трэцяй гадзіне. Пасля рэчыцкі падкаморы пачаў пасяджэнне соймака, а Радзівіл не перашкаджаў яму, бо меў супраць сябе судовыя дэкрэты. Антоні Халецкі адразу без выбару дырэктара соймака прасіў зачытаць спіс кандыдатаў на выбар паслам. Шляхта на гэта не пагадзілася і пачала прапаноўваць сваіх кандыдатаў на выбар соймакавага дырэктара. Галасы падзяліліся паміж Антоніем Халецкім і Альбрэхтам Радзівілам. Апошні прапанаваў абраць каго іншага сярод ураднікаў ці павятовых ротмістраў. Прыхільнікі Халецкіх прапаноўвалі Прушаноўскага ці каго іншага са сваіх шэрагаў. У выніку ў такіх спрэчках соймак зацягнуўся да заходу сонца і рэчыцкі падкаморы перанёс пасяджэнні на заўтра. Рэчыцкі падкаморыч заявіў яшчэ на выхадзе з шопы, што яго бацька абраны дырэктарам соймака, а ён паслом. Увечары Радзівіл двойчы безвынікова запрашаў Антонія Халецкага на нараду. Халецкія і іх прыхільнікі ў гэты час «у доме жыдоўскім» сабралі шляхту і падпісвалі з ёй якісьці бланк. На другі дзень рэчыцкі падкаморыч заявіў, што абраны паслом разам з Томашам Прушаноўскім. Менавіта, тады Альбрэхт Радзівіл разам з рэчыцкім канюшыцам Маліноўскім, як мелі раней шматгадовае абяцанне шляхты падтрымаць выбар паслом, прасілі Халецкага працягнуць соймак. Аднак, той не пагадзіўся. Не дапамаглі і абяцанні Радзівіла не перашкаджаць рэчыцкаму падкаморычу ў яго прэтэнзіях да ўладання Жлобінам. Пасля таго як Халецкія і іх прыхільнікі выехалі з Рагачова, то радзівілаўскія прыхільнікі правялі свой соймак. Спачатку абралі Альбрэхта Радзівіла дырэктарам соймака. На соймаку прачыталі універсал прымаса, а потым абралі пасламі рэчыцкага канюшыча Маліноўскага і рэчыцкага земскага судзіча Юзафа Юдыцкага. Яны атрымалі ад Радзівіла крэдэнс і інструкцыю. Таксама быў абраны новы склад каптуровага суда, які прынёс прысягу. На чацвёрты дзень радзівілаўскія прыхільнікі закончылі соймак і раз'ехаліся па дамах [10, s. 33–35]. Таксама захаваўся крэдэнс на ротмістраўства Юзафу Пяскоўскаму. 3 яго становіцца вядомым, што выбары ротмістра адбыліся ўжо на гаспадарчым соймаку 8 лютага 1764 г. пад дырэкцыяй Альбрэхта Радзівіла. Свае подпісы пад гэтым крэдэнсам пакінула 45 мясцовых шляхцічаў на чале з дырэктарам соймака рэчыцкім гродскім старостай Альбрэхтам Радзівілам [9, арк. 867–867 адв].

Такім чынам, рэчыцкі перадканвакацыйны соймак скончыўся падзел і прайшлі два альтэрнатыўныя соймакі прыхільнікаў Радзівілаў і Чартарыйскіх. На кожным з іх былі абраны па два паслы на канвакацыйны сойм і былі сфарміраваны свае альтэрнатыўныя склады каптуровага суда. Было зразумела, што ў такіх абставінах працяг канфлікту паміж рэчыцкай шляхтай быў толькі справай часу. Гэта і адбылося падчас пачатку працы каптуровага суда.

Прыхільнікі Фаміліі за подпісамі 71 шляхціча 3 сакавіка 1764 г. з-за непрыняцця ў рэчыцкім гродскім суддзе занеслі ў мазырскай гродскай кнізе працэс супраць нападу Юдыцкіх з «некалькі сотнямі ўзброенных чалавек» на рэчыцкі каптуровы суд. Свае подпісы пад ім паставіла 30 каптуровых суддзяў. Акрамя братаў Юдыцкіх і Антонія Маліноўскага ў гэтым працэсе асабліва падкрэслівалася віна за напад на каптуровы суд рагачоўскага губернатара Баніфацыя Вайводзскага з надворнымі ўланамі стражніка ВКЛ Людвіка Пацея. У выніку гэтага нападу на рэчыцкі каптуровы суд і «станцыю» рэчыцкага падкаморыя Антонія Халецкага «шмат шляхты і розных людзей пазабівалі». З гэтага дакумента становяцца вядомымі ўраднікі гэтага каптуровага суда: маршалак рэчыцкі войска Ігнат Прушаноўскі, віцэ-маршалак рэчыцкі падстолі Лявон Кяльчэўскі, пісар рэчыцкі падкаморыч Юзаф Халецкі, падскарбі Павел Орда³.

Нам удалося выявіць і супрацьлеглую думку на адбыўшыся падзеі прыхільнікаў Радзівілаў. Справа ў тым, што Юдыцкія і Маліноўскі збіраліся бараніцца і ў рэчыцкім каптуровым суддзе прыхільнікаў Радзівілаў. Яны занеслі працэсы і засведчанні аб забітых радзівілаўскіх прыхільніках у прарадзівілаўскім рэчыцкім каптуровым суддзе. Гэтыя дакументы былі актыкаваны на працягу двух дзён: 29 лютага – 1 сакавіка 1764 г. Прычым гэтыя акты ў выніку патрапілі ў рэчыцкую гродскую кнігу⁴. У гэтых дакументах цалкам у іншым свеце паказвае падзеі, якія адбыліся 27 лютага 1764 г. Юдыцкія і Маліноўскі абвінавачвалі супрацьлеглы бок у адбыўшайся бойцы. Згодна ім, менавіта прыхільнікі Фаміліі прыбылі ў Рагачоў і пагражалі сваім праціўнікам. Праціўная Радзівілам групоўка складалася з родаў Халецкіх, Прушаноўскіх, Кяльчэўскіх, Скарынаў, Левановічаў, Гарбачэўскіх, Сенажэцкіх, Жаўткоў і іншых. Менавіта яны і распачалі бойку аддаўшы загад сваім жаўнерам разгнаць удзельнікаў рэчыцкага каптуровага суда. У доказ прыводзілася нават апісанне забітых і параненых прыхільнікаў Радзівілаў на чале з Юдыцкімі. Асабліва падкрэслівалася ўдзел шляхты на баку прыхільнікаў Фаміліі з іншых паведаў на чале са мсціслаўскім ротмістрам і мсціслаўскім земскім сурагатарам Францішкам Парчэўскім і галоўчынскім старостай Антоніем Сवादкоўскім. Менавіта яны нібыта і прывялі жаўнераў у Рагачоў і разам з жлобінскім гарнізонам Халецкіх склалі ўзброеныя сілы прыхільнікаў Чартарыйскіх. Цікавым у гэтым працэсе з’яўляецца сцвярджанне, што Маліноўскі і Юдыцкі былі раней легітымна абраны пасламі на канвакацыйны сойм. Акрамя таго, сцвярджалася, што гэта прыхільнікі Чартарыйскіх перашкаджалі правядзенню каптуровага суда. Такім чынам, фактычна сцвярджалася, што прыхільнікі Радзівілаў мелі абраным легітымны склад каптуровага суда [9, арк. 948–968 адв]. З аднаго з дакументаў становіцца вядомым і гэты склад прарадзівілаўскага каптуровага суда: рэчыцкі стольнік, рэчыцкі гродскі пісар, маршалак каптуровага суда Лявон Дзерналовіч, рэчыцкі гродскі суддзя і пісар каптуровага суда Юзаф Дамінік Фашч, Казімір Вішчыньскі, слонімска падкаморыч Казімір Халецкі, Адам Маліноўскі, Юрый Вірпша, Антоній Палонскі, рэчыцкі вайсковіч Марцін Хлявінскі, падскарбі рэчыцкага каптура Лявон Солтан, Уладзіслаў Антусевіч, рэчыцкі земскі судзіч і віцэ-маршалак каптуровага суда Іяхім Юдыцкі, рэчыцкі ротмістр Юзаф Пяскоўскі, Юзаф Сянкоўскі, Антоні Шынкевіч, Людвік Грушэцкі, Тадэвуш Завадзкі, Людвік Рынінскі, Базылі Акушка і Юзаф Драбышэўскі [9, арк. 968–968 адв]. Такім чынам, бачыцца, што каптуровы суд радзівілаўскіх прыхільнікаў у Рэчыцкім павеце складаўся як мінімум з 19 шляхцічаў на чале з гродскімі ўраднікамі – пісарам Дзерналовічам і суддзёй Фашчам. Цікавы пры гэтым, што Уладзіслаў Антусевіч фігуруе сярод суддзяў і ў рэчыцкім каптуровым суддзе прыхільнікаў Фаміліі.

Вядома, што, аднак, у Рэчы Паспалітай прызналі за сапраўдную версію адбыўшыхся падзей версія прыхільнікаў Фаміліі. У выніку іх прыхільнікі рэчыцкі падчасы Міхал Прушаноўскі і рэчыцкі падкаморыч Юзаф Халецкі былі прызнаны за законна абраных пасламі на канвакацыйны сойм. Таксама быў прызнаны за законна абраны і іх склад рэчыцкага каптуровага суда. Даволі дакладна аб гэтых падзеях падрабязна інфармуе ў сваім дыярыушы

³ Адеутнічалі подпісы наступных каптуровых суддзяў з «акта элекцыйнага інструменту»: рэчыцкі стражнік Ян Халецкі, рэчыцкі вайсковіч Хлявінскі, рэчыцкі мастаўнічы Казімір Збарамірскі, рэчыцкі ротмістр Антоній Кяльчэўскі, рэчыцкі канюшыч Гіляры Скарына, смаленскі стольнік Міхал Вышыньскі, Міхал Левановіч, Юзаф Усціновіч, Ян Плескі, Уладзіслаў Антусевіч.

⁴ Гэтыя акты каптуровага суда былі змешчаны ў рэчыцкай гродскай кнізе 1764 г. ад даты 29 лютага 1764 г. да 15 сакавіка 1764 г. – [9, арк. 944–1078 адв].

прыхільнік Радзівілаў Марцін Матушэвіч. Згодна яго ў радзівілаўскіх прыхільнікаў не атрымалася абраць паслом рэчыцкага гродскага старосту Альбрэхта Радзівіла. Тады яны вырашылі правесці выбар Радзівіла маршалкам каптуровага суда, але і гэта не атрымалася. У выніку радзівілаўскія прыхільнікі справакавалі падзел перадканвакацыйнага соймаку і абранне на сваім соймаку ўласнага складу каптуровага суда, а Радзівіла яго маршалкам. Далей прыхільнікі Чартарыйскіх раней уфундавалі на замку свой каптуровы суд. Тады радзівілаўскія прыхільнікі браты Юдыцкія сабралі людзей і з дапамогай гарматаў атакавалі каптуровы суд. Пад час нападзенне было забіта і паранена некалькі прыхільнікаў Чартарыйскіх. У такіх абставінах нават Альбрэхт Радзівіл не хацеў фундаваць свайго каптуровага суда. Радзівілаўскія прыхільнікі выехалі па дамах з Рагачова. Каптуровы суд прыхільнікаў Фаміліі працягнуў свае пасяджэнні і асудзіў за зробленыя гвалты Юдыцкіх. З іх Юзафа Юдыцкага «на горла». Аднак, прыхільнікі Чартарыйскіх апасаліся арыштоўваць Юдыцкага. На дапамогу прыйшлі расійскія войскі і схапілі Юзафа Юдыцкага. У выніку ён згодна рашэнню каптуровага суда быў растрэляны ў Рагачове. Як заўважаў Матушэвіч «і супраць той справядлівасці не маеш чаго казаць» [11, s. 492].

Заклучэнне. Такім чынам, магчыма зрабіць наступныя высновы. На рэчыцкім перадканвакацыйным соймаку 1764 г. адбыўся падзел сярод шляхты і прайшлі два альтэрнатыўныя соймакі прыхільнікаў Радзівілаў і Чартарыйскіх. На кожным з іх былі абраны паслы на канвакацыйны сойм і асобныя каптуровыя суды. Як удалося ўстанавіць, каптуровы суд прыхільнікаў Фаміліі складаўся з 40 суддзяў, а каптуровы суд прыхільнікаў Радзівілаў з 19 суддзяў. Крыжавыя сутыкненні на пачатку працы рэчыцкага каптуровага суда былі выкліканы імкненнем даказаць законнасць менавіта свайго каптуровага суда. У гэтых сутыкненнях перамаглі прыхільнікі Радзівілаў. Сфармаваны імі каптуровы суд заносіў свае дакументы ў рэчыцкую гродскую кнігу. Іх праціўнікі з боку прыхільнікаў Чартарыйскіх сфарміравалі асобную кнігу рэчыцкага каптуровага суда, якая зараз знаходзіцца ў архіве ў Лодзі. У гэтай кнізе ў асобным раздзеле «Акты рэчыцкага соймавання ў 1764 г.» сабраны дакументы рэчыцкіх канфедэрацкага, перадэлекцыйнага і перадкаранацыйнага соймакаў. Яны паказваюць, што колькасць удзельнікаў гэтых соймакаў вагалася прыкладна ад 100 да 170 шляхцічаў. Гэта былі прыхільнікі Фаміліі, аснову якіх складалі роды Халецкіх, Прушаноўскіх і Кяльчэўскіх. Менавіта прадстаўнікі гэтых родаў у асноўным абіраліся пасламі на элекцыйны і каранацыйны соймы і кансыляжамі на Генеральную канфедэрацыю ВКЛ. Гэтыя роды дамінавалі ў Рэчыцкім павеце пасля перамогі Фаміліі ў ВКЛ і асуджэнні Юдыцкіх за бойку пад час пачатку працы каптуровага суда. Менавіта таму, вышэйзгаданыя канфедэрацкі і перадкаранацыйны соймакі ўтрымлівалі пункты супраць гвалтаў радзівілаўскіх прыхільнікаў Юдыцкіх і Маліноўскага.

Літаратура

1. Archiwum Państwowe w Łodzi. – Archiwum Bartoszewiczów. – Sygn. 251.
2. Bartoszewicz, J. Księga kapturów rzeczyckich / J. Bartoszewicz // Studja historyczne i literackie. – Kraków, 1881. – Т. II. – S. 28–49.
3. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego / Opracował H. Lulewicz. – Warszawa : DiG, 2006. – Tom I. Okresy bezkrólewia. – 437 s.
4. Karvelis, D. 1764 metų Vilniaus generalinė konfederacija / D. Karvelis // Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. – 1996. – Т. XXXIV. – P. 57–75.
5. Karvelis, D. 1764 metų Lietuvos Didžiosios kunigaikštystės generalinės konfederacijos klausimu / D. Karvelis // Lietuvos valstybė XII–XVIII a. – Vilnius, 1997. – P. 395–408.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Кмф-18. – Воп. 1. – С. 534.
7. Szwaciński, T. Sejmiki poselskie przed konwokacją 1764 r. / T. Szwaciński // Kwartalnik Historyczny. – 2006. – R. 113. – Nr 1. – S. 19–56.
8. НГАБ. – Ф. 1728. – Воп. 1. – С. 14.
9. НГАБ. – Ф. 1736. – Воп. 1. – С. 24.
10. Biblioteka Czartoryskich. – Sygn. 948.
11. Matuszewicz, M. Diariusz życia mego / M. Matuszewicz. – Т. 2. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1986. – 815 s.

Савецкая гістарыяграфія адносін паміж Савецкай Расіяй / СССР і Польшчай: змена парадыгмы даследавання ў 1930-я гады

М.М. МЯЗГА

Разгледжаны перамены, якія адбыліся ў 1930-я гады ў савецкай гістарыяграфіі савецка-польскіх адносін. Паказана, што яны былі абумоўлены галоўным чынам зменамі ў дзяржаўнай гістарычнай палітыцы, якая эвалюцыяніравала пад уздзеяннем перамен у знешнепалітычным курсе СССР. Падыходы савецкіх гісторыкаў да вывучэння савецка-польскіх адносін пад уздзеяннем перш за ўсё палітычнага фактару ў акрэслены час змяніліся настолькі істотна, што ёсць падставы гаварыць аб фарміраванні новай парадыгмы даследаванняў.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, савецка-польскія адносіны, даследчая парадыгма, гістарычная палітыка, класавы падыход, ідэя сусветнай рэвалюцыі, пераймальнасць у знешняй плітыцы, дзяржаўны інтарэс, Усходняя Еўропа.

The changes that happened in Soviet historiography of Soviet-Polish relationship in 1930s are discussed. It is shown that they were mainly caused by the changes of government historical politics, which had evolved due to the changes in foreign politics of USSR. The approach used by Soviet historians to study Soviet-Polish relationship changed in such a significant way, that it is possible to say that they started a new research paradigm for their field.

Keywords: historiography, Soviet-Polish relationship, research paradigm, historical politics, class approach, idea of the world revolution, continuity in foreign policy, government interest, Eastern Europe.

Праблема польска-савецкіх адносін займала важнае месца ў савецкай гістарычнай навуцы міжваеннага часу, што звязана з высокай ступенню яе палітычнай актуальнасці. Працы па гісторыі савецка-польскіх адносін прыцягвалі ўвагу як савецкай і партыйнай эліты, так грамадства ў цэлым. Дзяржава і правячая партыя фармавалі гістарычную палітыку, у рамках якой вызначалі асноўныя гістарыяграфічныя палажэнні, на адстойванне якіх нацэльвалася гістарычная навука. У дадзеным артыкуле мы паспрабуем вызначыць, якія змены адбыліся ў савецкай гістарыяграфіі савецка-польскіх адносін у 1930-я гг. ў параўнанні з папярэднім перыядам і выявіць ролю гістарычнай палітыкі дзяржавы ў гэтым працэсе.

Пытанні, звязаныя з роляй дзяржаўнай палітыкі ў развіцці гістарычнай навукі і ўплывам на яе палітычнага фактару, актыўна абмяркоўваюцца на старонках гістарычных прац. Беларускі даследчык В.І. Менькоўскі ў гэтай сувязі сушна заўважае, што «адносная палітызацыя цалкам натуральная для гістарычнай навукі, асабліва для даследчыкаў, вывучаючых навейшую гісторыю» [1, с. 45]. Сучасны польскі гісторык А. Чубіньскі ў сваім даследаванні, прысвечаным развіццю польскай гістарычнай навукі ў міжваенны час, адзначае яе вялікую залежнасць ад палітычнага фактару. Узаемасувязь гісторыі і палітыкі прасочваецца, у прыватнасці, у тым, што ў гістарычным мінулым розныя палітычныя сілы шукалі аргументы ў карысць абгрунтавання сваіх палітычных канцэпцый [2, с. 7, 8]. У сучаснай беларускай гістарыяграфіі з'явіліся першыя працы, прысвечаныя вывучэнню гістарычнай палітыкі. Пад ёй разумеецца актыўнае выкарыстанне гістарычнай навукі ва ўнутры- і знешнепалітычных мэтах дзяржавы [3, с. 243].

Працы савецкіх даследчыкаў па гісторыі савецка-польскіх адносін, якія з'явіліся ў першае дзесяцігоддзе існавання гэтых адносін, асноўваліся на даследчай парадыгме, паводле якой міждзяржаўныя адносіны, асабліва, калі гаворка ішла аб дзяржавах з розным грамадскім ладам, разглядаліся як адна з формаў класавага, ідэалагічнага змагання. Г.Д. Аляксеева пры вывучэнні праблемы станаўлення савецкай гістарычнай навукі ў 1918–1923 гг. прыйшла да абгрунтаванай высновы, што яна з першых крокаў свайго развіцця распрацоўвае «актуальныя праблемы мінулага звязаныя з задачамі сацыялістычнага будаўніцтва, барацьбой на ідэалагічным фронце» [4, с. 11–12]. Пры гэтым самі савецкія гісторыкі ўсяляк падкрэслівалі залежнасць і сувязь гісторыі з палітыкай. М.М. Пакроўскі адзначае, што ідэалогія «ёсць адлюстраванне рэчаіснасці ў розумах людзей скрозь прызму іх інтэрасаў... І ў гэтым сэнсе

ўсякі гістарычны твор ёсць перш за ўсё выразчык пэўнай ідэалогіі». Акрамя таго, ён заклікаў да кожнага гістарычнага твора падыходзіць як да прадукта класавай барацьбы [5, с. 10, 12]. У.К. Шчарбакоў бачыў задачу савецкіх гісторыкаў у тым, каб весці барацьбу з вылазкамі «варожых нам класаў, з вылазкамі контррэвалюцыйных элементаў», у тым ліку і на гістарычным фронце. Задача польскіх буржуазных гісторыкаў, па яго меркаванню, заключалася ў мабілізацыі сіл на барацьбу з СССР [6, с. 8, 56].

Класавы падыход пры вывучэнні гісторыі міжнародных адносін падштурхоўваў савецкіх гісторыкаў да абгрунтавання тэзіса, паводле якога польскія правячыя колы падчас войн 1919–1920 гг. імкнуліся, першым чынам, да ўзнаўлення панавання польскіх памешчыкаў на землях Беларусі, Украіны, Літвы. К. Радак яшчэ падчас вайны пісаў у сувязі з гэтым: «Зыходным пунктам палітыкі польскага ўрада ў адносінах да Расіі з'яўляецца жаданне вырваць з рук сялян, якіх вызваліла руская рэвалюцыя, землі і вярнуць іх буйным польскім памешчыкам» [7, с. 6]. М.П. Паўловіч таксама рабіў акцэнт на класавы аспект польскіх захопаў, але інтэрпрэтаваў яго па-іншаму. Праз захоп тэрыторыі польскі ўрад, па яго меркаванні, імкнуўся, па-першае, адгарадзіцца ад расійскай рэвалюцыі, па-другое, захапіць сыравіну для польскай прамысловасці, вярнуць памешчыкам іх зямлі [8, с. 22, 23].

У.І. Пічэта звязвае тэрытарыяльныя захопы Польшчы з барацьбой польскага ўрада з пагрозай рэвалюцыі. Ён лічыў, што польскія правячыя колы жадалі адсунуць мяжу далей на ўсход, каб «адгарадзіць польскую дзяржаву ад уплыву РСФСР» [9, с. 84]. Класавы характар экспансіі Польшчы на «ўсходнія крэсы», на яго думку, выяўляецца і ў тым, што яна імкнулася «вярнуць памешчыцкія маёнткі». А для гэтага трэба было знішчыць «Савецкія Рэспублікі Літвы і Беларусі» [10, с. 165]. П. Суслаў у сваю чаргу звязваў імкненне Польшчы дасягнуць меж 1772 г. з інтэрасамі «польскіх памешчыкаў, якія валодалі ў гэтых раёнах да рэвалюцыі» большасцю буйных маёнткаў [11, с. 19]. Па меркаванні М. Віслінскага, кіеўскі паход Ю. Пілсудскага таксама быў абумоўлены інтэрасамі правячых класаў Польшчы: «... паход Пілсудскага на Кіеў у 1920 г. быў спробай заваяваць калонію для польскага фінансавага і прамысловага капіталу, спробай вярнуць польскім памешчыкам маёнткі і землі ...», звергнуць савецкі лад, «у якім польская буржуазія бачыла смяротную небяспеку для сваіх класавых інтэрасаў» [12, с. 43].

На змест прац савецкіх аўтараў у 1920-я гады істотны ўплыў аказала ідэя сусветнай рэвалюцыі, якая мела падтрымку ў шэрагах кіраўніцтва Савецкай Расіі. У маі 1920 г. К. Радак у адной са сваіх прац выказваў здагадку, што, чым даўжэй будзе доўжыцца польска-савецкая вайна, тым больш шанцаў на тое, што польскія працоўныя і сяляне звергнуць «злачынную зграю польскіх памешчыкаў і капіталістаў» [7, с. 17]. М.П. Паўловіч пісаў, што знішчэнне шляхецкай Польшчы «з'явіцца ўдарам па ўсёй міжнароднай рэакцыі і прывядзе да перамогі сусветнай рэвалюцыі». Далей ён адзначаў, што з разгромам «шляхецкай Польшчы» знікне бар'ер, які аддзяляе Савецкую Расію ад Германіі і ўсёй Заходняй Еўропы, «дзе ўжо назапасілася шмат гаручага матэрыялу» [8, с. 29–30], гэта значыць, перамога над Польшчай адкрывае шлях для ажыццяўлення рэвалюцыі ў Еўропе. Такім чынам, савецкія аўтары, з аднаго боку, разглядалі пралетарскую рэвалюцыю як фактар, які павінен быў забяспечыць выхад Польшчы з вайны. У той жа час, імі фармаваўся пункт гледжання, паводле якога разгром Польшчы з'яўляўся ўмовай, неабходнай для перамогі сусветнай рэвалюцыі.

Пасля падпісання Рыжскага дагавора ў часткі савецкага кіраўніцтва захоўвалася надзея на хуткую сацыялістычную рэвалюцыю ў Польшчы, што знаходзіла адлюстраванне і ў працах савецкіх аўтараў, прысвечаных гісторыі савецка-польскіх адносін. Напрыклад, Ю. Мархлеўскі пісаў: «Ці будзе ён (Рыжскі мір – М.М.) працяглым залежыць ад працоўнага народа Польшчы» [13, с. 42]. У працах першай паловы 1920-х гг. Ю. Мархлеўскі агучваў ідэю рашэння пытання аб польска-савецкай мяжы, усталяванай у 1921 г., з дапамогай пралетарскай рэвалюцыі, але пры гэтым некалькі па-іншаму расстаўляў акцэнты. Ён пісаў, што «ў момант, калі пралетарыят Германіі звергне панаванне капіталу ў сябе, праб'е таксама апошняя гадзіна для буржуазіі ў Польшчы, бо паміж савецкай пралетарскай Германіяй і савецкай Расіяй няма месца для капіталістычнай Польшчы» [14, с. 51].

К. Радак у працы, выдадзенай у 1923 г., у сваю чаргу, заяўляў аб намеры Савецкай Расіі вярнуць згубленыя ёю заходнія ўскраіны і звязваў гэтыя надзеі, ізноў жа, з рэвалюцыяй. Ён

лічыў, што прызнанне Расіяй незалежнасці Польшчы, Фінляндыі, Эстоніі, Латвіі, Літвы было абумоўлена перавагай сіл Антанты. СССР не збіраецца вяртаць гэтыя тэрыторыі ўзброенай сілай, але, «калі, навучаныя горкім вопытам, ускрайкавыя дзяржавы зразумеюць неабходнасць сабраць разам усе сілы для барацьбы за вызваленне, калі гэтае разуменне прымусіць іх імкнуцца да злучэння з Савецкай Расіяй – яны будуць ёю прынятыя як раўнапраўныя ўдзельнікі Федэрацыі Савецкіх Рэспублік» [15, с. 45].

У такім выданні, як «Грамадзянская вайна 1918–1921», якое выйшла з друку ў 1930 г., пытанне аб перспектывах рэвалюцыі ў Польшчы ўжо вырашалася супярэчліва. З аднаго боку, паказвалася, што палітыка савецкага кіраўніцтва, якая будавалася ў разліку на рэвалюцыю, была правільнай і абгрунтаванай. У той жа час прызнавалася, што нацыяналістычныя настроі ахапілі дробную буржуазію і інтэлігенцыю Польшчы, а сялянства ў лепшым выпадку заставалася нейтральным, а часам выступала і варожа ў адносінах да Чырвонай Арміі [16, с. 392]. Савецкая гістарыяграфія ў 1920-я гг. фактычна прапагандавала, абгрунтоўвала і апраўдвала ідэю сусветнай рэвалюцыі, якая ў той момант з'яўлялася важнай складовай часткай савецкай знешняй палітыкі.

Сярэдзіна 1930-х гг. прынесла істотныя змены ў развіццё савецкай гістарычнай навукі. Палітычны фон, на якім адбываліся гэтыя змены, уключаў адмову І. Сталіна ад ідэі сусветнай рэвалюцыі і канцэнтрацыю намаганняў на барацьбе з фашызмам, г. з., у першую чаргу з Германіяй, што азначала шмат у чым зварот да традыцыйнай палітыкі царскай Расіі [17, с. 220–221]. Такая палітыка прадугледжвала, у тым ліку, узнаўленне панавання СССР ва Усходняй Еўропе. Як справядліва заўважае расійскі даследнік Р. Піхоя, савецкая ўлада, асабліва з 1930-х гг., палічыла патрэбным актыўна выкарыстаць гістарычную навуку для сцвярджэння свайго гістарычнага права на месца ў гісторыі Расіі. Савецкае кіраўніцтва на чале са Сталінам рыхтавала народ да вайны і разумела, што да яе неабходна рыхтаваць і масавую гістарычную свядомасць. Гэта запатрабавала змены канцэпцыі гістарычнага шляху Расіі так, каб сфармаваць у народа пачуццё патрыятызму. Гісторыкі з канца 1920-х гг. павінны былі абгрунтоўваць пераемнасць знешняй палітыкі царскай Расіі і Расіі савецкай. Для гэтага прыйшлося адмовіцца ад канцэпцыі М.М. Пакроўскага, якая мела на ўвазе кардынальныя парывы савецкай гісторыі з гісторыяй царскай Расіі. Ёй на змену прыходзіла ідэя пераемнасці, якую адстойвалі Я. Тарле і С. Платонаў [17, с. 220]. Як адзначае А.М. Дуброўскі, ва ўмовах нарастання пагрозы вайны ў сярэдзіне 1930-х гг. савецкае кіраўніцтва ўсвядоміла слабасць сацыялістычных ідэалаў у якасці мабілізуючай сілы пры абароне СССР і таму вырашыла абаперціся яшчэ і на традыцыйныя расійскія каштоўнасці [18, с. 27]. Ва ўмовах нарастання пагрозы вайны ў ідэалогіі бальшавікоў усё большую ролю адыгрывалі нацыянальна-дзяржаўныя тэндэнцыі. Гістарычная навука і гістарычная адукацыя павінны былі стаць эфектыўным сродкам іх фармавання, а таксама выхавання ў савецкіх людзей пачуцця патрыятызму [18, с. 93–95].

Важнай праблемай, да якой змяняўся падыход савецкай гістарычнай навукі, было ўтварэнне Расійскай імперыі. Пры падрыхтоўцы школьных падручнікаў у 1934 г. палітбюро ўказала, што палітычнае адзінства, дасягнутае з утварэннем СССР, павінна было атрымаць у школьных падручніках па гісторыі сваё гістарычнае абгрунтаванне [19, с. 41, 50]. На пасяджэнні палітбюро 20 сакавіка 1934 г. Сталін казаў аб адмысловай ролі рускага народа, які збіраў іншыя народы ў Расійскую дзяржаву. Гэтая роля была стваральнай, яна падрыхтоўвала ўтварэнне Савецкага Саюза [18, с. 192].

Канцэптually зменамі гістарычнай палітыкі дзяржавы, якая вызначала падыходы да вывучэння гісторыі міжнародных адносін, можна растлумачыць і негатыўнае стаўленне І. Сталіна да публікацыі артыкула Ф. Энгельса «Знешняя палітыка рускага царызму» ў часопісе «Бальшавік» у 1934 г. У ёй Расія падавалася як агрэсар і апора еўрапейскай рэакцыі, на яе фактычна ўскладалася адказнасць за будучую Першую сусветную вайну. Імкненне Расіі да захопу Канстанцінопаля Энгельс назваў у якасці галоўнай прычыны будучай сусветнай вайны, з чым катэгарычна не згаджаўся Сталін [20, с. 21–22].

Змена агульнай даследчай парадыхмы пры вывучэнні гісторыі савецкай знешняй палітыкі пад уплывам новай гістарычнай палітыкі дзяржавы ўнесла істотныя змены ў змест савецкай гістарыяграфіі савецка-польскіх адносін. На першы план выходзіць тэзіс аб барацьбе Савецкай дзяржавы і Польшчы за дамінаванне ва Усходняй Еўропе. У сувязі з

гэтым, пры характарыстыцы польскай экспансіі акцэнт робіцца не на класавыя інтарэсы польскіх памешчыкаў і буржуазіі, а на вялікадзяржаўную палітыку Польшчы. А. Врублеўскі пісаў, што ў аснове польскай усходняй палітыкі ляжала імкненне Пілсудскага да ўзнаўлення Ягелонскай Польшчы. Са спробай рэалізацыі гэтай ідэі савецкі аўтар звязваў захоп Віленшчыны, паход на Кіеў, змаганне з савецкай рэспублікай [21, с. 200–201]. Гэзіс аб вялікадзяржаўнай палітыцы Польшчы як адной з асноўных прычын, якая прывяла да вайны, яшчэ больш выразна гучаў у савецкай гістарыяграфіі ў 30-я гг. XX ст. Я. Іофе абгрунтаваў гэзіс аб планах «польскай буржуазіі» стварыць «вялікую Польшчу ад мора да мора», у якасці прычыны вайны ўказваў на імкненне правячых колаў Польшчы парушыць тэрытарыяльную цэласнасць савецкіх рэспублік. Гэта было звязана з іх планамі стварэння «вялікай Польшчы» з уключэннем у яе склад «Літвы, Беларусі і ўсёй Правабярэжнай Украіны» [22, с. 146, 152].

Прынцыповыя змены зведала ацэнка савецкімі гісторыкамі і польска-германскіх адносін з пункту гледжання іх уплыву на польска-савецкія. Да пачатку 1930-х гг. ва ўмовах Рапала падкрэсліваліся польскія агрэсіўныя памкненні не толькі ў адносінах да СССР, але і Германіі. Напрыклад, Л. Вальнскі ў сваёй працы ўказваў, што Польшча атрымала калідор да Балтыйскага мора, часткі германскай Верхняй Сілезіі па «праву імперыялістычнага разбою». Далей Польшча абвінавачвалася ў падрыхтоўцы агрэсіі супраць Германіі з мэтай уключэння ў свой склад Данцыга і Усходняй Прусіі [23, с. 3–5]. У новых умовах савецкімі гісторыкамі акцэнт рабіўся на супрацоўніцтва польскіх правячых колаў з фашысцкімі дзяржавамі на антысавецкай аснове. Па словах А. Врублеўскага, яны (кіраўнікі польскай дзяржавы – М.М.) гатовыя «хутчэй стаць слугамі Гітлера ў сваёй уласнай краіне, чым пазбавіцца магчымасці трымаць працоўныя масы Польшчы, Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны ў кабале, галечы і голадзе» [21, с. 208–209]. Л. Ломаў тлумачыў польска-германскае супрацоўніцтва ў сярэдзіне 1930-х гг. тым, што «фашысцкая Польшча заўсёды падтрымлівае тую з імперыялістычных дзяржаў, якая ў дадзены перыяд рыхтуе напад супраць краіны Саветаў». Мэта «змовы» Польшчы з фашысцкай Германіяй як раз і ёсць падрыхтоўка вайны супраць СССР [24, с. 55–56].

У працах В. Гальянава Польшча прадстаўлялася як адзін з галоўных праціўнікаў савецкай палітыкі па стварэнні сістэмы калектыўнай бяспекі, бо менавіта яна разам з Германіяй рашуча выступіла супраць падпісання Усходняга пакта. Таксама Польшча абвінавачвалася ў імкненні стварыць «санітарны пояс» з варожых Савецкаму Саюзу дзяржаў, які аблегчыць напад на яе фашысцкай Германіі [25, с. 41–42]. Далей В. Гальянаў указваў на сумесныя намаганні двух дзяржаў, накіраваныя на процідзеянне стварэнню сістэмы калектыўнай бяспекі ва Усходняй Еўропе. Менавіта Польшча, па меркаванні дадзенага аўтара, з'яўляецца краінай, якая найболей актыўна падтрымлівала дзеянні Германіі па разбурэнні сістэмы бяспекі ў Еўропе. Напрыклад, рэзкія прэрэчаны з боку Польшчы сустрэў праект Усходняга пакта, актыўным прыхільнікам якога быў СССР [26, с. 40, 53, 61]. І. Высоцкі канстатаваў, што ў пытанні аб Усходнім пакце выявілася каардынацыя палітыкі Польшчы і Германіі. Польшча заявіла, што яна зможа далучыцца да Усходняга пакта толькі ў тым выпадку, калі да яе далучыцца Германія [27, с. 11].

У агульную парадыгму гістарычных даследаванняў, якая стала пануючай у сярэдзіне 1930-х гг., уносіліся пэўныя лакальныя карэктыроўкі, звязаныя са зменай знешнепалітычнага курсу СССР. Да лета 1939 г., калі асноўнай мэтай савецкай знешняй палітыкі абвешчалася стварэнне сістэмы калектыўнай бяспекі, галоўную небяспеку з боку Польшчы савецкія гісторыкі бачылі ў наладжванні ёю супрацоўніцтва з Германіяй. Пасля падпісання савецка-германскага дагавора аб ненападзе і далучэння да СССР Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны крытычныя стрэлы савецкіх гісторыкаў былі перенацэлены на супрацоўніцтва Польшчы з заходнімі дэмакратыямі. Аб падтрымцы агрэсіі Польшчы з боку заходніх краін яшчэ падчас польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. пісаў у сваіх даследаваннях Ф. Папоў. Згодна яго канцэпцыі, Польшча з'яўлялася ўдзельнікам усіх трох паходаў Антанты супраць Савецкай Расіі. Што датычыцца трэцяга паходу, то ў ім Польшчы адводзілася, па меркаванні дадзенага аўтара, галоўная роля [28, с. 43–44, 55]. А. Матусевіч лічыў, што ідэя Польшчы «ад мора да мора» была «не столькі польскай, колькі антантаўскай і ў першую чаргу французскай агрэсіяй у адносінах да Савецкай Расіі і Германіі» [29, с. 63].

У гістарычных выданнях савецкіх аўтараў прасочваецца выразнае імкненне ўскласці на польскія кіруючыя колы віну за крах польскай дзяржавы ўвосень 1939 г. У. Пічэта ў сваіх даследаваннях робіць Польшчу краінай, якая развязаła Другую сусветную вайну: «... польскія кіраўнікі пачалі вайну супраць Германіі» [30, с. 126]. І.Ф. Лочмель таксама вінаваціў Польшчу ў развязванні вайны з Германіяй. Ён пісаў, што польскія кіраўнікі па ўказанні Англіі і Францыі ўвязаліся ў гэтую вайну [31, с. 153].

Перад савецкай гістарыяграфіяй у рамках гістарычнай палітыкі была пастаўлена задача апраўдаць, абгрунтаваць уступленне Чырвонай Арміі на тэрыторыю Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. На гэта яе нацэльваў шэраг дырэктываў партыйных і дзяржаўных органаў [32, с. 9–10]. Для рашэння пастаўленых задач быў арганізаваны шэраг мерапрыемстваў. Напрыклад, 28 верасня – 11 кастрычніка 1939 г. у Інстытуце гісторыі Украіны Акадэміі навук УССР быў прачытаны цыкл навукова-папулярных дакладаў, прысвечаных гісторыі Заходняй Украіны. У 1940 г. на іх аснове быў выдадзены зборнік артыкулаў. Дадзеная кніга мела, галоўным чынам, прапагандысцкі характар, уключала ў якасці дадаткаў шэраг дакументаў, характарызаваўшых палітыку савецкай улады ў дачыненні да Заходняй Украіны [33, с. 112].

Сярод выдадзеных па гарачых слядах падзей у Заходняй Украіне і Заходняй Беларусі прац адзначым манаграфію І.Ф. Лочмеля. Ён імкнуўся абгрунтаваць уступленне Чырвонай Арміі на тэрыторыю Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. Паводле яго канцэпцыі, народы гэтых тэрыторый былі кінутыя на волю лёсу польскім урадам, паднялі паўстанне супраць акупантаў і чакалі дапамогі ад Савецкай краіны [31, с. 154]. У.І. Пічэта ў сваіх працах таксама прыводзіць аргументы на карысць далучэння да СССР беларускіх і ўкраінскіх тэрыторый. Ён пісаў: «Заходняя Украіна... і Заходняя Беларусь... – гэта спрадвечна рускія землі, якія ўваходзілі ў «імперыю Рурыкавічаў». У этнічным плане іх насельніцтва складала адзінае цэлае з іншымі ўсходнеславянскімі плямёнамі». Ён лічыў, што 70 % насельніцтва Заходняй Украіны – украінцы, а ў Заходняй Беларусі палякаў налічаецца толькі 2,5–5 % [30, с. 3, 126]. У калектыўнай працы «Заходняя Беларусь пад панскім прыгнётам і яе вызваленне» адзначаўся развал польскай дзяржавы пад ударамі германскага войска. У склаўшайся сітуацыі, лічаць аўтары, СССР не мог застацца безуважным да лёсу «адзінакроўных братоў беларусаў і ўкраінцаў. Савецкі ўрад прыняў гістарычнае рашэнне: падаць руку дапамогі сваім братам – беларусам і ўкраінцам, якія насяляюць Польшчу» [34, с. 74]. Па сутнасці, савецкія аўтары паўтаралі ў сваіх працах палажэнні па пытанні далучэння да СССР Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны, якія змяшчаліся ў афіцыйных дакументах савецкай дзяржавы.

У цэлым, у савецкай гістарыяграфіі савецка-польскіх адносін у сярэдзіне 1930-х гг. адбыліся глыбокія змены. Савецкія гісторыкі адмовіліся ад прыярытэту класавага падыходу пры раскрыцці зместу гэтых адносін. Практычна знікла з гістарычных даследаванняў згаданне аб сусветнай рэвалюцыі як фактары, уплываўшым на характар савецкай палітыкі ў адносінах да Польшчы. Пры разглядзе адносін паміж СССР і Польшчай асноўны акцэнт стаў рабіцца на змаганне гэтых дзяржаў за перавагу ва Усходняй Еўропе. Дадзенае змаганне з Польшчай разглядалася як працяг традыцыйнай палітыкі царскай Расіі. Такім чынам, мы можам казаць аб змене ў сярэдзіне 1930-х гг. даследчай парадэгмы пры вывучэнні савецкімі навукоўцамі гісторыі савецка-польскіх адносін. Гэтая змена ў рашаючай ступені была абумоўлена эвалюцыяй гістарычнай палітыкі дзяржавы, што ў сваю чаргу было звязана са зменай знешнепалітычнага курсу СССР у сярэдзіне 1930-х гг. Савецкая знешняя палітыка вызвалілася ад істотнага ўплыву канцэпцыі сусветнай рэвалюцыі. На першы план выйшла традыцыйная расійская палітыка барацьбы за панаванне ва Усходняй Еўропе. Гісторыкі, якія займаліся вывучэннем знешняй палітыкі СССР, пад уплывам гістарычнай палітыкі дзяржавы, павінны былі змяніць парадэгму сваіх даследаванняў, у тым ліку і савецка-польскіх адносін, каб абгрунтаваць новы знешнепалітычны курс кіраўніцтва краіны. Вопыт савецкай гістарыяграфіі савецка-польскіх адносін міжваеннага часу паказвае, наколькі высокая ступень залежнасці гістарычнай навукі ад палітычнага фактару, асабліва, калі яна вывучае праблемы, не страціўшыя сваёй палітычнай актуальнасці.

Літаратура

1. Меньковский, В.И. История и историография: советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов / В.И. Меньковский. – Минск : БГУ, 2007. – 359 с.
2. Czubiński, A. Spory o II Rzeczpospolitą / A. Czubiński. – Poznań : instytut zachodni, 1988. – 84 s.
3. Вялікі, А. Гістарычная палітыка ў Беларусі: 1921–1939 гг. Польскі напрамак / А. Вялікі // Спрэчныя

- пытанні. 3 гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у 1918–1945 : зб. навук. прац II IV Міжнародных навукова-тэарэтычных канф., Мінск, 2010–2012 / пад рэд. Э. Расоўскага, А. Вялікага. – Мінск, 2013. – 282 с.
4. Алексеева, Г.Д. Развитие советской исторической науки 1917–1923 годы : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г.Д. Алексеева. – М., 1961. – 18 с.
  5. Покровский, М.Н. Историческая наука и борьба классов / М.Н. Покровский. – М.–Л. : Гос. соц.-эконом. издат., 1933 – 327 с.
  6. Шчарбакоў, В.К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі / В.К. Шчарбакоў. – Менск : Выдавецтва Беларускай акадэміі навук, 1934. – 104 с.
  7. Радек, К. Война польских белогвардейцев против Советской России / К. Радек. – М. : Госиздат, 1920. – 24 с.
  8. Павлович, М. Война с польскими панамі (Польско-шляхетская авантюра) / М. Павлович. – М., 1920. – 32 с.
  9. Пічэта, У. Польска-савецкія адносіны і рыскі мір / У. Пічэта // Польшча. – 1928. – № 5. – С. 83–100.
  10. Пічэта, У. Польска-савецкія адносіны і рыскі мір / У. Пічэта // Польшча. – 1928. – № 4. – С. 146–166.
  11. Суслов, П.В. Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 г. / П.В. Суслов. – М.–Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1930. – 174 с.
  12. Вислинский, М. Внешняя политика Польши на современном этапе / М. Вислинский // Пропагандист. – 1935 – № 10. – С. 42–47.
  13. Мархлевский, Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией / Ю. Мархлевский. – М. : Госуд. издат., 1921. – 43 с.
  14. Мархлевский, Ю. Из истории Польши (посмертные статьи) / Ю. Мархлевский. – М. : Госуд. воен. издат., 1925. – 52 с.
  15. Радек, К. Внешняя политика Советской России / К. Радек. – М. : Госуд. издат., 1923. – 112 с.
  16. Гражданская война 1918–1921. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии : в 3 т. – М.–Л. : Государственное изд. Отдел военной книги, 1930. – Т. 3. – 560 с.
  17. Сталин, И.В. Историческая идеология в СССР / И.В. Сталин. – С.-Пб., 2006. – 494 с.
  18. Дубровский, А.М. Историк и власть: историческая наука СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) / А.М. Дубровский. – Брянск : Издательство Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. – 800 с.
  19. Пихоя, Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века / Р.Г. Пихоя // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 28–53.
  20. Сталин, И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»: Письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б). 19 июля 1934 г. // Сочинения : в 16 т. – М. : Изд-во «Писатель», 1997. – Т. 14. – С. 18–23.
  21. Врублевский, А. Польша / А. Врублевский. – М. : Гос. соц.-эконом. издат., 1936. – 212 с.
  22. Иоффе, Я. Организация интервенции и блокады советской республики 1918–1920. Очерк / Я. Иоффе. – М.–Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1930. – 167 с.
  23. Волынский, Л. Антисоветский союз шести. Франция и ее союзники / Л. Волынский – М. : Партиздат, 1932. – 40 с.
  24. Ломов, Л. Польша и ее армия / Л. Ломов. – М. : Гос. воен. издат., 1935. – 64 с.
  25. Гальянов, В. Куда идет Польша / В. Гальянов // Фашистская Польша в тупике – Лн. : Ленинградское областное издат., 1938. – С. 36–46.
  26. Лемин, И. Угроза войны и мирная политика СССР / И. Лемин. – М. : Воениздат, 1940. – 80 с.
  27. Высоцкий, И. Внешняя политика фашистской Польши / И. Высоцкий // Коммунистический Интернационал – 1935. – № 16–17. – С. 10–17.
  28. Папоў, Ф. Барацьба беларускага народа з белапольскімі акупантамі ў 1919–1920 гг. / Ф. Папоў // Бальшавік Беларусі. – 1940. – № 6. – С. 41–59.
  29. Манусевич, А. Исторические предпосылки краха Польши / А. Манусевич // Исторический журнал. – 1939. – № 11. – С. 58–69.
  30. Пичета, В. Основные моменты развития Западной Украины Западной Белоруссии / В. Пичета. – М.–Л. : Гос. соц.-эконом. издат., 1940. – 136 с.
  31. Лочмель, И.Ф. Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов / И.Ф. Лочмель. – М.–Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1940. – 163 с.
  32. Сяргеева, Г.Г. Гісторыя славянскіх народаў у працах беларускіх савецкіх даследчыкаў / Г.Г. Сяргеева, П.Ц. Петрыкаў, У.М. Міхнюк. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 36 с.
  33. Даниленко, В.М. Ліквідацыя Польскай дзяржавы та встановлення радянскага рэжыму в Західній Україні / В.П. Даниленко // Український історичний журнал. – 2006. – № 3. – С. 111–125.
  34. Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне. – Мінск : Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1940. – 96 с.

УДК 930. 1 (09) (БЕИ)

Гістарыяграфічныя аспекты Рыжскага міру ў кантэксце гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг.

А.А. САВІЧ

Даследуецца працэс асэнсавання і асвятлення ў друку Рыжскага мірнага дагавора як прававой падставы знаходжання Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы. Беларуская грамадскасць, палітыкі, паэты і навукоўцы першапачаткова адмоўна адрагавалі на рыжскія пагадненні, рэзка крытыкуючы яго гвалтоўны несправядлівы характар для Беларусі. Аднак пад уздзеяннем партыйна-дзяржаўных цензурных інстанцый стаўленне беларускіх гісторыкаў да Рыжскага міру змякчалася, увасабляючыся ў прымітыўную схему. Незалежнасць Рэспублікі Беларусь спрыяла паглыбленню і аб'ектывізацыі навуковага асэнсавання Рыжскага міру, адэкватнаму разуменню стану Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы.

Ключавыя словы: Рыжскі мір, Заходняя Беларусь 1921–1939 гг., гісторыкі, ідэйная барацьба, партыйна-дзяржаўная ідэалогія, схематызацыя, нацыянальна-дзяржаўная канцэпцыя, аб'ектывізацыя.

The process of comprehension and media coverage of the Riga Peace Treaty as the legal basis of staying of Western Belarus as part of interwar Poland is considered. The Belarusian public, politicians, poets and scientists initially reacted negatively to the Riga agreements, sharply criticizing its violent unjust character for Belarus. However, under the influence of party-state censorship authorities, the attitude of Belarusian historians to the Riga Peace was mitigated, embodying a primitive scheme. The independence of the Republic of Belarus has contributed to the deepening and objectification of scientific understanding of the Riga Peace, an adequate understanding of the situation of the presence of Western Belarus as part of Poland.

Keywords: Riga Peace, Western Belarus 1921–1939, historians, ideological struggle, party-state ideology, schematization, national-state concept, objectification.

Рыжская мірная дамова ад 18 сакавіка 1921 г. з'яўляецца ключавой падзеяй у гісторыі Беларусі XX стагоддзя, сваёй ёмістай перадгісторыяй, ходам перамоў, сутнасцю і наступствамі яна на доўгія гады перадвызначыла дзяржаўна-палітычныя, палітыка-дыпламатычныя, этнакультурныя працэсы ва Усходняй Еўропе, абумоўліваючы сваім красамоўным дэтэрмінізмам як лакальныя, так і буйнамаштабныя міжнародныя падзеі. Заключаны як кампраміс паміж знясіленымі ваенным ліхалеццем дзяржавамі, гэты мір канчаткова прыпыніў адкрытую ваенную фазу польска-савецкага супрацьстаяння, перафарматаваўшы недабразычлівыя адносіны геапалітычнага саперніцтва паміж Польшчай і Савецкай Расіяй ў нябачную барацьбу разнастайных спецслужбаў. Рыжскі мір, заключаны без уліку беларускіх інтарэсаў і ў адсутнасці паўнаважных беларускіх прадстаўнікоў, у сістэме тагачасных гістарычных падзей, апрача афармлення адпаведных бакоў польска-савецкіх адносін і фарміравання геапалітычнай структуры Усходняй Еўропы, перадвызначыў і становішча Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. як часткі міжваеннай Польшчы. Адзначым, што адпаведная праблематыка ў айчыннай гістарыяграфіі сфарміравалася як асобны накірунак гістарычных даследаванняў [1]. У разуменні значэння Рыжскага міру ў дачыненні да Заходняй Беларусі вялікае значэнне мае гістарыяграфічнае асэнсаванне тэмы, якое дагэтуль не атрымала свайго выяўлення. Наяўныя публікацыі гістарыяграфічнага характару, у тым ліку абагульняльная праца па гісторыі Рыжскага міру і яго наступстваў [2, с. 26–28], працы У. Міхнюка, Р. Лазько, М. Мязгі і В. Бароўскай [3], [4], [5], [6], [7] у іх гісторыка-навуковым аспекце накіраваны на асэнсаванне пагадненняў у Рызе як падзеі міжнароднага, дыпламатычнага характару, якая падвяла рысу пад польска-савецкай вайной, у той час як гістарыяграфічныя аспекты пострыжскіх наступстваў для Заходняй Беларусі ў асноўным аказаліся па-за ўвагай даследчыкаў. Айчынная гістарыяграфія Рыжскага міру як прававой падставы ўключэння Заходняй Беларусі ў склад Польшчы і інтэграцыі адпаведных тэрыторый ў агульнапольскі арганізм за прайшоўшы час сфарміравала пэўную сукупнасць навуковых даследаванняў, якія істотна адрозніваюцца паміж сабой часам свайго стварэння, асаблівасцямі паходжання, абумоўленасці грамадска-палітычным кантэкстам і ідэйна-прапагандысцкай скіраванасцю і як вынік – ацэнкай дамовы і яе наступстваў. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца выяўленне ідэйна-палітычнай абумоўленасці працэсу адлюстравання ў айчыннай гістарыяграфіі Рыжскага

міру ў кантэксце гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. Гістарыяграфічны дыскурс дазволіць асэнсаваць працэс даследавання Рыжскага міру ў кантэксце заходнебеларускай праблематыкі на фоне разнастайных дзяржаўна-палітычных ідэалагем, якія ўплывалі на фарміраванне айчынай традыцыі адлюстравання адпаведных тэм.

Дынаміка адносін да Рыжскага міру з боку айчынных аўтараў характарызуецца натуральнай цікавасцю да падзеі і абурэннем несправядлівымі наступствамі дамовы ў дачыненні да Беларусі ў перыядычным друку Беларусі і Савецкай Расіі ў першай палове 1920-х гг. з наступным замоўчваннем і канстатацыяй польска-савецкага замірэння як з’явы, што стала вынікам польскай экспансіі і падставай для захопу Польшчай этнічных беларускіх зямель. Такога кшталту абмежавання фармулёўкі існавалі ў айчынай гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі ажно да ўсталявання незалежнай суверэннай Рэспублікі Беларусь. Цікава, што ў адрозненні ад Савецкай Расіі, у Польшчы ўжо 18 чэрвеня 1921 г. у афіцыйным выданні быў апублікаваны поўны тэкст Рыжскай дамовы на трох мовах з пяццю дадаткамі, закон аб ратыфікацыі і пратакол абмену ратыфікацыйнымі дакументамі [8], [9], [10].

Што тычыцца хуткіх водгукаў з боку беларускай грамадскасці ў дачыненні да перамоваў у Рызе і яго вынікаў, то яны былі негатывнымі і эмацыяннымі, сваёй танальнасцю фактычна кансалідаваліся з бескампраміснымі рашэннямі Пражскай канферэнцыі беларускіх дзеячаў 1921 г. Характэрным у дачыненні да праблемы з’яўляецца стаўленне, адлюстраванае на старонках віленскай штотыднёвай газеты «Беларускія ведамасыці», рэдактарам-выдаўцом якой быў М. Гарэцкі. Аўтары публіцыстычных матэрыялаў выдання рэзка асуджалі імперскія амбіцыі суб’ектаў перамоў, якія за кошт этнічных беларускіх зямель уладкоўвалі свае геапалітычныя спрэчкі [11], [12]. На прыкладзе «Беларускіх ведамасцей» адзначым, што беларуская прэса, асуджаючы падзел Беларусі, адкрыта ўказвала не толькі на асіміляртарскую палітыку Польшчы ў Заходняй Беларусі, але і савецкай улады на беларускіх тэрыторыях у складзе РСФСР [13].

Танальнасць Пражскай нарады, якая аднагалосна прыняла рэзалюцыі з пратэстам супраць асноў Рыжскага міру і практыкі польскай і савецкай акупацыйных уладаў, была прадиктавана беларускімі эсэрамі, якія ажыццяўлялі актыўную працу па арганізацыі падпольна-паўстанцкай справы ў Заходняй Беларусі. Як адзначаў у сваім зусім сакрэтным лісце у Раду Народных Міністраў БНР Міністр унутраных спраў і прапаганды Т. Грыб, «Рыжскім мірам паміж Савецкай Расіяй і Польшчай ад 18.ІІІ.1921 г. жывы арганізм Беларусі разарваны на часьці. Існуюць цяпер на Беларусі тры окупацыйныя ўлады: Расійская пад відам сфедэраванай з Расіяй незалежнай Савецкай Беларусі, Польская і “Жэлігівія”. Аднак пад усімі гэтымі трыма окупацыямі беларускі народ жыве адной думкай – змаганне за незалежнасьць і непадзельнасьць роднай Беларусі» [14, арк. 23–24]. Сёння цікава адзначыць меркаванне і апанента беларуска-эсэраўскай ідэалогіі В. Кнорына, аднаго з непасрэдных распрацоўшчыкаў ідэалагічных устаноў аб варожасці «беларускага буржуазнага нацыяналізму», які гаварыў аб несправядлівым характары польска-савецкага міру ў дачыненні да Беларусі, пераконваў, што адзначаная несправядлівасць зыходзіла ад Польшчы, якая захапіла беларускія землі і праводзіла дыскрымінацыйна-абмежавальную палітыку ў дачыненні да мясцовага насельніцтва, у той час як жыхары БССР «имеют все возможности национального культурного строительства в интересах широких трудящихся масс» [15].

Яскравым прыкладам высокага патрыятычнага хвалявання і рэзкай нязгоды з Рыжскім мірам стала творчасць беларускіх паэтаў, у першую чаргу Янкі Купалы і Якуба Коласа [3, с. 145], [4, с. 5], [16], [17], якія «адразу пасля падзелу... выказваліся вельмі востра супраць брутальнага стасоўна Беларусі акта», аднак «паціху тая вастрэня патухае» [17, с. 282]. Аналагічную дынаміку стаўлення да рыжскіх пагадненняў дэманстравалі і навукоўцы. Пад ціскам розных цэнзурных інстанцый іх публікацыі пазбаўляліся асуджальна-негатывных фармулёвак, атрымліваючы апалітычна-канстатацыйныя рысы. У прыватнасці гэта тычыцца А. Смоліча, які першапачаткова лічыў што «такі палітычны падзел Беларусі не абапіраецца ні на якія геаграфічныя асновы. Межы праведзены па жывому целу Беларусі» [18, с. 7], ў 1925 г. ён, перакананы прыхільнік беларускіх нацыянальна-дзяржаўных прыярытэтаў, які надзвычай уважліва ставіўся да вызначэння этнічнай беларускай тэрыторыі, прытупіў вастрэню антырыжскай рыторыкі [19, с. 7, 267].

Так паступовае фарміраванне навуковага аблічча аповядаў пра рыжскія дамовы і становішча Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы пачало замоўчваць складанасць і шматаспектнасць Рыжскага міру, прымітывізуючы яго выкладанне да надзвычай спрошчаных схем, якія апраўдвалі правальную для Савецкай Расіі фінальную фазу польска-савецкай вайны і канстатавалі адыход Заходняй Беларусі да Польшчы па выніках дамовы. У прыватнасці, М. Лучанін у сваёй працы ў кароценькім раздзеле «Рыская згода» ў шэсць радкоў (!) паведаміў пра выгнанне Чырвонай арміяй “панскага войска аж пад Варшаву”, дзе палякам з дапамогаю французай удалося затрымацца, а «скора была завязана Рыская згода, паводле якога заходняя частка Беларусі часова адышла да Польшчы» [20, с. 12].

Відавочна, што беларускія аўтары павінны былі суадносіць свае адносіны да Рыжскага міру і яго наступстваў з агульнасавецкай гістарыяграфічнай схемай, якая сумяшчала два супрацьлеглыя пастулаты: аб больш выгадных для Савецкай Расіі ўмовах у параўнанні з умовамі вясны 1920 г. і імперыялістычным характары міру з боку Польшчы [6, с. 89]. У гэтым кантэксце адзначым і галоўнага міжваеннага айчыннага гісторыка Рыжскага міру У. Пічэту, аўтара працы, якая дастаткова шматаспектна і абектыўна падае гісторыю падрыхтоўкі і падпісання Рыжскага міру [21], [22], [23]. У прыватнасці, У. Пічэта згадаў праекты прыхільнікаў розных палітычных накірункаў Польшчы, значным чынам паглыбляючы ўяўленні пра альтэрнатывы і характар перспектывы польскай улады ў Заходняй Беларусі [22, с. 85–87], якой тагачасны ідэйна-прапагандысцкі дыскурс БССР забяспечыў захопніцкую, асімілятарска-паланізацыйную сутнасць [24], [25], [26], [27], [28], [29].

Адзначаючы агульную скіраванасць айчыннай савецкай гістарыяграфіі на захопніцкую сутнасць Польшчы, акупацыйны, асіміляцыйны, дыскрымінацыйны характар польскай палітыкі ў Заходняй Беларусі, трэба мець на ўвазе, што гэтыя фармулёўкі выклікалі крыўду і асуджэнне польскіх камуністаў, якімі Рыжскі мір успрымаўся па-іншаму. Яркім сведчаннем гэтага з’яўляецца пазіцыя ЦК КПП, прэзентаваная беларускім камуністам на сумеснай нарадзе восенню 1921 г.: «Вы там все твердите в своей литературе о какой-то оккупации. По Рижскому договору Россия уступила Польше Западную Белоруссию. Несколько спорным является вопрос о Виленщине. Мы (Варшава) будем работать теперь во всей 3. Беларуси, со включением виленско-дисненского коридора, а вы должны ограничиться Виленщиной. Оккупации никакой нет, а трактат есть трактат» (тут і далей арфаграфія, стыль і падкрэсліванне крыніцы. – А.С.) [30, арк. 4]. Як бачна з прыведзенага, менавіта тэрытарыяльныя аспекты найбольш турбавалі кіраўнікоў КПП, якая насуперак прадэклараванаму ёй жа лозунгу аб праве народа Заходняй Беларусі на самавызначэнне і ўз’яднанне з БССР на практыцы зрывала яго выкананне, уступаючы, дарэчы ва ўнісон з «буржуазна-памешчыцкім» кіраўніцтвам Польшчы, у спрэчкі за Віленшчыну, у дадзеным выпадку з беларускімі і літоўскімі камуністамі [31].

Апрача іншых, такая пазіцыя падводзіла камуністычны рух у Заходняй Беларусі да расколу, які і выявіўся восенню 1925 г. у выглядзе беларускай фракцыі ў КПЗБ т.зв. “сэцэсіі” [32]. Аднак яшчэ ў 1921 г. беларускіх камуністаў турбавала сітуацыя, калі ім прыходзілася наладжваць антыакупацыйную барацьбу «на крэсах» сумесна з тымі, якія лічылі, што ніякай акупацыі Польшчай Заходняй Беларусі няма: «По мнению тогдашнего ЦК значило, что законная Польша вполне законным образом (по Рижскому Трактату) владела законными крессами – и коммунисты этих самых “кресов” должны были выбросить из своей головы всякую мысль об оккупации и стать чуть ли не лояльными гражданами и подданными Польши, радуясь величю и могуществу своего новообретенного отечества» [30, арк. 4–5].

Прынцыпова трэба адзначыць, што ўнутрыпартыйныя спрэчкі адносна падстаў і характару польскай улады, характару і рухаючых сіл рэвалюцыйнай барацьбы ў Заходняй Беларусі ўплывалі на асвятленне рыжскіх пагадненняў і становішча беларускіх зямель у складзе Польшчы. Функцыянеры КПП, складовай часткай якой без уласнага статуту, а не самастойнай партыяй, была КПЗБ, і прапольскія кіраўнікі КПЗБ патрабавалі, каб у публікацыях па заходнебеларускай праблематыцы БССР мэтанакіравана змяншалася акупацыйна-захопніцкая рыторыка. Яркім выяўленым прыкладам такога гістарыяграфічнага дэтэрмінізму стала гісторыя зборніка артыкулаў па Заходняй Беларусі [33], названага прапольска арыентаванай «меншасцю» КПЗБ на чале з А. Максімоўскім «фракцыйным зборнікам» [34, арк. 46–51]. У выданні адлюстраваны відавочныя беларускія нацыянальна-дзяржаўныя каштоўнасці, у першую чаргу абгрунтавана права беларусаў на тэрыторыю Заходняй Беларусі і Віленшчыны як неад’емнай часткі этнічных беларускіх зямель,

выкрываюцца вядомыя заганы польскай улады на Беларусі, у прыватнасці, «...политика польского правительства, которая, преследуя всякое национальное движение, точно также обрушивается и на интеллигенцию, лишая ее возможности применить свои силы на родине» [33, с. 204]. Відавочна такога кшталту фармулёўкі выклікалі рашучае абурэнне «меншасці», што дало ім падставы для раскручвання чарговага вітка ўнутрыпартыйнай барацьбы ў КПЗБ. Але што тычыцца Рыжскай дамовы, то той самы А. Смоліч у «фракцыйным зборніку» згадвае яе без усялякіх эмацыйна-патрыятычных фразыў, гаворачы пра «отошедшие по Рижскому договору к Польше Гродненская губ и части Виленской, Минской и других западных губерний» [33, с. 93].

Адзначым, што і ў вышэйшых бальшавіцка-камінтэрнаўскіх колах пытанне Рыжскага міру і яго наступстваў пасля пэўнага часу інтэнсіўнага абмеркавання як вузлавой знешнепалітычнай праблемы Савецкай Расіі адышло на задні план, бо савецкаму кіраўніцтву, па-першае, не хацелася вяртацца да непрыемнай гісторыі і, па-другое, раздражняць польскую секцыю Камінтэрна, польскіх камуністаў. Для кіраўнікоў савецкай знешняй палітыкі Польшча і КПП – плацдарм і важнейшы сродак распаўсюджвання сусветнай рэвалюцыі, якой у 1920-я гг. была апантана частка вышэйшага савецкага кіраўніцтва. Таму канфлікты ў камуністычным руху, асабліва на глебе ацэнкі Рыжскага міру, які за кошт беларускіх інтарэсаў аб'ядноўваў палякаў і бальшавікоў, і яго наступстваў, не былі пажаданымі. Дадзеныя акалічнасці, разам з адміністрацыйна-цэнзурнымі і рэпрэсіўнымі спосабамі ўздзеяння на аўтараў публікацый, вялі да звужэння адпаведнай тэматыкі. У прыватнасці рэпрэсаваны У. Пічэта ў канцы 1930-х гг. значна звужыў свае разважанні пра Рыжскі мір, абмежаваўшыся кароткай, але палітычна вытрыманай фармулёўкай з відавочнымі недакладнасцямі, якія, магчыма, тлумачацца яго фактычнай адасобленасцю ад сапраўднай гістарычнай працы: «...наступление интервентов на страну социализма закончилось крахом. 20 октября 1920 г. был заключен с Польшей в Риге мирный договор, по которому Польша сохранила за собой Западную Волынь и часть Белоруссии. Во время переговоров с представителями РСФСР в Риге польская делегация торжественно обещала предоставить народам Западной Белоруссии и Западной Украины возможность национального и культурного развития. Но все эти обещания оказались обманом» [35, с. 120].

Прымітывізацыя і схематызацыя як сродак пабудовы класічнай савецкай схемы рыжскіх пагадненняў у дачыненні за Заходняй Беларусі выяўляецца ў знакамітым творы, прысвечаным У. Леніну і І. Сталіну: «Польшча, не маючы сіл прадоўжыць вайну, аказалася вымушанай адмовіцца ад сваіх планаў захопу правабярэжнай Украіны і Беларусі і паправісла міру. 20 кастрычніка 1920 г. у Рыге быў заключан мірны дагавор. Па гэтаму дагавору Польшча ўтрымала за сабой Заходнюю Украіну і заходнюю частку Беларусі. З таго часу аж да 1939 г. Заходняя Беларусь знаходзілася пад прыгнётам польскіх паноў» [36, с. 82].

Актывізацыя гістарыяграфіі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. пасля XX з'езда КПСС і да пачатку 1990-х гг. [1, с. 45–83] не адбілася спрыяльна на падачы Рыжскага міру і яго наступстваў для Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы. Прычынай гэтага верагодна з'яўлялася нежаданне партыйна-дзяржаўных куратараў беларускай гістарычнай навукі выяўляць сапраўднае аблічча савецкай знешняй палітыкі і дыпламатыі, кіраўнікі якіх не хацелі азмрочваць адносіны паміж СССР і Польшчай. У гэтым плане характэрнымі, красамоўнымі і адначасова цынічнымі з'яўляюцца тыповыя заўвагі М. Арэхвы ў дачыненні да непажаданых выказванняў С. Ваўпшасава: «Нельзя не из-за Народной Польши, теперешние руководители которой, в прошлом члены Компартии Польши, это занют, а из-за сегодня существующего капиталистического окружения... Вряд ли следует вводить в воспоминания описание фронтовых эпизодов и действий в тылу во время польско-советской войны 1919–1920 гг. Это был вопрос отношения между государствами, находившимися в состоянии войны, и подымать этого сейчас не стоит... Возвращаться сейчас к польским зверствам в период польско-советской войны, по высказанным мною выше соображениям, не следует» [37, арк. 13, 15, 16]. Таму і не дзіўна, што ў найбольш аўтарытэтных выданнях другой паловы 1960-х–1980-х гг. тэма Рыжскага міру ў кантэксце гісторыі Заходняй Беларусі не атрымала паглыблення, паўтараючы элементы гістарыяграфічнай канструкцыі папярэдняга перыяду [38, с. 8, 16], [39, с. 37], [40, с. 3, 16].

Незалежнасць і ўмацаванне суверэнітэту Рэспублікі Беларусь сталі вызначальнай умовай удасканалення айчыннай гістарычнай навукі ў цэлым і паўнаважнага навуковага асэнсавання гісторыі Рыжскага міру і яго наступстваў у прыватнасці. Як трапіна выказаўся У. Міхнюк, «прышоў час паглядзець на Рыжскі мір не толькі з Варшавы і Масквы, Вільні і Кіева, але і з Мінска» [3, с. 137]. Паглыбленню і аб'ектывізацыі навуковага асэнсавання

рыжскіх пагадненняў спрыялі міжнародныя навуковыя канферэнцыі, прысвечаныя праблемам міжнародных адносін, а ў першую чаргу 80- і 90-годдзю падпісання Рыжскага міру [41], [42]. Адпаведны працэс атрымаў увасабленне ў вялікай колькасці грунтоўных навуковых прац, у якіх на падставе прыярытэтаў беларускай нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі выяўлены, удакладнены і прэзентаваны шматлікія аспекты гісторыі падпісання і выканання Рыжскага міру, што забяспечвае больш якасны ўзровень інтэпрэтацыі становішча Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы [3], [4], [5], [6], [7], [43], [44], [45], [46], [47], [48], [49].

Неабходна адзначыць, што навуковыя дасягненні аўтараў прыведзеных публікацый былі выкарыстаны ў калектыўнай манаграфіі «Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн.» [2]. Узважаны канцэптuallyны падыход выдання характарызуецца больш грунтоўным навуковым і глыбокім гістарыясофскім асэнсаваннем рыжскіх пагадненняў як рубажнага пачатку новай геапалітычнай архітэктур Усходняй Еўропы, а адпаведны падзеі падаюцца як падставы для глабальных змен міжнароднага ваенна-палітычнага стану, у тым ліку 1939–1945 гг.

Такім чынам, гістарыяграфічнае асэнсаванне Рыжскага міру ў кантэксце гісторыі Заходняй Беларусі выяўляе відавочную абумоўленасць вывучэння і асвятлення ў друку гэтай важнай падзеі ідэйна-палітычнымі прыярытэтамі савецкага партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва. З'яўляючыся часткай савецкай партыйна-дзяржаўнай ідэалогіі, беларуская гістарычная навука не магла аб'ектыўна адлюстроўваць падзеі Рыжскага міру як прававой падставы знаходжання Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы. Беларускія аўтары вымушаны былі прыслухоўвацца да патрабаванняў партыйных ідэолагаў, хаваць вострыя і непрыемныя для беларусаў бакі рыжскіх пагадненняў, звязаных з ігнараваннем інтарэсаў Беларусі. У выніку тэрытарыяльных саступак за кошт беларускіх зямель, савецкае кіраўніцтва выгандлявала патрэбныя для іх пазіцыі ўзаемадачынэнняў з Польшчай, у наступным, у тым ліку ў інтарэсах польскай улады, павяло курс на схематызацыю Рыжскага міру, замоўчванне ў дачынэнні да Беларусі акупацыйна-дыскрымінацыйнай сутнасці знешняй палітыкі Польшчы і Савецкай Расіі. Гэтая тэндэнцыя прасочвалася да пачатку 1990-х гг. да моманту ўтварэння Рэспублікі Беларусь, незалежнасць якой стварыла спрыяльныя ўмовы для аб'ектыўнай навуковай рэканструкцыі і адекватнай інтэпрэтацыі Рыжскага міру ў кантэксце гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг.

Літаратура

1. Савіч, А.А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гады): гістарыяграфія праблемы : манаграфія / А.А. Савіч ; навук. рэд. А.А. Каваленя. – Брэст : БрДУ, 2012. – 288 с.
2. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / Редкол. : А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 1. – 593 с.
3. Міхнюк, У. Рыжскі мір і Беларусь / У. Міхнюк // XX стагоддзе ў гісторыі палякаў і беларусаў : матэрыялы беларус.-польск. навук. канф., Мінск, 20–21 ліст. 2000 г. / адк. рэд. : У. Міхнюк, П. Гарнцарэк. – Мінск : БДУ, 2001. – С. 137–145.
4. Лазько, Р. Польшка-савецкія мірныя перамовы і лёс Беларусі / Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 12. – С. 5–12.
5. Мезга, Н.Н. Рижский договор 1921 г. в работах советских историков межвоенного времени / Н.Н. Мезга // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2012. – Т. 14. – С. 31–37.
6. Мезга, Н.Н. Между наукой и политикой: советско-польские отношения в историографии России и Польши 1918–1941 годов / Н.Н. Мезга. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – 236 с.
7. Бароўская, В.М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. : аўтарэф. ... дыс канд. гіст. навук : 07.00.02 / В.М. Бароўская ; Інстытут гісторыі НАН Б. – Мінск, 2015. – 23 с.
8. Ustawa z dnia 15 kwietnia 1921 roku o ratyfikacji Traktatu pokoju między Polską a Rosją i Ukrainą, podpisanego w Rydze dnia 18 marca 1921 roku // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 49. – S. 813.
9. Traktat pokoju między Polską a Rosją i Ukrainą, podpisany w Rydze dnia 18 marca 1921 roku // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 49. – S. 814–867.
10. Protokół wymiany dokumentów ratyfikacyjnych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 49. – S. 867.
11. З'езд у Празе // Беларускія ведамасыці. – 1921. – 14 верас. – С. 1.
12. Беларуская Нацыянальна-Палітычная Нарада ў Празе // Беларускія ведамасыці. – 1921. – 24 кастр. – С. 1.
13. Русіфікацыя ў Усходняй Беларусі // Беларускія ведамасыці. – 1921. – 24 кастр. – С. 1.
14. НАРБ. – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 57.
15. Кнорин, В. Современное положение в Западной Белоруссии / В. Кнорин // Звезда. – 1924. – 14 сак. – С. 5.

- 16.Трафімчык, А. Хто чужаніцы? Якуб Колас пра падзел Беларусі 1921 года / А. Трафімчык // Дзеяслоў. – 2012. – № 5 (60). – С. 279–292.
- 17.Трафімчык, А. «Раз абсеклі Беларуса Маскалі ды Ляхі...» Падзел Беларусі 1921 г. у паэтычным асэнсаванні Янкі Купалы / А. Трафімчык // Дзеяслоў. – № 2 (57). – С. 275–294.
- 18.Смоліч, А. Географія Беларусі. Выданьне 3-е, значна пераробленае і дапоўненае, з 159 рысункамі і картамі / А. Смоліч. – Вільня : «Віленскае выдавецтва» Б.А. Клецкіна. Беларускае аддзел, 1923. – 367 с.
- 19.Смоліч, А. Кароткі курс географіі Беларусі / А. Смоліч. – Менск, 1925. – 352 с.
- 20.Лучанін, М. Заходняя Беларусь пад панаваньнем Польшчы / М. Лучанін. – Менск, 1926. – 56 с.
- 21.Пічэта, У. Польшка-савецкія адносіны і Рыжскі мір / У. Пічэта // Польшча. – 1928. – № 4. – С. 147–166.
- 22.Пічэта, У. Польшка-савецкія адносіны і Рыжскі мір / У. Пічэта // Польшча. – 1928. – № 5. – С. 83–100.
- 23.Пічэта, У. Польшка-савецкія адносіны і Рыжскі мір / У. Пічэта // Польшча. – 1928. – № 6. – С. 126–147.
- 24.Арышты дэлегатаў батрацкага з'езду // Савецкая Беларусь. – 1925. – 20 ліст. – С. 3.
- 25.Канфіскацыя бюлетэню беларускіх дэпутатаў // Савецкая Беларусь. – 1925. – 7 снежня. – С. 2.
- 26.М. Ш-Н. Под сенью «демократии». Просвещение национальных меньшинств в Польше / М. Ш-Н. // Звезда. – 1924. – 5 мая. – С. 2.
- 27.Преследование белорусских школ // Звезда. – 1924. – 4 марта. – С. 1.
- 28.660 «штатных» шпионов // Звезда. – 1924. – 4 марта. – С. 1.
- 29.Письмо белорусского интеллигента // Звезда. – 1924. – 26 мая. – С. 3.
- 30.Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 495. – Оп. 129. Д. 71.
- 31.Савіч, А.А. Праблема дзяржаўнай прыналежнасці Віленшчыны ў ідэалогіі камуністычнага руху Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. (гістарыяграфія праблемы) / А.А. Савіч // Весці НАН Беларусі. – 2011. – № 1. – С. 54–59.
- 32.Савіч, А.А. «Сэцэсія» ў КПЗБ у айчынным гістарыяграфіі / А.А. Савіч // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2007. – № 3 (30). – С. 23–31.
- 33.Западная Белоруссия : сб. статей. – Минск : Белорус. гос. изд-во, 1927. – Кн. 1. – 211 с.
- 34.Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 242п. – Воп. 2. – Спр. 132.
- 35.Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии / В.И. Пичета. – Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 136 с.
- 36.В.І. Ленін і І.В. Сталін – арганізатары Беларускай Савецкай Соцыялістычнай Рэспублікі / Е. Карнейчык, Ф. Папоў, М. Шкляр ; Пад рэд. І. Чымбурга. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1949. – 228 с.
- 37.НАРБ. – Ф. 1440. – Воп. 3. – Спр. 1103.
- 38.Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) / А.Н. Мацко [и др.] ; под ред. А.Н. Мацко, В.Е. Самутина. – Минск : Беларусь, 1966. – 403 с.
- 39.Мацко, А.Н. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918–1939 гг.) / А.Н. Мацко. – Минск : Беларусь, 1972. – 335 с.
- 40.Полуян, В.А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.) / В.А. Полуян. – Минск : Наука и техника, 1978. – 359 с.
- 41.Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёсы народаў Усходняй Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 16–17 сакавіка 2001 г. / Пад навук. рэд. У.Ф. Ладысева. – Мінск : БДУ, 2001. – 210 с.
- 42.Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага дагавору 1921 г. : матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. «W dziewięćdziesiąt rocznicę traktatu ryskiego 1921 r. Studia z dziejów stosunków polsko-białoruskich w XX w.» : зб. навук. прац III Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, Мінск, 9–10 чэрвеня 2011 г. / Укладанне, навуковыя рэдактары: Е. Расоўская, А. Вялікі. – Мінск : Ковчег, 2011. – 343 с.
- 43.Ладысеў, У. Рыжскі мірны дагавор: перамога савецкай дыпламатыі ці паражэнне? / У. Ладысеў // Беларус. гіст. часоп. – 2001. – № 3. – С. 23–27.
- 44.Лазько, Р. Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.) / Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.
- 45.Мязга, М. Праблема нацыянальных меншасцей у савецкай палітыцы ў дачыненні да Польшчы ў першай палове 1920-х гадоў / М. Мязга // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2011. – № 35. – S. 56–67.
- 46.Снапкоўскі, У. Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР (1919–1929 гг.) / У. Снапкоўскі // Беларус. гіст. часоп. – 2001. – № 3. – С. 28–41.
- 47.Ціхаміраў, А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.) / А.В. Ціхаміраў. – Мінск : Экаперспектыва, 2003. – 400 с.
- 48.Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... докт. гіст. навук : 07.00.02 / А.М. Вабішчэвіч ; БДУ. – Мінск, 2010. – 356 с.
- 49.Бароўская, В.М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. / В.М. Бароўская. – Мінск : Беларускае навука, 2017. – 269 с.

УДК 94(47+57) «1941/45»(476.2)

«Новый порядок»: аспекты жизненной практики населения Гомеля в условиях военной действительности (1941–1943 гг.)

Л.С. СКРЯБИНА

Предпринята попытка на основе архивных документов и материалов, публикаций газеты «Новый путь», отечественных научных исследований рассмотреть различные аспекты жизненной практики населения Гомеля в условиях военной действительности (1941–1943 гг.). Акцент делается на проблемах: принудительного труда местного населения, низких норм обеспечения продовольствием работающих на восстановленных промышленных предприятиях, низких зарплат и высоких рыночных цен на продовольственные и промышленные товары, системы налогообложения, политики лавирования оккупационных властей.

Ключевые слова: Гомель, зона армейского тыла группы армий «Центр», оккупационный режим, полевая комендатура № 551, трудовая повинность, карточная система, заработная плата, рыночные цены, система налогообложения, политика уступок, религиозная жизнь, Гомельский областной театр, художественные выставки, медицинское обслуживание.

Different aspects of life's practices of the population of Gomel in the circumstances of war reality (1941–1943) are analyzed on the basis of archival documents and material, publications of the newspaper «New way» and domestic scientific investigations. Emphasis is placed on problems: forced labor of the local population, low standards of food supply for workers working at the restored industrial enterprises, low salaries and high market prices for food and industrial goods, taxation systems, policy of maneuvering the occupation authorities.

Keywords: Gomel, rear zone of the armies' group «Centre», occupational regime, field commandant's office № 551, labor conscription, rationing system, wages, market prices, taxation, concession policy, religious life, Gomel regional theatre, art exhibitions, medical care.

Несмотря на определенные успехи научного исследования различных аспектов немецкого оккупационного режима, изучение повседневной жизни населения во время оккупации остается одной из важных задач белорусской исторической науки. Научный интерес к этой проблеме обусловлен тем, что на протяжении долгого времени существовал запрет на исследование материального, социально-экономического, культурного положения Беларуси в период оккупации. В ограниченных рамках статьи невозможно осветить все направления повседневной истории. Поэтому обратим внимание только на некоторые интересные, на наш взгляд, ее аспекты.

Немецкие войска под командованием фельдмаршала Ф. Бока, которые входили в состав группы армий «Центр», в середине августа 1941 г. были уже на ближних подступах к Гомелю. На гомельском направлении противник сконцентрировал 25 дивизий [1, с. 82]. Непрерывные бои с отборными немецкими дивизиями вели войска 21-й армии.

19 августа 1941 г. немецкие войска ворвались в Гомель и к вечеру захватили северную и северо-западную часть города. Особенно ожесточенными были столкновения в районе городского парка, конного завода, речного порта, авторемонтных мастерских и у переправ через Сож. Окончательно удостоверившись, что город не удержать, штаб Центрального фронта отдал распоряжение на отвод войск. На левом берегу Сожа, в Новобелице, бои шли ещё трое суток. На два с лишним года город оказался под вражеской оккупацией.

Непосредственно после того, как немцы заняли Гомель, было введено военное управление. В оперативных отношениях Гомель подчинялся военному командованию и входил в состав зоны армейского тыла группы армий «Центр». Вся власть принадлежала командованию 221-й охранной дивизии (ОД), штаб которой размещался в здании школы № 27 по ул. Рогачевской. Командир 221-й ОД генерал-майор Якоби стал комендантом Гомеля [2, с. 151].

Важная роль в оккупационной администрации отводилась Гомельской военно-полевой комендатуре № 551, находившейся в доме № 14 по улице Пролетарской. Ей подчинялись все военные, карательные и общественные учреждения города. Для поддержания желаемого порядка был создан орган местной администрации – городская управа, бургомистром которой до

1 августа 1943 г. являлся И.Т. Соболев, а потом на этом посту его сменил Б.П. Аксов-Аксёнов. В своем распоряжении она имела городскую вспомогательную полицию. Город был разбит на 6 полицейских участков, в каждом из которых находилось до 50 человек [3, с. 58].

Гомель являлся пунктом пересечения важнейших железнодорожных магистралей с запада на восток, с северо-запада на юго-восток и на юг. Охране чрезвычайно важного железнодорожного узла верховное гитлеровское командование придавало большое значение. После оккупации города в нём постоянно находился гарнизон, насчитывавший до 3,5 тыс. фашистских солдат и офицеров [4, с. 540].

С первых дней оккупации новая власть установила строгий режим жизни гражданского населения города. Согласно распоряжению Гомельской городской управы № 13 от 14 сентября 1941 г. всё население в возрасте от 16 лет должно было иметь свидетельство личности установленного образца за подписями и печатью управы и немецкой комендатуры. Без такого свидетельства все задержанные на дороге, в лесу, на поле считались партизанами и расстреливались на месте [5, л. 137].

В городе действовал строгий паспортный режим, согласно которому проводились проверки прописки граждан, вёлся строгий учёт лиц, которые прибывали на место жительства, ограничивалось время нахождения на улице, выезд и въезд в город. В соответствии с комендантским часом появление гражданского населения на улицах запрещалось под страхом расстрела с 7 часов вечера до 5 часов утра [2, с. 145]. В это время нельзя было даже посещать соседей: каждый житель должен был находиться у себя дома. Приезжие могли ночевать у знакомых только с разрешения полиции. Почти каждую ночь в домах, а затем на улицах, базарах шли массовые проверки документов, участились облавы.

Решение военно-экономических задач требовало использования местной рабочей силы и её привлечения к обеспечению собственных нужд, а также к продовольственному обеспечению войск вермахта. Вводилась обязательная регистрация всех жителей старше 16 лет. В специальных извещениях определялось время и место регистрации, а также оговаривались размеры штрафа и другие санкции для нарушителей. Уклонение от регистрации рассматривалось как желание избежать обязательной трудовой повинности, которая вводилась согласно распоряжения рейхсминистра оккупированных восточных областей А. Розенберга от 5 августа 1941 г. для местного населения в возрасте от 18 до 45 лет, в т. ч. и женщин. В распоряжении подчеркивалось, что рейхскомиссары «Могут для определенных групп населения расширить или ограничить обязанности к труду» [6, с. 51]. На практике, как свидетельствует распоряжение оккупационных властей о трудовой повинности в освобожденных русских областях, возрастные рамки трудовой повинности корректировались на местах и расширялись от 14 до 65 лет. «Все жители освобожденных областей в возрасте от 14 до 65 лет подлежат в зависимости от трудоспособности трудовой повинности. Они обязаны явиться для регистрации на биржу труда или в назначенное для этой цели учреждение» [7]. Привлеченные к такой повинности работали 6 дней в неделю по 10–12 часов.

Захватив город, немецкие власти с первых дней войны принимали меры для возобновления деятельности промышленных предприятий с целью обеспечения и обслуживания своей армии. Восстанавливались, главным образом, железнодорожные и шоссейные дороги, отдельные цеха разрушенных заводов для ремонта поврежденных в боях танков, бронетранспортеров, орудий и других материальных частей. Так, уже в 1942 г. немцы завезли и установили оборудование в девятом и литейном цехах «Гомсельмаша», где ремонтировались автомобили, танки, орудия, пулеметы и др. На заводе работало 160 немцев, 45 вольнонаемных, 78 военнопленных. На полную мощность работал Гомельский паровозовагоноремонтный завод, где работало более 1500 местных рабочих и 700 немцев. Здесь также проводился ремонт танков и других видов вооружения. Был пущен в эксплуатацию Гомельский судостроительный завод, на котором работало 500 русских рабочих и немцев. На заводе им. С.М. Кирова были организованы авторемонтные мастерские. Оккупационные власти предприняли меры по восстановлению деятельности некоторых предприятий пищевой, деревообрабатывающей промышленности, которые работали на удовлетворение нужд армии. В Ново-Белице работали мясокомбинат, жироккомбинат, лесопильный завод, мастерские на фабрике «Везувий». Для обеспечения дислоцированного в Гомеле военного гарнизона на комбинате «Спартак» была налажена работа хлебозавода [8, л. 27].

В целях кредитования хозяйственных организаций при городской управе 4 сентября 1941 г. был открыт Гомельский банк. Годовой оборот банка составлял 569 млн 279 тыс. руб. По личным вкладам банк выплачивал 2,5 % годовых [9].

Оккупационные власти, используя местное население, сталкивались с проблемой обеспечения выхода на работу даже имеющейся рабочей силы. Об этом свидетельствуют результаты проверки использования обслуживающего персонала на ПВРЗ: «При проверке железнодорожно-ремонтного завода в Гомеле 05.06.43 г. было установлено, что местная рабочая сила на производстве используется совсем не эффективно... Так, в начале июня из 1510 местных рабочих 75 были больными, в среднем 51 в день увольняли без выплаты заработной платы. При этом в среднем около 510 человек отсутствовали каждый день без существенных причин. Из 1510 местных рабочих на рабочем месте находились только 874 или едва 60 % ... Дальнейшие обсуждения о 510 человеках, которые отсутствовали без уважительных причин, привели к выводу, что преимущественное количество этих сил нарушило трудовой договор. Из 510 отсутствующих большое количество... вероятно сбежали. Остальные отсутствующие без уважительной причины считаются уже 4 недели исчезнувшими. Насколько завод установил, большое количество местных рабочих выехало вместе со всем имуществом из Гомеля после налетов авиации, многие местные рабочие перешли в другие профессии, преимущественно в сельское хозяйство» [10, с. 115–116]. Побег рабочих становился существенной проблемой оккупационных властей.

Трудности продовольственного обеспечения заставили оккупационные власти ввести карточную систему для граждан, привлеченных на работу на промышленных и других предприятиях. Согласно нормам обеспечения рабочие и служащие г. Гомеля в зависимости от категории получали хлеба от 100 до 300 граммов в день, картофеля – от 5 до 16 килограммов в месяц. Отдельно устанавливались нормы обеспечения для работников железной дороги. Им выдавалось 8 килограммов хлеба, 20 килограммов картофеля в месяц, 500 граммов крупы в день [11]. По более низким нормам обеспечивались иждивенцы. Этого не хватало, чтобы выжить, а не то чтобы непосильно трудиться. Нацистское руководство неукоснительно придерживалось провозглашенного хозяйственным штабом «Ост» лозунга «Хлеб только за работу». Согласно этой доктрине обеспечивать продовольствием предполагалось только тех, кто работает на Германскую империю. Об этом совершенно точно провозгласил генеральный уполномоченный по трудоустройству Фриц Заукель: «Кто работает на Германию, должен быть сытым, чтобы там ни было, не только он, но и вся его семья. Все остальные могут спокойно голодать» [12, с. 13]. Несмотря на то, что работа рабочих оплачивалась также деньгами, их далеко не хватало, чтобы приобрести дополнительные продукты питания.

Заработная плата рабочих составляла 200–400 руб. в месяц. Высококвалифицированный рабочий получал 800 руб. Вместе с тем, необходимо отметить, что соотношение цен на продукты питания, промышленные товары и заработной платы было не в пользу последней. Так, пуд муки стоил на рынке 1000–1500 руб., 1 литр молока – 30–40 руб., 1 десяток яиц – 120–150 руб., поношенные туфли – 1500–2000 руб. [8, л. 98]. Чтобы выжить и достать продукты питания, горожане продавали все, что можно было продать. Они вынуждены были толпами отправляться в близлежащие деревни и там обменивать вещи на хлеб. Самым ходовым платежным средством являлись табак, мыло и соль. Обменять на продукты питания можно было также ткани, одежду, обувь. Ежедневные мысли о куске хлеба озлобляли горожан и вызывали нежелание работать.

Немецкие власти делали вид, что заботятся о нуждах населения. В этих целях был регламентирован порядок торговли на рынке. В соответствии с приказом № 19 Гомельской комендантуры от 18 февраля 1943 г. базарные дни проводились по средам, пятницам и воскресеньям. Торговать молочными продуктами, мясом, рыбой, овощами и другими продуктами питания разрешалось каждый день. Запрещалась спекуляция валютой, или отказ принимать ее по курсу: 1 германская марка к 10 советским рублям [13]. Однако, несмотря на широкое рекламирование рыночной торговли, крестьяне неохотно привозили продукты питания на рынок, и те немногие, кто привозил, за деньги продавать отказывались. На рынке преобладал товарообмен.

Была восстановлена система налогообложения. Одним из обязательных налогов являлся подоходный налог, введенный еще в октябре 1941 г. в размере 10 % от дохода. От уплаты освобождались жители Гомеля, доходы которых не превышали 150 руб. в месяц, а с 1 июля

1943 г. – 200 руб. [14]. Владельцы земельных участков в городской черте обязаны были выплачивать земельную ренту в размере 0,96 руб. за квадратный метр. Согласно распоряжения полевой комендатуры № 551 от 13 января 1942 г. был введён налог на собак: за первую – 200 руб., за вторую и каждую следующую – 300 руб. в год. Владельцы собак, которые не уплатили налог, должны были убить их, а шкуру сдать на кожевенный склад [15, с. 264].

Для обеспечения немецкой армии и оккупационной администрации необходимым количеством продовольствия жителям Гомеля было приказано сдавать сельскохозяйственную продукцию. Так, например, в соответствии с распоряжением германского районного земельного управления каждый владелец коровы в г. Гомеле, Ново-Белице и п. Костюковка обязан был после выполнения поставок за 1942 г. с 1 апреля по 31 июля 1943 г. сдать на Гомельский молочный завод или сборные пункты в Ново-Белице и Костюковке по 100 литров от каждой коровы. Кроме того, устанавливалась плата за выпас одной головы крупнорогатого скота – 600 руб. за сезон, за 1 лошадь – 300 руб., 1 козу и 1 голову молодняка крупнорогатого скота – 400 руб. Категорически запрещался самовольный выпас скота. Кто не выполнял данное распоряжение, привлекался к строгим взысканиям вплоть до конфискации [16].

Возобновил свою работу паспортный отдел городской управы по регистрации браков, новорожденных и умерших. Регистрация брака оплачивалась в размере 20 руб., новорожденных – 5 руб., смерти – 3 руб. Нарушителей штрафовали на сумму до 200 руб. или направляли на двухнедельные принудительные работы. Церковные браки разрешались лишь после гражданской регистрации, разводы – только через суд при условии отсутствия одного из супругов без вести в течение трех лет [15, с. 243].

Важнейшей задачей оккупационных властей являлось усмирение и политическое перевоспитание населения с помощью пропаганды, культуры, религии. Для достижения своих целей захватчикам приходилось проводить более гибкую политику среди населения. Чтобы парализовать волю белорусского народа к сопротивлению, оккупационные власти вынуждены были, как отмечает Ю. Туронок, начать деятельность, которая была «направлена на получение симпатий у населения путём идейных уступок в области культуры и политики, а также хозяйственной деятельности» [17, с. 75].

Прежде всего, было дано разрешение на религиозную жизнь и открытие церквей, закрытых советской властью. Только в Гомеле было открыто 4 церкви. В городе работали богословские курсы, где готовили кадры священнослужителей. Стоит отметить, что в тяжёлое военное время в условиях кровавого нацистского террора, угнетения и материального бедствия, религиозные чувства верующих усилились, заметно вырос приток прихожан в церкви и костёлы. Фашисты не преминули использовать это. В первых же призывах к населению немцы торжественно объявили, что теперь, наконец-то, наступило время, когда русские, белорусы и украинцы могут свободно реализовать свои религиозные традиции. Оккупационные власти предписывали населению отмечать церковные праздники. Так, согласно распоряжению Гомельской комендатуры № 551 от 05.06.1942 г. устанавливались следующие церковные праздники: «Новый год, Пасха, Рождество, Троица, еженедельно воскресение». Все остальные праздники объявлялись рабочими днями [18, л. 136]. Вводилась церковная регистрация новорождённых детей, их крещение, венчание при заключении брака, церковные обряды при захоронении умерших.

Симпатии населения города оккупационные власти стремились завоевать введением с 1 октября 1941 г. обязательного школьного образования детей с 7 до 14 лет (в некоторых местностях – с 8 до 15 лет). Были открыты начальные и семилетние школы, профессиональные курсы. Для характеристики отношений немецких властей к школьному вопросу приведем один из пунктов инструкции для городских глав, районных начальников, волостных старшин «Открытие школ и учебных учреждений». В нём говорилось: «Дабы определить детей на упорядоченные занятия, немедленно следует открыть школы. Всем русским детям от 8 до 15 лет включительно. Проживающим в городах, предписывается посещение школы. Содержание школы идет за счет городской общины... С 01.12.41 г. следует подать заявления... В этих заявлениях нужно указать следующее: местонахождение школы, число учеников, число классов, фамилии и имена учителей, краткое описание плана обучения и учебные пособия» [19, л. 256]. Отдельные вопросы этой проблемы нашли отражение в газете «Новый путь».

Так, в заметке газеты за 5 декабря 1942 г. сообщалось, что в текущем учебном году были открыты при школах № 4 и № 5 г. Гомеля два класса с фармацевтическим уклоном. Занятия проходили в одном из корпусов фабрики «Казими» [20].

Отдел народного образования систематически проводил учительские конференции и совещания. Оккупационные власти дали разрешение на открытие 25 июля 1943 г. областного дома просвещения. Зарботная плата учителей зависела, как и в довоенное время, от стажа работы и уровня образования. Например, зарплата учителей начальных классов со средним образованием колебалась от 500 до 805 руб. в месяц, с высшим (5–7 классы) – от 685 до 1100 руб. С неполным высшим образованием учителя 5–7 классов получали 625–1000 руб., со средним – 565–905 руб. в месяц. Ежедневная нагрузка составляла для учителей начальной школы 28,5, семилетней – 24 урока [15, с. 245]. Однако все мероприятия, проводимые оккупантами в области образования, носили пропагандистский и рекламный характер. Гитлеровцы не ставили перед собой цель дать белорусской молодежи среднее образование, а о высшей школе они вообще не хотели говорить. Им нужно было как можно больше физически сильных работников для своего хозяйства. Поэтому окончательной целью образования «биологической силы» должно быть, по мнению Г. Гиммлера, знание «простого счёта, самое большое до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честными, старательными» [21, с. 134].

Под нацистским контролем допускалась культурно-творческая деятельность. В марте 1942 г. возобновил свою работу Гомельский областной театр. За один год своего существования театр поставил 79 спектаклей. Театральная труппа насчитывала 17 человек [22].

С целью увеличения расположения местного населения к «новым властям» разрешалась организация и проведение художественных выставок. 16 мая 1943 г. в здании бывшего речного вокзала открылась 3-я художественная выставка, на которой было представлено более 100 работ десяти художников области. На открытии выставки присутствовали представители германского командования и городского самоуправления. Лучшие работы были премированы от 2 до 5 тыс. руб. [13].

В целях предотвращения эпидемий инфекционных заболеваний в своём тыле, а также завоевания симпатий населения оккупационные власти придавали вопросам охраны здоровья большое значение. Одним из примеров обеспокоенности оккупационных властей санитарным состоянием в городе может быть приказ городской управы от 20 апреля 1942 г.: «... убрать всякий мусор с домов, дворов и уборных». Мусор необходимо было вывозить в определенные городской управой места для его свалки или закапывать в ямах глубиной не менее 2-х метров [23, с. 173]. Для решения проблем медицинского обслуживания населения в городе была восстановлена работа областной больницы, поликлиники, санитарной станции, аптеки. Врачам и медсестрам было приказано вернуться на работу в свои учреждения. За ними сохранялись прежние должности, начислялась заработная плата. За лечение в больнице бралась плата в размере 10 руб. за день [24, л. 39]. К тому же больные должны были обеспечивать сами себя питанием. Для многих граждан это являлось сложной проблемой, поэтому жители обращались к местным властям с просьбой освободить их от уплаты. Заявления такого рода тщательно проверялись и в отдельных случаях принималось решение в пользу заявителя.

Руководство нацистской Германии придавало исключительное значение прессе, являющейся важным элементом пропаганды. Оккупанты рассматривали белорусскую прессу как средство массового внушения, обеспечения лояльности местного населения, его нейтрализации и деморализации. С разрешения немецких властей в Гомеле ежедневно издавалась газета «Новый путь» на русском языке. На страницах этой оккупационной газеты декларировалось благополучие и обеспеченное будущее белорусского народа в рамках «нового европейского порядка». Декларации свободного развития края и общности германо-белорусских интересов были провозглашены на торжественном молебне 22 июня 1943 г. на соборной площади по случаю «освобождения от большевизма». Молебен, в котором приняло участие всё духовенство Гомеля, был проведён архиепископом Мозырским и Речицким Николаем. После молебна выступил начальник области В.А. Ясинский, который призвал народ к тесному сотрудничеству с Германией. «У нашей страны и нашего народа, – подчёркивал он, – единый путь – союз и верная дружба с Германией» [25].

Политика уступок проявлялась по мере ухудшения положения немецкой армии на восточном фронте. Однако это было манипулирование политикой кнута и пряника в интересах будущей «восточной политики» Германии, попытка воспитать белорусов в политическом отношении так, чтобы потом можно было использовать их в своих целях. «Когда же, благодаря «смягчению» в политике, – говорилось в докладе В. Кубе на совещании окружных комиссаров, начальников головных отделов генерального комиссариата «Беларусь» в апреле 1943 г., – белорус поверит в Германию, только тогда мы сможем сделать с этим народом, что захотим» [26, с. 26].

В целом, несмотря на все меры немцев, направленные на получение доверия со стороны населения, им этого не удалось. И в памяти народа оккупация останется не временем белорусских газет и школ, а периодом геноцида белорусского народа. Реальностью повседневной жизни населения, как отмечает белорусская исследовательница О.В. Бригадина, «были страх и постоянная угроза смерти. Смерть за нарушение комендантского режима, за помощь евреям, комиссарам, партизанам, за отказ от принудительных работ, за слушание советских радиопередач, за неявку на перерегистрацию, за нахождение около железной дороги и т. д.» [27, с. 124].

Литература

1. Павлов, Я. Оборона Гомеля 1941. / Я. Павлов // Энциклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : Беларус. энцыкл. ім. П. Броўкі., 1996. – Т. 3. – 527 с.
2. Козак, К.И. Германская оккупационная администрация в Гомеле 1941–1943 гг.: типологизация, структура, формы / К.И. Козак. // Страницы военной истории Гомельщины : материалы науч.-практ. конф. – Гомель : БелГУТ. – С. 143–155.
3. Скрабіна, Л.С. І верная дружба з Германіяй / Л.С. Скрабіна // Беларуская мінуўшчына. – 1996. – № 3. – С. 57–59.
4. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Гомеля : у 2 кн. – Мінск : Белта, 1998. – Кн. 1. – 608 с.
5. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1318. – Оп. 1. – Д. 1.
6. Літвін, А.М. Прымусовая праца беларускіх грамадзян у святле навуковых фактаў і асабістых успамінаў сведак / А.М. Літвін // Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупавай тэрыторыі Беларусі (1941–1944) : сб. навук. арт. – Мінск : Медысон, 2010. – С. 47–80.
7. Новый путь. – 1943. – 26 июня.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 3913. – Оп. 1. – Д. 1.
9. Новый путь. – 1942. – 7 ноября.
10. Цымбал, А.Г. Колькасны аспект выкарыстання мясцовых працоўных рэсурсаў нямецкімі акупацыйнымі ўладамі ў святле калекцыі дакументаў галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» / А.Г. Цымбал // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф. – Мінск : МДЛУ, 2014. – Вып. 12. – С. 113–118.
11. Новый путь. – 1943. – 3 апреля.
12. Бракель, А. Прымусовая праца мясцовага насельніцтва на апарат германскіх акупацыйных улад (на прыкладзе Баранавіцкай акругі) / А. Бракель // Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) : зб. навук. арт. – Мінск, 2010. – С. 9–30.
13. Новый путь. – 1943. – 22 мая.
14. Новый путь. – 1943. – 18 сентября.
15. Скрабіна, Л.С. Штодзённасць пад акупацыяй (1941–1944) (паводле нямецкіх трафейных матэрыялаў) // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф. – Мінск : МДЛУ, 2010. – Вып. 8. – С. 242–248.
16. Новый путь. – 1943. – 19 июня.
17. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Мінск : Беларусь, 1993. – 236 с.
18. ГАГО. – Ф. 1316. – Оп. 1. – Д. 4.
19. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 33 а. – Д. 241.
20. Новый путь. – 1942. – 5 декабря.
21. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / под ред. А.А. Ковалени [и др.]. – Минск : БелТА, 2005. – 540 с.
22. Новый путь. – 1943. – 15 мая.

23. Корсак, А.І. Перыядычныя выданні нацысцкіх акупацыйных улад як крыніца гісторыі паўсядзённасці / А.І. Корсак // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф. – Мінск : МДЛУ, 2010. – С. 170–174.
24. ГАГО. – Ф. 1326. – Оп. 1. – Д. 9.
25. Новый путь. – 1943. – 26 июня.
26. Раманоўскі, І. Злачынныя мэты – злачынныя сродкі (да пытання аб акупацыйным рэжыме на Беларусі. 1941–1944 гг. / І. Раманоўскі // Беларусь у гады Другой сусветнай вайны : урокі гісторыі і сучаснасць : матэрыялы Рэсп. навук. канф., прысвечан. 50-годдзю Перамогі. – Мінск : БДПУ, 1995. – С. 24–26.
27. Бригадина, О.В. «Новый порядок»: повседневная жизнь населения Беларуси в годы оккупации (1941–1944 гг.) / О.В. Бригадина // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф. : у 2 т. – Мінск : МДЛУ, 2012. – Вып. 10, т. 1. – С. 117–125.

Белорусский государственный
университет транспорта

Поступила в редакцию 10.04.2018

Беженцы из Польши в советско-германских отношениях (сентябрь 1939 – июнь 1940 гг.)

Д.М. Толочко

Рассматривается проблема беженцев из Польши в советско-германских отношениях (сентябрь 1939 – июнь 1940 гг.). Автор приходит к выводу, что в период германо-польской войны десятки тысяч жителей довоенной Польши оказались на территории, отошедшей в дальнейшем к СССР. Формально, согласно действовавшему тогда международному праву они не могли быть отнесены к беженцам, однако по существу таковыми являлись. Взаимное переселение беженцев из Польши между Германией и СССР оказало значительное влияние на советско-германские отношения в период с сентября 1939 г. по июнь 1940 г.

Ключевые слова: СССР, Германия, беженцы, международные отношения, внешняя политика, эвакуация, граница.

The article deals with the problem of refugees from Poland in Soviet-German relations (September 1939 – June 1940). The author comes to the conclusion that during the German-Polish war tens of thousands of inhabitants of pre-war Poland appeared in the territory that later fell to the USSR. Formally, according to the international law acting at those days, they could not be attributed to refugees, but in fact they were. Mutual resettlement of refugees from Poland between Germany and the Soviet Union had a significant impact on the Soviet-German relations in the period from September 1939 to June 1940.

Keywords: USSR, Germany, refugees, international relations, foreign policy, evacuation, border.

В истории XX в. есть немало «трудных» тем, к числу которых, безусловно, относится все, что связано с переделом Европы накануне и в ходе Второй мировой войны. Одной из недостаточно изученных проблем является вопрос о беженцах из Польши в БССР в советско-германских отношениях в течение сентября 1939 – июня 1940 гг. В советской историографии указанная тема не рассматривалась вовсе. Современные отечественные исследователи также обходят данную проблему стороной. Исключением являются отдельные публикации Э.Г. Иоффе [1], С.В. Талеронка [2] и др.

1 сентября 1939 г. произошло вторжение войск фашистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев, в основном еврейской и меньшей степени польской национальности, двинулись из центральных и западных районов Польши на Восток страны, в том числе и на территорию Западной Украины и Западной Беларуси. О масштабах бегства со стороны населения Польши свидетельствует, в частности, фрагмент из письма Я. Говорской (непосредственной очевидицы указанных событий): «Весь край был в походе на восток. В этом непрерывном потоке беженцев, бежавших от немцев, были и дети, и грудные младенцы, которые попросту умирали с голоду, так как ничего нельзя было купить» [3, л. 1–13].

Подавляющее большинство беженцев составляли представители еврейской национальности. Это обстоятельство было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, евреи не занимались сельским хозяйством, а, главным образом, ремеслом и торговлей, в этой связи они легко становились на путь бегства. Во-вторых, немалую роль здесь оказала политика немецких властей по отношению к еврейскому населению. Так, в сообщениях беженцев, прибывших с территории Польши, оккупированной Германией, приводятся факты такого рода: «... Почти все 100 % евреев безработные. С нового года евреям не будет выдаваться право на промышленные патенты. Евреев избивали, ловили и ежедневно направляли на работу ... из одного дома арестовали 53 еврея и всех расстреляли за то, что еврей-спекулянт из этого дома убил полицейского. В городке Гарболина приказали 30 евреям выкопать себе могилу, после чего их расстреляли ...» (письмо П. Варгафтер, г. Белосток). В письме бывшей политзаключенной П. Кварта читаем следующее: «В последнее время гитлеровцы вывезли из Калиша почти все еврейское население в закрытых вагонах в неизвестном направлении, разделяя жен от мужей, детей от родителей. Вид этих людей ужасающий ...» [3, л. 13]. В докладной записке «О положении дел на границе и в

пограничной полосе» секретаря Брестского обкома Киселева отмечалось следующее: «Немецкие власти издеваются над еврейским населением, выгоняют из городов и местечек, старикам обрезают бороды, запрещают ходить по улицам и заниматься какой-либо торговлей. Кроме того, евреев используют на черновых работах по очистке городов».

17 сентября 1939 г. началась операция Красной Армии в Польше. В этой связи большинство беженцев – поляков бросилось из Западной Украины и Западной Беларуси на территорию, занятую Германией, некоторая часть в Румынию, Литву. Однако и оставшихся в западном регионе Беларуси беженцев было достаточно для того, чтобы значительно увеличить численность населенных пунктов Западной Украины и Западной Беларуси.

Следует отметить, что на сегодняшний день существует несколько определений понятия «беженец». Одно из них более широкое и используется чаще всего в обыденном употреблении. В данном случае оно означает всех, кто стремится спастись от обстоятельств естественного или личного характера. Причин для беженства может быть множество: угроза для жизни или свободы, война или гражданский конфликт, стихийные бедствия, голод и т. д. [4, с. 15].

Для международного права государства ограничили содержание понятия «беженец». Под беженцем здесь понимается лицо, которое «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится за пределами страны своей гражданской принадлежности не может или не желает пользоваться защитой этой страны вследствие таких опасений, или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего предыдущего проживания в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в неё вследствие таких опасений» [5, с. 29]. Вместе с этим из категории беженцев исключаются лица, которые скрываются от правосудия за совершение преступлений. Кроме того, в это понятие не входят также «экономические беженцы», т. е. лица, которые оставляют свою страну добровольно в поисках лучшей жизни. Это определение понятию «беженец» в международном праве впервые было зафиксировано в Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и в Протоколе 1967 г., касающегося статуса беженцев. В этих документах были также предусмотрены обязательства для государства, куда прибыли беженцы, по обеспечению их работой, жильем, недопустимости какой-либо дискриминации и т. д.

К 1939 г. универсального понятия «беженец» в международном праве не существовало. В период с 1921 по 1939 гг. в рамках деятельности Лиги Наций был принят ряд соглашений и конвенций, в которых были только лишь сделаны попытки сформулировать определение «беженец», выработать необходимые мероприятия по их защите. Среди них необходимо выделить следующие: «Соглашение о выдаче удостоверений личности русским и армянским беженцам...», подписанное в Женеве в 1926 г., «Конвенция о международном статусе беженцев» и др. Однако в указанных документах к определению беженцев был использован категориальный или групповой подход. Т. е. в число лиц, которые могли считаться беженцами, попадали только лица определенной национальной группы [6, с. 37]. Относительно тех, кто стремился покинуть оккупированную Германией Польшу, то согласно действующему на тот период международному праву, они не могли быть отнесены к категории беженцев. Так, исходя из Конвенции о статусе беженцев, прибывающих из Германии в 1938 г., беженцами считались лица «обладающие или обладавшие германским гражданством и не обладающие каким-либо иным гражданством, в отношении которых установлено, что они не пользуются, по закону или фактически, защитой германского правительства». Либо «лица без гражданства...которые покинули германскую территорию после того, как поселились в ней, и в отношении которых установлено, что они не пользуются, по закону или фактически, защитой германского правительства» [6, с. 49]. Однако, согласно нормам международного права, проигранная война и оккупация территории не являются концом государства. В случае с Польшей непрерывно существовало конституционное польское правительство, по-прежнему признанное международным сообществом. Т. е. формально люди покидали территорию Польского государства, хотя и оккупированную Германией, являясь при этом гражданами Польши. В этой связи, исходя из действовавшего на тот период международного права, беженцами они не являлись. И никакие гарантии со стороны принимающих их государств на них не распространялись.

В официальных советских и партийных документах того времени (спецсводках, докладных, отчётах) мы регулярно сталкиваемся с понятием «беженцы из оккупированной Германией Польши, беженцы из бывшей Польши и т. д.». Исходя из общей канвы документов, можно констатировать, что официальные власти под этой категорией понимали лиц, которые до сентября 1939 г. постоянно проживали в центральных и западных районах Польши, Литве, затем, в силу различных причин, оказались на территории, отошедшей в сферу влияния СССР. В этом контексте мы и будем рассматривать эту категорию населения в настоящей работе.

В советско-германских отношениях по вопросу еврейских беженцев можно выделить 2 этапа. Первый охватывал период с 28 сентября 1939 г. по 25 декабря 1939 г. Так, 28 сентября 1939 г. был подписан советско-германский договор о дружбе и границах. В соответствии с ним произошел раздел Польши между договаривающимися странами. Уже в доверительном протоколе к отмеченному договору указывалось, что правительство СССР берет на себя обязанность не препятствовать лицам немецкого происхождения при их желании переселиться в Германию. Аналогичные обязательства в отношении украинцев и белорусов брала на себя немецкая сторона [7, с. 165–166].

Для урегулирования вопроса перемещенных лиц и военнопленных в середине октября 1939 г. была создана совместная советско-германская комиссия по переселению. С немецкой стороны ее возглавил советник посольства Германии в СССР Ф.Твардовский, с советской – бывший нарком иностранных дел М.Литвинов. 16 ноября 1939 г. в результате переговоров в Москве было подписано межправительственное соглашение об эвакуации украинского, белорусского, русского и русинского, а также немецкого населения с территории бывшей Польши. Документ не был опубликован ни в СССР, ни в Германии и носил, по сути, секретный характер. Он состоял из 23 пунктов – статей, в которых подробно была расписана процедура переселения. Эвакуация должна была начаться со времени подписания соглашения (16 ноября 1939 г.) и продолжаться до 1 марта 1940 г. В развитии этих положений затем был принят дополнительный протокол, что говорит о спешке, с которой заключалось соглашение об эвакуации.

Непосредственная деятельность представителей немецкой стороны советско-германской смешанной комиссии на территории Беларуси началась в начале декабря 1939 г. Как свидетельствуют документы Национального архива Республики Беларусь, 4 декабря 1939 г. в Белостокскую область прибыл из Германии районный уполномоченный вместе с территориальными уполномоченными – всего 30 человек. Органы НКВД БССР отмечали, что «немецкие представители пытаются использовать легальные возможности для шпионажа». Например, 30 ноября 1939 г. к одному из членов комиссии подошла гражданка М. Сульцева (беженка из Польши), передала ему какую-то связку бумаг и затем скрылась. Более того, немцев посещал даже майор Красной Армии (его личность установить так и не удалось) [3, л. 110–113].

К началу ноября 1939 г. на приграничной с СССР территории Германии находились тысячи еврейских беженцев, стремившихся любой ценой попасть в число эвакуированных. Однако СССР совсем не был заинтересован в этом контингенте. Так, 17 октября 1939 г., уже упомянутый нами, Ф. Твардовский докладывал в Берлин о позиции представителей советской комиссии, которые заявляли, что «заинтересованы в переселении только украинского и белорусского пролетариата и широких масс, а не богатеев и евреев». 21 октября 1939 г. по итогам первого дня заседания советско-германской смешанной комиссии представители немецкой делегации сделали вывод, что «советскую делегацию не интересует судьба евреев» [1, с. 323]. Эта позиция советской стороны объяснялась различными обстоятельствами. Но главным, на наш взгляд, было то, что к середине октября 1939 г. в западных областях УССР и БССР (о чём буде сказано ниже) уже находились десятки тысяч беженцев из Польши, которые в значительной мере осложняли социально-экономическую обстановку, санитарно-эпидемиологическую в регионе.

Не имея возможности попасть в число эвакуированных, еврейские беженцы из Польши пытались самостоятельно пересечь советско-германскую границу. Немецкие власти со своей стороны не чинили препятствий для этого.

Руководство советских пограничных войск, начиная с сентября 1939 г., неоднократно обращалось к германской стороне с просьбами прекратить массовый переход беженцев на территорию СССР. Так, в сентябре 1939 г. на переговорах между представителями пограничных ве-

домств СССР и Германии со стороны начальника отдела Владимир-Волынского было заявлено следующее: «В настоящее время германская пограничная охрана не препятствует массовому переходу на советскую территорию беженцев и пленных... Прошу господина представителя запретить незаконный переход границы, в противном случае я буду вынужден передать этот вопрос на рассмотрение НКВД». На что представители немецкой стороны ответили, что предпримут все необходимые меры, чтобы в дальнейшем не допускать подобного [8, с. 17–179].

Однако немецкие власти не только не препятствовали переходу беженцев на советскую сторону, но пытались всеми средствами содействовать этому. В качестве примера можно привести фрагмент из сообщения начальника штаба Верховного Главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтеля «Выдворение евреев на русскую территорию происходило не так гладко, как, вероятно, ожидалось. На деле практика была, например, такой: в тихом месте в лесу тысяча евреев была выдворена за русскую границу, в 15 километрах (от этого места) они снова вернулись к границе вместе с русским офицером, который пытался заставить немецкого (офицера) принять их обратно» [9, с. 31].

Подобные факты к началу декабря 1939 г. приобрели столь массовый характер, что вынудили вмешаться высшее руководство СССР. 17 декабря 1939 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин во время официальной встречи с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом высказал свое возмущение многочисленными случаями насильственной переброски германскими военными беженцев еврейской национальности. Потемкин потребовал посла немедленно связаться с Берлином, «чтобы оттуда германскому командованию были даны распоряжения немедленно прекратить указанные действия» [10, с. 421].

Однако вплоть до января 1940 г. немецкая сторона продолжала, хотя и с меньшим размахом, осуществлять указанные мероприятия. Свидетельством тому является беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с Ф. Шуленбургом от 25 января 1940 г. Здесь Молотов, в частности, упомянул о необходимости прекращения насильственного перемещения еврейских беженцев на территорию СССР. В ответ Шуленбург заверил министра, «что по его представлению германским властям даны указания не допускать подобного» [11, с. 50]. В дальнейшем такого рода действий со стороны немецких властей в источниках не фиксируются.

Не имея возможности разместить и трудоустроить всех беженцев из Польши, руководство СССР посчитало возможным переправить их в Германию. С 25 декабря 1939 г. начинается второй этап в советско-германских отношениях по вопросу беженцев. 25 декабря 1939 г. эта проблема была обсуждена в Москве на встрече заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкина с советником посольства Германии в СССР В. Типпельскирхом. Инициатором ее проведения выступила советская сторона. Советские представители предложили Германии вывезти из пределов западных областей страны порядка 60 тыс. беженцев. В качестве основного мотива отмечалось, что «наплыв беженцев причиняет большие затруднения СССР» [11, с. 273]. Немецкая сторона была вынуждена согласиться. Исходя из тех условий, которые она при этом выдвинула, можно констатировать, что это согласие было вызвано целым рядом причин. Во-первых, руководство Германии рассчитывало в первую очередь переселить тех этнических немцев, которые ещё не успели эвакуироваться с территории СССР. Во-вторых, возвратить в Германию арестованных лиц немецкой национальности, которые находились в заключении на территории Западной Украины и Беларуси, а также семьи польских чиновников, «ныне работающих на территории, находящейся в сфере германских интересов». Принятое решение гласило, что в ближайшее время будут вывезены с советской стороны 60 тыс. беженцев, а с германской – 14 тыс. [10, с. 446–447].

Подписанный 29 марта 1940 г. протокол являлся по сути дополнением к соглашению от 16 ноября 1939 г. Однако теперь в документе речь шла не об эвакуированных, а о беженцах. Под беженцами понимались лица, которые «в 1939 г. находились на работе (вне родных мест) и в результате военных действий оказался отрезанным от своего постоянного места жительства, своих семей и своего имущества». Кроме того, сюда включались также те, кто находился вне родных мест на учебе или в отпуске. Эта категория населения по желанию могла быть эвакуирована на место своего постоянного проживания [12, с. 138–140].

Такое половинчатое толкование понятию «беженцы», на наш взгляд, было обусловлено нежеланием немецкой стороны принимать беженцев в первую очередь еврейской национальности, т. е. тех, кто оказался «вне своих родных мест» просто-напросто спасая свою жизнь. Начиная с декабря 1940 г. зарегистрироваться на выезд из СССР стремилось значительное число еврейских беженцев. Это объяснялось отсутствием у значительной части из них работы, жилья, желанием воссоединиться с семьями. Так, один из свидетелей тех событий Ю. Блюменстраух отмечал следующее: «Если евреи бегут из страны, где свобода, равенство и счастье, под нож гестапо, то наверное, нет необходимости добавлять, что в этом раю им было во сто раз хуже, чем у явного врага – немца. Полагаю, что любые объяснения излишни. Хотелось бы привести маленький фактик. Когда во Львов, Владимир и Брест прибыли немецкие комиссии для реализации выезда за Буг, именно массы добровольцев евреев сотнями и тысячами прославляли Германию и Гитлера. Только представьте себе толпы евреев кричащих: «Да здравствует Гитлер!». Другой свидетель Х. Хедес: «Во время регистрации, по несколько часов в очереди, я наконец получил карточку на выезд, что тогда воспринималось как счастье. Один немецкий офицер обратился к толпе евреев и спросил: «Евреи, куда вы едете? Вы что не понимаете, что мы вас убьём?» [13, с. 223].

Однако немецкие власти вовсе не стремились принимать еврейских беженцев. Об этом они говорили без обиняков: «О возвращении еврейских беженцев на территорию Германии не может быть и речи». Обоснование было следующим: «С точки зрения Германии, при рассмотрении еврейского вопроса мы имеем дело не с принадлежностью людей к определенной национальности, а с их принадлежностью к определенной религии и расе» [14, с. 58]. Представители германской делегации отмечали, что эти люди с вечера занимали очередь, пытаясь получить разрешение на выезд. Зимой 1940 г. без еды, на лютном морозе многие не выдерживали и с отдельными из них случались обмороки. Попав на прием и узнав, что из-за своей национальной принадлежности они не подлежат эвакуации, мужчины и женщины падали на колени и просили представителей германской делегации разрешить им выезд [14, с. 58].

Однако документы свидетельствуют, что части еврейских беженцев всё же удалось покинуть пределы СССР. Некоторые проходили под видом лиц польской национальности. По свидетельству Н.С. Хрущева, некоторые еврейские беженцы даже давали представителям немецкой комиссии взятки. Последние охотно их брали и переправляли беженцев на территорию Польши, отошедшую к рейху [15, с. 95–96].

Первоначально закончить работу по переселению беженцев планировалось к началу мая 1940 г. Однако к указанному сроку было эвакуировано с немецкой стороны – 13 319, советской – 40 тыс. человек. Это объяснялось, в первую очередь, желанием немцев максимально продлить её работу, для того чтобы выявить и переправить в Германию как можно большее число переселенцев из числа этнических немцев. Значительная часть из них к этому времени уже была арестована и находилась в советских тюрьмах по подозрению в шпионаже. Однако руководство СССР со своей стороны всячески препятствовало этому [14, с. 59–60].

Так, 20 мая 1940 г. на встрече В.М. Молотова с Ф. Шуленбургом, последний поднял вопрос о продлении сроков работы комиссии по переселению беженцев, заявив при этом, о своей заинтересованности в эвакуации только около 3 тыс. лиц немецкого происхождения и заключенных. В ответ Молотов дал понять, что вопрос об эвакуации указанных категорий граждан является исчерпанным и подлежит обсуждению только на правительственном уровне. Он подчеркнул, что «нельзя смешивать вопросы эвакуации лиц немецкого происхождения и эвакуации» [11, с. 274]. В этот же день последовало официальное разъяснение НКВД СССР, где выражалось согласие руководства СССР на продление сроков работы комиссии в течение 15 дней [14, с. 59].

5 июня 1940 г. деятельность советско-германской комиссии была завершена. Документальные источники, имеющиеся в нашем распоряжении, не дают точного ответа на вопрос, какое количество еврейских беженцев было переселено из СССР в Германию на протяжении второго этапа эвакуации, т.е. с января по июнь 1940 г.

В дальнейшем германской стороной неоднократно поднимался вопрос об эвакуации лиц немецкой национальности, однако руководство СССР отвечало неизменным отказом.

В заключение можно сделать следующие выводы. В период германо-польской войны десятки тысяч жителей Польши, в основном еврейской национальности, опасаясь преследований со стороны немецких властей, оказались на территориях, отошедших в дальнейшем к СССР. В советско-германских отношениях по данной проблеме можно выделить два этапа. Первый: сентябрь – декабрь 1939 г. Основным содержанием его являлось проведение политики по переселению русских, белорусов и украинцев из оккупированной Германией Польши на территорию СССР. В Германию из СССР переправлялись лица немецкой национальности. Одновременно с этим Германия проводила политику насильственного переселения на территорию СССР беженцев еврейской национальности. Следующий этап можно датировать январём 1940 г. – июнем 1940 г. Он характеризовался стремлением руководства СССР ослабить социально-экономическую напряжённость в западных областях УССР и БССР путем эвакуации из пределов страны беженцев, по большей части еврейской национальности, из бывшего Польского государства. Значительная часть из них, не имея средств к существованию, стремилась покинуть территорию СССР. Несмотря на то, что немецкие власти отказывались принимать последних, какая-то часть из них сумела перебраться на территорию Германии.

Литература

1. Юфе, Э. З Польшчы ў Беларусь (Яўрэйскія бежанцы з Польшчы на тэрыторыі Беларусі ў 1939–1941 гг.) / Э. Юфе // *Полымя*. – 2002. – № 11–12. – С. 321–35.
2. Таляронак, С. Да пытання аб перасяленні заходніх беларусаў і заходніх украінцаў у 1939 г. / С. Таляронак // *Беларускі гістарычны часопіс*. – 1994. – № 4. – С. 82–90.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1777.
4. Гудвин-Гилл, Г.С. Статус беженца в международном праве / Г.С. Гудвин-Гилл ; пер. с англ. М.И. Левиной. – М. : ЮНИТИС, 1997. – 647 с.
5. Тодорович, И. Решение проблемы беженцев в начале XXI в. / И. Тодорович, Ю.Ф. Моргун, А.В. Селиванов // *Журнал международного права и международных отношений*. – 2005. – № 1. – С. 29–34.
6. Документы Лиги Наций, касающиеся беженцев // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. – 2000. – № 1. – С. 37–55.
7. Знешняя палітыка Беларусі : зб. дакументаў і матэрыялаў : у 6 т. / Бел НДДАС. – Мінск, 1997–2003. – Т. 3 : 1928 – чэрвень 1941 г. / Склад. У.М. Міхнюк, У.К. Ракашэвіч, Я.С. Фалей, А.В. Шарапа. – Мінск, 2001. – 321 с.
8. Пограничные войска СССР 1939 – июнь 1941. – М. : Наука, 1970. – 811 с.
9. СССР-Германия 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. : в 2 т. – Vilnius : «Mokslas», 1989. – Т. 2. – 192 с.
10. Документы внешней политики. – Т. XXII : в 2 кн. – Кн. 2 : сентябрь – декабрь 1939 г. – М. : *Междунар. отношения*, 1992. – 688 с.
11. Документы внешней политики. – Т. XXIII : в 2 кн. – Кн. 1 : 1 января – 31 октября 1940 г. – М. : *Междунар. отношения*, 1995. – 752 с.
12. Вишлев, О. «Дружба, скрепленная кровью?» / О. Вишлев // *Молодая гвардия*. – 1996. – № 12. – С. 121–142.
13. Розенблат, Е. Поляки и евреи в Западной Белоруссии: динамика сближений и конфликтов (1939–1941 гг.) / Е. Розенблат, С. Струнец // *Дiasпоры*. – 2003. – № 1. – С. 202–227.
14. Иларионова, Т.С. Обмен населением между СССР и Германией накануне и в начале Второй мировой войны / Т.С. Иларионова // *Отечественная история*. – 2004. – № 4. – С. 54–2.
15. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // *Вопросы истории*. – 1990. – № 7. – С. 75–106.

УДК 94(476):94(474.5):94(470):94(476+474.5)"16"

Літва і Русь вачыма жыхароў ВКЛ XVII ст.

С.А. ЧАРОПКА

Адной з праблем пры вывучэнні гісторыі Беларусі XVII ст., а таксама яго адлюстравання для сучаснага грамадства з'яўляецца праблема тэрміналогіі. У гэтым кантэксце асабліва няпростым з'яўляецца разуменне этнонімаў і геаграфічных назваў таго часу. У прадстаўленым артыкуле вывучаецца разуменне значэння шэрагу харонімаў жыхарамі Вялікага княства Літоўскага ў XVII ст. і робіцца спроба геаграфічнай прывязкі гэтых гістарычных абласцей да сучасных тэрыторый.

Ключавыя словы: Русь, Белая Русь, Літва, Палессе, Север.

One of the major problems in the study of the history of Belarus of the XVII century, as well as displaying it for the modern society is the problem of terminology. In this context it is particularly difficult to understand the ethnonyms and place names of that time. In the present paper the author studies the understanding of the importance of a number of horonima by the residents of the Grand Duchy of Lithuania in the XVII century and attempts to geo-referencing of historical areas to modern areas.

Keywords: Rus, Belaya (White) Rus, Litva (Lithuania), Polesye, Sever.

Гісторыя Беларусі ранняга новага часу з'яўляецца адным з вельмі цікавых, але, разам з тым, і вельмі няпростых перыядаў для даследчыкаў. У гэты перыяд адбываюцца глыбокія змены ў эканамічным, палітычным, міжнародным, культурным жыцці Вялікага княства Літоўскага, якія істотна паўплывалі на этнічныя працэсы ў краіне ў цэлым і беларускім грамадстве ў прыватнасці. Адной з істотных праблем пры вывучэнні гэтага перыяду, а таксама яго далейшага адлюстравання для сучаснага грамадства з'яўляецца праблема тэрміналогіі, перш за ўсё разумення і перадачы этнонімаў і геаграфічных назваў. У прадстаўленым артыкуле вывучаецца разуменне значэння шэрагу харонімаў жыхарамі ВКЛ XVII ст. і робіцца спроба геаграфічнай прывязкі гэтых гістарычных абласцей да сучасных тэрыторый.

Зыходзячы з прынцыпу гістарызму, які ўлічвае не толькі сучаснае разуменне канкрэтнай гістарычнай з'явы, а ўлічвае спецыфіку яго развіцця ў канкрэтны гістарычны перыяд, у прадстаўленым артыкуле падаецца правільным выкарыстоўваць існуючыя ў сярэдзіне XVII ст. этнонімы «рускі», для азначэння прадстаўнікоў той часткі жыхароў ВКЛ, якія вызнавалі ўсходні варыянт хрысціянства ў незалежнасці ад таго ці прынялі яны царкоўную ўнію 1596 г. або не, якія сталі ў наступным асновай для фарміравання беларускай нацыі. Пры гэтым адзначым асобна, што да гэтага часу ўжо існаваў іншы народ, які выкарыстоўваў той жа этнонім і здолеў у далейшым яго замацаваць выключна за сабою. Тэрмін «літоўскі» ў прадстаўленым даследаванні выкарыстоўваецца як для абазначэння каталіцкага, пераважна балтамоўнага насельніцтва ВКЛ, а таксама як абагульняючы тэрмін для ўсіх жыхароў і тэрыторыі дзяржавы, якая яшчэ ў познім сярэднявеччы аб'яднала ў сваіх межах продкаў беларусаў і літоўцаў.

Да сярэдзіне XVII ст. Вялікае княства Літоўскае ўжо амаль сто гадоў як з'яўлялася складовай часткай Рэчы Паспалітай. Люблінская ўнія 1569 г. завяршыла працэс палітычнай інтэграцыі ВКЛ з Польшчай, які распачаўся яшчэ ў XIV ст. За час сумеснага жыцця ў Рэчы Паспалітай у ВКЛ адбыліся істотныя змены, якія зблізілі польскую і літоўска-рускую мадэлі дзяржаўнасці, спрыялі распаўсюджванню ў літоўскім і рускім грамадстве польскіх культурных узораў і рэлігійных трэндаў. Эканамічная, палітычная і культурная перавага Польскага каралеўства ў новай краіне, апрача іншага, яскрава праявілася ў паступовай эвалюцыі назвы самой дзяржавы. Артыкул першы Люблінскай уніі ўжывае тэрмін Рэч Паспалітая абодвух народаў, не выключаючы пры гэтым афіцыйных назваў – Карона Польская і Вялікае княства Літоўскае [1], [2], [3]. У міжнародных дагаворах і дыпламатычных трактатах другой палове XVI ст. Рэч Паспалітая называлася пераважна як Regnum Poloniae Magnusque Ducatus Lithuania, г. зн. Каралеўства Польскае і Вялікае княства Літоўскае. Але ўжо з пачатку XVII ст. у крыніцах усё часцей сустракаецца азначэнне Res

Publica, Res Publica Poloniae або Rzeczpospolita Polska – Рэч Паспалітая Польшкая. У паўсядзённай мове жыхары гэтай дзяржавы выкарыстоўвалі тэрмін «Рэч Паспалітая» або «Польшча» [4, с. 61–69]. Пад Польшчай у шырокім сэнсе стала разумецца не толькі Польшкае каралеўства, але ўся Рэч Паспалітая, у тым ліку і яе літоўская частка. У сувязі з двузначнасцю тэрміна Польшча, для азначэння менавіта Польшкага каралеўства стаў дамінаваць тэрмін «**Карона**».

Вельмі няпростым пытаннем да сённяшняга дня з’яўляецца разуменне сучаснікамі шэрагу гісторыка-геаграфічных тэрмінаў, сярод якіх, напэўна, найбольш дыскусійнымі з’яўляюцца паняцці «Літва» і «Русь». Яшчэ ў XIII–XIV ст. літоўскія манархі, пашыраючы сваю дзяржаву за кошт старажытнарускай спадчыны, абвясцілі сябе гаспадарамі не асобных рускіх княстваў, а ўсіх рускіх зямель. Гедымін і Вітаўт лічылі сябе каралямі «*літоўцаў і рускіх*», «*Літвы і Русі*», імкнучыся замацаваць за сваёй краінай імідж спадкаемцы Старажытнарускай дзяржавы.

Але ў канцы XV–XVI ст. ва Усходняй Еўропе адбыліся сур’ёзныя геапалітычныя змены. У сярэдзіне XVI ст. з прыняццем маскоўскім князем Іванам Грозным царскага тытула адбываецца канчатковая трансфармацыя Вялікага княства Маскоўскага ў **Рускае царства**. У той жа час пасля заключэння Люблінскай уніі і стварэння Рэчы Паспалітай ў прыватнай дакументацыі і афіцыйным справаводстве Вялікае княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае губляе дадатковыя тэрытарыяльныя азначэнні і называецца ў спрошчаным выглядзе Вялікім княствам Літоўскім, Літвой або часта падаецца ў выглядзе скарачэння WXL, WKsL (ВКЛ). Унутрыпалітычныя праблемы спачатку ВКЛ, а затым і Рэчы Паспалітай, цесна звязаныя з этнаканфесійным супрацьстаяннем актыўна выкарыстоўвала кіраўніцтва Рускага царства прэтэндуячы на права валодаць усёй Руссю. У сувязі з гэтым правячыя колы Рэчы Паспалітай не жадалі прызнаваць за ўсходнім суседам не толькі царскі тытул, але і яго права на ўсе рускія землі, а з гэтага вынікае, што яны не маглі пагадзіцца не толькі з новым статусам, але і з новай назвай былой Маскоўскай дзяржавы. Для жыхара Рэчы Паспалітай XVII ст. за ўсходняй мяжой знаходзілася не Русь, а Масковія або Масква. Напрыклад, вядомы літоўскі дзяржаўны і ваенны дзеяч Ф.К. Абуховіч выкарыстоўвае гэты тэрмін, маючы на ўвазе не горад, а ўсю дзяржаву, ужывае звароты «*цар маскоўскі... граніца маскоўская... Крым з Масквой*» [5, с. 23, 25, 33, 35]. Такіх прыкладаў вялікая колькасць. Такім чынам, калі для жыхара Рускай дзяржавы Руссю або Русіяй (менавіта гэты тэрмін можна сустрэць у манаршых тытулах Івана Грознага, Міхаіла Фёдаравіча, Аляксея Міхайлавіча) была яго краіна, то для жыхара Рэчы Паспалітай Русь знаходзілася ў межах польска-літоўскай федэрацыі, а вось за ўсходняй яе мяжой знаходзілася Масковія.

У кантэксце існавання двух варыянтаў Русі, зыходзячы з экспансіянісцкай знешняй палітыкі Рускай дзяржавы, важную ролю адыграваў рэлігійна-адміністрацыйны падзел Русі на Малую і Вялікую Русь. Тэрмін **Малая Русь** узнік у Візантыі яшчэ ў XIV ст., калі паміж літоўскімі і маскоўскімі князямі пачалася барацьба за ўплыў на кіеўскага мітрапаліта. Гэты працэс, які расцягнуўся больш на стагоддзе, прывёў да падзелу Кіеўскай мітраполіі на дзве часткі – Кіеўскую і Маскоўскую. У тэрміналогіі канстанцінопальскіх патрыярхаў з’явілася Малая Русь (Μικρά Ῥωσία), якая аб’яднала праваслаўныя епархіі ВКЛ і Польшчы, і **Вялікая Русь** (Μεγάλη Ῥωσία), што ўключыла ў сябе епархіі Вялікага княства Маскоўскага і залежных ад яго рускіх княстваў. У першай палове XVII ст. тэрмін Малая Русь захаваў рэлігійнае адценне і часта сустракаецца ў палемічнай літаратуры антыўніяцкай скіраванасці [6, с.28], [7, с. 799], [8, с. 18].

У межах ВКЛ новачасныя крыніцы трывала выдзяляюць тры рэгіёны: «Літву», «Русь» і «Жмудзь» (Жэмайцію). У канцы XX – пачатку XXI ст. у беларускай гістарыяграфіі разгарэлася дыскусія адносна канкрэтнага геаграфічнага значэння гэтых тэрмінаў. Так, на думку М. Ермаловіча, у XVI ст. тэрмін «Літва» азначаў тэрыторыю сучаснай Беларусі і ўсходняй часткі Літоўскай Рэспублікі. Руссю, лічыць даследчык, з’яўлялася тая частка сучаснай Украіны, якая ўваходзіла ў склад ВКЛ [9, с. 57]. Аднак такое разуменне тэрмінаў «Літва» і «Русь» падаецца вельмі спрошчаным.

У XVI–XVII ст. у геаграфічным сэнсе тэрмін «*Літва*» ўжываўся сучаснікамі перш за ўсё як палітонім для абазначэння ўсяго Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага, так і як харонім для выдзялення сучасных цэнтральнай і заходняй частак Рэспублікі Беларусь, а таксама ўсходняй часткі Літоўскай Рэспублікі. Напрыклад, як палітонім разумее тэрмін Літва ўжо згаданы вышэй Ф.К. Абуховіч, які піша: «*У той час у Літве ў нас агонь гультайскімі Хмяльніцкага купамі запушчаны, так далёк дайшоў, што паветы Старадуб, Рэчыца, Мазыр, Пінск, Брэсць і іншых замкаў немала на Белай Русі да шчэнту знішчаны*» [5, с. 20]. У паказаным прыкладзе сучаснік пад Літвой разумее ўсю дзяржаву, як і ў наступным — «*гетмана ані з Літвы, ані з Кароны не было*» [5, с. 23]. У рэгіянальным сэнсе да Літвы належалі Віленскі, Вількамірскі, Ковенскі, Трокскі, Упіцкі, Браслаўскі, Ваўкавыскі, Гарадзенскі, Лідскі, амаль цалкам Ашмянскі і Слоніўскі паветы, большая частка Навагрудскага і заходняй частка Менскага паветаў [10, с. 206]. У 1623 г. у скарзе дызуніцкай шляхты на сойме сярод гарадоў Літвы ў рэгіянальным сэнсе адносіліся Вільня, Менск, Навагародак, Гародня, Слоніў, Берасце, Браслаў, Кобрын, Камянец [11, с. 102]. Варта пагадзіцца з меркаваннем В.Л. Насевіча, што мяжой паміж Літвой і Руссю да канца XVI ст. была умоўная лінія Браслаў-Лагойск-Петрыкаў [12, с. 124–125]. Пры гэтым сам тэрмін «Літва» паступова пашыраўся на ўсход. Калі яшчэ ў XIV ст. для разумення сучаснікаў Менск быў Руссю, то для сучаснікаў XVI–XVII ст. Менск быў ужо ў Літве. На ўсход ад Менска пачыналася Русь [13, с. 45–48].

Паняцце «*Русь*» у Рэчы Паспалітай сярэдзіны XVII ст. з’яўлялася яшчэ больш шматпланавым. У шырокім сэнсе гэты тэрмін выкарыстоўваўся сучаснікамі для абазначэння той часткі тэрыторыі сучаснай Украіны, якая ўваходзіла ў склад Польскага каралеўства, а таксама ўсходняй і паўднёвай частак Беларусі. Гэта значыць, што ў гэтым разуменні Русь – гэта пэўны гістарычны арэал у межах далюблінскага ВКЛ, які не меў канкрэтных адміністрацыйных межаў [14, с. 16–17]. Люблінская ўнія 1569 г. падзяліла рускія землі на фактычна каронную Русь і літоўскую Русь.

Папскі нунцый Ян Торэс падзяляе Русь на тры часткі: «*Чырвоная Русь з гарадамі Львовам, Перамышлем, да якой належыць Валынь; Белая Русь, якая працягнулася ад Рыгі, сталіцы Ліфляндый, да маскоўскай мяжы, уключаючы Полацк, Оршу, Віцебск, Магілёў; Чорная Русь, якая знаходзілася паміж Літвой і Валынню, да Кіева з гарадамі Пінскам, Навагрудкам, Оўручам...*» [15]. Аднак ў дыярыюшах і мемуарных крыніцах, дзе адлюстравана непасрэднае ўспрыманне навакольнай рэальнасці, узгадваецца пераважна толькі Белая Русь (або *Russia Alba*), у той час калі іншыя «каляровыя» формы Русі практычна адсутнічаюць [16, с. 75], [17, с. 2, 6].

Беларускі гісторык і этнограф М.Ф. Піліпенка разумее тэрмін «*Белая Русь*» у шырокім сэнсе як этнічную тэрыторыю, на якой праходзіла фарміраванне беларускага народа [18, с. 105–106]. З такім пунктам гледжання не пагадзіліся В.Л. Насевіч і М.Ф. Спірыдонаў, якія на аснове ўважлівага вывучэння масіва крыніц, прыйшлі да высновы, што ў вузкім сэнсе пад тэрмінам Русь у ВКЛ разумеліся Падзвінне і Верхняе Падняпроўе [19, с. 4–27]. З XVII ст., як лічаць А.В. Белы і В.Л. Насевіч, за гэтым рэгіёнам канчаткова замацавалася назва «Белая Русь» [20, с. 306], [21, с. 96]. Сапраўды, пры вывучэнні крыніц, звязаных з падзеямі XVII ст., відавочна, што назвамі «Белая Русь» або проста «Русь» у ВКЛ сучаснікі называлі Полацкае, Віцебскае, Мсціслаўскае і Смаленскае ваяводства [16, с. 75], [17, с. 2, 6]. Аднак гэты тэрмін мог несці і больш шырокае значэнне. Ужо згаданы раней Ф.К. Абуховіч піша: «*паветы Старадуб, Рэчыца, Мазыр, Пінск, Брэсць і іншых замкаў немала на Белай Русі да шчэнту знішчаны*» [5, с. 20]. У гэтым сэнсе Белая Русь фактычна ахоплівае ўсю літоўскую Русь і ўключае ў сябе як уласна Белую Русь, так і Палессе з літоўскай часткай Севершчыны.

У межах польска-літоўскай Русі ў шырокім сэнсе ў крыніцах сустракаюцца таксама і рэгіянальныя назвы такія як Палессе, Валынь, Падолле, Украіна, [16, с. 97], [17, с. 2, 8]. Пры гэтым трэба ўлічваць, што ў Польскім каралеўстве ў шырокіх межах Русі яшчэ існавала асобнае Рускае ваяводства з цэнтрам у Львове [5, с. 24]. Геаграфічная карціна ўсходняй часткі Рэчы Паспалітай, на наш погляд, удала прадстаўлена ў скарзе рускай шляхты на сойме 1623 г. «*Вільня, Менск, Наваградак (Nowogrod), Гародня, Слоніў, Берасце (Brzeście),*

Браслаў, Кобрын, Камянец і іншыя ў Літве. Бельск, Бранск, Драгічын і іншыя на Падляшшы. Пінск, Оўруч, Мазыр і іншыя на Палессі. Уладзімір, Луцк, Крамянец на Валыні. Львоў, Перамышль, Самбор, Драгабыч, Санок і іншыя ў ваяводстве рускім.... Крычаў, Чачэрск, Прапойск, Рагачоў, Гомель, Остр, Рэчыца, Любеч і іншыя на Панізоўі. Полацк, Віцебск, Мсціслаў, Орша, Магілёў, Дзісна і іншыя на Белай Русі...» [22, с. 292].

Асобна трэба адзначыць несупадзенне гісторыка-геаграфічнага тэрміна *Україна* з межамі сучаснай дзяржавы з адпаведнай назвай. У XVII ст. пад *Украінай* разумелася не ўся тэрыторыя сучаснай Украіны, а хутчэй толькі тэрыторыя Кіеўскага ваяводства. У крыніцах тэрміны «*Валынь, Падолле, Украіна*» звычайна ідуць праз коску як раўназначныя паняцці, якія не паглынаюць адзін адно [15], [5, с. 24–25]. Цікава адзначыць, што ў крыніцах расійскага паходжання час ад часу сустракаўся тэрмін «*Літоўская Украіна*», які ўбірае ў сябе Белую Русь і літоўскую частку Севершчыны, г.зн. Смаленшчыну і заходнюю Браншчыну ў сучасным разуменні.

Сярод рэгіянальных назваў сустракаецца таксама *Север* (Севершчына, Северская зямля), які з'яўляўся даволі абшырным рэгіёнам Русі на ўсходзе Рэчы Паспалітай, які межаваў са Смаленскім ваяводствам ВКЛ і Расійскай дзяржавай [5, с. 3]. Распавядаючы аб тым, што казакі апанавалі ўсёй Чарнігаўшчынай, Старадубшчынай і Ніжнім Пасожжам сучаснік ужывае наступны зварот: «*увесь занялі Север*» [16, с. 117]. Такім чынам, гэты вялізны рэгіён, які зараз знаходзіцца на тэрыторыі Беларусі, Украіны і Расійскай Федэрацыі, пасля Люблінскай уніі аказаўся таксама падзелены на дзве часткі. На заходнюю частку Севершчыны, якая знаходзілася пераважна ў складзе ВКЛ, накладваўся тэрмін *Панізоўе*, які азначаў тэрыторыі ў Пасожжы і часткова Сярэднім Падняпроўі ад Крычава да Любеча.

Такім чынам, можна заўважыць, што географічная наменклатура XVII ст. істотна адрознівалася ад сучасных аналагаў, а некаторыя тэрміны зніклі з ужытку цалкам. У выніку, на сярэдзіну XVII ст. у Вялікім княстве Літоўскім выдзяляліся наступныя гісторыка-геаграфічныя рэгіёны:

1. Літва – тэрыторыя сучаснай Беларусі ў складзе Гродзенскай вобласці, амаль усёй Мінскай і заходняй і паўночнай частка Брэсцкай, заходняй частка Віцебскай абласцей, а таксама ўсходняй частка сучаснай Літвы;

2. (Белая) Русь – Магілёўская, значная частка Віцебскай, усходняй частка Гомельскай абласцей Беларусі, а таксама Смаленская і частка Бранскай абласцей Расійскай Федэрацыі. Пры гэтым з Белай Русі сучаснікі маглі выдзяляць яе паўднёвую частку – Панізоўе і ўсходнюю частку – Літоўскую Украіну.

3. Палессе, якое магло вылучацца асобна, або як складовая частка Русі – усходняя частка Брэсцкай, і заходняя частка Гомельскай абласцей Беларусі і паўночныя рэгіёны Жытомірскай і Валынскай абласцей Украіны;

4. Жэмайцця (Жмудзь) – заходняя частка сучаснай Літоўскай Рэспублікі.

Высвятленне значэння гісторыка-геаграфічных назваў неабходна для далейшага карэктнага абзначэння і вывучэння гісторыі тых або іншых тэрыторый сучасных Беларусі і Украіны ў тым сэнсе, які ўкладвалі ў гэтыя тэрміны сучаснікі ў XVII ст.

Літаратура

1. Akt unii Lubelskiej [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.law.uj.edu.pl>. – Date of access : 12.08.2013.
2. O Xięstwie Litewskim Przywilej // Volumina Legum. – Petersburg : Nakładem i drekiem J. Ohryzki, 1859. – Т. 2. – S. 87–92.
3. Potwierdzenie Unii między narodz Polskimi i Litewskimi, na Seymie walnym Lubelskim, roku 1569 skończoney // Volumina Legum. – Petersburg : Nakładem i drekiem J. Ohryzki, 1859. – Т. 2. – S. 92–93.
4. Документы об Освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. – Киев : Наукова думка, 1965. – 825 с.
5. Dyaryusz Kazimierza Filipa Obuchowicza // Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznychw Polsce XVII wieku. – Wilno : Nakładem A. Assa Księgarza, 1859. – S. 1–52.

6. Соловьёв, А.В. Великая, Малая и Белая Русь / А.В. Соловьёв // Вопросы истории. – 1947. – № 7. – С. 24–38.
7. Хрисовул императора Иоанна Кантакузина (август 1347 г.) / И. Мейендорф // Византия и Московская Русь : очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. – Paris : YMCA-PRESS, 1990. – С. 799–802.
8. Черепко, С.А. Православная церковь на Руси XIII–XV вв. : борьба за митрополию / С.А. Черепко // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зб. навук. артыкулаў. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – Вып. 4. – С. 14–27.
9. Ермаловіч, М. Па слядах аднаго міфа / М. Ермаловіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 98 с.
10. Спиридонов, М.Ф. «Литва» и «Русь» в Беларуси в XVI в. / М.Ф. Спиридонов // Наш Радавод. – Гродна : БДМГР, 1996. – Кн. 7. – С. 206–211.
11. Насевіч, В. Літва / В. Насевіч // Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. – Смаленск, 2015. – С. 97–102.
12. Насевіч, В. Да пытання пра саманазву беларусаў у перыяд ВКЛ / В. Насевіч // Беларусы : станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. – Смаленск, 2015. – С. 124–126.
13. Галенчанка, Г.Я. Царква, канфесія і нацыянальная свядомасць беларусаў у XV–XVI стст. / Г.Я. Галенчанка // Наш радавод. – Гродна : БДМГР, 1992. – Кн. 4, ч. 1. – С. 45–48.
14. Галенчанка, Г.Я. Да пытання аб этнічных і этнаканфесійных катэгорыях Вялікага Княства Літоўскага XIV–XVI ст.: «беларусцы», «літвіны», і «русіны» ў дыскурсах сучасных даследчыкаў і пісьмовых крыніцах / Г.Я. Галенчанка // *Studia Historica Europae Orientalis*. – Мінск : Издательский центр БГУ, 2008. – Вып. 1. – С. 9–20.
15. Донесения папского нунция, Иоанна Торреса, архиепископа Адрианапольского, о событиях в Польше во время восстания Богдана Хмельницкого. – Киев : Типо-литография М.Т. Мейнандера, 1914. – 181 с.
16. Джерела з історіі Національна-визвольной вiйни українського народу. – Київ : б.в., 2012. – Т. 1. – 670 с.
17. Kojalowicz, W.W. De Rebus Anno 1648 et 1649 contra Zaporovios Cosacos Gestis / W.W. Kojalowicz. – Vilnae : Druk. Akademicka, 1651. – 110 s.
18. Пилипенко, М.Ф. Возникновение Белоруссии : новая концепция / М.Ф. Пилипенко. – Минск : Беларусь, 1991. – 142 с.
19. Насевіч, В. «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. / В. Насевіч, М. Спірыдонаў // 3 глыбі вякоў. Наш край : гіст.-культуралагічны зб. – Мн. : Беларуская думка, 1996. – Вып. 1. – С. 4–27.
20. Белы, А. Белая Русь / А. Белы // Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя : у 2 т. – Мінск : «Беларуская энцыклапедыя», 2005. – Т. 1. – С. 306–308.
21. Насевіч, В. Да пытання пра саманазву беларусаў у перыяд ВКЛ / В. Насевіч // Беларусы : станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. – Смаленск, 2015. – С. 124–126.
22. Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и Польше. – СПб. : вь Тип Э. Праца, 1865. – 658 с.

Войсковые урядники в системе управления войском ВКЛ во второй половине 16 – начале 17 века

А.П. ШИЛЯЕВ

Исследуется организация системы управления в воинских формированиях ВКЛ конца 16 – начала 17 в. В этот период в странах Западной Европы и в ВКЛ происходят процессы формирования государственного аппарата, которые естественным образом затронули и вооруженные силы. В данной статье рассматриваются изменения в военной иерархии войсковых урядников представленного периода, характеризуются их полномочия, права и обязанности, а также особенности этих процессов по сравнению с армиями стран Западной Европы.

Ключевые слова: король, гетман, капитан, ротмистр, армия ВКЛ, военные артикулы.

The organization of the command system in military formations of the GDL of the late 16th and early 17th centuries is examined. During this period in the countries of Western Europe and in the GDL there were processes of forming the state apparatus, which affected the armed forces. The changes in the military hierarchy of military sergeants of the period are examined; their powers, rights and duties, as well as the peculiarities of these processes are compared with the armies of Western European countries.

Keywords: king, hetman, captain, GDL's army, military articles.

К началу 17 в. военная организация ВКЛ представляла собой весьма сложную структуру, сочетавшую в себе старые и новые принципы. Произведенные военные преобразования во второй половине 16 в., особенно при короле Стефане Батории (1576–1588), существенно упорядочили эту структуру, однако в целом сохранялось значительное количество пережитков.

Эта тенденция касалась и системы управления вооруженными силами ВКЛ, которую необходимо было приспособить к условиям наемного комплектования войск. В целом, подобные задачи возникали перед всеми европейскими армиями, которые становились на путь реформирования. Реализовывались эти задачи обычно через расширение полномочий уже существовавших военных должностей и введение новых.

Верховное руководство вооруженными силами Речи Посполитой осуществлял король, что являлось его прямой обязанностью. Все, кто поступали на службу в армию Речи Посполитой, принимали присягу на верность королю [1, с. 224, 231].

По сравнению с другими сферами управления государством в военном деле король обладал более широкими полномочиями. Так, именно король по своей воле принимал решение о назначении на высшие военные должности – гетмана великого и польного.

Во время военных походов король мог назначить главнокомандующего над всеми войсками, как коронными, так и литовскими, как случилось после осады Смоленска в 1611 г., когда Сигизмунд III назначил Яна Ходкевича, великого гетмана литовского, командующим над всеми войсками, которые действовали против московского государства.

Король объявлял созыв шляхетского ополчения – посполитого рушения, но уже с разрешения сейма. Положение это впервые встречается в статуте ВКЛ 1566 г., также оно присутствует и в статуте 1588 г. Руководство посполитым рушением также было обязанностью короля, что было закреплено в «Генриховых артикулах».

Король мог лично возглавлять войска и непосредственно руководить боевыми действиями. Наиболее ярким примером, демонстрирующим личное участие короля в руководстве войсками, может послужить деятельность Стефана Батория (1576–1586). Опытный в военных делах Баторий был избран королем как раз с целью противостояния многочисленным внешним угрозам, в первую очередь, со стороны Москвы из-за продолжающейся Ливонской войны и со стороны крымских татар. Кроме значительной реформаторской и административной деятельности в военной сфере Стефан Баторий принимал личное участие в проводимых им военных кампаниях.

После Батория короли Речи Посполитой также принимали непосредственное участие в боевых действиях и брали на себя руководство войсками, хотя и не так активно. Так, Сигизмунд III во время смуты в московском государстве стал одним из инициаторов начала войны, даже не имея на это разрешение сейма [2, с. 16–17]. В ходе конфликта Сигизмунд лично участвовал в осаде Смоленска и принимал основные решения о способах ведения осады [2, с. 31].

Кроме этого король мог разрабатывать и принимать военные артикулы, законы, которые были обязательны для исполнения в армии. Такие законы были приняты при Стефане Батории в 1581 г. и при Владиславе IV Вазе в 1634 г. [1, с. 153, 209].

В 15–16 вв. в западной Европе и ВКЛ происходит активное формирование государственного бюрократического аппарата. В связи с постепенной централизацией государств и усилением королевской власти, потребовалось значительное количество чиновников, обязанности которых постепенно регламентировались и складывались в определенную систему. Естественно, что эти процессы коснулись и военной организации.

Высшее военное руководство войском ВКЛ осуществляли гетманы. Полномочия у них были весьма широкие, хотя и не всегда четко определены, что характерно для этого периода.

Само слово гетман имеет, скорее всего, немецкое происхождение и означает командир или начальник. Встречается оно уже в 15 в. Так, в ходе гуситских войн, табориты называли своих командующих, наиболее ярким примером может послужить Ян Жижка, который стал гетманом в 1420 г. Ввиду тесных связей с немецкими и чешскими землями, термин этот появляется в Польше и в ВКЛ.

Первым известным нам гетманом ВКЛ считается Иван Федорович Ходкевич (1420–1485). В письме 1476 г., о подготовке посольства киевского митрополита Мисаила к папе римскому Сиксту IV по вопросу заключения церковной унии, упоминаются участники этого посольства и среди них «... Иван Ходкевич... в войсках гетман наивысший» [3, с. 199].

В течение 16 в. происходила постепенная регламентация полномочий и обязанностей гетманов. Основной обязанностью гетмана великого было руководство войсками, что было закреплено в различных документах, так в артикулах гетмана Криштофа Радзивилла 1635 г. указывалось на положение гетманов в военной иерархии сразу после короля – «Hetmanowi jako pierwszej swej od J. K. M. i Rzptej zwierzchności ma każdy posłuszeństwo oddawać» [1, с. 235].

Обычно гетманы непосредственно принимали участие в боевых действиях, осуществляли общее руководство войсками и отдавали прямые приказания, даже если в армии находился король. В артикулах Стефана Батория указывалось, чтобы «ни ротмистры, ни товарищи в делах военных не предпринимали ничего самостоятельно, а дожидались указаний гетмана» [1, с. 156].

Гетманы руководили войсками в прямых боестолкновениях, производили построение подразделений, отдавали приказы об их перемещении и нахождении на поле боя, следили за сохранением боевых порядков, отдавали приказы о преследовании отступившего неприятеля [1, с. 244].

Так, благодаря военному таланту и умелому руководству великого гетмана литовского Яна Кароля Ходкевича войскам Речи Посполитой удалось одержать одну из самых значительных побед в сражении против шведов под Кирхгольмом в 1605 г.

Однако полномочия гетманов не исчерпывались только руководством войсками. На протяжении 16 в. начинают появляться первые воинские уставы или артикулы, которые издавали сами гетманы, т. е. можно сказать, что они разрабатывали военное законодательство. Одни из первых гетманских артикулов были представлены в виде военных поучений Флориана Зебжидовского для гетмана Николая Радзивилла 1559 г. Кроме них были разработаны артикулы Григория (1562 и 1566 гг.) и Яна Ходкевича (1564 г.), общие гетманские артикулы, принятые на сейме 1609 г., и артикулы гетмана Криштофа Радзивилла 1635 г.

В этих артикулах кроме военных декларируются весьма широкие судебные полномочия гетманов. Суду гетмана подлежали виновные в оставлении позиций и сдаче их неприятелю. Также и на поле боя, если кто поступал самовольно, без приказа гетмана, то его дело рассматривалось на усмотрение гетмана [1, с. 244].

Если в ходе боя целые подразделения не исполняли приказов гетмана, не находились в положенном месте или самовольно его покидали, то гетманскому суду подлежали все виновные, не исключая командиров [1, с. 244].

Гетманы занимались делами и тех, кто, не имея на то разрешение, самовольно покидал расположение своих подразделений, а также тех, кто переманивал к себе, в свои отряды, солдат и слуг из других почтов, хоругвей и рот [1, s. 178].

При предоставлении ложных сведений о численности почтов или рот, а также при использовании солдат, находящихся в войске, в личных целях к гетманскому суду могли привлекаться офицеры, полковники и ротмистры. Кроме того, командиры подразделений подлежали суду гетмана при нераспространении или утаивании его приказов [1, s. 235, 238].

В распоряжении гетманского суда находились и дела о нарушении порядка в лагере. В целом, любое нарушение военной дисциплины находилось в ведении гетмана, даже если в войсках присутствовал король [1, s. 155].

Все судебные разбирательства в войске могли происходить только с ведома и разрешения гетмана, также, как и приведение в исполнение приговоров, в том числе и смертных [1, s. 249]. При том, что гетманы следили за исполнением тех самых военных артикулов, можно сказать, что гетман обладал высшей судебной властью в войске [1, s. 138].

Кроме этого гетман осуществлял значительную организационную работу в войске. При сборе посполитого рушения гетман проводил переписи и построения ополчения. Также гетман определял маршрут и порядок следования войск. Через сигналы барабанщиков гетман производил сбор полковников и ротмистров для объявления им приказов и прочей информации, при этом все важнейшие сведения должны были в первую очередь сообщаться гетману [1, s. 247].

Гетману обязаны были докладывать обо всех изменениях в численности войск, при отъезде с разрешения или без него из подразделений, при появлении новых людей в отрядах, а также о потерях убитыми и пленными [1, s. 247].

Только гетманы могли вести переговоры с послами или другими представителями, направленными от неприятельских войск, ведение переговоров без ведома гетмана расценивалось как предательство. Кроме того, гетману обязаны были доставлять всех пленных, захваченных в бою или в результате вылазок, дальнейшую судьбу пленных также определял гетман [1, s. 235].

В ведении гетмана находились и вопросы обеспечения армии продовольствием, он давал разрешение на сбор провианта и фуража или покупку его у местного населения. Всевозможным купцам, которые обычно следовали за войском, гетман давал разрешение на торговлю и определял место их расположения.

Как видим, гетманы обладали весьма широкими полномочиями в самых различных сферах и исполняли множество функций. Естественно, что у гетмана для выполнения столь разнообразных обязанностей имелись помощники, в документах они наиболее часто фигурируют как урядники и слуги гетмана, при этом остальные солдаты и офицеры обязаны были им подчиняться [1, s. 246–247].

Наиболее часто встречается должность писаря польного. Основным его занятием была перепись войск и соединений, как посполитого рушения, так наемников и добровольцев. Занимался он и учетом времени нахождения каждого человека в тех или иных подразделениях при действующем войске. Должность польного писаря могла замещаться при некоторых обстоятельствах. Так в ходе боевых действий в Инфлянтах в 1621–1622 гг., из-за отъезда писаря его обязанности исполнял другой урядник гетмана Криштофа Радзивилла, позже его заменил слуга писаря, и только под конец кампании прибыл сам польный писарь Ярош Пасецкий. При этом писарь польный мог заниматься решением некоторых других поручений, так тот самый Яков Пасецкий был отправлен в посольство к королю Сигизмунду III [3, s. 225].

Среди прочих должностей можно встретить обозного, который исполнял различные хозяйственные функции, занимался устройством лагеря, определял места стоянок определенных отрядов, вплоть до положения их повозок [1, s. 237].

Для эффективной реализации значительных судебных полномочий гетман назначал военных судей, которые кроме непосредственно судебной деятельности занимались и распределением трофеев, а также поиском пропавших вещей и возвратом их хозяевам [1, s. 246].

Еще одним урядником гетмана был стражник, который устанавливал порядок несения караульной службы в лагере, а также руководил охраной самого гетмана [4, s. 235].

Кроме верховной военной власти гетманы обладали и широкими политическими полномочиями. Как уже было отмечено, военные уставы определяли гетмана как первого после короля. С возникновением Речи Посполитой в 1569 г. власть в ВКЛ во время отсутствия ко-

роля, а отсутствовал он довольно продолжительное время, фактически стала принадлежать высшим государственным урядникам. При этом происходило и постепенное ослабление королевской власти. Полномочия гетманов проходили обсуждение на сеймах. Так, по решению сейма 1589 г., в случае войны гетманы получали власть, Коронный над Польшей, Литовский над ВКЛ. В период безкоролевья гетману передавалась высшая политическая власть, при этом войска приносили гетману присягу. В Инфлянтах в таком случае верховная власть осуществлялась двумя гетманами – коронным и литовским [5, s. 279].

Необходимо отметить, что в армии ВКЛ, как и в коронной армии, существовало несколько гетманских должностей. Так, даже первый встречающийся гетман ВКЛ И.Ф. Ходкевич упоминается как гетман наивысший, что подразумевает под собой существование и других гетманских должностей. С 1521 г. нам известна должность гетмана польного.

Постепенно должность польного гетмана стала второй по значимости после гетмана великого, и он становится фактически заместителем гетмана великого, что фиксируется в постановлениях сеймов о гетманской власти 1589, 1593 и 1601 гг.

Говоря о полномочиях польного гетмана можно лишь повториться, что, как и в вышеприведенных случаях, четко они определены не были и зависели во многом от личности самого гетмана польного и гетмана великого и их взаимоотношений.

Весьма показательным примером сложности высшей военной иерархии и недостаточной определенности полномочий польного гетмана служит описание взятия Велижа в 1580 г. Р. Гейденштейном – «обычаем предков установлено так, что высшая военная власть должна принадлежать (великому) гетману, а вся гражданская юрисдикция при особе королевской должна находиться в руках великого маршалка коронного, в случае же отсутствия гетмана маршалк принимает на себя его обязанности в лагере; должность же канцлера заключается в том, что он председательствует в раде, в судах, вводит послов и представляет королю о просьбах и заслугах отдельных лиц; к канцлеру же, в случае отсутствия маршалка, переходит и вся власть последнего. Что же касается до должности польного гетмана, то последняя не такого рода, чтобы можно было ее сравнивать с указанными выше должностями, ибо, будучи введена сначала частным образом самими великими гетманами, она и теперь замещается на основании рекомендации этих гетманов» [6, с. 112].

К тому же нередки были случаи, когда одна из этих должностей оставалась вакантной. Так после назначения Криштофа Радзивилла Перуна в 1589 г. гетманом великим, должность польного гетмана оставалась не занятой вплоть до 1601 г., когда на нее был назначен Ян Кароль Ходкевич. Существует предположение, что, сохраняя вакантными должности гетманов, как коронного, так и литовского, король Сигизмунд III пытался усилить свою власть над войском, несмотря на протесты шляхты, заявляя, что и сам может командовать войском – «*Król Jegomość sam hetmanem*» [7, с. 29].

Весьма интересна и процедура назначения гетманов. Назначал их на должность непосредственно король, при этом и великие и польные гетманы занимали весьма важные гражданские должности в ВКЛ.

Можно проследить непосредственную взаимосвязь должности гетмана великого и виленского воеводы. Николай Радзивилл (Рыжий) совмещал эти должности. Его сын Криштоф Радзивилл Перун в 1584 г. становится виленским воеводой, а в 1589 г. великим гетманом. Может показаться, что должность воеводы виленского была закреплена за Радзивиллами, однако получали ее и великие гетманы, не связанные с ними. Так в 1616 г. виленским воеводой стал гетман великий Ян Кароль Ходкевич, в 1623 г. у воеводой в Вильно был назначен Лев Сапега, который через два года стал великим гетманом литовским. Криштоф Радзивилл (младший) в 1633 г. после смерти Льва Сапегы становится виленским воеводой, а в 1635 г. Владислав IV назначает его на должность великого гетмана.

Должность великого гетмана можно считать пожизненной. Из описанных выше гетманов только Николай Радзивилл (Рыжий) в 1566 г. был замещен Григорием Ходкевичем на этом посту, однако в 1576 г. Радзивилл повторно становится великим гетманом литовским.

После смерти гетмана великого его должность получал обычно гетман польный, хотя могли быть и исключения. Так, например, в 1625 г. на должность великого гетмана литовского был назначен Лев Сапега, а не польный гетман Криштоф Радзивилл, при этом сам Са-

пега указывал, что несмотря на традиции только король принимает решения о назначении на высшие посты, так Ян Замойский стал коронным великим гетманом не будучи польным, а Жолклевский получил должность коронного канцлера, не занимая до этого должности подканцлера [8, s. 276].

В середине 16 в. можно встретить еще одну гетманскую должность – гетман надворный, который командовал княжеской, а после образования Речи Посполитой, королевской гвардией – надворным войском.

Как видим, полномочия и обязанности гетманов были крайне разнообразными и во многих случаях определялись текущей ситуацией. Во многом схожие процессы происходили и в Западной Европе. В конце 16 – начале 17 в. мы можем наблюдать главнокомандующих в европейских армиях, которые получили различные наименования, многие из которых известны еще со времен средневековья (маршал, генерал, фельдмаршал и др.). Хотя в это время в Западной Европе наблюдается отделение званий, например, маршала от должности главнокомандующего. Эти главнокомандующие, как и гетманы, получали в свои руки высшую военную, судебную и административную власть. Причем, в связи с возросшим количеством солдат и большей продолжительностью войн, хозяйственно-административные вопросы, особенно вопросы снабжения и выплаты жалования, нередко выходили на первый план для полководцев. Многие из них при этом шли на различные ухищрения, так Филипп Гессенский сам продавал своим наемным солдатам припасы, рассчитывая при этом вернуть часть выплаченного им жалования [9, с. 670].

Полномочия высших командиров в Западной Европе также не были четко определены, военные артикулы, в которых они прописывались, как в ВКЛ, так и в западноевропейских армиях составлялись каждый раз под определенный военный конфликт и не были постоянными. При этом стоит отметить сравнительно большую регламентацию гетманских полномочий, которые присутствуют также и в Статутах ВКЛ, и в конституциях сеймов.

Среднее командное звено армии ВКЛ в описываемый период было представлено полковниками, капитанами и ротмистрами или хоружими. Полковники обычно руководили соединениями из нескольких хоругвей или рот и назначались гетманом вместе с остальными урядниками [1, s. 235].

Должность капитана обычно встречается у командиров наемных пеших отрядов иностранного образца, чаще всего у немецких рот. Должности ротмистров или хоружих были наиболее распространены на тот момент, руководили они ротами или хоругвями пешими и конными как наемными, так и посполитого рушения. При этом можно отметить, что все три описываемые должности были схожи по своему правовому положению и имели примерно одинаковый набор обязанностей в войсках.

Одной из основных обязанностей ротмистров являлась организация найма солдат в подразделения, для чего они получали специальное разрешение – лист пшиповедный, где указывалось количество необходимых солдат и необходимое снаряжение. При этом наем отряда мог быть проспонсирован крупным шляхтичем или магнатом. Так, например, в ходе войны в Инфлянтах при переписи войска 1621–1622 гг. указывалось, что минский каштелян Ян Головчинский в сентябре 1621 г. предоставил 200 гусар, хоружим при них был Ян Ровинский [4, s. 221].

Занимались офицеры и выдачей жалования, при этом они несли ответственность за его своевременную и полную выплату, так же, как и за соответствие количества солдат и их снаряжения тому, что было указано в пшиповедном листе [1, s. 247].

Практически во всех военных артикулах декларируется, что ротмистры обязаны были постоянно присутствовать при своих отрядах, и что они не могли их покидать без гетманского разрешения. При этом полковники и ротмистры обязаны были следить за порядком в собственных подразделениях, особое внимание уделялось надзору за их численностью, никто без разрешения офицеров и уведомления гетмана не имел права покидать подразделения после проведения переписи, кроме этого они следили, чтобы никто не передавал другому военное снаряжение и коней, прошедших перепись [1, s. 237].

Также ротмистры и другие офицеры обязаны были следить за дисциплиной в своих подразделениях, особенно при общении с местным населением, чтобы солдаты вели себя скромно и пристойно, без причинения обид [1, s. 241].

Отвечали они и за порядок в своих отрядах во время передвижения войск – «W ciągnieniu każdy pułkownik, rotmistrz konny i pieszy i kapitan i ich porucznikowie tego pilno doglądać powinni, aby tak towarzysz każdy, jako i pocztowa czeladź, żołdacy i hajducy pod chorągwie jako naj porządniej, nie wybacząc od chorągwie i nie czyniąc żadnych hałasow i krzykow, ale cicho i porządnie ciągneli, nie inaczej» [1, s. 238].

Ротмистры, получив соответствующее разрешение от гетмана, назначали нескольких человек из своего подразделения ответственными за добычу провианта, которым выдавалось специальное разрешение, при этом запрещалось его насильственно изымать у местного населения [1, s. 251].

Следили ротмистры и за уровнем боеготовности своих подчиненных, проводили тренировки по стрельбе, верховой езде, строевой подготовке, демонстрировали, как пользоваться защитным вооружением, при этом проверяли наличие и качество снаряжения [1, s. 181].

Полковники, ротмистры и капитаны назначали себе заместителей – поручников, для лучшего выполнения разнообразных обязанностей. Обычно поручники обладали схожими с ними полномочиями, что фиксировалось в военных артикулах.

Стоит отметить, что, несмотря на столь значительное количество различных уставов и регламентов, нередко были случаи самоуправства и неподчинения. При этом инициаторами подобных действий чаще всего выступали сами ротмистры.

Схожие полномочия у среднего командного звена можно наблюдать и в западноевропейских армиях данного периода. Комплектование отрядов там также проводилось на основании особого разрешения, на наем определенного количества войск. При этом, стоит отметить, что в Западной Европе набор производился более крупными «объемами», обычно целыми полками [10, s. 29].

В связи с подобным процессом найма войск в Западной Европе существенно возростала роль полковников. Если в ВКЛ полковники назначались гетманом при соединении нескольких рот или хоругвей, то в западноевропейских армиях они представляли собой, по выражению Г. Дельбрюка, «подрядчиков-предпринимателей». Само слово полк (Regiment) означает установление власти полковника над ротами [9, с. 668].

В этой системе полковники по сути являлись соединительным звеном между солдатами и командующим армией. Солдаты при найме приносили присягу полковнику, а тот в свою очередь подчинялся командующему, обладая при этом практически полной административной и судебной властью над своим полком.

Фактически в Западной Европе полки представляли собой самостоятельные административные структуры и при такой организации весьма частыми явлениями были солдатские бунты, особенно при невыплате жалования, и даже открытый переход целых полков на сторону противника.

Кроме этого, в ВКЛ полковники, хоружие и ротмистры часто являлись еще и частью управленческого аппарата (каштеляны, старосты и т. д.), а в странах Западной Европы командиры наемных подразделений уже не были связаны с государственным аппаратом, что придавало им еще больше независимости.

К младшим командным чинам армии ВКЛ можно отнести десятников и товарищей. Им собственно подчинялись жолнеры в пехоте и пахолики в кавалерии. Товарищи и десятники должны были обучать их правильно стоять в строю и использовать оружие и следить за их снаряжением. Они же по поручению ротмистров или их поручников занимались поиском провианта [1, s. 137].

Среди младших войсковых урядников можно выделить барабанщиков и трубачей, значение которых для этого периода было достаточно велико. Именно через сигналы барабанщиков и трубачей осуществлялся сбор командиров, объявлялась тревога, отдавались прочие важные команды. Все солдаты обязаны были знать условные сигналы и обучать этим сигналам новоприбывших [1, s. 187].

Таким образом, можно отметить, что во второй половине 16 века система управления войсками ВКЛ постепенно усложняется и регламентируется. Появляются военные артикулы, увеличивается количество командных должностей, появляются и административные должности. При этом система управления находилась еще в процессе формирования, поэтому полномочия и обязанности войсковых урядников во многом определялись конкретными обстоятельствами.

Литература

1. Polskie ustawy i artykuły wojskowe : od XV do XVIII wieku / Polska akademia umiejętności archiwum komisji historii wojskowej. – Krakow, 1937. – Nr. 3. – 372 s.
2. Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. – СПб., 1871. – 298 с.
3. Архив Юго-Западной России. – Киев, 1887. – Ч. 1, т. VII. – 816 с.
4. Ksiecica, K. Radziwilla hetmana polnego WKL. Sprawy wojenne i polityczne 1621–1632 / K. Ksiecica. – Paris : Druk. L. Martinet, 1859. – 716 s.
5. Volumina Legum / Wyd. J. Ohryzko. – Petersburg, 1859. – Т. 2. – 496 s.
6. Гейденштейн, Р. Записки о московской войне / Р. Гейденштейн. – СПб., 1889. – 312 с.
7. Wisner, H. Rzeczpospolita Wazów / H. Wisner. – Warszawa, 2004. – Т. 2. Wojsko Wielkiego Księstwa Litewskiego, dyplomacja, varia. – 321 s.
8. Archiwum domu Radziwillow (Listy ks. M.K. Radziwilla Sierotki – Jana Zamoyskiego – Lwa Sapiehy) / Wydawnictwa komisji hist. akad. umiejetnosc w Krak. – Krakow, 1885. – Т. 27. – 296 s.
9. Дельбрюк, Г. Всеобщая история военного искусства / Г. Дельбрюк – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
10. Gorski, K. Historia jazdy polskiej / K. Gorski. – Kraków, 1894. – 363 s.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 22.01.2018

УДК 811.111'373'42=13/=88

Английская лексика и билингвизм во французском рекламном дискурсе

Е.О. АРТЮШКОВА, А.А. КИРЮШКИНА

Рассматривается проблема языкового заимствования англо-американизмов и билингвизма в аспекте их вовлеченности в дискурс французского рекламного текста, как следствия расширения социокультурных контактов, а также анализируются причины данного явления. Авторы приходят к выводу, что использование иноязычного элемента в тексте рекламы дает возможность оказать имплицитное воздействие на адресата и приводит к налаживанию более тесной коммуникации и вовлечению реципиента в общее коммуникативное поле.

Ключевые слова: заимствование, англицизм, билингвизм, рекламный дискурс, имплицитное воздействие, оценка.

The problem of linguistic borrowing of Anglo-Americanisms and bilingualism in the aspect of their involvement in the discourse of the French advertising text is considered as a consequence of the expansion of sociocultural contacts, and the causes of this phenomenon are analyzed. The authors conclude that the use of a foreign element in the text of advertising makes it possible to have an implicit effect on the addressee and leads to the establishment of closer communication and the involvement of the recipient in the general communicative field.

Keywords: borrowing, Anglicism, bilingualism, advertising discourse, implicit impact, evaluation.

Как известно, словарный состав языка является самым динамичным элементом, находящимся в процессе постоянного изменения, отражающим в своем развитии условия определенного исторического периода в эволюции общества [1, с. 22]. Для текущего момента характерен широкий спектр языковых контактов, а также все усиливающееся влияние американской лингвокультуры, ведущие к небывалому распространению англо-американских элементов и заимствований в современных европейских языках вообще и во французском в частности.

Проблема языкового заимствования стала интенсивно изучаться в последние десятилетия, поскольку в современном мире заимствования являются одной из наиболее продуктивных возможностей расширения словарного состава языка. Среди внутри лингвистических причин заимствования выделяют следующие:

1. Потребность в наименовании тех предметов, понятий и явлений, слова для обозначения которых отсутствуют в заимствующем языке. Так, в частности, в связи с тем, что практически все разработки в области IT технологий были созданы в США – стране, где официальным является английский язык, – полными заимствованиями являются многие компьютерные термины. В других странах подобные технологии появились немного позже, вследствие чего компьютерные термины не имеют соответствий в других языках и сохраняют свой «родной» графический и фонетический вид: *spam* – рус. спам, фр. *spam*, нем. *spam*, ит. *spam*; *e-mail* – рус. и-мейл, фр. *e-mail*, нем. *e-mail*, ит. *e-mail*; *monitor* – рус. монитор, фр. *moniteur*, ит. *monitore*, нем. *monitor*; *multimedia* – рус. мультимедиа, фр. *multimedia*, нем. *multimedia*, ит. *multimedia*; *byte* – рус. байт, фр. *byte*, нем. *bytes*, ит. *byte*; *gamer* – рус. геймер, фр. *gamer*, нем. *gamer*, ит. *gamer*; *screenshot* – рус. скриншот, фр. *screenshot*, нем. *screenshot*, ит. *screenshot*.

2. Возможность передать при помощи заимствования многословные описательные обороты. Например, *face control* – фейс-контроль (проверка соответствия внешнего вида одежды, причёски, поведения протоколу, регламенту официального мероприятия или правилам, традициям заведения [2, с. 332]); *second hand* – секонд-хэнд (одежда, обувь, бытовые при-

надлежасти, техника и т. п., бывшие в употреблении [2, с. 261]), названия косметических процедур: *lifting* – лифтинг (подтяжка кожи, удаление морщин, складок и т. п. чаще нехирургическими методами (в результате применения специальных масок и кремов, стимуляции мышц при помощи электродов и т. п.) [2, с. 164], *scrub* – скраб (очищающий крем, в состав которого входят мелкие жесткие частички, что позволяет удалить с поверхности кожи омертвевшие клетки [2, с. 268]).

3. Тенденция пополнять экспрессивные средства, ведущая к возникновению иноязычных стилистических синонимов: обслуживание – сервис (от англ. *service*), ограничение – лимит (от англ. *limit*), образ – имидж (от англ. *image*), исключительный – эксклюзивный (от англ. *exclusive*), вратарь – голкипер (от англ. *goalkeeper*), постер – плакат (от англ. *poster*) [3, с. 44].

Кроме того, существуют внешние, неязыковые факторы, обусловленные воздействием исторических, социально-политических, экономических, культурных и других экстралингвистических причин. Например, желание приобщиться к идеализируемой многими американской культуре, стилю жизни приводит к засорению речи неоправданными англицизмами. Так в разговорный русский язык вошли такие слова, как *мани* (от англ. *money*), *уик-энд* (от англ. *week-end*), *шоппинг* (от англ. *shopping*), *френд* (от англ. *friend*). Употребляются они не только в повседневной речи, но и на страницах газет и журналов, в рекламных объявлениях: «Звездный уикэнд» (рубрика в газете «Комсомольская правда»); «Лекарство от тоски. Едем на шопинг за границу!» (название статьи в еженедельнике «Аргументы и Факты» № 31 04/08/2017); «Армани потерял мани-мани» (название статьи в газете «Комсомольская правда» № 3 25/03/2016); «Брашинг поможет выглядеть на все сто!» (название статьи в журнале «Cosmopolitan» от 15/08/2017).

Такая же ситуация наблюдается и в современном французском языке: «Les 5 infos à retenir du week-end» (название статьи в ежедневной газете «Le monde» от 08/10/2017); «Make Up: toutes les tendances du printemps-été» (название статьи в глянцево-м журнале «Marie Claire» от 26/01/2018); «Les produits de maquillage cultes made in USA» (название статьи в глянцево-м журнале «Marie Claire» от 16/02/2018); «La loi contre les fake news est prête» (название статьи в газете «Liberation» от 12/02/18).

Среди сфер с высокой «плотностью» английских слов отдельно стоит назвать рекламный дискурс. В современном мире значимость рекламной коммуникации постоянно возрастает, причем рекламный процесс пронизывает все общественные ячейки, используя для этого самые разнообразные каналы [4, с. 48]. Рекламный текст оказывает сильное влияние не только на массовое сознание, но и на язык, рекламные слоганы все чаще используются и перефразируются в речи, при этом большинство терминов современной рекламы представляют собой англицизмы.

Являясь «разновидностью массовой коммуникации, в которой создаются и распространяются информативно-образные, экспрессивно-суггестивные тексты» [5, с. 56], реклама носит однонаправленный неличный характер и имеет целью побудить потенциальных покупателей к нужным рекламодателю выбору и поступку. Данная цель достигается путем распространения информации, оказывающей влияние на массовое или индивидуальное сознание, вызывающей нужную реакцию выбранной потребительской аудитории.

Рекламный слоган обладает особой силой и, будучи важнейшим элементом рекламного текста, является, по определению И. Морозовой, «рекламной константой» [6, с. 56]. Он представляет собой лозунг, который «суммирует преимущества продукта для создания краткого сообщения, которое легко бы запомнилось» [7, с. 238]. Таким образом, среди требований, предъявляемых к рекламным слоганам, фигурируют краткость, отражение совокупности преимуществ продукции и легкость запоминания. Одним из способов достижения экономии языковых средств при одновременной краткости и точности выражения рекламного сообщения является использование английского языка, дающего к тому же возможность, как уже упоминалось выше, обратиться к многомиллионной аудитории. Самым ярким примером, иллюстрирующим данное утверждение, является представленный во Франции рекламный слоган летних Олимпийских игр 2024 г. в Париже *Made for sharing*.

С этой же целью французская фирма по выпуску часов *Bodet* с 2016 г. перешла с французского лозунга *Le cœur des entreprises bat fort* на английский *We give you time*. Так же поступила и французская компания по производству парфюмерии и косметики «*L'Oreal*», сменив французский слоган *Parce que je le vaut bien* на английский *Because you're worth it*. С 2017 г. французская автомобилестроительная компания «*Citroën*» перешла со слогана *Créative Technologie* на англоязычный *Inspired by you*. В том же 2017 г. крупнейшая французская фирма гражданского строительства, специализирующаяся на дорожном строительстве, *Colas Group* отказалась от своего знаменитого французского *La route avance* в пользу английского *We open the way*, объяснив подобное решение тем, что «*la nouvelle signature, désormais uniquement en anglais, reflète l'innovation, le leadership et l'ouverture*», использовав билингвему и в тексте коммюнике, сообщаящем о принятом руководителями компании решении.

Английский язык используется и с целью омоложения уже существующего бренда. Например, англоязычный лозунг кофе «Черная карта» («*Carte noire*») *Intensity now* вытеснил французский *Le temps de vivre plus fort*; французская фирма по производству кухонь «*Teissa*» заменила свой французский слоган *Qualité et design français* на английский *So chic, so Frenchy*.

Так же английский – это язык молодых амбициозных компаний, которые хотят иметь выход на мировой рынок с самого начала их образования. Именно с целью заявить о себе они употребляют англоязычный лозунг на главной странице их Интернет-сайта: *Drive less. Do more* (рекламный слоган французской компании ХУТ по производству электромобилей); «*Serious about shoes*» (англоязычный слоган французской компании по производству обуви *Sarenza*); «*Happy 3D by Boulanger*» (слоган французской компании по производству электроники *Boulanger*).

С целью привлечения внимания потребителя необычностью и нестандартностью структуры слогана в рекламе успешно используется билингвизм. Под билингвизмом У. Вайнарх понимает практику попеременного пользования двумя языками [8, с. 22]. В художественной литературе и рекламном дискурсе под билингвизмом понимается также совмещение двух различных языков в пределах одного текста [9, с. 27]. Можно привести следующие примеры использования билингвем во французских рекламных текстах:

– *La beauté qui me ressemble: Born to be me*. (слоган французской сети магазинов косметики, парфюмерии и средств во уходу за кожей *Marionnaud*).

– *Sodebo – c'est so good!* (рекламный слоган французской агропромышленной компании *Sodebo*).

– *Il a free, il a tout compris* (реклама услуг французской телекоммуникационной компании *Free*).

– *French art de vivre* (реклама мебели известного французского бренда *Roche Bobois*).

– *Twistez votre look jusqu'au bout des ongles* (реклама лаков для ногтей во французском магазине косметики и парфюмерии *Marionnaud*).

– *The beauty savoir-faire* (реклама французской архитектурно-инженерной фирмы *Groupe Alto*).

Порой использование билингвем выполняет еще и стилистическую функцию – создает игру слов, рифму: *Trentenaire On Air* (реклама французской радиостанции); *Week-end sans outil week-end sans broutille* (реклама сети строительных магазинов *Bricolage*); *Of Corse, Clémentines de Corse* (реклама клементина, выращиваемого на Корсике и защищенного географическим наименованием по происхождению).

В рекламном тексте билингвема ориентирована на активизацию коммуникативно-прагматических функций и актуализацию восприятия читателем референтной ситуации. Так как рекламный текст является продуктом массового, социального билингвизма, то основной целью его создателей выступает сохранение коммуникативных максим и возможность адекватного понимания. Смешение или «переключение» языков в тексте направлено на формирование естественной и привлекательной ситуации коммуникации, в которой рекламируемые продукты потребления ассоциируются с такими качествами, как надежность, практичность и современность.

Таким образом, билингвистический элемент выделяет рекламное послание. Использование иноязычного элемента как иконического знака дает возможность оказать имплицитное

воздействие на адресата и приводит к налаживанию более тесной коммуникации и вовлечению реципиента в общее коммуникативное поле [10, с. 53]. Кроме того, заимствования наряду с билингвемиями являются экспрессивными элементами представления базовой информации рекламного текста, оказывая оптимальное суггестивно-прагматическое воздействие на адресанта рекламы, манипулируя его сознанием и передавая информационно-эмоциональную оценку представляемого (предмета, услуги, качества, процедуры). Английская лексика в не-англоязычном рекламном тексте используется с целью создания положительного и престижного образа рекламируемого продукта, поскольку английский язык символизирует современность, промышленные и технологические инновации, в некоторых случаях – престиж и дороговизну.

Литература

1. Багана, Ж. Об отношении заимствования и интерференции / Ж. Багана // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2008. – № 1. – С. 22–26.
2. Шагалова, Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов / Е.Н. Шагалова. – М. : АСТ: Астрель, 2011. – 413 с.
3. Денисенко, Е.В. Причины и последствия заимствования иностранных слов для развития русского языка / Е.В. Денисенко, В.Р. Мурдаян // Молодежный научно-технический вестник. – 2013. – № 7. – С. 44–45.
4. Патрикиева, А.А. Англицизмы в немецком языке (на материале языка рекламы) : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.А. Патрикиева ; ГОУВПО «Московский государственный областной университет». – Москва, 2009. – 172 с.
5. Медведева, Е.С. Рекламная коммуникация / Е.С. Медведева. – М. : Ленанд, 2016. – 304 с.
6. Морозова, И. Слагая слоганы / И. Морозова. – М. : РИП-холдинг, 1998. – 172 с.
7. Бове, К.Л. Современная реклама / К.Л. Бове, У.Ф. Арене. – Тольятти : Изд. Дом Довгань, 1995. – 704 с.
8. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – 1972. – Вып. VI. – С. 25–60.
9. Дешериев, Ю.Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия / Ю.Д. Дешериев // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М. : Наука, 1972. – С. 26–42.
10. Соколова, О.В. Тенденции к билингвизму и полилингвизму в поэтических и рекламных текстах: коммуникативно-прагматический аспект / О.В. Соколова // Русский язык за рубежом. – 2013. – № 6. – С. 45–54.

Источники примеров (официальные сайты компаний)

1. <https://www.bodet.com>
2. <http://www.loreal.com/>
3. <http://peugeot-citroen.club/inspired-by-you/>
4. <https://www.colas.com/fr>
5. <https://www.cartenoire.fr/>
6. <http://www.teissa.fr/>
7. <http://xyt.fr>
8. <http://www.sarenza.com/>
9. <https://www.happy3d.fr/fr/>
10. <https://www.sodebo.com/>
11. <http://www.free.fr/freebox/index.html>
12. <https://www.roche-bobois.com/>
13. <http://www.groupealto.fr>

Экспериментальные жанры сетевой поэзии

Ю.В. БАРТОШ

Исследуются малые сетевые поэтические жанроиды, находящиеся в стадии формирования (две девятки, четвертинки и др.) Показаны наиболее характерные черты, присущие современным жанрам интернет-поэзии.

Ключевые слова: сетевая поэзия, жанры сетевой поэзии, жанроиды, две девятки, четвертинки.

Small, internet poetry genroids in the formative stage (two nines, quarters, etc.) are considered. The most typical characteristics of modern genres of Internet poetry are shown.

Keywords: Internet poetry, internet poetry genres, genroids, two nines, quarters.

Стремительное развитие интернета оказало влияние на характер современной культуры, наделило новыми чертами литературу и интернет-поэзию, в частности. Сетевая поэзия подвижна, чутка к потребностям массового читателя, поэтому находится в постоянном состоянии поиска новых форм и приемов, что затрагивает даже такие консервативные категории, как жанр. Интернет, будучи достаточно новым коммуникативным пространством, видоизменяет и коммуникацию между людьми в целом, и ее жанровую организацию. Названный М.М. Бахтиным «представителем творческой памяти в процессе литературного развития» [1, с. 61], жанр способен и обновляться, и сохранять «неумирающие элементы архаики» [там же]. Высказывание справедливо и по отношению к современному состоянию категории жанра: сетевые поэтические тексты, содержащие в себе элементы фольклора и постмодернизма, адаптируются под потребности общества, получая новые черты (краткость и емкость, интерактивность, интертекстуальность и др.) – словом, «речевые жанры, выделенные данным языком, являются одним из лучших ключей к культуре данного общества» [2, с. 111].

Появилось множество новых групп в социальных сетях, публикующих сетевые поэтические тексты, что расширило географию интернет-поэзии, с одной стороны, и придало авторству таких текстов оттенок условности – с другой: в отличие от сайтов со свободной публикацией, группы в социальных сетях никаким образом не регулируют вопросы об авторском праве. Размещаемые в социальных сетях поэтические тексты имеют все больше сходств с фольклором, в литературоведении появился применимый к ним термин «постфольклор». Интернет-стихотворения здесь в большой степени зависят от подписанной на группу аудитории, тематика и жанры негласно подчинены читательской компетентности. Сообщества имеют название («Пирожки», «Ямбы сознания», «Филашки», «Девятошная» и др.), которое связано с тематикой стихотворений, их формой и структурой, в разделе «информация» размещены правила написания поэтических текстов, которыми определяется содержание и жанровое своеобразие. При этом порой в самом названии декларируется специфика группы, например, название «Пирожки на Бейкер-стрит» подсказывает, что в нем публикуются пирожки по сериалу «Шерлок» (BBC).

Большая часть из экспериментальных жанров пишется по правилам, принятым в пирожках, порошках и депрессяшках: отсутствуют заглавные буквы, знаки препинания и дефисы, аббревиатуры прописываются по фонетическому принципу (например, СССР – эсэсэсэр), делаются вставки гласных в местах скопления нескольких согласных (петыр, скафандыр, театыр) и некоторые другие – за исключением филашек, в которых знаки препинания и прописные буквы приветствуются. Факт однотипности устройства такого типа текстов дает нам основание назвать их группой жанров сетевых поэтических текстов, а каждый отдельный вид – *жанроидом*, используя термин К.Ф. Седова [3, с. 218]. Жанроиды, которые мало представлены в сети, публикуются с хэштегом *#Неформат*. Традиционно под неформатным сетевым поэтическим текстом авторы понимают юмористический стих малой формы (1–3 строфы), не соответствующий по формату основным малым формам, и размещаются в сообществах с ограничением, о чем обязательно сообщают правила сообщества: «*1 стих/сут./чел., с обязательным указанием тега #неформат в посте*» [4].

В сообществах публикуются и разновидности указанных ранее сформированных жанров, например, небурашки (с картинками), мотыльки (легкие, зачастую веселого содержания, по мотивам картин определенных художников) и др. Сетевые авторы используют и созданные вне сети формы – лимерики, танкетки Верницкого, хокку, синквейны и др., которые, однако, не являются специфическими жанровыми формами интернет-поэзии. Среди последних можно выделить жанроид «доколе», в котором три «пирожковые» строки завершаются одной прозаической строкой:

*а я не рисовал на стенах
я просто сумку подержал
но нас заметил страж порядка*

и в итоге эти два обормота убежали в разные стороны а меня теперь оштрафуют как хулигана какого то [4].

Следует отметить, что у данного жанроида есть вариация под названием «сосиска в тексте», где вне ямбической строки пирожка оказывается третья, а не четвертая строка:

*а я хотел спокойной жизни
квартиру снять забыть войну*

*а вместо этого бегаю за социопатом то по крышам то по болотам то из притонов его вытаскиваю даже жениться спокойно нельзя
короче полный кавардак [4].*

Сетевые авторы пробуют комбинировать имеющиеся популярные жанры, в результате чего появилась гибридная форма «круассанчик», состоящая из пирожка и половины порошка, в котором четвертая и шестая строки рифмуются. Возник и жанр «филашки», названный так в честь Л. Филатова, из «Сказа...» которого позаимствован размер строфы. Однако в настоящее время четыре указанных «неформата» широкого распространения не получили, что закономерно: авторы находятся в постоянном поиске новых форм, какие-то запоминаются, какие-то не находят отклика у массового читателя. Среди набирающих популярность малых форм можно назвать «четвертинки» и «две девятки», о которых расскажем подробнее.

Четвертинки (пирожка) – ямбические одностишия, состоящие из девяти слогов [5]: «*давай оставим всё как будет*» © Ольга Максимова».

Данные одностишия представляют собой тезисы-зарисовки, изначально образовавшиеся из первой строчки пирожков как эксперимент по уменьшению объема четверостишия с обязательным соблюдением размера и количества слогов (хотя одностишия не новы в русской литературе, например, знаменитое «О закрой свои бледные ноги» В. Брюсова, ироничные одностишия В. Вишневского, «Одностишия» Ольги Арефьевой). Малый объем предполагает афористичность: «*у всех судьба у нас судьбина*» © ДМ». Так как жанр находится в стадии зарождения, тематика не ограничена, авторы затрагивают различные темы – от философских и лирических («*жене он лгал все чаще молча*» © Ольга Фомина, «*судьба отправила в нокаут*» © Катенька Эс, «*веснушки солнце раздавало*» © Ольга Фомина) до юмористических и «черноюморных» («*легка была я на поминках*» © Вера Волохова, «*скотом был муж с котом осталась*» © Марина Ковальска, «*на переходе переехал*» © zviv, «*в земле секрет хранится лучше*» © Дина Агеева).

Для четвертинок характерно использование слов в переносных или же не свойственных им значениях, слова зачастую «лжемотивируются» по принципу языковой игры (таблица 1), при этом активными являются два значения, которые взаимодополняют друг друга.

Таблица 1 – Лжемотивация в четвертинках

Четвертинка	Первоначальное значение	Значение, полученное посредством лжемотивации
вы <i>баянист</i> по анекдотам © Надежда Стодумова	Баянист – музыкант, играющий на баяне	Баянист – от <i>баяти</i> – «говорить», человек, рассказывающий заезженные истории, мемы, анекдоты.

Окончание таблицы 1

я <i>под обстрелом</i> сигаретным © smolga	Быть под обстрелом – быть объектом стрельбы из орудий	Обстрел образован от слова «стрелять» в разговорном значении «просить сигареты», т. е. «я под обстрелом» – «у меня без конца стреляют сигареты, и это похоже на обстрел, в котором я – мишень».
души <i>порывы</i> надо штопать © wise_frog	Порыв – мгновенное воодушевление, подъем с внезапным увлечением, стремлением что-н. сделать.	Порыв – (разг.) место, где что-л. порвано; разрыв, т. е. «души порывы» – «душевные разрывы, душевные раны».

Еще одна отличительная особенность четвертинок – всевозможные трансформации фразеологизмов и видоизменение прецедентных текстов. Среди трансформаций наиболее часто встречаются следующие:

1) замена слов в фразеологизме (полная либо частичная), пословице, поговорке либо прецедентном сочетании: «*все ваши турки курдам на смех*» © *bespamiatnyh*, «*терпи казак поэтом будешь*» © *ay_heddern*;

2) контаминация фразеологизмов и устойчивых сочетаний: «*любовь морковь капуста дети*» © Маргарита Грязнова (любовь-морковь + детей находят в капусте), «*знак препинания был свыше*» © Надежда Стодумова (знак препинания+ знак свыше);

3) сохранение смысла при видоизменении формы: «*мой брат бесперспективен* © *краткость*» © Nomad (краткость – сестра таланта), «*до четверга терпела тучка*» © Svetlana Kogn (после дождичка в четверг);

4) видоизменение и формы, и содержания: «*моей душе уютней в пятках*» © Елена Шеметова, «*глазами я уже обедал*» © Дмитрий Ловейкин, «*надежду подают горячей*» © CoyoteLE, «*не с вами ль память изменяла*» © ВайшуМайт).

Среди приемов, с которыми экспериментируют сетевые авторы данного малого жанра, интересен прием введения квазипрямой речи, при котором часть одностишия имитирует прямую речь, вторая же часть указывает, кто автор фразы. Следует отметить, что слов атора как таковых в одностишии нет: «*ну с добрым утром* © *перфоратор*» © *terapevt*, «*я скрою ваши слёзы* © *дождик*» © ОЗа, «*накроюсь скатертью* © *дорога*», © Nomad и др.

В сообществах, публикующих четвертинки (как, впрочем, и другие малые сетевые жанры: пирожки, порошки, экспромты, депрессяшки и др.), существует принятая культура общения – писать алаверды на четвертинку-источник: к размещаемому в сообществе одностишию в комментариях читатели пишут свои варианты одностиший, навеянных исходным. Так, четвертинка «*коты задрали* © *когтеточка*» © Nomad сопровождается множеством комментариев-четвертинок, например, «*окей замётано* © *осётыр*» (Марина Ковальска), «*зачем вам эти кошки* © *мышки*» (Ая Хеддернхаймский) и др. Хотелось бы подчеркнуть, что сетевые жанры предельно диалогичны, максимально опираются на «диалектическую интеракцию между отправителем и адресатом» [2, с. 110], а коммуникативная цель всех малых сетевых поэтических форм заключается не только в «хочу, чтобы ты прочел, представил и прочувствовал», но и «хочу, чтобы ты ответил комментарием либо навеянным поэтическим текстом». В правилах сообщества «Четвертинка (пирожка)» уточняется, что «комментировать четвертинками или доводить до полупирожка, пирожка, порошка (пороха) или абсурдинок – дело добровольное и веселое» [5].

Авторы экспериментируют со всеми имеющимися возможностями сайта, на базе которого создано сообщество. Имеющаяся в социальной сети «ВКонтакте» опция прикрепления опроса также задействована в четвертинках.

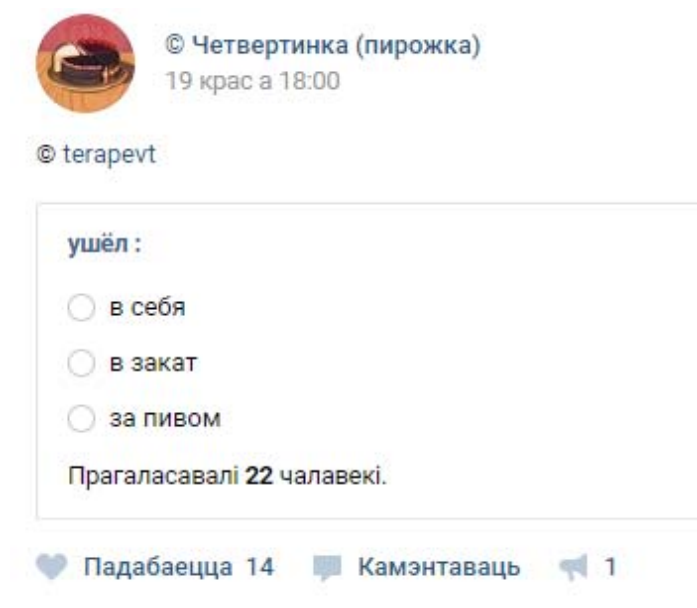

Рисунок 1 – Оформление четвертинки через опрос

В четвертинках приветствуются различные интерпретации, достигаемые за счет использования многозначных слов, трансформированных устойчивых выражений либо за счет отсутствия знаков препинания: «мыслительный процесс запущен» © Катерина Макарова, «учителя не прерывайте» © myshka, «не крикай утка под кроватью» © гс, «бег от ответственности быстрый» © Катенька Соул и др.

«Две девятки» – публикуемое в «девятошных» ямбическое двестишье с девятью слогами в каждой строке, «с рифмой и сильным уклоном в чёрный юмор, пикантность и абсурд» [6]: «ну вот и всё зубные феи / для вас закончились трофеи» © СапсанOff.

В двух девятках допускаются некоторые отступления от правил написания малых сетевых жанровых форм, в частности, не запрещена нецензурная лексика, а также периодически нарушаются иные правила, при имеющихся на то объективных причинах. Например, автор с ником © XElen написала аббревиатуру в соответствующих правилах современного русского языка (а не требуемыми жанром):

*в Китае сбит корабль НАСА
сто было васа стало наса.*

При этом прописан так называемый «скрытый слог» в слове «корабль» и симитирован китайский акцент в русском языке. Вероятно, такое написание аббревиатуры объясняется желанием разграничить *НАСА* и *наса* – «по-китайски» звучащее местоимение «наше».

Наделенные орфографической и пунктуационной «свободой» малые сетевые жанровые формы, с одной стороны, скрывают пробелы авторов в знании правил русского языка, однако, с другой стороны, являются также и оригинальным средством показать языковую двусмысленность. Непривычно выглядящий (и даже звучащий) поэтический текст стимулирует повторное прочтение, вследствие которого выявляется смысл «2 в 1», например, у автора с ником © журкова:

*жизнь удивительная штука
рублей нашлась в отцовских брюках*

Первоначальное восприятие текста «Жизнь – удивительная штука: рублей нашлась...» при повторном прочтении меняется на «Жизнь удивительная: штука рублей нашлась...». Здесь замена знаков препинания, которая приводит к изменению синтаксиса фразы, что становится своеобразным средством языковой игры, доставляя реципиенту определенное эстетическое удовольствие при успешном разгадывании задумки автора. (Ср.: *Казнить нельзя помиловать*). Иными словами, сетевые авторы используют синтаксический каламбур, обуславливая таким образом неоднозначность трактовки поэтического текста.

Зачастую «две девятки» имеют сходство с анекдотами, в отличие от которых бытуют в письменной форме, написаны стихотворной строкой и условно не имеют постоянно действующих персонажей: *«три сына было у Игната / второй четвёртый и девятый»* © Мурррр.

Условность отсутствия узнаваемых персонажей объясняется специфическими характеристиками имен собственных, получающих нарицательный признак в малых жанровых формах и раскрывающих через имя типичные характеристики его носителей. Так, на возникающих ассоциациях о Романе как мужчине с разгульным образом жизни, бабником, построено следующее двустишие: *«хирург сказал печально роме / походу поздно пить боржом»* © [a.kasatin |aleks]. Порой же о конкретном носителе имени можно догадаться: *«олег сказал так между прочим / крестьянам нефть газпром рабочим»* © пяткокрыл. При произнесении двух слов – Олег и «Газпром» – выплывает ассоциация с Членом Правления названной компании Олегом Аксютиним.

Тематика девяток более легкая, нежели у четвертинок, встречаются двустишия рекламного (*«в сеть магазинов с алкоголем / попал не выбраться на волю»* © aleks, *«всегда приводит к катастрофе / нехватка утреннего кофе»* © MadTillDead), бытового (*«ты похудеть мечтаешь к лету / а в рот опять кладёшь котлету»* © [a.kasatin |aleks], *«взошёл над ночкой мясочек / на кухню дева цок цок цочек»* © iPoet, *«в обитель пьянства и разврата / мне не даёт попасть зарплата»* © [natali_star |мама тата]) и профессионального (*«вон тот профессор в деканате / решил студентов доконати»* © ;Good Luck!, *«глеб мог шалаш иметь роскошный / но следовательно был дотошный»* © пяткокрыл, *«экономическое чудо / приди неведомо откуда»* © пяткокрыл) характера. Серьезные темы рассматриваются сквозь призму черного юмора и абсурда с частым использованием языковой игры: *«у нас с тобой всё под контролем / ты брассом тонешь а я кролем»* © aleks, *«перл на кладбищенском заборе / я там вы здесь ребята сорри»* © пяткокрыл, *«жизнь разлетелась на запчасти / надеюсь что хотя б на счастье»* © MadTillDead, *«давай прощай ты слишком жирный / сказал петру инфаркт обширный»* © KB.

Таким образом, эксперименты с формой, средствами и способами создания экспрессии характеризуют все малые жанровые формы сетевой поэзии. Дальнейшее развитие получают «конкурентоспособные» разновидности сетевой поэзии, привносящие что-то новое в имеющиеся жанры, вызывающие интерес у массового читателя. Сетевые авторы активно изобретают новые специфические сетевые жанры (например, рифмовки-подхваты) и комбинируют давно созданные и проверенные, создавая жанроиды.

Литература

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М. : Советский писатель, 1963. – 167 с.
2. Вежбицка, А. Речевые жанры / А. Вежбицка ; пер. В.В. Дементьева // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 99–111.
3. Седов, К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика / К.Ф. Седов // Жанры речи : сб. науч. статей. – Саратов : Изд. центр «Наука», 2009. – Вып. 6. Жанр и язык. – С. 210–223.
4. Правила пирожков, порошков и прочих вкусностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vk.com/topic-62708422_29811822. – Дата доступа : 01.05.2018.
5. Четвертинка (пирожка) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://vk.com/chetvertinkapirojka>. – Дата доступа : 01.05.2018.
6. Две девятки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://vk.com/club128358902>. – Дата доступа : 01.05.2018.

Метафора в классической поэзии Ду Фу

ГЭН ЦЗЯНЬ

Проводится комплексный двусторонний анализ метафорических проекций в классических произведениях китайского поэта Ду Фу. Выявляется состав подсистемы проекции «цель», а также проекции «источник» в наиболее известных стихотворениях автора, устанавливается частотность категорий метафор в классической китайской поэзии на примере произведений поэта Ду Фу, определяются лексико-семантические особенности используемых единиц в метафорической проекции «цель», выделяются лексико-семантические группы, к которым могут быть отнесены составляющие метафорических проекций в классических произведениях китайского поэта Ду Фу; устанавливаются лингвистические и культурологические закономерности, обусловленные национально-культурными особенностями носителей китайского языка.

Ключевые слова: метафорическая проекция, семантика, Ду Фу, китайский язык.

The article deals with a complex bilateral analysis of metaphorical projections in the classical works of the Chinese poet Du Fu. The composition of the «target» projection subsystem is revealed, as well as the «source» projections in the author's most famous poems, the frequency of the categories of metaphors in classical Chinese poetry is established on the example of the works of the poet Du Fu. The lexico-semantic features of the units used in the metaphorical projection «target» lexico-semantic groups, to which the components of the metaphorical projections in the classical works of the Chinese poet Du Fu can be attributed; linguistic and culturological regularities determined by the national and cultural characteristics of the speakers of the Chinese language are established.

Keywords: metaphorical projection, semantics, Du Fu, Chinese.

Языковое явление метафоры является одним из наиболее часто и активно исследуемых направлений исследований, выполняемых на базе различных языков. На сегодняшний день лингвистическая наука располагает богатым запасом филологических работ, посвященных метафорическим переносам, однако интерес к этому явлению в языке не ослабевает. Как отмечает Дж. Лакофф, метафора принадлежит не только языку, процессы человеческого мышления во многом метафоричны [1]. Именно когнитивная составляющая основы переноса, осуществляемого с помощью инструмента метафоры, до сих пор привлекает внимание ученых из самых разных областей знания. Разгадать эту «загадку» пытаются психологи, философы и, конечно, лингвисты [2]–[5]. Следует отметить, что успешное решение поставленной проблемы полностью зависит от полноты выполненного анализа больших лингвистических данных. Более того, обобщение возможно только при тщательном анализе т. н. индивидуальной метафоры отдельно взятого автора.

Долгое время метафору воспринимали как средство «украшающее» речь. Так, в риторике метафора рассматривалась как некая «уловка языка», к которой можно прибегать лишь в определенных ситуациях и которая требует осторожности в использовании. Она рассматривалась как редкое «украшение», занимающее позицию дополнительной функции языка, но никак не основного его механизма» [6]. Главное отличие современной метафоры заключается в том, что «она создается фантазией, тогда как древняя гораздо чаще была следствием необходимости и в большинстве случаев обязана своим происхождением не столько переносу слова с одного понятия на другое, сколько более точному определению понятия, соответствующего старому имени» [7]. Метафора является уникальным явлением, т. к. «для её создания не существует инструкций, нет справочников для определения того, что она «означает» или «о чем сообщает» [8]. Если говорить про частоту употребления и распространённость метафоры в целом, то можно согласиться с А.А. Ричардсом: «... в обычной связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых не было бы метафоры» [9, с. 46]. Это высказывание соответствует мысли Н.Д. Арутюновой о ее «всеприсутствии, вседозволенности и всемогуществе» [10].

В последние десятилетия метафору стали изучать не только в области филологии, в которой преобладали анализ и оценка поэтической метафоры, но и в области изучения практической речи. Кроме того, её стали исследовать в тех сферах, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам и, наконец, к моделированию искусственного интеллекта. Появились исследования метафоры в различных терминологических системах, в детской речи и дидактической литературе, в СМИ, рекламе, наименованиях товаров, в заголовках, спорте и даже в речи глухонемых. В этом многообразии ученые практически не затронули авторскую метафору определенного поэта или писателя, что и станет объектом исследования в данной работе.

В качестве материала для нашего анализа были взяты классические произведения одного из популярнейших классиков китайской литературы – Ду Фу.

Отбор материала нашего исследования включал несколько этапов. На первом этапе мы выделили 50 наиболее известных стихотворений Ду Фу на китайском языке, а также подобрали их переводы на русский язык Н. Азаровой и А. Гитовича [11]. Выбор Ду Фу не случаен. Это – признанный мастер китайской поэзии, его стихи представлены в самых авторитетных сборниках. Поэзия Ду Фу широко известна не только в Китае, но и в России и Европе. Анализ отобранных произведений показал, что Ду Фу широко использует прием метафоры в своих произведениях (материал нашего исследования составил 70 лексических единиц, которые и стали объектом для дальнейшего анализа).

Следует отметить, что ввиду своей уникальности составления выбор методики для анализа метафоры очень сложен. В нашей работе за основу был взят один из самых инновационных методов, включающий анализ как источника, так и цели при конструировании метафоры [12]. Так, согласно дескрипторной теории метафоры метафорическая проекция представляет собой функцию отображения элементов области источника в элементы области цели. Тем самым источник оказывается «областью отправления» функции отображения, а цель – «областью прибытия». В результате формируется соответствие между источником и целью, стабильность которого в каждом конкретном случае сильно варьируется [12]. Например, в стихотворении Ду Фу «Сокол на картине 画鹰» можно выделить несколько метафор. Первая – 鹰 ин ‘сокол’ (источник). Очевидно, что целью к данному источнику является сам поэт Ду Фу. «Сокол на картине» стихотворение на политическую тематику. Известно, что поэт долгое время был при дворе императора и его поэзию там почитали, однако это не помешало императору бросить поэта в темницу. Автор пережил много невзгод при дворе, против него плели заговоры, поэтому можно предположить, что Ду Фу, проводя параллель с гордой птицей, хочет выделить себя среди мелких и лживых чиновников. Следующая метафора – 狡兔 цзяоту ‘заяц лукавый’ (источник). В славянской культуре заяц ассоциируется с трусостью, в китайской же культуре – это символ хитрости, таким образом, целью здесь является «хитрец, лукавый человек», под которыми автор подразумевает либо императора, либо его ближайшее окружение. Еще одна метафора – 凡鸟 фаньняо ‘мелкие птички’. Цель здесь будет – простые люди, не обладающие поэтическим талантом, подобно Ду Фу. Охоту сокола на мелких птичек в данной ситуации можно сравнить с процессом создания стихов поэта. Не имея достаточно полномочий для усмирения тех, кто наговаривал на него, Ду Фу остаётся описывать коварство и лживость чиновников в своих стихах.

Стихотворение «Лунная ночь 月夜» посвящено воспоминаниям о семье поэта. Долгое время Ду Фу был разделён с женой и детьми из-за восстания Ань Лушаня. Поэтому, вспоминая семью, он использует следующую метафору 清辉玉臂寒 цин хуй юй би хань ‘плечи морозны чистым сиянием яшмы’. Описывая жену, автор использовал метафору 玉 юй ‘яшма’ (источник). В китайской культуре яшма ассоциируется с самыми дорогими понятиями, как с материальными (люди, предметы), так и с абстрактными. Этим автор показывает, насколько сильно он любит свою жену и скучает по ней, целью здесь может быть «большая любовь, ценность».

Стихотворение «Скорбь по Чхэн Тао 悲陈陶» посвящено восстанию Ань Лушаня. Здесь мы находим метафору (источник) 十郡良家子 ши цзюнь лян цзя цзы ‘сыновья лучших семей десяти провинций’, подразумевается императорское войско, набранное в месте Чхэн Тао, ко-

торое во время битвы было повержено повстанцами. То есть в качестве цели выступает «войско, солдаты». Кроме того, в строке 都人回面向北啼 дужень хуймянь сян бэй ти 'столичный народ обращает на север горе заплаканных лиц' мы находим ещё один источник 北 бэй 'север'. Здесь имеется в виду северный Китай, в котором есть основные силы – император и армия (цель).

В стихотворении «По направлению к снегу 对雪» можно выделить такую метафору, как (источник) 独老翁 ду лаовэн 'одинокий старик'. Данное произведение также посвящено мятежу Ань Лушаня. После того, как столица была захвачена повстанцами, Ду Фу решил бежать, но был схвачен и возвращен обратно в Чанъань. Незадолго до этого войско императорского канцлера было повержено мятежниками, поэтому поэт был сильно опечален и чувствовал себя одиноко вдали от дома. Таким образом, «одинокий старик» – это сам Ду Фу, данное значение является целью.

«Видение весны 春望», несмотря на поэтичное название, также относится к теме восстания Ань Лушаня. Здесь мы находим две метафоры. Первая – 国破 го по 'страна раскромсанная (уничтоженная, была захвачена)', цель в данном случае – захваченная повстанцами столица Чанъань. Благодаря умелому использованию прилагательного 破 по 'разрушенный, поломанный, разделённый на части', автор ярко отобразил плачевное состояние дел в столице. Второй источник находим во фразе 烽火连三月 фэнхо лян сан юе 'языками огня месяца три едины'. Цель «битва, сражение» автор выражает при помощи источника 烽火 фэнхо 'дым и языки пламени', который как нельзя лучше показывает жестокий, суровый характер сражений. Следует обратить внимание, что данная метафора имеет такое же употребление и на Западе. Так русские и белорусские писатели не раз проводили параллель между войной и огнём.

В стихотворении «Вьющейся речке первое 曲江二首-其一» мы находим источник 麒麟 цилинь. В китайской мифологии это сказочный зверь с копытами оленя, головой дракона и хвостом медведя, его появление символизировало скорое появление счастья. В продолжении стихотворения привлекает внимание строка 传语风光共流转чуань юй фэн гуан гуан лю чжуань 'превращением ветер трепетом в свет текут, меняясь местами'. Под переменной ветра и света автор видит смену событий, в которых не всегда можно найти причину и следствие. Таким образом, целью будет «события». Также обратим внимание на источник в строке 朝回日日典春衣 'с дневных церемоний дворцовых несусь в залог весенний наряд' (досл. каждый день после дворца продавать свои весенние наряды за деньги). Здесь наше внимание привлекает источник 春衣 чуны 'весенний наряд'. Под ним подразумевается сезонное одеяние чиновников при дворе императора.

Раскрывая тему дружбы в произведении «сон о Ли Бай – Первый 梦李白-其一» примечательно, что цель «Ли Бай» достигается с помощью двух источников: 逐客чжукэ 'изгнанник' и 魂 хунь 'дух'. Здесь *изгнанник* – это Ли Бай, а *дух* тоже обозначает Ли Бай. Во время написания стихотворения Ли Бай был сослан из-за битвы за престола императора 生魂 шэнхунь 'муж благородный' (в дословном переводе 'живой дух'). Во время написания стихотворения Ли Бо был сослан императором Су-цзуном за поддержку мятежников. Ду Фу, переживая за судьбу друга, употребляет этот источник. Ещё один источник в этом стихотворении – 瘴疠地 чжанлиди 'местность болотных меазмов', цель – юго-запад Китая, куда был сослан Ли Бай, эти места были рассадником малярии. Через несколько дней после «Сна о Ли Бай-первого» было написано продолжение, «сон о Ли Бай-второй 梦李白-其二». Здесь Ду Фу употребил два очень ярких источника. Так мы видим, что во второй строке Ли Бай сравнивается с 'одинокой джонкой' 舟楫 чжоуцзи (в дословном переводе – весельная лодка), которая может утонуть в 'волнах' 波 бо, создаваемых 'ветром' 风 фэн. Под волнами подразумеваются неприятности, невзгоды, с которыми сталкивается Ли БайБай, а ветер – это те, кто создаёт данные неприятности (император, мятежники).

При прочтении стихотворения «Прощание стариков 垂老别» сердце наполняется печалью и сочувствием к старику, вынужденному идти воевать, и его пожилой жене, которая зна-

ет, что муж уже не вернётся живым домой, но всё равно даёт ему напутствия в дорогу. Здесь находим источник 流血川原丹 люсюэчуань дань ‘потоки равнину в цвет киновари красят’. Целью здесь будет «кровопролитная битва». «Бездонное озеро 万丈潭» автор написал, переехав с семьёй на новое место. В новом городе Ду Фу надеялся на лучшую жизнь, но в итоге ему приходится одалживать деньги у соседей. Единственное, что привлекает писателя в новом краю – это красивый пейзаж. В этом стихотворении мы находим четыре источника. Первый – 窟压万丈内 ку я вань чжан нэй ‘пещера дракона вглубь (очень глубокий)’, цель – озеро Ваньчжан. Далее находим источник в строке 闭藏修鳞蛰 би цан сю линь чжэ ‘зарылся дракон чешуйки чешет упрятан’. Здесь слово 鳞 линь может переводиться как дракон и как чешуя. Наталья Азарова при переводе употребляет обе лексические единицы. Под источником «дракон» подразумевается Ду Фу 出入巨石碍 ‘перегорожены камнем огромным выходы’. Здесь источник 巨石 цзюйши ‘огромный камень’. Под ним подразумеваются трудности (бедность, голод), которые мешали на новом месте Ду Фу продолжать «творить».

Тема природы также поднимается Ду Фу. Одно из произведений на данную тематику – «Весенней ночью радуясь дождю 春夜喜雨». Здесь мы находим источник 红湿处 хуншичу ‘мокрые красные пятна’, так Ду Фу образно называет цветы, мокрые после дождя. Стихотворение «Вечер после дождя 晚晴» также описывает красоту природы и отражает настроение автора. Устав от интриг и суеты вокруг, Ду Фу находится в уединении в отдалённом местечке. Находясь наедине со своими мыслями, он всё больше осознаёт, что уже стар, тем не менее, поэт пишет 杯干可自添 бэйгань кэ цзы тянь ‘опустевшую чашу в силах наполнить и сам’, источник 杯干 бэйгань ‘опустевшая чаша’ ассоциируется не просто с чашей, в которой закончилось вино. Автор подразумевает здесь, что он ещё сам в силах заботиться о себе, заниматься домашними делами, хоть и стар. В конце стихотворения Ду Фу называет себя 老夫 лаофу (старик, здесь значит Ду Фу сам). Наталья Азарова в своём авторском переводе использует словосочетание ‘старый дурак’. Такой разговорный оттенок может соответствовать настроению лирического героя.

В стихотворении «Весной в деревне на берегу реки 春日江村五首» находим источник 桃源 таююань ‘персиковый источник’. Здесь подразумевается утопическая страна, место, где всегда царят радость и мир. (Идея взята из произведения с одноимённым названием, написанным Тао Юаньмином).

Таким образом, анализ целей в метафорических проекциях показал, что произведения Ду Фу затрагивают широкое разнообразие тематик, которые могут быть объединены в 10 категорий:

- 1) Человек.
- 2) Место.
- 3) Одежда.
- 4) Период жизни.
- 5) Чувства.
- 6) Война.
- 7) Жизненные события.
- 8) Природа.
- 9) Абстрактные понятия.
- 10) Конкретные предметы.

Согласно полученным данным Ду Фу главное место в своих стихах уделял себе, своим переживаниям, трудностям и таланту. Данная тематика значительно превалирует по сравнению с другими выявленными группами. Далее по частотности – различные места, где жил или бывал знаменитый поэт, места, которые ему были дороги, напоминали о каких-либо событиях и т. д.

Материал исследования также показал, что Ду Фу никогда не был в стороне от политической жизни страны, его много интересовали император и его руководство страной.

Таким образом, в результате исследования установлена частотность категорий метафор в классической китайской поэзии на примере произведений выдающегося поэта Ду Фу. Стоит сказать, что китайская поэзия мало изучена, так как история ее велика и насчитывает множест-

во стилей и поэтов. Поэтому при переводе данного типа поэзии переводчик сталкивается с многочисленными трудностями. Наше исследование поможет определить с какой области переводчику стоит начать изучение материала при подготовке к переводу стихотворений. В данном случае мы видим, что для перевода стихотворений Ду Фу потребовалось доскональное изучение биографии поэта, так как многие метафоры, а именно проекция «цель», очень сильно переплетаются с его жизнью и разного рода трудностями, с которыми он столкнулся. Кроме того, переводчику предстоит углубиться в народные поверья и сказания, чтобы адекватно передать смысл некоторых метафор. Опираясь на наше исследование, следует сказать, что ни одна на сегодняшний день существующая компьютерная программа не сможет передать образность и высокий слог художественной литературы, а лишь сможет сделать дословный перевод. Именно поэтому роль переводчика незаменима в данном процессе. Однако, если проводить доскональный анализ метафорических переносов с точки зрения источника и цели, возможность компьютерного перевода может в скором времени стать реальностью.

Литература

1. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Мелентьева, М.Г. Метафора квантитативных изменений : когнитивный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.Г. Мелентьева. – СПб., 2001. – 18 с.
3. Арутюнова, Н.Д. Языковая метафора (Синтаксис и лексика) / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика / отв. ред. В.П. Григорьев. – М. : 1979. – С. 147–173.
4. Банин, В.А. Субстантивная метафора в процессе коммуникации : на мат-ле современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.А. Банин. – М., 2005. – 274 л.
5. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры : сб. / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М., 1990. – С. 153–172.
6. Алексеев, К.И. Метафора в научном дискурсе / К.И. Алексеев // Психологические исследования дискурса / Отв. ред. Н.Д. Павлова. – М. : ПЕРСЭ, 2002. – С. 40–50.
7. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 33–43.
8. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М. : ЭКСМО, 2006. – 608 с.
9. Ричардс, А.А. Философия риторики / А.А. Ричардс // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 44–67.
10. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
11. Ли Бо, Ду Фу. Поэзия (в переводах А.И. Гитовича) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lib.ru/POECHIN/libodufu.txt_with-big-pictures.html. – Дата доступа : 22.04.2017.
12. Баранов, А.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М. : Ин-т рус. яз., Акад. наук СССР, 1991. – 193 с.

УДК 811.161.1'373.611

Структура семантико-этимологического поля 'собственность' в русском языке

Ю.С. ИВАНЧИКОВА

Рассматривается семантико-этимологическое поле с понятием 'собственность' в русском языке, исследуются регулярные диахронические и синхронные связи номинаций со значением 'собственность'. Устанавливается ряд узловых понятий, с которыми связаны рефлексы этимологических корней, входящих в состав семантико-этимологического поля 'собственность': 'власть', 'сила', 'интенсивность', 'обилие', 'воля'.

Ключевые слова: собственность, семантика, семантико-этимологическое поле, этимологическое гнездо, рефлекс корня.

The semantic-etymological field with the concept of 'property' in Russian is considered; regular diachronic and synchronous links of nominations with the meaning of 'property' are studied. A number of nodal concepts with which the reflexes of the etymological roots, which are part of the semantic-etymological field 'property': 'power', 'strength', 'intensity', 'abundance', 'will' are determined.

Keywords: property, semantics, semantic-etymological field, etymological nest, reflex of root.

В разные исторические периоды в лингвистической науке предпочтение отдавалось разным методам исследования: одни ученые на первый план выдвигали анализ отдельных языковых единиц или структурных связей между ними, другие занимались изучением исторических изменений в языке или его синхронным состоянием на определенном этапе развития. В настоящее время основным принципом лингвистического исследования признается принцип системности, что объясняется самим пониманием системности языка.

Понятие 'поле' было введено в научный лингвистический обиход Г. Ипсеном в 1924 г. и определялось как «совокупность слов, обладающих общим значением» [1, с. 22].

«Без полного описания всех полей невозможно охарактеризовать системность лексики, выявить особенности системной организации материала» [2, с. 3], в связи с чем полевой подход является одним из ведущих методов изучения словарного состава языка в современных лингвистических исследованиях.

Способы структурирования лексики с точки зрения полевого подхода различны и многочисленны, что подтверждает универсальность данного метода (выделяют, например, функционально-семантические поля, морфемные поля, фонемные поля, словообразовательные поля, лексемные поля, семантические поля, понятийные поля и др.) [1, с. 21]. Безусловно, каждое поле обладает как общими, свойственными всем полям чертами, так и дифференциальными, уникальными характеристиками, отличающими одну совокупность языковых единиц от другой.

О возможности выделения полей на лексико-семантическом уровне языка свидетельствуют обнаруженные на синхронном срезе смежные семантические связи между номинациями, репрезентирующими одно и то же понятие в языке. Данное понятие и выступает в качестве ядра поля.

Сопоставительное изучение деривационного и семантического потенциалов нескольких этимологических корней, продолжения которых на определенном синхронном срезе оказываются семантически соотносительными или тождественными, дает основания говорить о наличии такой разновидности поля, как семантико-этимологическое.

Анализ внутренней формы единиц, обнаруживающих частичное или полное совпадение значений на современном или диахроническом срезах, позволяет установить ряд этимологических корней (гнезд), порождающих лексику поля. Компоненты этимологических гнезд в истории языка и на синхронном языковом срезе обнаруживают регулярные семантические (преимущественно метонимические) связи с базовым понятием, что и позволяет говорить о таком

сложном структурном объединении, как семантико-этимологическое поле. Подобный подход позволяет выявить систему семантических связей ядерного понятия, объединяющего эти гнезда в истории языка, а также закономерности его формирования, т. е. модели мотивации.

Цель работы заключается в выявлении системы семантических связей, характерных для этимологических гнезд, входящих в состав семантико-этимологического поля с ядерным значением 'собственность'.

Ономасиологический подход при исследовании понятия 'собственность' в русском языке позволяет определить целый ряд номинаций, репрезентирующих данный концепт. В лексико-семантическое поле с ядерным понятием 'собственность' в современном русском языке входят следующие лексемы: *добро, имущество; богатство, достаток, достояние, имение, капитал, наследие, наследство, отчина, сбережение, состояние, стяжание, благосостояние, средства (материальные), наличность, актив; движимость, инвентарь, пожитки, скарб, рухлядь, хлам, багаж* [3, с. 143]. Из этого перечня, учитывая степень употребительности, функциональные и стилистические характеристики слов, мы выделили ядро данного поля, в которое входят такие номинации, как *собственность, имущество, владение, богатство, стяжание, добро, состояние*. Нами не рассматриваются слова ограниченного функционального употребления, стилистически сниженные, просторечные слова. Ядерные лексемы восходят к этимологическим корням **seb-//*sob*, **vel-//*vol-*, **im-*, **teġ-*, **bog-*, **dob-*, **sta-//*stoj-*. Совокупность этимологических гнезд с данными корнями и составляет семантико-этимологическое поле с ядерным понятием 'собственность'. Рефлексы указанных корней как на синхронном срезе, так и в истории языка обнаруживают регулярные семантические (преимущественно метонимические) связи, установлению которых посвящено настоящее исследование.

Концепт 'собственность' с давних времен привлекал внимание исследователей. А.А. Батяев характеризует *собственность* как «исторически определенный общественный способ присвоения людьми предметов производительного и непроизводительного потребления. Собственность всегда связана с вещью (объектом присвоения), но она не сама вещь, а отношение между людьми по поводу вещи» [4, с. 12]. Таким образом, *собственность* – прежде всего обозначение принадлежности объектов субъектам, определение непосредственного права на владение чем-либо, а затем конкретный предмет собственности.

Лексема *собственность* восходит к праслав. корню **seb-//*sob-*, который, как и праслав. корень **svoġь*, является продолжением и.-е. **sue-//*suo-* 'свой'. Индоевропейские темы **se-*, **so-*, **seue-*, **sue-*, **suo-* зафиксированы в греческом языке со значением 'свой', санскр. *svas* 'собственный', *svayam* 'сам' (Черных, II, с. 183); значение этой основы – 'принадлежащий кому-либо' [5, с. 342]. В значении индоевропейского корня и его продолжений заключены, с одной стороны, представления об индивидуализации, обособлении, выделенности, а, с другой, напротив, – включенности в некую общность, в число «своих». По замечанию О.Н. Трубачева, «мы имеем здесь дело со словом огромной не только языковой, но и социально-культурной значимости» [6, с. 163].

Понятие *собственность* предполагает трехкомпонентную структуру: наличие субъекта собственности, объекта собственности и отношения имущественного обладания между ними. При этом имущественное обладание понимается, прежде всего, как возможность осуществления некоторых действий субъекта по отношению к объекту. Действия субъекта обуславливаются его желаниями, эмоционально-волевой установкой по отношению к собственности (отдать, присвоить, сэкономить, растратить и т. д.). Таким образом, можно предполагать, что в компонентах семантико-этимологического поля 'собственность' должна проявиться метонимическая связь с представлениями о *власти* – *праве* и возможности распоряжаться, *повелевать*, подчинять своей *воле* (Кузнецов, с. 135), так как наличие собственности предполагает *обладание, власть* над нею.

В современном русском языке заимствованные из церковнославянского языка исторически родственные лексемы *владеть, власть, владыка, обладать, область* с общим этимологическим корнем **vold-* выступают как вершины самостоятельных словообразовательных гнезд (Тихонов, I, с. 177–178, 682). Этимологически данные лексемы восходят к и.-е. корню **yal-*

//**цел-*, семантика которого реконструируется как 'иметь силу', 'быть сильным', 'хотеть; напирать, давить' (Черных, I, с. 157), т. е. отличается синкретичностью. Номинация *владение* 'территория, принадлежащая кому-либо, находящаяся в чьей-либо собственности' (Кузнецов, с. 135) связана с представлением о силе, влиянии, власти и – как следствие – о собственности обладающего властью, влиянием, могуществом. Ключевым семантическим компонентом при формировании семантики 'собственность' в данном случае оказывается компонент 'обладание'.

В современном русском языке концепт 'власть' обнаруживает генетическую и семантическую связь с концептом 'воля'. Между ними прослеживается метонимическая связь, поскольку *власть* определяется как возможность навязывания своей *воли* другим, вопреки сопротивлению, как право накладывать обязательства и принуждать к действиям. В свою очередь *воля*, помимо сознательного стремления к осуществлению чего-либо, являет собой 'власть, возможность распоряжаться' (Ожегов, с. 300). Таким образом, как уже отмечалось, феномен власти обладает специфической структурой: он включает в себе два противоположных начала – принуждение, или *неволю*, и *свободу* в проявлении чего-либо, то есть *волю*. Данная оппозиция выявляет семантическое взаимодействие таких понятий, как 'свобода' и 'воля', 'власть', 'собственность'.

Рус. *воля* (связано чередованием гласных с *велеть, довлеть*) 'сознательное регулирование своего поведения', 'настойчивость в деятельности', 'свобода', 'простор' происходит от праслав. *volja, продолжения которого известны всем славянским, а также другим индоевропейским языкам: лит. *valià* 'воля', латышск. *vaļa* 'сила, власть', нов.-в.-нем. *wollen* 'хотеть', др.-инд. *váras* 'желание, выбор', валлийск. *guell* 'лучше' (Фасмер, I, с. 347–348). Др.-рус. *доволь* 'достаток, имущество' образовано из *до воль* 'до желаемого', от него с суф. *-н-* образовано прилагательное *довольный* 'достаточный', совр. *довольный* 'внутренне удовлетворенный'. На базе др.-рус. сочетания предлога *въ* с вин. п. существительного *доволь* образовано наречие *вдоволь* 'до полного удовлетворения', 'достаточно' (Цыганенко, с. 67).

Представления о воле изменялись в связи с переосмыслением свободы. Сначала *воля* – всего лишь желание, но желание высокое и светлое, всегда соотношенное с богом. С течением времени слово *воля* стало обозначать любое желание, постепенно утрачивая торжественность величия. Первоначально волей обладал Бог, а не человек, поэтому понятие 'своя воля' (рус. *своеволие, своевольный*, польск. *swawola, swawolny*) получает в лексике и паремиологии религиозную трактовку и негативную оценку, поскольку *своя* (т.е. личная) воля человека противопоставляется божественной воле, сравн.: *Воля Божья, а судь царевъ; Дай сердцу волю, заведетъ тебя въ неволю* (Даль, I, с. 584); *Gdzie swawola panuje, tam niewinność szwankuje* 'где господствует своеволие, там страдает невинность'; *Swawola wielka niewola* 'своеволие – великая неволя'; *Swawola do cudzowoli wiedzie* 'своеволие ведет к чужеволию' [7, с. 322]. Соотношение воли с личным желанием человека, его правом выбора в дальнейшем становится основой для метонимического переноса, и *воля* становится обозначением уже собственно свободы. Как считает А.Г. Лисицын, сближению значений слов *воля* и *свобода* способствовало наличие в каждом из них пространственного компонента. Этот компонент вышел на первый план и способствовал появлению значения 'мир, где возможна неограниченная самостоятельная деятельность' [8, с. 79].

Г.Ф. Гегель определяет *собственность* отношением воли к вещам. Согласно его мнению, лицо имеет право «помещать свою волю в каждую вещь» [см.: 9, с. 18], которая благодаря этому становится *его* вещью. «В собственности, – пишет он, – моя воля личная. Так как я даю моей воле наличное бытие через собственность, то собственность также должна быть определена как эта, моя» [10, с. 108]. Человек, движимый желанием завладеть вещью, проявляет свободу воли вплоть до крайнего произвола. Таким образом, понятия *воля, свобода, желание* обнаруживают связь с номинациями, репрезентирующими понятие 'собственность' в русском языке.

Понятие 'власть' объединяется в один семантический блок с понятием 'сила' ('мощь', 'давление') в связи с тем, что *власть* предполагает обязательное наличие субъекта, обладающего ею, и объекта, т. е. того, кто «подвластен», подвергается влиянию, воздействию и приложению некоторых сил (сравн. *завладеть* 'взять что-либо, овладеть чем-либо **силой**,

обманом', 'подчинить своему воздействию, влиянию' (Кузнецов, с. 314)). Следует также отметить, что в древнерусском языке лексема *власть* употреблялась в значении 'сила, могущество': *Съ властяа бѣ слово юго*. Евангелие от апостола Луки (Срезн., I, с. 273). В свою очередь, лексема *сила* в текстах XI в. зафиксирована с переносным значением 'власть, могущество': *Богу убо подобное славословие и благодарие въсьли, съвършающууму силу свою в немощи*. Пандект Антиоха XI в. (СРЯ XI–XVII вв., 24, с. 135).

Праслав. **sila* в этимологическом отношении – темное слово. Праслав. значение слова восстанавливается как 'естественная способность к чему-либо', сравн.: укр. *сила*, блр. *сіла*, *асілак* 'силач', болг. *сила*, *силя се* 'силюсь', србхрв. *сила* 'сила', 'множество, масса', *силити* 'принуждать', словен. *сила*, *siliti* 'принуждать, заставлять', словац. *сила*, *silak* 'силач', *silit* (*sa*) 'принуждать' (Черных, II, с. 162); др.-рус. *сила* 'естественная способность', 'мощь, сила телесная', 'духовная сила', 'могущество, власть', 'проявление сверхъестественной силы', 'насилие, произвол', 'множество', 'войско', 'народ, племя' (Срезн., III, с. 348–351).

Одно из наиболее ранних представлений о силе, отразившихся в памятниках письменности XI в., связано с физическими качествами, свойствами одушевленного существа: *сила* – 'сила, мощь', 'свойство, качество чего-либо, способность к чему-либо; потенция, сила', 'произвол, притеснение, насилие' (СРЯ XI–XVII вв., 24, с. 133–136). Как следует из словарных дефиниций, эти же представления лежат в основе значений слова и в современном языке: 'способность живых существ к физическим действиям, требующим значительного напряжения мышц' (Кузнецов, с. 1184); 'способность живых существ напряжением мышц производить физические движения, действия'; перен. 'физическое воздействие, насилие' (ССРЛЯ, 13, с. 787), (Евген., IV, с. 91).

Исторические словари фиксируют семантику 'присваивать' у однокоренных глаголов: др.-рус. *сильничати* 'применять силу; отнимать силой' (Срезн., III, с. 352), *насиловати* 'притеснять', 'насилованно обладать, мучить', 'оказывать давление', 'насиловать', 'отнять силой' (СРЯ XI–XVII вв., 10, с. 245), *понасиловати* 'начать притеснять', 'овладеть чем-либо силой' (СРЯ XI–XVII вв., 17, с. 47).

Все этимологические гнезда, входящие в состав семантико-этимологического поля 'собственность', содержат компоненты, связанные с понятием 'сила', что подтверждает системный характер выявленных семантических связей.

Исторически родственные лексемы *владеть*, *власть*, *владыка*, *обладать* этимологически связаны с исходным понятием 'сила', – компонент 'сила', как уже было сказано, один из основных компонентов реконструированного и.-е. корня *yal - d(h)-*, к которому восходит о.-сл. корень **vold-* (Черных I, с. 157). В ц.-сл. языке данные лексемы зафиксированы со следующей семантикой: *владѣть* – 'управлять с верховной властью' (СЦСиРЯ, I, с. 132), *власть* – 'право поступать по собственному произволу', 'право повелевать и управлять', 'начальство' (СЦСиРЯ, I, с. 133) (сравн. **voldtŕ > *volstŕ* 'право' (Черных, I, с. 157)), *владыка* – 'верховный повелитель, обладатель, государь' (СЦСиРЯ, I, с. 132), *обладать* – 'иметь в своей власти, царствовать' (СЦСиРЯ, III, с. 15). Продолжения корня прослеживаются в разных языках: лат. *valēo* 'быть сильным; иметь силу; быть в состоянии'; др.-вал. *cinovali* 'сильный как волк' [11, с. 79].

Основное средство выражения обладания в русском языке – глагол *иметь* 'обладать' – восходит через праславянское **jъmĕti* к и.-е. корню **em-* со значением 'брать'. Понятие 'брать' неразрывно связано с понятием 'нести', эти понятия указывают на взаимообусловленные последовательные действия, направленные на объект присвоения [12, с. 141]. Видимо, в совокупности данные значения могли обусловить развитие у продолжений глагола **bъrati* значения 'воровать': чеш. *bráti* 'брать, отбирать; воровать', словц. *brat'* 'брать, собирать', 'отнимать, красть', в.-луж. *brac'* 'взять; воровать' (см.: ЭССЯ, 3, с. 162), сравн. также др.-рус. *бърати* 'присваивать' (СДРЯ, 1, с. 351), ст.-рус. *бърати* 'захватывать как военную добычу' (СРЯ XI–XVII вв., 1, с. 320), которое сохраняется и в XVIII в. ('захватывать, овладевать, завоевывать' (СРЯ XVIII в., 2, с. 130)). В русских диалектах глагол *брать* и его производные имеют значение 'воровать': псков. *брать* 'захватывать рукой, воровать, отбирать силой', *собрать* 'украсть, утащить' (ПОС, 2, с. 153).

В семантике рефлексов корня **et-* обнаруживается связь с компонентом 'сила': *имати* 'брать', 'взимать', 'добывать', 'захватывать', 'задерживать кого-либо', *имение* 'добыча, мзда', *иманье* 'взятие, захват; пленение, плен' (СРЯ XI–XVII вв., 6, с. 225).

Семантический компонент 'сила' имеет также продолжение праслав. корня **tęg-*, восходящего к и.-е. **ten-gh* 'тянуть' (Черных, II, с. 278): совр. *тянуть* 'взяв край чего-либо, перемещать к себе с силой, усилием' (Евген., IV, с. 439), *тяга* 'сила, вызывающая перемещение чего-либо; источник такой силы' (Евген., IV, с. 435), диал. *тяжити* 'прилагать силы' (Даль, IV, с. 903), *вытянуть* 'вырвать, украсть, унести' (ПОС, 6, с. 87).

Рефлексы этимологических гнезд **dob-* и **bog-* связаны с представлениями о силе как о физической способности человека, о способе приобретения имущества. Значение прилагательного *добрый* (напр. *добрый молодец*) связано с представлением как о физической силе, так и о духовных качествах – ведь в русской языковой картине мира *добро* есть прежде всего красота внутренняя, духовная. Именно *богатырю Добрыне* Никитичу – герою, являющемуся олицетворением силы физической и силы духовной, – присвоено данное имя собственное. Связь с понятием 'сила', одним из узловых понятий, выделяемых в рамках исследования семантико-этимологического поля 'собственность', обнаруживают и иные производные от основы *доб-*: *доблий* 'крепкий, сильный телом', 'мужественный, геройский', *доблесть*, *доблета* 'мужество, стойкость' (СРЯ XI–XVII вв., 4, с. 256), др.-рус. *добротный* 'отличающийся прочностью', диал. *доб* 'силен, здоров' (СРНГ, 8, с. 72–73), *дебёлый* 'крепкий, прочный' (СРНГ, 7, с. 312), *добый* 'крепкий, здоровый' (СГРС, 3, с. 116).

Нарицательное существительное *добрыня* синонимично др.-рус. лексеме *добрякъ* 'дюжий, здоровый человек' (Срезн., I, с. 231), в семантике которой присутствует компонент 'сила физическая'. Сравним синонимичные производные от корней **dob-*, **bog-*, **vol-*, **sil-*: *добряк* 'дюжий, здоровый человек' – *богатырь* 'силач большого роста и крепкого сложения' – *волот* 'великан, богатырь' [13], др.-рус. *сильникъ* 'богатырь' (СРЯ XI–XVII вв., 24, с. 141).

Количественную оценку *силы* предполагает семантическая категория, «отражающая определенную часть объективно существующих количественных градаций» [14, с. 3], связанная с понятием *интенсивности*, *меры проявления признака*. Ш. Балли отмечал, что «под термином *интенсивность* следует понимать все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях» [15, с. 202].

Лексические единицы, входящие в состав анализируемых этимологических гнезд, обнаруживают семантическую связь с данной категорией.

В семантической структуре лексем *богатство* 'большое личное имущество; особо ценный предмет в имуществе; роскошь, пышность', 'множество, обилие; разнообразие' (ССРЛЯ, 1, с. 531–532), *достаток* 'зажиточность' (Кузнецов, с. 279), *состояние* 'имущество, капитал, собственность' (Кузнецов, с. 1241), *добро* 'вещи, пожитки' присутствуют компоненты 'интенсивность', 'обилие', так как значения данных лексем отражают понятие множественности объектов, материально ценных. Количественный показатель является дифференциальным и образует универсальную оппозицию, представленную двумя синонимичными рядами: *богатый*, *состоятельный*, *зажиточный*, *имущий* – *бедный*, *нищий*.

В семантике производных корня **dob-* также присутствует сема 'обилие': *добряк* 'дюжий, здоровый' (Срезн., I, с. 231), *добренький* 'большой по количеству; зажиточный' (СРЯ XI–XVII вв., 4, с. 257), *добрый* 'полный, дородный', *добреть* 'толстеть, жирнеть', (Даль, I, с. 1099–1106).

Рефлексы корней **vel-//*vol-*, **bog-*, **dob-* имеют сему интенсивности ('очень'): *великий* 'очень большой, огромный; выдающийся', *великан* 'человек огромного роста', *великолепный* 'очень хороший, превосходный', *волот* 'очень большой и сильный'; *богатырь* 'очень большой и сильный', *божественный* 'прекрасный, очень хороший'; *добро*, *добре* 'очень, весьма, сильно', *добротный* 'очень крепкий, прочный' и др.

Модальное значение этимологического корня **vel-//*vol-* 'желать, хотеть' предопределило формирование семантического направления 'интенсивность', 'обилие'. Одними из самых древних наречий-интенсификаторов являются наречия, образованные от общеславянского прилагательного с корнем **vel-* **velъbъ* 'большой': чеш. *velmi*, *velice*, пол. *wielce*, слвц.

velo, в.-луж. *wjele* ‘очень’ (Фасмер, I, с. 288), блр. *вельмі* ‘весьма, очень’, др.-русск. и ст.-сл. наречие *вельми* ‘весьма, очень’ (СЦСиРЯ, I, с. 110). Объединены семой ‘выходящий за рамки привычного, обычного’ старославянские композиты, один из компонентов которых восходит к прилагательному *велиий* ‘большой’: *велегласити* ‘громко возглашать’, *велелѣніе* ‘блистательная красота’, *веледушіе* ‘великодушные’, *велемудріе* ‘великая мудрость’, *велеокій* ‘имеющий большие глаза’, *велеумный* ‘одаренный великим умом’ и др. (СЦСиРЯ, I, с. 107–108). Та же сема объединяет слова с корнем *велик*: ст.-сл. *великодавецъ* ‘щедро дарующий’, *великодарный* ‘ниспосылающий великие дары’, *великокрылый* ‘имеющий большие крылья’ (СЦСиРЯ, I, с. 108–109) и др.; совр. рус. *великолепие* ‘пышная, необыкновенная красота’, *великомученик* ‘название, присвоенное православной церковью тем последователям христианства, которые, по преданию, претерпели за веру самые тяжкие мучения’, *величавый* ‘исполненный торжественности, величественный’ (Евген., I, с. 147).

Таким образом, в рамках семантико-этимологического поля ‘собственность’ на основе семантических связей объединяются этимологические гнезда с корнями **seb-//sob*, **vel-//vol-*, **im-*, **teg-*, **bog-*, **dob-*, **sta-*. Рефлексы указанных этимологических гнезд обнаруживают тесную метонимическую связь концептуальных для любого общества понятий ‘собственность’, ‘власть’, ‘сила’, ‘интенсивность’, ‘обилие’, ‘воля’, ‘желание’ и ‘свобода’. Исследование семантико-этимологического пространства позволяет выявить типологию регулярных диахронических и синхронных связей номинаций со значением ‘собственность’ в русском языке. Семантико-этимологическое описание поля ‘собственность’ служит средством выявления представлений о собственности, которые носители языка транслируют через язык.

Литература

1. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 256 с.
2. Тихонов, А.Н. Границы и структура лексико-семантического поля / А.Н. Тихонов // Теория поля в современном языкознании : тезисы докладов научно-теоретического семинара (ноябрь, 1993) : в 3 ч. – Уфа, 1994. – Ч. 3. – С. 3–6.
3. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – М. : Русские словари, 1999. – 431 с.
4. Батяев, А.А. Собственность. Как приобретать и распоряжаться / А.А. Батяев. – М. : Равновесие, 2007. – С. 12.
5. Мейе, А. Имя. Личные местоимения / А. Мейе // Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / отв. ред. Р. Шор. – М.–Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во. – С. 264–359.
6. Трубочев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян : лингвистические исследования / О.Н. Трубочев. – М. : Наука, 1991. – 272 с.
7. Толстая, С.М. **Svojь* : семантика и аксиология / С.М. Толстая // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М. : Индрик, 2008. – С. 319–328.
8. Лисицын, А.Г. Анализ концепта ‘свобода – воля – вольность’ в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.Г. Лисицын. – М., 1995. – 259 с.
9. Шамхалов, Ф.И. Собственность и власть / Ф.И. Шамхалов. – М. : Наука, 2007. – 412 с.
10. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 528 с.
11. Федько, М. Лексико-семантическая группа власть в восточногерманских и скандинавских языках: формирование и развитие / М. Федько // *Žmogus ir žodis / Svetimosios kalbos (Man and the Word / Foreign Languages)*. – 2014. – Т. 16, вып. 3. – С. 77–83.
12. Пятаева, Н.В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд **em-* и **ber-* ‘брать, взять’ в истории русского языка / Н.В. Пятаева // *Этимология 1994–1996*. – М. : Наука, 1997. – С. 140–147.
13. Иванчикова, Ю.С. О внутренней форме и семантических связях номинаций *волот* и *богатырь* / Ю.С. Иванчикова // *Славянская мифология и этнолингвистика : сб. научн. статей / редкол. : В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]*. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 99–103.
14. Сущинский, И.И. Система средств выражения высокой степени признака (на мат. совр. нем. языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.И. Сущинский. – М., 1977. – 16 с.
15. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М., 1961. – 394 с.

Принятые сокращения

Даль – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль ; под ред. проф. Бодуэна-де-Куртене. – 3-е изд. – СПб.–М. : Т-во М.О. Вольф, 1903 – 1909. Репринтное издание: М. : Цитадель, 1998.

Евген. – Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984.

Кузнецов – Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

Ожегов – Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2003. – 944 с.

ПОС – Псковский областной словарь / Б.А. Ларин. – Вып. 1–24. – СПб., 1967–2015.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / А.К. Матвеев. – Т. 1–6. – М., 2001–2014.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 11 т. / РАН. Ин-т русск. яз.; Р.И. Аванесов, В.Б. Крысько. – М., Рус. яз, 1988–2016.

Срезн. – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб. : Императорская АН, 1902 г. Репринтное издание: М. : Книга, 1958.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – Вып. 1–45. – СПб. : Наука, 1965–2012.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / С.Г. Бархударов, Г.А. Богатова. – Вып. 1–28. – 1975–2008.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю.С. Сорокин. – Вып. 1–6. – Л. : Наука, 1984–1991.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / В.И. Чернышев, А.М. Бабкин. – М., 1950–1965.

СЦСиРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка : в 4 т. / сост. 2-е отд-е Императорской АН. – СПб. : Типография императорской АН, 1847. Репринтное издание: М. : Литература, 1995.

Тихонов – Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А.Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987.

Цыганенко – Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов / Г.П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – К., 1989. – 511 с.

Черных – Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – 3-е изд., стереотипное. – М. : Русский язык, 1999.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. – Вып. 1–30. – М. : Наука, 1974–2012.

УДК 82.0+821.161.3

Социальный миф в художественной повседневности романа З. Бядули «Язэп Крушынскі»

М.М. ИОСКЕВИЧ

Цель статьи – определить пути проникновения социального мифа в художественную повседневность в романе З. Бядули «Язэп Крушынскі». Выявлено, что социальный миф реализуется на уровне системы персонажей романа. Отрицательный модус восприятия «врагов» формируется за счет двойственности повседневности, которая обнаруживается на вербальном, поведенческом и ценностном уровнях изображения.

Ключевые слова: социальный миф, повседневность в художественном тексте, враг народа, Змитрок Бядуля, «Язэп Крушынскі».

The purpose of the article is to reveal penetrating ways of social myth in the literary everyday life in the novel «Jazep Kruszynski» by Żmitrok Biadula. Social myth is implemented in the system of characters of the novel. Negative modus of perception of «enemies» is formed by the duality of their everyday life, which is realized on verbal, behavioural and axiological levels of depiction.

Keywords: social myth, everyday life in a literary text, enemy of the people, Żmitrok Biadula, «Jazep Kruszynski».

Введение. Социальный миф, как известно, является основным средством манипулирования общественным сознанием. П.С. Гуревич определяет это понятие следующим образом: «Социальный миф – это особого вида духовная деятельность по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно вырабатываемых правящей элитой для воздействия на массы. Социальные мифы освящают вечные вопросы власти и подчинения, зависимости и свободы, несправедливости и равенства» [1, с. 9].

Социальный миф был основой советской идеологии. Основным содержанием советского социального мифа, который обладал сложной структурой, было построение идеального коммунистического общества. Как известно, «коммунистическая идеология заимствовала многие образы, каноны и ритуалы христианской религии, которую она отрицала. Главным ее догматом была возможность создания совершенного общества, где не будет ни эксплуатации, ни войн, ни несправедливости, где расцветут добродетели и исчезнут пороки» [2].

В 1920–30-е гг. в СССР основной преградой на пути к построению идеального общества стали «враги» – зажиточное крестьянство и интеллигенция, что привело к массовым репрессиям и уничтожению этих социальных слоев. Следует отметить, что в 1920-е гг. Советская Белоруссия была преимущественно «сельской страной (крестьянство составляло 84,5 % от всего населения). Ведущую роль в сельском хозяйстве занял инициативный зажиточный крестьянин» [3, с. 8]. Новые принципы ведения хозяйства (НЭП) поначалу давали ощутимые результаты: беднота сократилась в два раза, крестьянство в целом стало более зажиточным. Однако дальнейшее развитие сельского хозяйства вступило в противоречие с административно-командной системой государственного управления. Экономические проблемы ставились в вину кулакам, против которых развернулась спланированная кампания.

Параллельно с процессом коллективизации шел разгром «национал-демократизма», в приверженности которому были обвинены ведущие деятели науки и культуры. Репрессии против интеллигенции перечеркнули завоевания белорусизации как официальной государственной политики, утвержденной 15 июля 1924 г. II сессией ЦИК БССР. Первая волна преследований совпала со временем создания второй части романа. Искусственно было сфабриковано дело контрреволюционной организации «Союз освобождения Белоруссии», по которому проходило 86 человек. Во главе организации якобы стояли И.Ю. Лёсик (дядя Я. Коласа), С.М. Некрашевич, В.Ю. Ластовский и др. Организацией были будто бы охвачены «ответственные посты советской работы», «краеведческие секции», «все учебные заведения и печать» [4].

Закономерен вопрос об авторском осознании и отношении к социальному мифу, путей его отображения в художественном произведении. Как мы полагаем, определить это представляется возможным посредством *анализа отражения социального мифа через повседневность в художественном тексте*.

Под *повседневностью в художественном тексте* необходимо понимать изображение устойчивых, регулярно повторяющихся (возобновляемых) жизненных практик персонажа либо группы персонажей (социальной группы, общности, нации и т.д.), локализуемых в определенном времени и пространстве. Повседневность предстает как составляющая художественного мира произведения, ответственная за реалистическое воспроизведение вымышленной реальности.

Понятие «повседневность» неразрывно связано с системой персонажей художественного произведения. Жизненный мир персонажа или, иначе говоря, «я-повседневность», состоит из личного и социального пространств. Социальное пространство определяется обязанностями перед государством и включает в себя общественную и профессиональную деятельность. Личное пространство – это пространство остальных форм жизнедеятельности, помимо общественной и профессиональной, к которым относятся, например, отношения с семьей и друзьями.

Социальный миф, преломляясь в повседневности, занимает по отношению к ней главенствующую позицию и способен выступать в роли «события», обладая способностью к изменению и формированию повседневности. «Событие» может носить как положительный, так и отрицательный характер для литературного персонажа, утверждать либо разрушать повседневность.

Особый интерес для исследования преломления социального мифа в художественной повседневности представляет роман классика белорусской литературы З. Бядули «Язэп Крушынскі». Первая часть произведения была опубликована в 1929 г., вторая – в 1931 г. в самый разгар общественно-политической борьбы с так называемыми врагами. Таким образом, цель данной статьи – определить пути проникновения социального мифа в художественную повседневность в романе З. Бядули «Язэп Крушынскі».

Следует отметить, что, начиная с 1960-х гг., литературоведческое исследование романа ведется в контексте комплексного изучения творчества З. Бядули. Первыми были изданы труды А.А. Семеновича (1960), М. Смолкина (1961), которые отмечали художественную ценность образа главного героя, его гиперболизированность [5], а также актуальность романа для времени его создания, в то же время его слабые стороны [6]. Время представило новые неординарные трактовки образа Крушинского. В 2004 г. вышла книга И. Науменко «Змітрок Бядуля», в которой представлен особый взгляд на образ главного героя: «Бядуля адкрыў у сваім рамане значны сацыяльны тып» [7, с. 151]. В романе очевидно авантюрно-приключенческое начало, Остап Бендер из знаменитой дилогии И. Ильфа и Е. Петрова – двойник Крушинского. В наши дни А. Белая полагает, что «у асобе Крушынскага бачыцца алюзія на постаць Іосіфа Арымафейскага» [8, с. 137], «вобраз Крушынскага <...> ўвасабляе не толькі заганныя, а і станоўчыя рысы “капіталістычнай асобы”: рост самасвядомасці, развіццё здольнасцей у сувязі з раздзяленнем працы; большую ступень свабоды адносна прадметаў уласнасці» [8, с. 138].

Основная часть. Роман З. Бядули, который традиционно считается произведением о коллективизации, является «галереей» образов врагов Советской власти – кулаков и национально настроенной интеллигенции, изображенных в гротескной форме.

Первый «антисоветский элемент», с которым встречается читатель – агроном Иван Матвеевич Шаповалов, который едет с осмотром культурного хуторского хозяйства Язэпа Крушинского. До революции Шаповалов состоял в революционной организации и не был выслан в Сибирь, потому что предал товарищей, среди которых был брат его жены. После революции агроном живет в постоянном страхе быть узнанным и понести заслуженное наказание. Он судорожно ищет пути спасения и решает изменить собственную жизнь через смену повседневности. Шаповалов стремится изменить телесность: сбивает бороду, набирает вес, меняет почерк, походку, жесты, носит другую одежду. Самое главное – он берет новое имя: вместо Антона Сергеевича Мятлова он становится Иваном Матвеевичем Шаповаловым. Сле-

дующим шагом в смене идентичности становится смена места проживания: агроном покидает город детства. На новом месте жительства он не живет подолгу на квартирах, старается не прописываться, не позволяет жене иметь дела с документами.

Не без успеха утвердившись в новом облике своего социального пространства, Шаповалов обнаруживает, что личное пространство грозит еще большей бедой. В семье, перед женой и детьми, он продолжает быть Антоном Сергеевичем. Жена не понимает перемен в поведении мужа, ведь она не знает его тайны. Шаповалов проводит четкую черту между социальным и личным пространством, но делать это становится все труднее. Тогда он решается пойти на крайние меры. Когда жена уезжает навестить родственников в России, он посылает ей телеграмму о собственной смерти – решает «убить» себя прежнего, чтобы начать жизнь в качестве другого человека. Изменившись на телесном, бытовом и вербальном уровне, он приступает к замене собственной ментальности: необходимо выкинуть из памяти все прошлое, выработать новый характер. Однако новая жизнь для Шаповалова – это не раскаяние и не желание начать новую честную жизнь. Он не принимает советскую действительность, которую воспринимает «як адзін доўгі-доўгі анекдот». Тогда же он придумывает себе и новый вид творчества – сочинение анекдотов, порочащих советскую действительность, которые расходятся по всему Советскому Союзу. Изменение ментальности, таким образом, также носит вынужденный характер и является маскировкой, приспособлением к существующей действительности. Основная ценность Шаповалова – любыми способами сохранить себе жизнь, перед которой пасуют все остальные человеческие ценности.

Агроном Шаповалов регулярно навещает хозяина-хуторянина Язэпа Крушинского, который является главным героем романа. Так читатель вместе с агрономом попадает в личное пространство Крушинского. Дом, в котором живет Крушинский – поместье Курганище. Старый дом насыщен временем, портретами и предметами интерьера, оставшимися от прежних хозяев. Шаповалов называет «салон» для гостей музеем и уговаривает Крушинского ничего в нем не менять. От дома веет «шляхецай старасветчынай», это фактически «мертвый» мир, окруженный могилами-курганами. Локус проживания свидетельствует о двойственности повседневности главного героя. Он, человек, который будто бы горячо поддерживает советскую власть, фактически занимает место прежних помещиков. О себе Крушинский рассказывает много и подробно. Он составил для себя «легенду», поверить в которую пытается заставить окружающих. Шаповалов охотно слушает Крушинского, который «пляце свае ўспаміны» (слово *пляце* передает негативное авторское отношение и к рассказчику, и к тому, о чем он рассказывает), пытаясь нарисовать «портрет» друга. По словам Крушинского, ненавидеть богачей его заставила жизнь в доме у дяди, который владел в Минске рестораном. Своих сыновей дядя готовил в адвокаты и доктора, Язэпа же поощрял к учебе только в надежде сделать из него толкового бухгалтера для своего заведения. Читатель, в начале романа еще не склонный рассматривать героя как отрицательного персонажа, даже проникается сочувствием к мальчику, который оказался среди чужих людей. Поведение Язэпа раздражает хозяйку. От обиды мальчик в тот же день сбегает к родителям, но отец возвращает его обратно. Язэп с любовью вспоминает свою мать, которая жалела и ласкала его. Отец Крушинского был известным знахарем, о котором говорили, что он знает с нечистой силой. Факт рождения героя не от «обычного» человека подчеркивает его оборотничество, двойственность, хтоническую сущность, тем самым обнаруживая архитектурную основу социальной мифологемы «враг». Эпизод из детства Крушинского напоминает чеховского героя Ваньку, отданного на услужение в город. Это тяжелое детство действительно могло сформировать настоящего революционера, но в дальнейшем пути Крушинского основную роль сыграла именно обида за свою «второсортность». Он пытается стать таким же богатым, как его дядя, что является основной целью и ценностью для героя.

На ментальном и вербальном уровне изображения герой также обнаруживает свою двойственность. Крушинский выдает себя за борца с буржуазией (забастовка в ресторане, где он служил лакеем), и заверяет, что все свои действия совершает ради дела революции и Советской власти. Шаповалов же весьма иронично относится к этой «революционной» версии,

называя ее «Чырвонай пралетарскай Шапачкай» (которую когда-нибудь съест волк). Впрочем, «правдивость» Крушинского в разговоре с Шаповаловым выдает его истинную сущность: после забастовки и тюрьмы он снова возвращается к дяде в ресторан, причем еле уговаривает принять его назад, обещает быть тихим и послушным. Стремление спасти свою жизнь и репутацию оказывается сильнее «стремления» к революционной борьбе, которой, впрочем, он продолжает «заниматься». Он обманывает дядю в счетах, крадет деньги, но, по его словам, с самой благородной целью – раздать бедным. Правда, делает он это необычным способом – устраивает «образовательные» пирушки для жуликов и оборванцев, чтобы раскрыть все ничтожество жизни богатых людей. По теории Крушинского, если просто раздавать деньги бедным, то можно приучить их к лени.

После революции Крушинский женится и покупает поместье Курганище, но очень скоро соображает, что большое количество земли для него невыгодно. Ведь именно после революции, по словам автора, в обществе возникает противопоставление «богачи – бедняки»: «Яшчэ тады векавечны плямённы падзел трошачку адышоў на задні план, а на першы ледзь прыкметна выступіў новы падзел – на багатых і бедных» [9, с. 40]. Это весьма любопытный факт – возникновение подобной социальной оппозиции именно после революции, хотя, согласно советской официальной идеологии, она характерна для царского времени. Это свидетельство начала зарождения социального мифа о крестьянской среде. Тогда Крушинский решается на необычный поступок – отдает большую часть своей земли крестьянам. Так он заявляет о своей приверженности Советской власти, а также приобретает союзников. Польские власти пытаются арестовать Крушинского и запрещают крестьянам пользоваться его землей.

После возвращения Советской власти Крушинский решается на еще один передел земли в пользу крестьян, и в благодарность Дрозды и Дятлы избирают его секретарем в сельсовет. Следует отметить, что автор подробно описывает взаимоотношения племен Дроздов и Дятлов, их вековую вражду. Теперь эти племена составляют «республику» Крушинского, который вовсе не желает прекращения их вражды – ведь тогда легче ими управлять. Эта хаотичность отношений единоличников противопоставлена упорядоченности артельной и колхозной жизни. Батрачество на Крушинского превращается для крестьян в праздник – он хитро подкупает их едой, выпивкой, оплатой по выбору – деньгами или зерном. Подарки Крушинского – новые косы, газетная подписка – требует негласной, но обязательной, по мнению крестьян, отработки. Так что хотя с внешней точки зрения социальное пространство героя, его культурное хозяйство и влияние в сельсовете стоит на позициях революционных преобразований в стране, автор настойчиво раскрывает сущность врага советской власти.

Популяризации деятельности Крушинского способствует статья Шаповалова о его революционном прошлом и новых достижениях. На самом деле вовсе не хозяйство является основным средством доходов Крушинского, а незаконная, даже преступная деятельность. Еще во времена польской власти он занимается организацией конокрадства, в советское время – контрабандой, привлекая к этому некоторых крестьян и даже священника, в прошлом – офицера-белогвардейца. «Республика» Крушинского окружена «мяжою сакрэту»: «была створана як бы свая “замежная політыка”, сваё “міжнароднае становішча” – у раённым цэнтры, у акруговым. Нават у самой сталіцы – у Мінску былі яго людзі, яго прыяцелі, якія дапамагалі ў справах “рэспублікі”, працавалі на яе карысьць» [9, с. 71]. Крушинский – это «агідны васьміног, яго нянавісьць раскідвае ва ўсе бакі шчупальцы. Нянавісьць і злосьць перапаўняюць усю яго істоту: па-звярынаму выслізгваюцца пенай з яго губ, са скрыгату зубоў» [10, с. 38].

В личном пространстве Крушинского, помимо двойственности в локусе проживания, обнаруживается также двойственность: обман в семье, нечистоплотность в отношениях с женщинами. Он обещечивает учительницу его детей Стэфку и дочь еврея-кузнеца Мэру, доводит до самоубийства жену Ганну.

Помимо Крушинского, в романе упомянуты герои-кулаки, которые открыто выступают против колхозов на сходах, покушаются на жизнь активистов, портят коллективное имущество, за что «ваўкоў у воўчых шкурах» сажают в тюрьму. Образам кулаков противопоставлены положительные герои – сельские активисты, комсомольцы. Социальная оппозиция «свой –

чужой» заявлена в романе предельно четко, как это было и в реальной исторической действительности. Принцип «тот, кто не с нами, тот против нас» раскрывается на примере комсомольца Федора, который, женившись, увлекся ведением собственного единоличного хозяйства и идейно «оторвался» от друзей-активистов, за что его немедленно причисляют к врагам.

Параллельно изображению сельских «врагов» выступает галерея «врагов»-интеллигентов, с которыми читатель знакомится, попадая с Шаповаловым и Крушинским в дом к «народному поэту» Антону Терешке, двоюродному брату Крушинского. Бывшие царские учителя и офицеры превратились в ученых, преподавателей, литературных критиков и писателей, изменив свою внешность и ведя двойную жизнь. Под маской советских служащих они ждут войны, свержения советской власти и установления буржуазной республики. Сеть врагов захватывает все сферы советской жизни. Особая опора, на которую рассчитывают национал-демократы, является зажиточное крестьянство, кулаки. Политика белорусизации (в частности, сбор фольклора, изучение повседневного быта белорусских крестьян) в романе подается в негативном ключе как одно из средств борьбы против Советской власти, проведение в жизнь националистических идей. События Первой белорусской академической конференции 1926 г., на которую прибыло много гостей из зарубежья, также нашли отражение в романе. Основной целью приезжих является консолидационная работа по подготовке скорого восстания против советской власти. Архетипическая основа образов врагов проявляется в их стремлении много и жадно есть на устраиваемых пирушках, что характерно для представителей «мертвого царства». В комнату одного из них «ніколі не заглядала сонца», там «аддавала халадком і ледзь прыкметнай тухляцінкай» [10, с. 264].

Особый интерес вызывает спор о целях и задачах литературы, который в гостях у Терешки слышат Крушинский и Шаповалов. Должна ли литература быть средством агитации, «асвятляць усе вакольнае з пункту погляду класавасці», либо находиться «па-за класавасцю – у творчасці вырашаць праблему агульнага чалавека»? [9, с. 156]. Этот спор отражает разногласия белорусских литературных объединений «Маладняк» и «Узвышша». «Маладняк» возник в 1924 г. как организация пролетарских писателей, признававшая активную роль литературы в борьбе за новую жизнь, недооценивавшая роль классического наследия. В 1926 г. ряд писателей, в том числе и сам З. Бядуля, вышли из «Маладняка» и создали новое литературно-художественное объединение «Ўзвышша», которое большое внимания уделяло национальной специфике, символике, образности художественных произведений.

В романе упомянут «Маладняк», членов которого враги жаждут перетянуть на свою сторону: «Хлопцы гэтыя косткамі ў горле стаяць, пішуць вершы пра торф, электрыку, фабрыкі, заводы, пра Кастрычнік, пра Леніна. Што за тэмы?! Чужыя тэмы... Няма ў іх беларускіх традыцый, адарваліся ад “нашаніўскіх” карэнняў, ад усяго роднага, цярушаць беларускі народ на нейкія прыдуманья класы... Птушкі чужога гнязда...» [10, с. 200]. Автор пытается реабилитироваться, оправдаться за уход из объединения, что вызвало массу нареканий: «Выйшаўшыя з “Маладняка” пісьменнікі выяўляюць сабой прадстаўнікоў... упаднічства, расслабленасці, містыцызму» [цит. по: 7, с. 124–125]. Именно в мистицизме, буржуазном уклоне, приверженности «нашаніўскім» традициям обвиняли З. Бядулю.

В 1928 г. началась компания критики творчества членов «Узвышша», которое, как и «Маладняк», в этом же году прекратило свое существование в связи с созданием Белорусской ассоциации пролетарских писателей (БелАПП). Полемика, до сих пор не разрешенная, уступила место принципу творческого единомыслия, что, безусловно, становилось еще одним средством активного внедрения социального мифа в сознание масс. 30 ноября 1930 г. З. Бядуля был одним из тех, кто подписал резолюцию по осуждению и требованию суровой кары для «белорусских контрреволюционных национал-демократов». По сути, в его судьбе повторилась ситуация 1920-х гг. После изначального неприятия Октябрьской революции он активно включается в пропаганду новой жизни. Попытка перейти на художественные позиции, заявленные приоритетными для членов «Узвышша», вызывает осуждение и грозит арестом и высылкой, как, к примеру, в случае с В. Дубовкой. Было очевидно, что уже никто не мог помочь товарищам, которые в государственных инстанциях были признаны винов-

ными. Таким образом, осуждающие резолюции необходимо рассматривать не как действительный протест против вчерашних коллег, а как попытку спастись и уцелеть. В 1929 г. у З. Бядули родилась дочь Софья, о судьбе которой он не мог не думать.

В романе Антон Терешка как «министр образования» также решает действовать доступным ему способом. Он перерабатывает старые народные сказки, причем таким образом, чтобы «адны прымалі маску за жывы твар, а каб другія бачылі пад маскай сапраўдны твар» [10, с. 299]. Можно предположить, что прототипом сборника Антона Терешки «Галасы палёў» был философско-аллегорический сборник Я. Коласа «Казкі жыцця», вышедший в 1926 г. Любопытно, что еще в 1923 г. в одном из писем жене Я. Колас упоминал о ссоре со З. Бядулей: «С З[митроком] Бяд[улей] у меня вышел конфликт, после которого при встрече я не подал ему руки» [11, с. 152]. Известно, что сборник Я. Коласа «Беларускія народныя казкі» подвергся жесткой критике: «Колас до настоящего времени продолжает проводить старые тенденции...» [11, с. 173], «Культпроп ЦК КП(б)Б прапануе Вам забараніць распаўсюджванне казкі Я. Коласа “Як пеўнік ратаваў курачку” як контррэвалюцыйную» [цит. по: 12, с. 72]. Более того, Я. Колас и Я. Купала были названы «ідэолагамі заможнага сялянства» [цит. по: 12, с. 88]. Впрочем, документальных свидетельств, подтверждающих соотносимость Я. Коласа и его творчества с образами и событиями романа, найти не удалось.

В романе врагов Советской власти разоблачают и арестовывают. Ожидание правосудия мучит Терешку гораздо больше, чем его осуществление. Он даже завидует арестованному Крушинскому, сосланному на Север, присылающему письма, в которых интересуется судьбой дочерей. Те испытания, которые выпали на долю сосланных крестьян, трудности переезда, при котором гибли дети и старики, неустроенная жизнь при приезде на Север не нашли отражения в романе. Дети Крушинского, переехавшие к Терешке после ареста отца, дважды остаются сиротами. О их дальнейшей судьбе автор также не упоминает.

Дошедшая в своей деятельности до высшей точки абсурда, вульгарно-социологическая критика осудила роман. З. Бядулю обвинили в сочувствии к кулаку, его идеализации. По свидетельству Б. Микулича, автор тяжело переживал нападки в печати: «Што яны хочуць? – бывала, пытаўся ён пранікнёным шэптам» [13]. В те годы с подобной ситуацией сталкивались и другие белорусские писатели: «як жа навучыцца пісаць так, каб было правільна?» [12, с. 102].

Заключение. Таким образом, при создании романа автор занимает сознательную позицию сервиллизма по отношению к советской власти и активно внедряет социальный миф о ее врагах – кулаках и представителях национальной интеллигенции. Социальный миф реализуется на уровне системы персонажей, при создании которой автор все же старается противостоять шаблонности. Отрицательный модус восприятия формируется за счет двойственности, которая реализуется на телесном, вербальном, поведенческом и ценностном уровнях повседневности «врагов» советской власти. Отчасти авантюрный образ кулака Крушинского усложнен криминальной деятельностью, усиливающей его негативное читательское восприятие.

Литература

1. Гуревич, П.С. Социальная мифология / П.С. Гуревич. – М. : Мысль, 1983. – 175 с.
2. Мифология и идеология СССР: Сахаровский центр : Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sakharov-center.ru/museum/expositions/mithology-ussr.html>. – Дата доступа : 02.02.2018.
3. Врублевский, А.П. Из истории репрессий против белорусского крестьянства, 1929–1934 гг. / А.П. Врублевский, Т.С. Протько. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
4. Дело «Союза освобождения Беларуси» / Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_«Союза_освобождения_Белоруссии». – Дата доступа : 10.04.2018.
5. Смолкін, М. Змітрок Бядуля / М. Смолкін. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР. Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1961. – 208 с.
6. Семяновіч, А.А. Змітрок Бядуля / А.А. Семяновіч. – Мінск : Таварыства па распаўсюджванню палітычных і навуковых ведаў БССР, 1960. – 36 с.

7. Навуменка, І.Я. Змітрок Бядуля / І.Я. Навуменка. – 2-е выданне. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 226 с.
8. Белая, А. «Цемната Геракліта» : раман «Язэп Крушынскі» як аб’ект аналітычных інтэрпрэтацый / А. Белая // Палымя. – 2016. – № 6. – С. 135–141.
9. Бядуля, З. Збор твораў : у 5 т. / З. Бядуля. – Мінск : Маст. літ., 1987. – Т. 4. – К. 1 : Язэп Крушынскі : раман. – 375 с.
10. Бядуля, З. Збор твораў : у 5 т. / З. Бядуля. – Мінск : Маст. літ., 1987. – Т. 4. – К. 2: Язэп Крушынскі : раман. – 375 с.
11. Мушынскі, М.І. Летапіс жыцця і творчасці Якуба Коласа / І.М. Мушынскі ; навук. рэд. А.М. Макарэвіч. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 1127 с.
12. Гужалоўскі, А.А. Чырвоны аловак: нарысы па гісторыі цензуры ў БССР : у 2 кн. / А.А. Гужалоўскі. – Мінск : Рэдакцыя газеты «Звязда», 2012. – К. 1. 1919–1941 гг. – 304 с.
13. Мікуліч, Б. Аповесць для сябе / Б. Мікуліч. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 238 с.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 15.04.2018

УДК 811.133.1'373.45

Культурно-лингвистический феномен *franglais*

А.А. КИРЮШКИНА

Рассматривается культурно-лингвистический феномен франгле как особый лингвокультурный вариант, появившийся не просто в результате контакта двух языков, а как следствие намеренного синтетического образования новой формы с более глубоким содержанием.

Ключевые слова: франгле, иностранные заимствования, англицизмы, французский язык.

The article deals with the cultural and linguistic phenomenon of *franglais* as a special linguocultural version, which appeared not only as a result of contacts between the two languages, but also as a consequence of the deliberate synthetic formation of a new form with a deeper meaning.

Keywords: *franglais*, international borrowings, English borrowings, French.

В настоящее время общепринятым является положение о мощном влиянии глобализационных процессов на такие сферы жизни общества как политика, экономика, культура. Вышесказанное обусловило актуальность научного осмысления взаимоотношений глобализационных процессов и языка, обусловленных происходящими бурными переменами во всех сферах жизни общества, развитием мирового экономического рынка, расцветом и продвижением информационных технологий, участием в международных культурных и спортивных мероприятиях, возросшей мобильностью идей, знаний и людей, что ведет к неизбежным трансформациям вариантов языковой нормы и изменениям лексико-семантической системы языка. Экономически и политически весомые англофонные страны имеют тенденцию навязывать свой язык при одностороннем или многостороннем общении под предлогом коммерческих нужд и различных коммуникативных требований [1, с. 89]. Возрастающее влияние англо-американского языка на французский чувствуется во все большем количестве областей. Без преувеличения можно сказать, что английский язык монополизировал многие официальные и бытовые сферы жизни: научные публикации, технические патенты, высшее образование, компьютеризация, Интернет, коммерция, спорт, реклама, кинематограф, музыка и пр. Он распространяется на сферу бизнеса и работы даже во франкоязычных странах.

Исследуя причинно-следственные связи между языковыми и социальными изменениями, ученые обращают внимание на развитие полемических форм диалога, возрастание роли устной речи («орализации, диалогизации, плюрализации, персонификации общения» [2, с. 13]), изменения в языке публицистики, рост удельного веса конфликтного общения, повышения роли оценочной лексики в речевом потоке, расширение границ речевой свободы, проникновение в публичную речь большого объема сниженной и маргинальной лексики. Данные тенденции характерны в большей мере для американской лингвокультуры и в данном случае целесообразно говорить о проникновении культурных и коммуникативных норм англоязычного социума в иные языковые общности.

Взаимодействие культур наиболее ярко проявляется в возникновении различных так называемых контактных языков: *Hinglish* (Hindu + English) в Индии, *Engalog* или *Taglish* (Tagalog + English) на Филиппинах, *Frenghlish* (French + English) в Квебеке, *Espanglish* (Spanish + English) на территории мексикано-американского приграничья, *Chinglish* (Chine + English) в Китае. Названные межъязыковые контактные варианты являются продуктами кросс-лингвистического и культурного взаимодействия двух языков, для них характерны нестабильная упрощенная грамматика, ограниченный словарный состав и функция элементарной коммуникации.

Отдельно стоит упомянуть такой интересный с культурно-лингвистической точки зрения феномен как *Franglais* (Francais + Anglais). В данном случае вряд ли можно говорить о контактном языке, поскольку лингвистические особенности *Franglais* сводятся, главным образом, к лексике. Это, скорее, продукт креативного взаимодействия языков, характеризующийся заменой французских слов английскими, для которых во французском языке зачастую имеются свои эквиваленты [3, с. 93].

Количество таких заимствований неуклонно растет по мере развития информационных технологий, появления новых гаджетов, программных обеспечений, устройств удаленного доступа, приложений, интернет-сайтов, социальных сетей в силу того, что любой язык меняется, являясь отражением общества и культуры.

В качестве конкретных примеров назовем существительные *le web, un laptop, un like, un screenshot, un zoom, un lag, un geek, un nerd, un plugin, un chat, un mailing, un playlist, une hotline, un dispatcher, des followers, le cloud computing, le Big Data* и глаголы, получившие, ассимилировавшись, все формы спряжения по правилам французской грамматики *rebooter (un ordi), downloader, uploader, laguer, poster, liker, checker ses mails, forwarder un mail*.

Не менее активным источником является лексика, относящаяся к сфере шоу-бизнеса: *un talk-show, des news, un pure player, un prime-time, un scoop, un buzz, un one-man-show, un interview, un best-of, un star, un big-up, un standing ovation, un zapping/zapper, un story-board, un making-of, un thriller, un story-telling, un remake, un teaser, un sitcom*.

Также нельзя не упомянуть мир рекламы, изобилующей такими лексическими единицами как *baby, big, cold, cool, design, discount, fast, free, happy, high, hot, modern, new, people, quick, top (new look, big shop, fast-frites, top-niveau, cool TV, Vivons la Happy-Technologie! Votre chaîne people. L'esprit design. Ma mode discount. La qualité à prix discount. Il a Free, il a tout compris. Merci Free. Vous allez aimer le Hard Discount)*.

При этом, подвергаясь безусловно наибольшему воздействию, сфера лексики не является единственной, испытывающей влияние со стороны английского языка, тенденция английского языка к синтетизму оказывает несомненное влияние и на процессы словообразования во французском языке: *étoile cuisine, soleil bar, éclair service, agence flash* представляют собой примеры словосложения путем соположения (juxtaposition), еще недавно признававшегося нехарактерной моделью словообразования для французского языка и продуктивной в английском (продуктивности этой модели словосложения способствует морфологическая простота английских существительных).

Калька «*C'est juste pas possible*» является примером влияния английского языка в области синтаксиса. При соблюдении норм французского языка фраза должна была бы строиться иначе: «*C(e n')est tout simplement pas possible*».

Синтаксическим англицизмом является и калькирование порядка слов. Например, английская структура «*un court trois semaines*» вместо «*de trois courtes semaines*», так же как и «*le deuxième meilleur joueur*» (*the second best player*) вместо «*le deuxième joueur*», «*au cours des prochaines dix années*» (*during the next ten years*) вместо «*au cours des dix prochaines années*» или «*la personne que j'ai parlé avec*» (*the person I talked with*) вместо «*la personne avec qui j'ai parlé*» [4, p. 114].

Среди других наиболее репрезентативных особенностей современных английских заимствований во французском языке следует в первую очередь отметить спряжение английских глаголов по французской модели спряжения глаголов первой группы (*On voudra toutes se lover dans ce gilet doudou aux couleurs de l'automne, ravissant avec un jean et des boots.; Elle adore tweeter.; A shopper vite!; Uploadez nos looks sur notre site.*) или их употребление без каких-либо изменений, даже без добавления финального -s для глаголов в первом лице единственного числа согласно правилам спряжения в английском языке (*Elle rock.; On like les deux.*); употребление глаголов или существительных в роли прилагательных (*Je suis relax!; la plus fashion*); употребление английских существительных, взятых без изменений, но с добавлением артикля (*un jean, des boots, le designer, le speaker, le boss*) [5, с. 200].

Ярким примером франгле может послужить следующий часто цитируемый диалог двух франкоговорящих служащих (курсивом в тексте выделены английские слова):

- Tu as lu la dernière *newsletter*?
- Oui, mais ça ne sera pas un *best-seller*. Ils auraient pu *brainstormer* avant!
- J'aime bien le nouveau *look* quand même.
- Oui, c'était un *must*.
- Bon, j'y *go*. Je suis en retard. On *chat* plus tard?
- Ok. [цит. по 6, p. 59.]

В то же время, в отличие от вышеназванных контактных языков, франгле не является средством межкультурной коммуникации и предназначен исключительно для «внутреннего пользования».

Так, в ответ на либерализацию рынка пассажирских авиаперевозок государственное предприятие, управляющее железными дорогами Франции, запустило сервис *OuiGo*. Идея сервиса базируется на практике авиаперевозчиков лоу-кост, предлагающих низкие цены на услуги при некоторых ограничениях комфорта (возможность взять с собой бесплатно только одно место ручного багажа ограниченных размеров, возможность только варианта он-лайн покупки билетов, карту маршрутов, пролегающих через второстепенные по значимости и загруженности вокзалы). В названии сервиса использована французская частица «oui», означающая «да» и фонетически созвучная английскому личному местоимению первого лица множественного числа «we» и английский глагол «go». Слоган описываемого сервиса также представляет собой яркий пример франгле в деловой сфере: *The low cost TGV. Trop top. Trop cool*. Подобный рекламный лозунг, составленный на франгле, направлен на создание компанией нового образа, ассоциирующегося с Америкой. Это образ успешного, динамичного и солидного предприятия. Основывается он на ассоциации, согласно которой для представителей других лингвокультур «английский язык несет на себе отпечаток прогрессивности, престижности, элитарности и эксклюзивности, ассоциируется с сытой жизнью, материальным благополучием, техническим прогрессом и успехом» [7, с. 101].

Лингвистический фактор играет особую роль в области управления и продаж. Предприятия и компании являются привилегированным местом для рождения неологизмов англо-американского происхождения. Так, запуская продажи нового мобильного телефона крупная компания связи обратилась к потенциальным покупателям с рекламным призывом «*Pokez! Taggez! Likez!*», в котором английские глаголы *to poke* (тыкать), *to tag* (добавлять), *to like* (находить приятным) использованы в повелительном наклонении, образованном по правилам грамматики французского языка. Употребление в слогане английских слов создает компании новый образ, который несет в себе ценности, знания и культуру, ассоциирующуюся с предприятием интернационального уровня.

Проанализируем словосочетание «*très show*» (дословно – «очень шоу»). В своем прямом значении существительное «*show*» в английском языке называет яркое эстрадное представление. В то же время фонетически оно созвучно французскому прилагательному «*chaud*» («горячий», в прямом и переносном смысле). В результате возникает игра слов («очень горячее шоу»), придающая выражению экспрессивность и обуславливающая его частотное использование для рекламы новых зрелищных постановок [8, р. 49]. Не менее интересным примером франгле является название французского рекламного агентства «*Label Pub*». У французского существительного «*pub*» два значения: «английский бар» и «реклама, паблисити» (сокращенная форма от существительного «*publicité*»). Английское существительное «*label*» со значением «лейбл», «этикетка», «торговая марка» в данном контексте отсылает к созвучному ему французскому прилагательному «*belle*» в значении «красивый». Как следствие, название «*Label pub*» перекликается по звучанию с «*La belle publicité*» (красивая реклама), то есть содержит остроумный и креативный подтекст, несомненно привлекающий внимание.

О распространенности и важности описываемого явления в социально-лингвистическом плане свидетельствуют факты наличия языковой игры, заключающейся в обыгрывании английских слов и выражений, особенно часто встречающихся в речи носителей французского языка:

Pour dire:	Prononcez:
<i>L'addition (= the bill)</i>	<i>Débile</i>
<i>Plus d'argent (= more money)</i>	<i>Mors mon nez</i>
<i>Nous sommes en retard (= we are late)</i>	<i>Oui, Arlette</i>
<i>Je cuisine (= I am cooking)</i>	<i>Âme coquine</i>
<i>Verre sur la table (= glass on the table)</i>	<i>Glaçone de thé beule</i>

Характерно, что приемами создания подобной игры слов пользуются не только медийные личности, например, журналисты или политики, сам этот феномен характерен не только для художественной, но и для массовой коммуникации. В данном случае, представляя собой

словесную форму комического и являясь отступлением от правил, языковая игра позволяет четче определить норму и отметить особенности, характеризующие французский язык на данном этапе его развития [9, p. 91].

Таким образом, неразрывная связь языка и культуры предопределила возникновение собственно лингвистических аспектов глобализации и новых процессов заимствования, в частности, культурно-лингвистического феномена франгле. Последний, как следует из приведенных примеров, представляет собой смешение двух языков (английского и французского) в письменной и устной речи не только на уровне лексических заимствований, но также семантических и синтаксических калек. При этом, франгле (*franglais*) не только обозначает французский язык с большим количеством английских слов и синтаксических конструкций, присущих английскому языку, а представляет собой скорее игру слов, используемую, среди прочего, в рекламных целях для привлечения внимания потенциальных клиентов в силу своей неординарности. Это особый лингвокультурный вариант, появившийся не просто в результате контакта двух языков, а как следствие намеренного синтетического образования новой формы с более глубоким содержанием.

Литература

1. Кобринец, О. К проблеме изучения франгле во французском языке / О. Кобринец // *Studia methodologica*. – Выпуск 35. – Тернополь : ТНПУ, 2013. – С. 87–94.
2. Стернин, И.А. Социальные факторы и развитие современного русского языка / И.А. Стернин // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. – Воронеж, 2000. – Вып. 2 : Язык и социальная среда – С. 4–16.
3. Кочетова, М.Г. Чинглиш и франгле: лингвокультурные антиподы / М.Г. Кочетова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2015. – № 7 (49). – С. 93–96.
4. Кирюшкина, А.А. Англицизмы в современном французском языке / А.А. Кирюшкина // *Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка : сб. научн. статей*. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – Выпуск 6. – С. 113–118.
5. Кобринец, О.С. Английские заимствования во французском языке (на материале женских журналов) / О.С. Кобринец // *Культура народов Причерноморья. Филологические науки*. – 2013. – № 254. – С. 198–202.
6. Bondrea, E. Le *franglais* et le langage managérial / E. Bondrea // *La francopolyphonie : langues et inédites : colloque international*. – 2016. – № 2. – P. 56–63.
7. Леонтович, О.А. Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию / О.А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2003. – 399 с.
8. Davidson, K. *Très Show. Creative Wordplay in Franglais* / K. Davidson // *English Today*. – 2005. – № 3 (Vol. 21) – P. 40–49.
9. Bogaards, P. *On ne parle pas franglais: la langue française face à l'anglais* / P. Bogaards. – Brussels : Boeck-Duculot, 2008. – 207 p.

Народная дэманалогія Гомельска-Бранскага памежжа (на матэрыяле фальклору Гомельскага, Добрушкага і Веткаўскага раёнаў Гомельскай вобласці)

В.С. НОВАК, А.А. КАСТРЫЦА

На багатым аўтэнтчным матэрыяле, запісаным у палявых эспедыцыях на тэрыторыі Гомельскага, Добрушкага і Веткаўскага раёнаў Гомельскай вобласці, характарызуюцца персанажы ніжэйшай міфалогіі, выяўляецца іх мясцовая спецыфіка, падкрэсліваецца паэтычнасць міфалагічнага светапогляду беларусаў.

Ключавыя словы: вобраз, народная дэманалогія, персанажы ніжэйшай міфалогіі, функцыянальнасць, народныя павер'і, спосабы засцярогі.

In the article the images of demonology are characterized, local peculiarities are analysed, the poetry of mythological outlook of Belarusian people is emphasized on rich authentic material, written in field expeditions on the territory of Gomel, Dobrush, Vetka districts.

Keywords: image, demonology, functioning, popular beliefs, ways of protecting.

Міфалагічная спадчына кожнага народа адлюстроўвае яго светапогляд, адносіны да з'яў навакольнай рэчаіснасці, штодзённы практычны вопыт, аздоблены багатай паэтычнай фантазіяй. З гэтай нагоды звесткі пра персанажаў ніжэйшай міфалогіі, зафіксаваныя на тэрыторыі Гомельскага, Добрушкага і Веткаўскага раёнаў Гомельскай вобласці, выклікаюць несумненную цікавасць як даследчыкаў традыцыйнай духоўнай культуры, так і аматараў народнай спадчыны. Засяродзім увагу на вобразах народнай дэманалогіі Гомельска-Бранскага памежжа, характарыстыку якіх будзем даваць, абапіраючыся на схему характарыстыкі персанажаў, прадстаўленую даследчыцай Л.М. Вінаградавай у манаграфіі «Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян» (М., 2000).

Адметнае месца ў сістэме персанажаў ніжэйшай міфалогіі займае вампір. Павер'і, звязаныя з гэтым вобразам народнай дэманалогіі, былі запісаны ў вёсках Даўгалессе, Рудня-Марымонава, Шчэрбаўка Гомельскага раёна. Паводле сведчанняў Абрамцавай Ніны Міканораўны, 1926 г.н., «вампіры – гэта мерцвякі, якія з магіл устаюць па начах, каб у людзей кроў сацаць» (запісана ў в. Даўгалессе Гомельскага раёна). Як адзначыла Камека Марыя Мікалаеўна, 1935 г.н., з в. Рудня-Марымонава, вампір падобны да чалавека: «Вампір – ён чалавек настаяшчы, толькі сам увесь белы, а глаза чорныя, як смоль». Адным з галоўных спосабаў засцярогі ад вампіра з'яўляецца часнок: «Ад вампіраў толькі часнок аберагае, яны яго запаху не любяць. Людзі раньшэ каля кравяці вешалі сплеченыя ў касу галоўкі часнака, тады вампір да іх не мог падысці» (запісана ў в. Даўгалессе Гомельскага раёна ад Абрамцавай Ніны Міканораўны, 1926 г.н.).

Найбольшая колькасць матэрыялаў у вёсках Гомельскага, Добрушкага і Веткаўскага раёнаў запісана па павер'ях, звязаных з вобразам ведзьмы. Сярод новых матэрыялаў пра гэты персанаж ніжэйшай міфалогіі вылучаюцца звесткі, зафіксаваныя ў вёсках Даўгалессе, Зябраўка, Старыя Цярэшкавічы Гомельскага раёна. Функцыянальнасць гэтага персанажа звязана ў асноўным са шкоднымі дзеяннямі, скіраванымі як супраць чалавека, так і жывёлы: «Яны шо-небудзь злое дзелаюць карові ці чалавеку. Калі скажаш ёй шо дрэннае, то будзеш балець усё жыццё» (запісана ў в. Даўгалессе Гомельскага раёна ад Стахоўскай Мальвіны Мікалаеўны, 1939 г.н.). Ператварэнне ведзьмы ў жывёл ці пэўныя прадметныя аб'екты – галоўны матыў міфалагічных апавяданняў, запісаных на Гомельшчыне. Напрыклад, паводле сведчанняў жыхароў в. Зябраўка Гомельскага раёна, «ведзьма прэўрашчаецца ў змяю і малако высасвала з каровы» (запісана ад Майсеенка Таццяны Міхайлаўны, 1974 г.н.); «Ведзьмаў хватае. ... І ў калясо прэўрашчаліся, і свіней» (запісана ад Арэшка Зінаіды Аляксандраўны, 1955 г.н.). Па-

водле сведчанняў жыхароў Веткаўскага раёна, «ведзьма, канешне, ёсць у кожнай вёсцы. Яна можа быць свіннёй, вужом, капой сена. Мне самой было такое: іду я з хлопцам вечарам па вуліцы, а за намі капа сена коціцца, мы хутчэй у нейкі агарод ускочылі, і капа прапала» (запісана ў г. Ветка ад Дзюньдзікавай Праскоўі Еўдакімаўны, 1920 г.н.). Як адзначылі жыхары в. Сівенка Веткаўскага раёна, у іх мясцовасці ведзьма магла ператварацца ў кошку: «Калі наша карова расцялілася, мой хазяін пайшоў падкладаць сена, дык убачыў кошку, яна хадзіла па вуглах у хляве і страшна мяўкала» (запісана ад Сіняк Ніны Лук'янаўны). Паводле сведчанняў жыхароў в. Бальшавік, «на адну жанчыну гаварылі, што ана ведзьма. На Шчодры бегла чорная кошка і ёе стукнулі па наге, і ўсю жызнь жанчына кульгала» (запісана ад Г.Д. Шкода, 1949 г.н.). Зыходзячы з успамінаў жыхароў в. Галавінцы Гомельскага раёна, «дзелаліся ведзьмы і мышамі, і катамі, і сабакамі» (запісана ад Рудзянковай Марыі Мікітаўны, 1927 г.н.).

На пытанне, як засцерагаліся ад ведзьмаў, былі атрыманы розныя адказы:

– пасыпалі адпаведнымі кветкамі падвор'е («Нада было сабраць нужные цветы, пасыпаць іх каля двара, тагда ведзьма адступіць» (запісана ў в. Брылёва Гомельскага раёна ад Гарбузавай Марыя Яўсееўны, 1929 г.н.);

– выкарыстоўвалі крыж, святую ваду і свечкі («Ведзьма баялася крыжаў, святой вады і свечак. Існавалі замовы супраць ведзьм. Ад бачання крыжа ведзьма вар'яцела, калі на яе пападалі каплі святой вады, яна скакала. Калі ламалі свечку на яе вачах, яна чырванела» (запісана ў в. Галавінцы Гомельскага раёна ад Давыдавай Таццяны Іванаўны, 1913 г.н.);

– клалі перад уваходам у хлёў барану або серп і касу і інш. («... трэба пакласці перад хлевам барану, паставіць у хлёў пасвечаную ў царкве свечку, асінавае дрэва ці павесіць там жа забітую сароку, пакласці на парозе хлява серп ці касу, абсыпаць карову пасвечаным мака» (запісана ў г. Добруш ад Брычанка Марыі Міхайлаўны, 1932 г.н.);

– «вешалі на вароты хлявоў дзядоўнік і касу» («Гэта, штоб ведзьма не пралезла ў хлёў, штоб яна магла парэзацца, а не забраць малако ў каровы» (запісана ў п. Вугал (страчаная назва вёскі) Гомельскага раёна ад Шчарбаковай Ганны Мікітаўны, 1921 г.н.);

– выкарыстоўвалі «крапіву-жыгучку» («...прыносілі етую крапіву, кідалі ў сарай, насілі ў хату, лажылі ветку за ікону. І ўжо якая яна б ведзьма ні была, нікагда к чалавеку не зайдзёт у хату» (запісана ў в. Рудня-Марымонава Гомельскага раёна ад Драбышэўскай Соф'і Трыфанаўны, 1939 г.н.) , а таксама асінавы кол («Гавораць, асінавы кол памагае» (запісана ў в. Стаўбун Веткаўскага раёна ад Грамыкі Івана Фёдаравіча, 1931 г.н.).

Значнае месца ў міфалагічнай прозе Гомельшчыны займаюць былічкі пра дамавіка, з якім, напрыклад, жыхары Гомельскага раёна звязвалі дабрабыт гаспадароў: «Шчаслівая тая хата, што мае дамавога. Для яго будавалі з дашчэчак маленькі домік, клалі туды хлеб і сыр, і ўсёй сям'ёй прасілі яго перабрацца ў новую хату» (запісана ў в. Вераб'еўка Веткаўскага раёна ад А.В. Калядава, 1930 г.н.). Як адзначылі інфарманты, «дамавік жыў у кожным доме» (запісана ў в. Зябраўка Гомельскага раёна ад Каленчукова Івана Селівестравіча, 1920 г.н.). Звернемся да характарыстыкі знешняга выгляду дамавіка, які ў розных варыянтах міфалагічных апавяданняў паўстае або ў выглядзе старога чалавека («Кажуць, што ён мае від старэнькага дзядка з сядой барадою і дліннымі сядымі валасамі. Адзеты ён у белую рубашу, падпаясаны дзядгой» (запісана ў г. Добруш ад Брычанка Марыі Міхайлаўны, 1932 г.н.) або набывае зааморфны выгляд («Вось, напрыклад, каля адной хаты якая-та сабака пасялілася. І доўга яна туды хадзіла і спала ноччу там. Гаспадарам гэтага не трэба было, яны пачалі сабаку гнаць са двара. І ў іх захварэла баба. Праз час да іх прыехала ўнучка. Яна пачала карміць сабаку, гуляць з ёй. А баба тая выправілася. Калі ўнучка ўехала, то гаспадары пачалі зноў пхаць сабаку, і зноў стала дрэнна са здароўем. Яны падмецілі гэта і паспрабавалі карміць сабаку. Тады стала ўсім хораша, гаспадарка палепшылася іхняя. Усёй вёскай вырашылі, што гэта дамавік быў» (запісана ў в. Гадзічава Гомельскага раёна ад Жукавай Галіны Мікалаеўны, 1922 г.н.). Іншы раз, як вынікае са зместу міфалагічных апавяданняў, дамавік выступае ў выглядзе ката («Бывае, сам выступае ён у целе жывёлы, часцей ката – чорнага ці трохцветнага» (запісана ў г. Добруш ад Тамашовай Марыі Данілаўны, 1927 г.н.).

Вобраз дамавіка амбівалентны, гэта істота або дапамагае, або шкодзіць: «Дамавы жыве ў хаце. Калі ён добры, так і ў хаце парадак ідзе. А калі злы, дык тады ў хаце ругань» (запісана ў в. Гардуны Добрушскага раёна ад Багамазавай Зінаіды Міхайлаўны, 1937 г.н.). У пераважнай бо-

льшасці былічак распавядаецца пра дамавіка як пра персанаж, прысутнасць якога ў хаце «засцерагае жытло ад рознай нечысці» (запісана ў в. Сівенка Веткаўскага раёна ад Сіняк Ніны Лук'янаўны). Невыпадкова, калі гаспадары перасяляліся ў новую хату, то верылі ў тое, што трэба абавязкова «драчык паставіць у вугал, каб дамавы на ім пераехаў на новае месца» (запісана ў в. Свяцілавічы Веткаўскага раёна ад Бардуковай Соф'і Аляксееўны, 1924 г.н.); «А ешчэ, когда переселяетесь в другой дом, его (домовика) нужно забрать с собой с помощью веника. Нужно поставить веник в угол, он сядет на него, и вы его перенесёте. Веник выкидывать нельзя» (запісана ў в. Урыцкае Гомельскага раёна ад Гатальскага Пятра Паўлавіча, 1952 г.н.). Як вынікае са зместу асобных міфалагічных апавяданняў, гаспадары імкнуліся ўлагодзіць дамавіка: «З тых пор я кожны дзень лажу на стол тры канфеты, вады і хлеба на ноч свайму дамавому» (запісана ў в. Жгунь Добрушкага раёна ад Алейнікавай Валянціны Леанідаўны, 1931 г.н.).

У традыцыйнай духоўнай спадчыне беларусаў вобраз русалкі сустракаецца даволі часта. Гэта дэманічная істота апісваецца інфарматарамі па-рознаму: то як прыгожая маладая дзяўчына ці жанчына («Русалка – ета маладая дзеўка з зялёнымі касамі і белым-белым целам» (запісана ў в. Чамярня Веткаўскага р-на ад Грамыка Марыі Піліпаўны, 1933 г.н.); «Русалка такая, уж такая, як жэншчына» (запісана ў г.п. Церахоўка); «Была туманнасть на воде, показалась красивая обнажённая женщина с длинными волосами. Русалка раздвигала ваду и шла. Шла и зазывала» (запісана ў в. Бальшавік Гомельскага р-на ад Г.Д. Шкода, 1949 г.н.)), то як «памерлае нехрышчоным» дзіця («Русалкі, уродзі бы, тыя народжаныя мёртвыя дзеці, нехрышчоныя дзевачкі» (запісана ў в. Брылёва Гомельскага р-на ад Гарбузавай Марыі Яўсееўны, 1929 г.н.)), то як істота з целам чалавека і «рыбіным хвостом» («Яны маюць рыбі хвост, але прыгожыя на ліцо» (Запісана ў в. Галавінцы Гомельскага р-на ад Давыдавай Таццяны Іванаўны, 1913 г.н.); «Гэта вельмі красівыя дзеўкі з дліннымі залатымі косамі і вялікімі блакітнымі вачамі. А ўместа ног у іх хвост рыбы» (запісана ў г. Гомель ад Мікалаенка Алены Уладзіміраўны, 1930 г.н.).

Жывуць гэтыя істоты, паводле народных уяўленняў жыхароў Веткаўскага, Гомельскага, Добрушкага раёнаў, у полі («Калі зацвіталі васількі і налівалася рож, мы хадзілі ў поле, цветы рваць і вяночкі плесці. І нам тады казалі, што русалка паймае нас і забярэ да сабе ў жыта» (запісана ў г. Гомель ад Міхальчанка Ніны Іванаўны, 1929 г.н.)), лесе («Мужык шел па лесу и услышал пение. Оно приближалось, и появились русалки» (запісана ў в. Бальшавік Гомельскага р-на ад Г.Д. Шкода, 1949 г.н.)), часцей вадзе («Яны жывуць у рэках, на балотах. Ноччу яны там спяць у вадзе, а днём выходзяць» (запісана ў в. Даўгалесце Гомельскага р-на ад Абрамцавай Ніны Ніканораўны, 1926 г.н.)). Яны шкодзяць людзям («Людзі казалі, што калі ўбачыш русалку, уцякай хутчэй ад таго места, бо калі русалкі ўбачаць чалавека, то абязцельна зацягнуць у ваду і ўтопяць» (запісана ў в. Макаўе ад ад Кушняровай Марыі Юр'еўны, 1939 г.н.), асабліва маладым хлопцам («Калі русалкі бачылі на беразе хлопцаў, то манілі іх ў ваду, а потым тапілі іх» (запісана ў в. Галавінцы Гомельскага р-на ад Рудзянковай М.Н., 1927 г.н.)), ствараюць розныя прыкрыя сітуацыі («Русалки так кружили, что мужик сам з ими танцевал и плясал. Только под утро ачомался. Пришел домой и карманы были напиханы конским навозом» (запісана ў в. Бальшавік Гомельскага р-на ад Г.Д. Шкода, 1949 г.н.); «Забаўляюцца, ганяюць рыбу, робяць віры, могуць спыняць рух вады» (запісана ў в. Вераб'еўка Гомельскага р-на ад А.В. Калядавай, 1930 г.н.)). Менавіта па гэтай прычыне русалак баяцца і не любяць. Аднак, паводле міфалагічных звестак, зафіксаваных ад жыхаркі в. Вераб'еўка Гомельскага р-на А.В. Калядавай, 1930 г.н., русалкі могуць і спрыяць людзям: «Калі прадчуваюць бяду, прыходзяць папярэдзіць сваіх родных».

Ад негатыўнага ўздзеяння русалак абараняліся па-рознаму: з дапамогай прадметаў-апатрапей (каб русалкі не зацянулі ў ваду, нада абязцельна, кагда купацца ідзе, штоб крэсцік надзеты быў» (запісана ў в. Даўгалесце Гомельскага р-на ад Абрамцавай Ніны Ніканораўны, 1926 г.н.), магільных дзеянняў і выканання забарон («Каб не папасць пад іх вліянне, не нада глядзець русалкам у вочы» (запісана ў в. Тарасаўка Веткаўскага р-на ад Саўчанка Любові Іванаўны, 1934 г.н.); «Іх трэба баяцца, не хадзіць начамамі па лесу і к лясному возеру» (запісана ў в. Рудня-Марымонава Гомельскага р-на ад Камека Марыі Мікалаеўны, 1935 г.н.)).

Не менш цікавым персанажам, звязаным са стыхіяй вады, з'яўляецца вадзянік. Паводле ўяўленняў жыхароў Веткаўскага, Гомельскага, Добрушкага раёнаў, гэта «...стары дзед з

доўгай барадою» (запісана ў в. Палянаўка Веткаўскага р-на ад Е.С. Целяпнёвай, 1931 г.н., Валасянкінай А.І., 1921 г.н.), «дзед маленькага роста з сінімі ці зялёнымі валасамі і абязцельна з дліннюшчай барадой» (запісана ў в. Чарацянка Добрушкага р-на ад Лукомскай Кацярыны Фёдараўны, 1915 г.н.), «... дзядок, пакрыты водарасцямі» (запісана ў в. Карма Добрушкага р-на ад Сакаловай Алены Ізотаўны, 1917 г.н.), «...пахож на старога сільно з галавы, цела бліскучае, валасы – ціна» (запісана ў г. Добруш ад Л.Е. Лысоўскай, 1910 г.н.).

«Любімымі» месцамі вадзяніка нашы інфарматы называлі месцы, небяспечныя для чалавека: рэчкі, азёры («... жыве на рэчцы, у возеры бывае. Крыніц не любя» (запісана ў в. Стаўбун Веткаўскага р-на Гомельскай вобл.); «Заўсёды ён знаходзіцца часткі возера або ракі» (запісана ў в. Заліп'е Гомельскага р-на ад Жосткай Вольгі Іванаўны, 1932 г.н.), балоты («Жывёт на балоце» (запісана ў в. Бальшавік Гомельскага р-на ад Г.Д. Шкода, 1949 г.н.).

Функцыі, якімі надзяляюць вадзяніка ў народзе, хутчэй шкаданосныя. Так, гэта дэманічная істота «падманвае людзей і зацягвае ў балота, а потым топіць іх» (запісана ў в. Жгунь Добрушкага р-на), «можа зацянуць чалавека ў самае глыбокае месца і аставіць яго ў сябе як палоннага. Гэтыя людзі ніколі не вяртаюцца назад жывымі. Яшчэ вадзянік з'яўляецца галоўным сярод іншай вадзяной нечысці, сярод якіх слугі омутнік, русалка і іншыя» (запісана ў в. Заліп'е Гомельскага р-на ад Жосткай Вольгі Іванаўны, 1932 г.н.).

Сустрэкаюцца запісы, у якіх гаворыцца аб «выбіральных» адносінах людзей да вадзяніка, у тым ліку, у залежнасці ад паводзін апошніх: «Лічылі, што ён шкодзіць толькі дрэнным, злым людзям» (запісана ў в. Вераб'ёўка Гомельскага р-на ад А.В. Калядава, 1930 г.н.); «Ён бывае і злы, і добры. Як хорашэ сябе вядзе, то і рыбка паймаеш і пакажа, дзе растуць вадзяныя арэхі» (запісана ў в. Рудня-Марымонава Гомельскага р-на ад Камека Марыі Мікалаеўны, 1935 г.н.); «Вадзяны дапамагае рыбакам лавіць рыбу, заганяе яе ў сець» (запісана ў в. Галавінцы Гомельскага р-на ад Давыдавай Таццяны Іванаўны, 1913 г.н.).

Зафіксаваныя ў палявых экспедыцыях матэрыялы па персанажах ніжэйшай міфалогіі, у прыватнасці пра вадзяніка, ілюструюць адметнасці архаічнага светапогляду, багацце народнай фантазіі і паэтычнасць мыслення, спрадвечную мудрасць і ўстойлівасць маральна-этычных правіл і прадпісанняў нашых продкаў.

Вобраз хлёўніка ў матэрыялах, зафіксаваных у вёсках Гомельскага, Добрушкага і Веткаўскага раёнаў, сустракаецца не вельмі часта, пры гэтым па функцыянальнай прызначанасці інфарматы часта набліжаюць яго да вобраза дамавіка: «Хлёўнік –эта тое самае, што і дамавік» (запісана ў в. Тарасаўка Веткаўскага р-на ад Саўчанка Любові Міхайлаўны, 1934 г.н.); «Ад бабулькі я даведаўся, што хлёўнік – гэта дамавік, але ж добра даглядае жывёлу» (запісана ў г. Добруш ад Лысоўскай Лізаветы Еўклідаўны, 1910 г.н.); «У дамавіка ёсць младшы брат. Хлёўнік яго завуць» (запісана ў в. Міхалькі Гомельскага р-на ад Абрамцавай Марыі Малахаўны, 1932 г.н.).

Выглядае хлёўнік, паводле ўяўленняў мясцовых жыхароў, як «чалавечак невялікага росту, які жыве ў хляве» (запісана ў в. Пакалюбічы Гомельскага р-на ад Тукуновай Наталлі Прохараўны, 1957 г.н. (раней пражывала ў в. Ламавічы Акцябрскага р-на)) або дамавік, «тожа стары, але адзежа ў яго не белая, а цёмная, штоб не так вымазвалася» (запісана ў в. Міхалькі Гомельскага р-на ад Абрамцавай Марыі Малахаўны, 1932 г.н.).

Іншым часам, як сведчаць фактычныя запісы, хлёўнік набываў рысы персанажа жаночага полу і называўся «сарайчыха»: «А ў нас яе сарайчыхай называюць» (запісана ў в. Стаўбун Веткаўскага раёна ад Чарнабаевай Марыі Варфаламееўны, 1922 г.н.).

У некаторых вёсках уяўляўся «катор, лісой, вужом» (в. Барталамееўка Веткаўскага р-на), ластаўкай («Хлёўнікам завуць ластаўку. Калі ў сарай ластаўка прыляцела да каровы, карова пачынае пацець і хварэць» (запісана ў в. Карма Добрушкага р-на ад Пузікавай Марыі Антоўны, 1929 г.н.)), «цялёнкам» («...а там цялёнак каля двара бегает»), «маленькім, беленькім, пушыстым камочкам» (запісана ў в. Барталамееўка Веткаўскага р-на ад Кавалёвай Веры Сцяпанаўны, 1946 г.н.).

Інфарматы апісваюць хлёўніка то як добрага, спрыяльнага персанажа («Хлёўнік абараняў жывёлу ад вароў, хваробы, звяроў. На ранняй зары будзіў пеўніка, каб той у свой час і гаспадароў будзіў на працу» (запісана ў г. Добруш ад Лысоўскай Лізаветы Еўклідаўны, 1910 г.н.); «Ён жыве ў хляве і даглядае за дамашняй жывёлай: свіннямі, каровамі. Конямі. Любіць часаць коням грыву і заплятаць касу» (запісана ў в. Міхалькі Гомельскага р-на ад

Абрамцавай Марыі Малахаўны, 1932 г.н.)), то як шкоднага, злога, які псаваў жывёлу («Мне мама гаварыла. Што ён у нас был, ганял кароў па хлеве» (запісана ў в. Пакалюбічы Гомельскага р-на ад Такуновай Марыі Іванаўны, 1949 г.н.); «Чую, карова мычыць не сваім матам, прыйшла, а яна ўся мокрая ад поту, і нешта спрыгнула з яе, шусь – і няма» (запісана ў в. Барталамееўка Веткаўскага р-на ад Кавалёвай Веры Сцяпанаўны, 1946 г.н.)).

Мяняўся настрой хлеўніка ў залежнасці ад таго, як гаспадары выконвалі свае абавязкі: захоўвалі парадак у хляве – спрыяў, пакідалі бруд – шкодзіў: «Калі ў сараі мурзата, навоз даўно не чысцяць, так яна тады як разабідзіцца, і пачынае карова, то свінка, то курка балець» (запісана ў в. Стаўбун Веткаўскага раёна ад Чарнабаевай Марыі Варфаламееўне, 1922 г.н.), «Глядзіць, каб усё было добра, каб за жывёлай добра ўхажывалі хазяева. Калі ўсё добра, зла людзям не дзелае» (запісана ў в. Міхалькі Гомельскага р-на ад Абрамцавай Марыі Малахаўны, 1932 г.н.)).

Абараняліся ад негатыўнага ўздзеяння хлеўніка пры дапамозе «казінай шкуры» («Трэба павесіць казіную шкуру, штоб карова не пацела. Бо ластаўка (заўвага ластаўка – хлеўнік) баіцца казінай шкуры (запісана ў в. Карма Добрушкага р-на ад Пузікавай Марыі Антонаўны, 1929 г.н.), вады, хлеба і ікон («Бралі вядро вады і разлівалі яго па чатырох вуглах, клалі кусок хлеба на белую трапачку, ставілі іконы» (запісана ў в. Карма Добрушкага р-на ад Сакаловай Алены Ізотаўны, 1917 г.н.)), стрэчанскай свечкі і забітай сарокі («Каб абараніць жывёлу ад хлеўніка, трэба вакол жывёлы пахадзіць са стрэчанскай свечкай. У такім выпадку ён не ўвойдзе ў хлеб, бо будзе баяцца. Неабходна было падвешваць на варотах хлява забітую сароку, бо гэта атрапей ад уздзеяння нячыстай сілы» (запісана ў п. Бальшавік Гомельскага р-на ад Логвінавай Марыі Мікалаеўны, 1924 г.н.); «Хлеўнік баіцца сарокі. Трэба яе павесіць над дзвярмі канюшні» (запісана ў г. Добруш ад Брычанка Марыі Міхайлаўны, 1932 г.н.); «Збаўлення ад яго амаль няма. Але нашы бацькі ўсё ж пакінулі адзін спосаб. Каб выжыць гэтага нячысціка, забітую сароку вешалі на дзвярах у сараі» (запісана ў в. Шэйка Веткаўскага р-на ад Рослікавай Ніны Канстанцінаўны, 1930 г.н.) і інш.

Такім чынам, запісы міфалагічных звестак пра хлеўніка даюць падставы сцвярджаць, што гэты персанаж – дух-апякун хлява і свойскай жывёлы, якая там знаходзіцца, ён набывае ў народных уяўленнях заморфны і антрапаморфны выгляд, адрозніваецца амбівалентнасцю ў паводзінах да гаспадароў і іх жывёлы.

Цікавым персанажам ніжэйшай міфалогіі беларусаў з'яўляецца таксама лазнік (баннік) – «маленькі дзядок, заўсёды чысты» (запісана ў в. Палянаўка Веткаўскага р-на ад Е.С. Целяпнёвай, 1931 г.н., Валасянкінай А.І., 1921 г.н.), «чалавечак, які жыве ў лазні» (запісана ў в. Пакалюбічы Гомельскага р-на ад Тукуновай Наталлі Прохараўны, 1957 г.н. (раней пражывала ў в. Ламавічы Акцябрскага р-на), «голы стары дзед невысокага росту, з барадой, вялікімі рукамі» (запісана ў г. Добруш ад Брычанка Марыі Міхайлаўны, 1932 г.н.)). Жыхарка в. Новыя Грамыкі Веткаўскага р-на Грамыка Марыя Піліпаўна, 1933 г.н., апісвае яго як «невысокага дзядка. Скура ў яго чырванаватая, мабыць таму, што ён любіць парыцца». Сустрэкаюцца запісы, у якіх лазнік – гэта жаночы вобраз, які выконвае функцыі пакарання за нядобрыя паводзіны і непрыстойны выгляд: «Аднаго разу мой дзед пайшоў у лазні парыцца п'яным, потым сам гэтаму быў не рад. Расказаў, што як пачаў мыцца, то з'явілася нейкая жанчына з крыху зеленаватымі косамі. Яна схавала дзеда і выкінула яго ў прыдбаннік. У дзеда аж валасы дыбам сталі» (запісана ў в. Шэйка Веткаўскага р-на ад Рослікавай Ніны Канстанцінаўны, 1930 г.н.) і інш.

Гэта таксама, як і некаторыя іншыя, амбівалентны персанаж, які надзяляецца як станоўчымі, так і адмоўнымі рысамі: «Лазнік можа быць добры і злы. Ён вельмі хутка крыўдзіцца на чалавека і можа нарабіць яму шмат гора» (запісана ў в. Пакалюбічы Гомельскага р-на ад Тукуновай Наталлі Прохараўны, 1957 г.н. (раней пражывала ў в. Ламавічы Акцябрскага р-на); «Гаварылі, што калі маленькага дзіцёнка аднаго кінеш у бані, то ён яго да сябе забярэ» (запісана ў в. Стаўбун Веткаўскага р-на ад Т.А. Грамадцовай, 1948 г.н.). Вось як распавядае пра лазніка ўрадженка в. Грабаўка Масквіна Неаніла Аляксандраўна, 1933 г.н.): «А лазнік у мяне свой быў. У нас лазня метраў за восем ад хаты. Яна нядаўна пастроена, но лазнік там сразу быў. Пад палком. Там месца цёмнае. Ево так не відна, але я чула, і бацька чуў. Вечарам позна шаласцеў венікамі. Гавораць, он злой павінен быць, а ў мяне ні добры, ні злы. Так проста сядзіць, мыецца калі-нікалі. Бывае, вада расплэскана. І ўсё».

Лазніка, які вельмі любіць чысціню і мыццё («Лазнік любіць парыцца і мыцца» (запісана ў г. Добруш ад Брычанка Марыі Міхайлаўны, 1932 г.н.)), імкнуліся задобрыць, каб ён спрыяў гаспадарам і не пакідаў іх лазню, а таму трымалі пабудову ў чысціні («Нашы суседзі ніколі за лазняй не даглядалі. Нават мыліся на брудных полках. Мабыць таму лазнік і пакінуў іх, а лазня, можа, праз год разбурылася» (запісана ў в. Новыя Грамыкі Веткаўскага р-на ад Грамыка Марыі Піліпаўны, 1933 г.н.)) і пакідалі яму ў лазні рэчы, звязаныя з працэсам мыцця («Вельмі любіць мыцца. Мы ў нашай бані заўсёды пакідаем вадку, кусок мыла і мачалку. Яму тожа памыцца нада» (запісана ў в. Палянаўка Веткаўскага р-на ад Е.С. Целяпнёвай, 1931 г.н., А.І. Валасянкінай, 1921 г.н.)).

Лазнік, паводле народных уяўленняў, можа не толькі шкодзіць неахайным гаспадарам, але і тым, хто застаецца ў лазні пасля поўначы: «Мыецца ён пасля поўначы, і таму не любіць, каб хто-небудзь заставаўся да гэтага часу ў лазні. Калі хто застанецца так доўга, то лазнік можа забіць яго камянямі з пячы» (запісана ў г. Добруш ад Брычанка Марыі Міхайлаўны, 1932 г.н.); «Ён небяспечны для людзей: не любіць п'яных, калі мыюцца пасля апоўначы, можа і задушыць» (запісана ў г. Гомель ад Драбышэўскай Надзеі Іванаўны, 1928 г.н.).

Спосабаў абароны ад лазніка, акрамя забароны на наведванне лазні пасля дванаццаці гадзін ночы, інфарматыры не згадвалі: «Лазнік не баіцца ні крыжа, ні малітвы» (запісана ў п. Бальшавік ад Логвінавай Марыі Мікалаеўны, 1924 г.н.).

Прааналізаваны матэрыял дае падставы сцвярджаць, што, паводле ўяўленняў жыхароў Гомельскага, Добрушскага і Веткаўскага раёнаў, лазнік – небяспечны дух, які «прымушае» людзей захоўваць чысціню ў сваёй пабудове, не пераносіць п'яных, таму карае іх, любіць мыцца і парыцца пасля апоўначы, таму ў гэты час людзей там быць не павінна, аднак пры гэтым яны павінны забяспечыць духа чысціні ўсім неабходным: вадой, венікам, мылам, мачалкай і да т. п. Адзначым, што, нягледзячы на некаторую негатывную афарбоўку гэтага персанажа ў народных вераваннях, ён па сваіх функцыянальных характарыстыках (захаванне чысціні, барацьба з п'янствам, забарона на парушэнне рэжыму дня) персанаж хутчэй станоўчы. Напэўна, менавіта таму звестак пра спосабы барацьбы з ім не зафіксавана.

Даследчык У.А. Васілевіч, прааналізаваўшы фактычныя матэрыялы па такой міфалагічнай істоце, як кікімара, адзначае, што гэта «юныя міфічныя істоты выключна жаночага роду, што жывуць па сядзібах. Сваё паходжанне бяруць ад дзяўчатак, якія былі загубленыя да хрышчэння, або ад дачок, праклятых маткаю яшчэ ў чэраве» [1, с. 245]. Прыведзены тэзіс пацвярджаецца фактычнымі матэрыяламі, запісанымі ў г. Добруш: «Кікімары паяўляюцца ў той сям'і, дзе праізашло ўбійства дзіцяці, пракляцце ці другі цяжкі грэх» (запісана ад Брычанка Марыі Міхайлаўны, 1932 г.н.).

Паводле сведчанняў адных інфармантаў, кікімара – гэта «маленькая жанчынка, смешная. Нос у яе, як пяточок, дліжны, валасы гразныя, аж дыбам стаяць» (запісана ў в. Палянаўка Веткаўскага р-на ад А.І. Валасянкінай, 1921 г.н.). Зыходзячы з назіранняў іншых інфармантаў, уяўленні пра знешні выгляд гэтай істоты невыразныя: «Сяжу я неяк у суседкі ў гасцях, а тут аж раптам нешта прабегла: маленькае такое, скручанае, страшнае. Я так спужалася. А саседка сказала, што эта кікімара злыднічае» (запісана ў п. Чамярня Веткаўскага р-на ад Грамыка Марыі Піліпаўны, 1933 г.н.); «Блізка я ету кікімару не відзеў, але раз бачыў, што штосьці шуснула міма мяне. Яно было пахожа на нейкі туман. Эта мне ўжо патом казалі, што то была кікімара» (запісана ў в. Шэйка Веткаўскага р-на ад Рослікава Івана Дзмітрыевіча, 1930 г.н.).

Зыходзячы з палявых экспедыцыйных матэрыялаў, запісаных у вёсках Веткаўскага раёна, кікімара паўстае злоснай істотай, якая «зло насміхаецца над чалавекам» (запісана ў в. Тарасаўка Веткаўскага р-на ад Саўчанка Любові Іванаўны, 1934 г.н.), «дзелае абы-што» (запісана ў в. Палянаўка Веткаўскага р-на ад Е.С. Целяпнёвай, 1931 г.н.). Паводле сведчанняў жыхароў г. Добруш, «кікімары па начах стукаюць па сценах, непакоюць малых дзяцей, па хаце раскідваюць рэчы, ламаюць мебель, хочуць выжыць чалавека» (запісана ад Брычанка Марыі Міхайлаўны, 1932 г.н.).

У розных варыянтах міфалагічных апавяданняў знайшлі адлюстраванне самыя розныя спосабы засцярогі ад звышнатуральнага ўздзеяння кікімары: выкарыстоўвалі «загавораны хлеб» («Трэба ўзяці хлеба мякіш, пашаптаць над ім ды палажыць пад печ, дзе жыве кікімара, а потым сказаць: “Я – табе хлеб, а ты мне – супакой, я – табе ежу, а ты – мне пакой”») – запісана

ў в. Глыбаўка Веткаўскага р-на ад Яфрэмавай Таццяны Антонаўны, 1938 г.н.); чыталі малітвы («Каб засцяргчыся ад кікімары, трэба было чытаць малітвы, іспользаваць абярэгі» – запісана ў в. Насовічы Добрушкага р-на ад Фамічовай Аляксандры Яфімаўны, 1939 г.н.).

Прааналізаваныя аўтэнтычныя матэрыялы па персанажах ніжэйшай міфалогіі раскрываюць светапогляд жыхароў Гомельска-Бранскага памежжа, сведчаць аб паэтычнасці мыслення беларусаў, пацвярджаюць факт добрай захаванасці ў народнай памяці вераванняў, звязаных з вобразамі народнай дэманалогіі.

У артыкуле выкарыстаны фактычны матэрыял архіва навукова-вучэбнай фальклорнай лабараторыі УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»

Літаратура

1. Беларуская міфалогія : энцыклапед. слоўн. / С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч. – 2-ое выд., дап. – Мн. : Беларусь, 2006. – 599 с.
2. Левкиевская, Е. Мифы русского народа / Е. Левкиевская. – М. : Астрель : АСТ, 2005. – 526 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 07.04.2018

Канцэпт лёс у паэзіі Уладзіміра Караткевіча

Д.Д. ПАЎЛАВЕЦ, А.Д. ПАЎЛАВЕЦ

Мэта артыкула – прааналізаваць асаблівасці ўжывання канцэпта лёс у індывідуальна-аўтарскім разуменні і яго адлюстраванні ў нацыянальнай канцэптасферы. Паказваецца, якія асацыяцыі названага канцэпта ўласцівы для аўтараў розных слоўнікаў беларускай мовы, што семантычны абсяг «лёсу» даволі шырокі і шматзначны. Даводзіцца, што ў ягоных межах апынуліся іншыя канцэпты, злучаныя з ім і адзін з другім, якія патрапілі ў поле ягонага прыцягнення. Гэты відавочна найгалоўнейшы канцэпт утварае шмат новых сэнсаў, выясняе і адкрывае новае светабачанне ў творах У. Караткевіча. Пры гэтым і сам канцэпт развіваецца, мяняюцца яго межы, паняццевы аб'ём, нават сэнс, які нярэдка звязаны з аўтарскім светаадчуваннем, лёсам лірычнага героя.

Ключавыя словы: канцэпт, лёс, нацыянальная канцэптасфера, агульнаўжывальны сэнс, індывідуальна-аўтарскае светаадчуванне, дамінанта лёсу, лірычны герой.

Purpose of the article is to analyze the features of the application of the concept of fate in the individual author's understanding and its reflection in the national conceptual sphere. It is shown what associations of the concept are inherent in the Belarusian language dictionaries of various authors, and that the semantic range of «destiny» is quite broad and multi-valued. It is shown, that within it there were other concepts associated with it and with each other, which fell within the field of gravity. This clearly important concept forms a lot of new meanings. This concept finds out and opens up a new world in the works of U. Karatkevich. At the same time the concept itself evolves, changing its boundaries, the conceptual scope and even the meaning, which is often associated with the author's attitude to the world and the fate of the lyrical hero.

Keywords: concept, destiny, national conceptual sphere, common usage, individual author's world view, dominant fate, lyrical hero.

Сярод канстантаў беларускай моўнай карціны свету вылучаецца канцэпт *лёс*, які выступае рэтранслятарам нацыянальнай культуры, вызначае шкалу каштоўнасцей, светапоглядныя адметнасці нашага этнасу, выконвае вялікую ролю ў адлюстраванні нацыянальнай канцэптасферы. З яго дапамогай выражаюцца паняцці, значныя для ўсіх людзей: доля, шчасце, наканаванне, будучыня ды іншыя. У беларускай мове лексема *лёс* з'явілася вельмі даўно, дзесьці ў канцы 15 ст., яна фіксуецца ў помніках пачатку 16 ст. [1, сс. 7, 41, 42]. Такім чынам, *лёс* адносіцца да ліку старажытных і важных для нашай культуры слоў, якое, нягледзячы на змены ў жыцці грамадства і чалавека, не знікае з культурнай прасторы. У нашым артыкуле мадэль дадзенага канцэпта разглядаецца на падставе лексікаграфічных крыніц, што дае магчымасць убачыць яго асаблівасці, значэнні найбольш частотных лексем, а таксама ў індывідуальна-аўтарскім, паэтычным ужытку. Аналіз слоўнікаў [2]–[6] дазволіў выдзеліць нам такія лексемны і ў агульнамоўным, і ў індывідуальна-аўтарскім ужыванні, як: *доля, жыццё, жэрабя, зорка, будучыня, шчасце, наканаванне, удзел, кон, планіда, рок, фатум, фартуна*. Кампанент *лёс* прысутнічае ў тлумачэнні ўсіх гэтых слоў, выконваючы функцыю базавай, зыходнай адзінкі.

Апошнім часам у навуковых колах не слабне, а нарастае цікавасць да канцэпталогіі і канцэпту. Пра гэта сведчыць шмат даследаванняў, прысвечаных дадзенай праблеме, якія ахопліваюць кагнітыўную лінгвістыку, псіхалінгвістыку, лінгвакультуралогію, літаратуразнаўства і іншыя навукі. Гэта пацвярджае думку пра актуальнасць і навуковую значнасць акрэсленага аспекту. «Канцэпт – гэта важная інфармацыя, якая захоўваецца ў індывідуальнай або калектыўнай памяці і валодае пэўнай каштоўнасцю, гэта перажываная інфармацыя» [7, с. 128]. Таму зварот да таго або іншага канцэпта прадукцыйны і павучальны. Праўда, пры гэтым неабходна памятаць, што «кожная высокаразвітая мова мае шэраг слоў, акружаных глыбокай таямніцаю: лёс, рок, выпадак (здарэнне), прадвызначэнне. Ніводная гіпотэза, ніводная навука ніколі не зможа дакрануцца да таго, што мы адчуваем, калі заглыбімся ў сэнс і гучанне гэтых слоў. Гэта – сімвалы, але не паняцці» [8, с. 273]. Як і ў культурах іншых народаў, канцэпт 'лёс', бадай, адзін з найгалоўнейшых канцэптаў беларускай культуры. Мусім зазначыць, што названы канцэпт прыцягваў і прыцягвае ўвагу

даследчыкаў розных краін і розных галін ведаў, якія разглядаюць яго з лінгвакультуралагічнага і філасофскага бакоў, вызначаюць яго месца ў нацыянальнай моўнай карціне свету. Сапраўды, лёс – гэта найгалоўнейшая катэгорыя свядомасці, пры дапамозе якой будуюцца канцэптualная карціна свету народа. Лёсам валодаюць усе: людзі, рэчы, з’явы, падзеі. У Тлумачальным слоўніку беларускай мовы за лексемай лёс першым замацавана значэнне хады падзей, якія складваюцца незалежна ад волі чалавека; збег акалічнасцей. Такім чынам падкрэсліваецца яго звышнатуральнае паходжанне. Па-другое, лёс – гэта доля; па-трэцяе, – развіццё чаго-н.; далейшае існаванне, будучыня [3, с. 41].

Аўтары «Беларускай энцыклапедыі» ў сваю чаргу сцвярджаюць, што «лёс, у міфалогіі, ірацыяналістычных філасофскіх сістэмах, паўсядзённым усведамленні незразумелая, недаступная розуму, загадкавая прадвызначанасць падзей і ўчынкаў... у звычайным жыцці лёс азначае долю, жыццёвы шлях, збег абставін» [3, с. 231]. Як бачна, тут лёс інтэрпрэтуецца найперш як абстрактнае паняцце, як дзеянне звышразумовае, неспазнанае, таямнічае, як вобраз цёмнага пачатку, затым як нешта лагічна не вытлумачальнае, вышэйшае за інтэлект, нейкая несвабода, вынік учынкаў чалавека, нарэшце, як жыццё, збег абставін.

«Міфалагічны слоўнік» разглядае лёс як «“персаніфікацыю незалежнага ад волі чалавека ходу падзей, вырашальны збег акалічнасцяў, долю”...”можна меркаваць, што архаічны спосаб “сляпога” выбару-кідання, цягання, вылічэння, выбірання лёсаў (жараб’ёўка) і бачанне ў гэтым працэсе грознай праявы нейкіх надпрыродных сіл спрадзіла ўяўленне пра лёс як прадвызначанасць, долю, наканаванасць» [4, с. 288–289]. Такім чынам, з прыведзенага вышэй можна канстатаваць, што лёс – гэта нешта непазбежнае, прадвызначанае, недаступнае розуму і волі чалавека, загадкавае.

Не заглыбляючыся ў сэнсава-філасофскую напauняльнасць адзінкі, лексіколагі выбудуваюць сінанімічныя рады, дамінантай якіх выступае *лёс*. Так, М.К. Клышка змяшчае ў гэты сінанімічны рад семы доля, жыццё, наканаванасць, наканаванне (разм.); планіда, зорка, латарэя, кон (перан.); жытка (разм.) [5, с. 166]. С.М. Шведаў у адным шэрагу з лёсам ставіць словы фартуна, фатум, боская воля (царк.), доля, будучыня [6, с. 192]. На жаль, беларусы дагэтуль не маюць нацыянальнага філасофскага слоўніка, таму цяжка гаварыць, што ўкладваюць у паняцце лёс айчынныя філосафы.

Такім чынам, дадзеныя слоўнікаў дазваляюць сцвярджаць, што канцэпт «лёс» асацыіруецца ў свядомасці носьбітаў беларускай мовы з іншымі канцэптамі, матываванымі сіламі лёсу. Слоўнікавыя дэфініцыі паняцця «лёс» сведчаць пра неадназначнасць яго разумення носьбітамі мовы, што абумоўлена найперш яго эміпірычным характарам. Важна тое, што ў канцэпце *лёс* падкрэсліваецца момант прынцыповай незалежнасці волі чалавека ад яго пазіцыі ў адносінах да жыццёвых абставін і непазнавальнасці дэтэрмінавальных сіл лёсу, якія нараджаюць боязь, жах, яго наступствы. Лёс неаадольны, таму што ён успрымаецца нашымі продкамі як бязлітасны, жорсткі або спагадлівы, зайздросны.

Звернемся да гэтага, аднаго з найбольш значных і складаных канцэптаў нацыянальнай моўнай карціны свету і прааналізуем яго ў аўтарскай (караткевічаўскай) і народнай канцэптасферы беларускай мовы, памятаючы пра тое, што «ідэя лёсу патрабуе жыццёвага досведу, а не навуковага вопыту, сілы сузірання, а не калькуляцыі, глыбіні, а не розуму» [8, с. 273].

У. Караткевіч, аддаючы перавагу лексеме *лёс*, выкарыстоўвае яе як у ідэнтыфікуючай, так і ў ацэнчнай, метафарычнай функцыі. Даволі часта канцэпт *лёс* у паэзіі У. Караткевіча знітаваны з каханнем. Зрэшты, гэта зразумела: каханне ёсць кніга душы, багатая на эмоцыі, пачуцці, незвычайныя павароткі. Лірычна-інтымным настроем прасякнуты радкі аднаго з першых вершаў «Зімняя элегія», у якім, мусіць, згадваючы пра сваё студэнцкае каханне, ён малюе прывабны вобраз сваёй дзяўчыны, пра якую піша:

Былі ў яе нябачаныя вочы,
Падобныя на просінь у нябёс,
І сарамлівасць мілая, дзявочая,
І светлая была, як светлы лёс [9, с. 48].

Каб вылучыць дзявочую чысціню, цнатлівасць, нясмеласць, паэт выкарыстоўвае эпітэт *светлы*, аб’ядноўваючы лёс у адно цэлае з дзявочай, светлай сарамлівасцю, просінню нябёс.

У вершы «Я іду лугавою дарогай...» У. Караткевіч параўноўвае лёс з «лугавою дарогай, пакручастай і цёмнай». Алюзія лёсу з дарогай заснавана на народных уяўленнях пра тое, што дарога ўвасабляе сувязь са светам памерлых, прадказвае штосьці нечаканае:

Я іду лугавою дарогай,
Пакручастай і цёмнай, як лёс (с. 164).

У вершы «Песня колаў» лёс – гэта адначасова нешта пагрозлівае, папераджальнае і штосьці не вельмі прыемнае з недалёкага мінулага:

Ноч, як лёс, дамам пагражае
Цёмнай злівай, слатой, тугой.
У неба іскры ўзлятаюць, як слёзы,
І, калі мой цягнік закрычыць,
Застаешся ты з ноччу і з лёсам
На чужым, непатрэбным плячы (с. 170).

Семантыка-сіntaxічная дамінанта лёсу тут актуалізуецца з дапамогай назоўнікаў *зліва*, *слата*, *туга*. Гэта расчараванне, абумоўленае разрывам з каханай, якая пайшла да другога. Можна сказаць, што У. Караткевіч тонка бачыць побытавыя сцэны, умее схапіць саму сутнасць жыццёвага ўладкавання.

У вершы «О вясна! Таполі! Свеце мілы!...», прысвечаным былому каханню, ён звяртаецца да выразу *жыць у залатой клетцы*, які звычайна ўжываецца ў дачыненні да жанчыны, якая прамяняла каханне да «маладога звонкага шпака» на багацце, абрала жыццё ў залатой клетцы, не маючы волі, свабоды. Кожнай жанчыне, якая любіць грошы і шыкоўнае багатае жыццё, здаецца, што «залатая клетка» – гэта і ёсць шчасце. Аднак што гэта такое на самой справе «залатая клетка»? Гэта клетка для птушкі, якую кормяць і пяць, але на свабоду не выпускаюць. Дык хіба магчыма шчасце ў такой, хоць і залатой, клетцы? Тут паэт глядзіць на свет вачыма народа, тым поглядам, які накіроўваецца калектыўным уяўленнем, адлюстраваным у наступных народных выслоўях: *Лепш на волі на голай ветцы, чым у няволі ў залатой клетцы. Лепш на свабодзе ў каморцы, чым у няволі ў залатой клетцы.* (Прынамсі, пазней, быццам доўжачы гэтую думку, вуснамі адной з гераінь «Каласоў...», У. Караткевіч сцвердзіць: *Жаночы лёс аднолькавы і ў пані, і ў прыгоннай*).

Няма ў душы маёй праклёнаў,
Няма на вях цяжкіх слёз...
Заставайся ў клетцы залачнай,
Ты сама абрала гэты лёс (с. 177).

Заўважце, паэт пры гэтым паводзіць сябе па-шляхетнаму: не наракае на зроблены дзяўчынай выбар, не раскрываючы патаемную прычыну яе ўчынку. Адначасова ён не шкадуе пшчотных слоў, называючы яе «мой забыты, мой апошні светач», і з недаўменнем пытаецца: «Як магла застацца ты ў кайданах?» Ён падкрэслівае, што залатая клетка – гэта нявольніцкія кайданы. Лірычны герой не разумее, чаму гераіня адмовілася «ад палян, дзе месяц закаханы песні “сноў” блакітныя ўзрасціў?» Тут каханне «раскрываецца ва ўзнёслым пакланенні і абагаўленні каханай, рамантычным услаўленні лучнасці закаханых сэрцаў, іх вернасці. Лірычны герой паэта звездаў не толькі шчасце. Але пакуты каханья, аднак ён ніколі не здольны праклясці гэтае пачуццё, тую жанчыну, што прынесла душэўны боль і мукі. Наадварот, шчыра даруе і нават моліцца за яе каханне» [10, с. 189].

З тэмай каханья звязаны сэнс канцэпту *лёс* і ў вершы «Я чакаў цябе тысячу год...». Аўтару здаецца, што здзейснілася ягоная тысячагадовая мара: яна [каханая] прыйшла, але ў яе вачах застылі «холад і лёд», а «сэрца – непрыступная скала». Аднак гэта не бянтэжыць паэта, ён з цвёрдай перакананасцю даводзіць:

Растаплю я твае снягі,
А іначай – лёс, як свінец,
Сконы радасці і тугі,
І канец. Сапраўды... канец (с. 202).

Як падаецца, Краткевіч наўмысна параўноўвае лёс са свінцом, бо добра ведае, што свінец – таксічны метал, у выніку выкарыстання якога забруджваецца навакольнае асяроддзе. Ён шкодна ўздзейнічае на разнастайныя сістэмы чалавечага арганізма і спрыяе пагаршэнню здароўя

людзей, становіцца прычынай смерці. Сведкамі таго, што гэта так, мы сталі пасля катастрофы на Чарнобыльскай АЭС, вынікі наступстваў якой будуць яшчэ доўга спадарожнічаць насельнікам Беларусі. Не выпадкова ў гэтых радках *лёс-свінец* – пахавальнік радасці і тугі, прычына смерці.

Па меры таго як яго паэзія становіцца ўсё больш і больш спелай, У. Караткевіч грунтуецца на тым, што існуюць не толькі асобасныя, а звышасобасныя, надасобасныя ўзаемазвязы, што ёсць род і народ, радзіма і маці, каханая і каханы. Гэтыя ўзаемныя, узаемазалежнасць становяцца ўсё шырэйшымі. Прыкладам таму сацыяльна-грамадскае, філасофскае гучанне тэмы лёсу ў вершы «Нараканні Насрэдзіна Ахмет-Аха эфендзі». У радках твора праз адмысловы мастацкі ракурс *лёс-бізун* паэт асуджае беларускую пакорнасць і адначасова выказвае любоў, спагаду да свайго народа. У гэтым кантэксце аўтар паглыбляе лексічнае значэнне поля лёс, актуалізуе яго з дапамогай семы *бізун*, які ў беларускім фальклоры валодае дадатковым асацыятыўным адценнем сімвала грубай сілы, прымусу:

Што горды здзек, што вольнай песні ўзлёт

Для чарады, чый лёс – бізун агідны.

Як мне любіць такі народ?

Няшчасны мой...

Улюбёны...

Ненавідны...; (с. 210).

Паэт будзе сваю выснову на тым, што ёсць народ, з якога ён выйшаў, які ён любіць і хоча бачыць яго вольным. Сказанае ім пра свой народ вельмі грунтоўнае, выпакутаванае, ён хоча бачыць свой народ не бязвольнай маўклівай чарадой, падпарадкаванай брутальнай сіле. Для паэта сіла духу і душы, чэсць і свабода – каштоўнасці высокага існавання.

Працяг размовы пра беларускую абыякавасць да свайго лёсу знаходзім у вершы «Шляхі Ігната Буйніцкага». Лірычны герой верша пакліканы гісторыяй слугаваць свайму народу, які, аднак, не заўсёды ўспрымае тое, што робіць Буйніцкі. Адсюль словы непаразумеання:

Што ім іхні лёс ,

Вялікі і суровы?

Што ім, – мо ўжо адкажаш нарэшце ты, –

Да загнанай, забітай, задушанай мовы,

Іх вялікасць першы вандроўны артыст?.. (с. 252).

Тут лёс народа ўзаемазвязаны з лёсам мовы, для паэта, як і для Буйніцкага, было зразумела: ёсць мова – ёсць народ, ёсць зямля бацькоў. Такім чынам моўны і духоўны пачаткі, як калісьці ў Ф. Багушэвіча, зліваюцца ў адно цэлае.

У паэме «Зямля дзядоў» падкрэсліваецца ўзаемазвязь няпростага лёсу беларусаў з лёсам славян, з іх уменнем працаваць і кахаць, любіць і бараніць сваю зямлю, з барацьбой супраць заваёўнікаў:

Я ведаю, цяжкімі будуць годы,

А нам стаяць не гнуцца, як трысцё,

Бо лёс славян і лёс майго народа –

Нялёгкае і гордае жыццё (с. 317).

Захапляючыся веліччу горнага крымскага ўзвышша Чатырдага, Караткевіч параўноўвае яго з прастолам багоў, Хрыста:

Ты сам той дзень, уцёс.

Ты зараз цень яго. Ты вечнасць, лёс (с. 194).

Суперажыванне за няспраўджанае шчасце – асноўны змест верша «Нявесце Каліноўскага», якая стала ўдавою, «не пабачыўшы жаніха»: яе надзеі абарвала пятля палача:

І чамусьці ў сэрцы, як рану,

Я нясу твой нязбыты лёс,

Не даруючы ўсім тыранам

Непралітых табою слёз (с. 234).

Так паэт выказвае сваё спачуванне «Марысьцы чарнабровай», суперажывае разам з ёй за няздзейсненыя спадзяванні на шчаслівае жыццё з каханым чалавекам, абарванае бязлітаснай пятлёй ката.

Цікава, што У. Караткевіч, выдатны знаўца старой мовы, ні разу не ўжыў такіх яркіх, характэрных для высокага стылю мовы сінонімаў *лёсу*, як *рок*, *кон*, няма ў яго паэтычнай мове і *наканавання*, *будучыні*, *шчасця* ў аналагічным ужытку. Толькі некалькі разоў ён выкарыстоўвае як сінонім агульнаславянскую адзінку *доля*:

Хай шлях даўгі ты не дасі мне, доля.
Зрабіўшы ўсё і дзён спыніўшы бег,
Спакойна потым лягу я, як поле,
Пад чысты і халодны зімні снег.

(На пачатак «Каласоў пад сярпом тваім...» с. 218).

І табе – хай нас людзі рассудзяць –
Я зайздроснай аддзякую доляй:
Ты – ніколі – мяне не забудзеш,
Ты мяне не пабачыш ніколі.

(У бездарожжа для тых, каму шчасціць... с. 275).

У абодвух выпадках паэт апелюе да асноўнага значэння семы *доля* – да *лёсу*.

У мове У. Караткевіча *лёс* можа быць адвечны, крылаты, надзвычайны, нязбыты, няўмольны, светлы, усяўладны, чорны.

З вышэйразгледжанага бачна, што семантычны абсяг *лёсу* даволі шырокі і шматзначны. У ягоных межах апынуліся іншыя канцэпты, злучаныя з ім і адзін з другім, дзякуючы таму, што патрапілі ў поле ягонага прыцягнення. Гэты відавочна найгалоўнейшы канцэпт утварае шмат новых сэнсаў, выясняе і адкрывае новае светабачанне ў творах паэта. Пры гэтым і сам канцэпт развіваецца, мяняюцца яго межы, паняццевы аб'ём, нават сэнс, які нярэдка звязаны з аўтарскім светаадчуваннем, нарэшце, лёсам лірычнага героя. Асацыятыўна-вобразны рад *лёс* – каханне – жыццё – дарога – вечнасць – народ – мова – трагедыя, смерць пабудаваны Караткевічам паводле прынцыпу ўнутранага псіхалагічнага збліжэння і вызначаецца разгорнутым кантэкстам. Як бачым, паэт выкарыстоўвае найбольш істотныя для нашай культуры сэнсавыя значэнні канцэпта, якія падтрымліваюцца і захоўваюцца ў нацыянальнай моўнай карціне. Ён умела вылучае нагалоўнейшыя адметнасці *лёсу* – вобразную, паняццевую, каштоўнасную. З разгледжанага матэрыялу вынікае, што даследаваны канцэпт у ягонай мове абапіраецца на «лінгвакультуралагічнае поле – іерархічную сістэму адзінак, якія валодаюць агульным значэннем і адлюстроўваюць сістэму адпаведных паняццяў культуры» [11, с. 60].

Малюнак 1 – Семантычнае поле *лёсу* (паводле слоўнікаў)

Малюнак 2 – Асацыятыўнае поле лёсу (паэзія Караткевіча)

Літаратура

1. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Склад. Т.І. Блізнюк [і інш.] ; Пад рэд. А.М. Булыкі. – Мн. : Беларуская навука, 1998. – Вып.17. Леснічый – Местскій. – 365 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мн. : БелСЭ, 1979. – Т. 3. – 672 с.
3. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. – Мн. : БелЭн, 1989. – Т. 9. – 560 с.
4. Беларуская міфалогія : энцыклапедычны слоўнік. – Мн. : Беларусь, 2004. – 592 с.
5. Клышка, М.К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / М.К. Клышка ; Пад рэд. Л.А. Антанюк. – 2-е выд., выпр.і дапоўн. – Мн. : Вышэйшая школа, 1993. – 445 с.
6. Шведаў, С.М. Слоўнік сінонімаў беларускай мовы / С.М. Шведаў – Мн. : Сучаснае слова, 2004. – 480 с.
7. Карасік, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасік. – М. : Гнозис. 2004. – 392 с.
8. Spengler, O. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer morphologie der Weltgeschichte / O. Spengler. – С.Н. Beck'sche Verlagsbuch – Handlung. München, 1920. – В. 1. Gestalt und Wirklichkeit. – 615 с.
9. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мн. : Маст. літ., 1987. – Т. 1. Вершы, паэмы / Аўт. прадм. В. Быкаў. – 431 с., 4 л. іл.
10. Бельскі, А.І. Вывучэнне творчасці пісьменнікаў : класікі і сучаснікі ў школе / А.І. Бельскі – Мн. : Аверсэв, 2005. – 352 с.
11. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методика) : монография. / В.В. Воробьев – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 332 с.

Канцэпцыя патрыятычнага выхавання ў казках А. Карлюкевіча

Т.М. ПЯТРОЎСКАЯ

У артыкуле аналізуецца патрыятычны складнік твораў для дзяцей А. Карлюкевіча, сродкі і спосабы, якія аўтар выкарыстоўвае, каб выхаваць актыўнага грамадзяніна сваёй дзяржавы. Пры гэтым патрыятызм разглядаецца як мнагакампанентная структура, прадстаўленая пачуццёва-эмацыянальным, інтэлектуальным і дзейна-практычным кампанентам. Аўтар высвятляе, што патрыятычнае выхаванне ў творы адбываецца праз пазнавальную напоўненасць казак, фарміраванне экалагічнай адказнасці і развіццё эмпатіі да пачуццяў іншых.

Ключавыя словы: патрыятычнае выхаванне, дзіцячая літаратура, пазнавальнасць, экалагічнае выхаванне, хрысціянская этыка.

The patriotic components of the books for children by A. Karlyukevich, the ways and means, which are used by the author to educate active citizens of their state, are analyzed. Patriotism is considered to be a many-field structure represented by some sensitive and emotional, intellectual, active and practical components. The author makes a conclusion that the patriotic education in the books by A. Karlyukevich occurs through cognitive fullness of works and forming environmental responsibility and the development of empathy to the feelings of others.

Keywords: patriotic education, children's literature, awareness, environmental education, Christian ethics.

Патрыятычны складнік – адзін з самых галоўных аспектаў маральнага і духоўнага выхавання дзіцяці. Разам з тым выхаванне патрыятызму, як правіла, ускладняецца высокай ступенню абстрактнасці гэтага паняцця. У савецкія часы існавала цэласная канцэпцыя любові грамадзяніна да Айчыны, Камуністычнай партыі, савецкага ладу, свайго народа, роднай прыроды, і яна ж гарманічна спалучалася з павагай да іншых народаў. Патрыятычнае выхаванне было цесна звязана з выхаваннем ідэалагічным. З распадам СССР змяніўся і аб'ект, на які накіравана патрыятычнае пачуццё – не стала вялікай шматнацыянальнай краіны. Вывучэнне беларускай гісторыі, традыцый, геаграфіі стала больш значным кампанентам фарміравання грамадзяніна.

Звычайна вызначаюць тры аспекты патрыятызму: пачуццёва-эмацыянальны, інтэлектуальны і дзейна-практычны. Пачуццёвы-эмацыянальны аспект вызначае любоў да ўсяго роднага, гонар за радзіму; інтэлектуальны – веды пра радзіму; дзейна-практычны – актыўныя дзеянні на карысць радзімы. Як бачна, патрыятызм з'яўляецца вышэйшым маральным пачуццём, бо для яго фарміравання неабходна развіццё іншых маральных якасцяў, узбагачэнне ведамі як пра свой родны край, так і ўвогуле пра ўсё акаляючы свет. Адным з лепшых сродкаў такога развіцця з'яўляецца мастацкая літаратура, у якой гэтыя аспекты рэалізуюцца наступным чынам.

1) Пачуццёва-эмацыянальны – праз займальны сюжэт. Твор павінен зацікавіць дзіцяці, быць актуальным для яго, каб выклікаць пэўныя пачуцці.

2) Інтэлектуальны – праз пазнавальнасць. Вельмі важна, каб інфармацыя, што трансліруецца ў кнізе, была ненавязлівая, не ператварала твор у энцыклапедычную даведку.

3) Дзейна-практычны – праз маральна-этычную ідэю. Твор павінен выходзіць актыўнага грамадзяніна, які спачувае чужой бядзе і паважае іншае меркаванне [1, с. 348].

Творы для дзяцей А. Карлюкевіча – у гэтым сэнсе ідэальнае ўвасабленне патрыятызму як мнагакампанентнай структуры. Патрыятычнае ў казках аўтара выяўляецца праз розныя формы.

1) *Пазнавальны кампанент.* У казках аўтара шмат кразнаўчай інфармацыі, прысутнічаюць тапонімы і гідронімы, а таксама гісторыі, звязаныя з імі. Дарэчы, самым папулярным месцам з'яўляецца вёска Дукора. У Дукору збіраецца Шубуршун з казкі «Прыгоды Шубуршуна», у Дукоры жыве злосны пан з казкі «Як зайка Бяляк мядзведзя Таптыгіна выратаваў». Сам аўтар маленства правёў у вёсцы Зацітава ў Пухавіцкім раёне, у гэтым жа раёне знаходзіцца і вёска Дукора.

Пазнавальная інфармацыя ў дзіцячых творах можа даносіцца да чытача як праз аўтара, так і праз персанажаў твора. Крыніцай пазнавальнай інфармацыі ў казках А. Карлюкевіча з'яўляюцца самі героі. Так, у казцы «Вавёрка піша сачыненне» Дзятлік Пятрок зачытвае сачыненне, якое напісаў ён пра свой род. У тым ліку расказвае Дзятлік і пра мясціны, дзе жылі яго продкі, напрыклад, пра Блужскі бор, каля якога некалі была вёска, што спалілі карнікі. Трэба адзначыць, што героі казкі, хоць і не з'яўляюцца людзьмі, але ж ходзяць у сапраўдную школу, менавіта таму сюжэт твора даволі лёгка было б перанесці ў рэаліі звычайнай школы, дзе вучні спрабуюць напісаць сачыненне пра радзіму. Але такі патрыятызм у чыстым выглядзе слаба бы ўспрымаўся дзецьмі. Гульня ў Краіну казачнага, дзе ёсць свая школа для звяроў і птушак, прыцягвае ўвагу. Паказальна, што, калі Вавёрка просіць дапамагчы Дзятліка напісаць сачыненне, той адмаўляе: «Не, Алёнка, такое сачыненне кожны павінен сам напісаць. Пра свае ваколіцы трэба расказаць. І пра сваю сям'ю, і пра свой род. А хто лепей роднай матулі раскажа пра далёкіх і невядомых табе продкаў» [2, с. 10]. Такім чынам, аўтар у казцы сцвярджае, што радзіма – гэта не толькі месца жыхарства, але і ўласная сям'я, яе гісторыя.

Вельмі важна, каб партыятызм пры пэўных умовах не ператварыўся ў шавінізм, менавіта таму патрыятычнае выхаванне прадугледжвае і павагу да іншых народаў. Шмат новага можна даведацца пра замежную краіну з казкі «Памылка першакласніцы Святланкі». Першакласніца атрымала ў школе заданне напісаць сачыненне «Што я ведаю пра Туркменістан?». Тэма для сачынення была абрана невыпадкова. На свята апошняга званка прыедзе пасол Туркменістана, які вырашыў зрабіць вандроўку па мясцінах туркменскага мастака Назара Ёмудскага, што прыязджаў маляваць туташняе Белавежжа. Аўтар лепшага сачынення атрымае магчымасць прабежы са званком на лінейцы. Святлана папрасіла брата дапамагчы знайсці інфармацыю пра Туркменістан у Інтэрнэце, а той вырашыў пажартаваць і даць няверную інфармацыю. Памылку дзяўчынцы дапамагае выправіць Клякса, якая адводзіць дзяўчынку ў бібліятэку. У выніку сачыненне Святланкі стала лепшым, і пасол прапанаваў ёй з усёй сям'ёй паехаць у Туркменістан. Чытач не толькі зможа даведацца пра далёкую краіну, але адзначыць, наколькі прыгожая і цікавая Беларусь, калі мастак з такой далёкай краіны, абсалютна адрознай ад нашай, прыехаў маляваць яе мясціны. Дарэчы, на гэтым інтэрнацыянальных сувязі ў казцы не заканчваюцца: Клякса распавядае Святланцы афрыканскую казку пра гіену і зайца. Цікавым у казцы з'яўляецца супрацьпастаўленне Інтэрнэту і бібліятэкі. Святланка давярае Інтэрнэту і памыляецца, а каб атрымаць больш даставерную інфармацыю, адпраўляецца ў бібліятэку. Пры гэтым аўтар не адмаўляе карыснасць разнастайных сучасных гаджатаў для захавання інфармацыі. Напрыклад, у той жа самай бібліятэцы Святланцы выдаюць электронны бланкет, каб было зручней рабіць запісы.

Фарміраванне і развіццё патрыятызму адбываецца праз усведамленне чалавекам сацыякультурнага асяродку, свайго месца ў грамадстве, значнасці сваёй дзейнасці. Менавіта таму ў якасці пазнавальнага элементу выкарыстоўваецца не толькі крэйзанаўчая інфармацыя, але народныя традыцыі як элемент беларускай культуры. У казках А. Карлюкевіча ўзгадваюцца як славянскія народныя святы, персанажы славянскай міфалогіі, так і хрысціянскія святы, якія ўспрымаюцца як частка беларускай культуры. У казцы «Зорны шлях гарлачыкаў» аўтар расказвае пра тыя часы, калі яшчэ людзі і птушкі жылі разам. Ад агульнага апісання мірнага суіснавання чалавека і прыроды аўтар пераходзіць да канкрэтнай замалёўкі такога жыцця. Дзед Ладымер у акружэнні сваіх унукаў расказвае пра звычаі, звязаныя з бусламі. Побач тут жа сядзіць бусел Янка, які чымсьці заклапочаны. Прычым бусел не спяшаецца распавядаць пра свае турботы, абцяжарваць імі чалавека. Але, нарэшце, прызнаецца, што не хапае на яго балоце прыгажосці. У вырашэнні праблемы ўключаецца ўся сям'я, і ўжо ноччу сын Ладымера Кастусь падаўся ў гушчар і стрэліў у Млечны шлях, каб на зямлю пасыпаліся знічкі. Цуд у казцы звязаны са святам Сёмухі, які адзначаюць у гэты ж час. Знічкі ператварыліся ў гарлачыкі, якія і ўпрыгожылі балота буслоў. Казачнае ў творы пераплятаецца з народнымі звычаямі і шанаваннем буслоў. Але такое шанаванне мае не экалагічны сэнс, а з'яўляецца праяўленнем любові і павагі да ўсяго жывога, што стварыў Бог. Твор заканчваецца падзякай Богу за тое, што буслоў і чалавека злучыў.

Перапляценне славянскай міфалогіі і хрысціянства адзначаецца і ў творы «Як Сяргейка з Жыжалем ядловец ратавалі». Падзеі казкі адбываюцца на Вялікдзень, але разам з тым героі сустракаюцца ноччу з прадстаўніком язычніцтва – Жыжалем. Сяргейка з татам пайшлі на начную вахту да вяндлярні, дзе малы даведаўся, што вэнджаніна рыхтуецца на дымку ад ядлоўца. Хлопца ўзрушыла гэтая навіна, бо ён ведаў, што ядловец – адна з самых пашанотных лясных культур і расце марудна. Ён просіць бацьку выратаваць рэдкую расліну. На дапамогу прыходзіць Жыжаль – бог агню, які выклікае дождж, каб падмачыць увесь ядловец, і тады яго не будуць чапаць. А Сяргейка з татам вырашылі прайсціся па вяндлярнях і папросіць не паліць ядловец. Міфалагічная істота амаль ніяк не супярэчыць вялікаму хрысціянскаму святу, бо Жыжаль успрымаецца хутчэй як казачны персанаж. Дарэчы, дастаткова ў творы і пазнавальнай інфармацыі: ад апісання разнастайных традыцыйных страў, што гатавалі раней, да ўзгадвання карысных уласцівасцяў унікальнай для Беларусі расліны – ядлоўца. Асаблівай увагі заслугоўваюць адносіны сына і бацькі. У казках, як правіла, калі здараецца нейкі цуд, дарослыя прысутнічаюць вельмі рэдка. Уваход у Краіну казачнага ім фактычна забаронены, яны з недаверам адносяцца і да аповедаў дзяцей пра цуды. Аднак у дадзенай казцы бацька разам з сынам бачаць Жыжаль. Прычым, сюжэт апавядання запэўнівае, што па-іншаму быць і не магло, бо бацька Сяргейкі – яго сапраўдны сябар. Ён шчыра перажывае боль сына за дрэвы, шукае спосаб дапамагчы. Аўтарытэт бацькі падмацоўвае нават сам Жыжаль, калі ўзгадвае, як тата Сяргейкі выратаваў людзей з пажару. У канцы твора гучаць словы, якія ў чарговы раз падкрэсліваюць важнасць пачуццяў дзіцяці: «Дзякуй табе, сыноч! І прабач мне, што за штодзённай мітуснёй я такі клопат абмінуў» [2, с. 77]. Дарэчы, гэты эпізод і ёсць прыклад дзейнага кампаненту патрыятычнага выхавання, калі дзіцяці само спрабуе зрабіць значны для сваёй радзімы ўчынак, а дарослы ва ўсім яго падтрымлівае. У справе выхавання асобы вялікае значэнне маюць творы, у якіх галоўны герой, асабліва калі ён прыблізна такога ж узросту як і чытач, праяўляе якасці актыўнага грамадзяніна ў натуральных умовах, бо нягледзячы на казачную дапамогу, Сяргейка вырашае і сам зрабіць нешта карыснае для выратавання дрэў.

У казцы «Як зайка Бяляк мядзведзя Таптыгіна выратаваў» падзеі адбываюцца на іншае хрысціянскае свята – Благавешчанне. Але і тут аўтар выкарыстоўвае хутчэй культуралагічны, а не маральна-этычны рэсурс свята, а менавіта звязаныя з Благавешчаннем народныя традыцыі. Заяц Бяляк бяжыць у вёску і просіць, каб людзі зладзілі камаездзіцу – славянскі звычай на Благавешчанне. Бяляк вырашаецца на такі смелы ўчынак дзеля выратавання мядзведзя Таптыгіна, сэрца якога загадаў здабыць пан. Народны звычай дапамог прачнуцца мядзведзю, а Бяляк папярэдзіў яго пра небяспеку. Такім чынам, аўтар, з аднаго боку, распавядае пра традыцыю камаездзіцы, яе сувязь з жыццём прыроды, а з другога боку, – паказвае сапраўдныя хрысціянскія адносіны да свайго бліжняга.

2) *Паралельнае экалагічнае выхаванне.* Як правіла, творы на экалагічную і патрыятычную тэматыку вельмі блізкія, бо з аднаго боку, – на захапленні роднай прыродай пабудаваны эмацыянальны аспект патрыятызму, а з другога боку, – спрыяць захаванню прыроды ёсць дзейнасць на карысць сваёй Айчыны, яе будучыні. Экалагічны патрыятызм А. Карлюкевіча выяўляецца ў гарманічным суіснаванні чалавека і прыроды. Такое суіснаванне, напрыклад, паказана ў казцы «Зорны шлях гарлачыкаў», дзе буслы жывуць разам з людзьмі, птушкі нават носяць чалавечыя імёны, а людзі ўсімі спосабамі імкнуцца ўпрыгожыць жыццё буслоў. У казцы «Пісьмо панадцітавік» матылькі таксама носяць чалавечыя імёны, а за дапамогай звяртаюцца менавіта да чалавека. Матылёк Мар'ян Пратычанскі ляціць з пасланнем да Энтамолага, каб той дапамог вырашчыць праблему панадцітавак. Справа ў тым, што на матылькоў усё часцей сталі паляваць кажаны. Мар'ян прылятае да Энтамолага, і той па руху крылаў матылька разумее, што трэба вырашаць нейкую праблему і саджае Мар'яна ў спецыяльны матылятар – электронны перакладчык мовы матылькоў на мову людзей. Энтамолаг знаходзіць карань праблемы: з мясцовасці панадцітавак зніклі пчолы, і матылькі сталі часцей частавацца нектарам ірневуса. Расліна ўплывала на структуру няровных канчаткаў крыльцаў матылькоў, яны страчвалі пільнасць у

барацьбе з кажанамі. Такім чынам, аўтар даказвае, што ў прыродзе ў кожнага ёсць сваё месца, яе баланс трымаецца за кошт пэўнага парадку. Парушэнне гэтага парадку можа ўплываць на знікненне пэўнага віду насякомага, расліны ці звера. Аўтар дае прыклад не толькі своеасаблівай падтрымкі чалавекам усяго жывога, але і паказвае неабходнасць даследавання прыроды, як тэарэтычная інфармацыя можа дапамагчы вырашыць рэальныя праблемы.

3) *Хрысціянская этыка*. Патрыятычнае выхаванне ў казках А. Карлюкевіча спалучаецца з духоўна-маральным выхаваннем, блізкім да хрысціянскай этыкі. У творах рэдка прысутнічае канфлікт Зла і Добра, часцей героі ўдзельнічаюць у вырашэнні чужых праблем. У казцы «Зорны шлях гарлачыкаў» стары дзякуе менавіта богу за незвычайнае сяброўства птушак і людзей: «Дзякуй зоркам за тое, што падаравалі буслам такую прыгажосць! – толькі і падумаў стары Ладымер, яшчэ раз падзякаваўшы Богу за тое, што Ўсявышні чалавека і буслоў у сяброўстве злучыў» [3, с. 18]. У творы сцвярджаецца роля чалавека як актыўнага захавальніка прыроды не столькі дзеля сваёй карысці, свайго будучага экалагічна чыстага жыцця, колькі як адказнага наглядальніка за ўсім жывым, што падаравана яму Богам. У аснову казкі «Як васількі на сваю крыўду забыліся» закладзена ідэя служэння на карысць іншым і дзеля іншых. Васількі крыўдзяцца, што нікому не патрэбныя, што селянін радуецца жыту, а не іх прыгажосці. Багіня жніва і земляробства Цэцэра запэўнівае васількоў, што іх прызначэнне – упрыгожваць жыццё таго ж самага жыта ці селяніна, які збірае гэтае жыта. У казцы «Памылка першакласніцы Святланкі» брат за жорсткія жарты не атрымоўвае заслужанае пакаранне, наадварот – сястра запрашае яго «раздзяліць» радасць ад перамогі ў конкурсе, а менавіта адправіцца разам з ёю у Туркменістан. І гэтае запрашэнне горшае за любое пакаранне, бо выклікае ў брата сорам за свой учынак. Казка «Як Бяляк Таптыга выратаваў» – яшчэ адзін прыклад шчырай узаемадапамогі. Заяц спяшаецца папярэдзіць мядзведзя Таптыгіна пра небяспеку, прычым што важна, падзеі адбываюцца пад час Благавешчання. І хаця заяц нясе не зусім добрыя весткі, менавіта такі ўчынак дапамагае мядзведзю выратавацца. Такі накірунак абуджае імкненне быць не раўнадушным да чужой бяды, дапамагаць слабым, дараваць крыўды, актывізуе дзейна-практычны кампанент патрыятызму.

Кнігі маюць незвычайную сілу, асабліва ў справе далучэння людзей да невядомых мясцін, культур, а таксама фарміравання пачуцця гонару за ўласную культуру і сваю рэлігійную спадчыну, яны даюць станоўчы прыклад служэння на карысць Айчыны. Але каб данесці такі сапраўдны дар мастацкага слова да дзяцей, трэба ўлічваць іх узроставыя інтарэсы, спецыфіку патрыятычнага выхавання. Кнігі А. Карлюкевіча – прыклад таго, як дзіцячая кніга можа адначасова быць і займальнай, і выконваць такую складаную функцыю як патрыятычнае выхаванне. Чытаючы іх, дзеці не толькі атрымоўваюць інфармацыю пра родную краіну, але і вучацца нераўнадушна да яе адносіцца, быць яе актыўнымі абаронцамі.

Літаратура

1. Ясева, Н.Ю. Патриотическое воспитание детей дошкольного возраста / Н.Ю. Ясева // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 3 (6). – С. 346–348.
2. Карлюкевіч, А.М. Зорны шлях белых гарлачыкаў : казкі / А.М. Карлюкевіч. – Мінск : Маст. літ., 2010. – 87 с.
3. Карлюкевіч, А.М. Цёплыя назвы Яе Вялікасці Вады : нарысы і казкі / А.М. Карлюкевіч. – Мінск : Звязда, 2016. – 32 с.

Роль массмедиа в продвижении здорового образа жизни (на примере Минского полумарафона-2017)

И.В. СИДОРСКАЯ

Исследуется освещение в белорусских средствах массовой информации масштабного государственно-го проекта по формированию принципов здорового образа жизни – «Минского полумарафона-2017». В качестве основных категорий анализа выступают информационные поводы, тематические аспекты и жанровые модели. Сделан вывод о важной роли массмедиа в решении актуальных социальных задач.

Ключевые слова: Минский полумарафон, средства массовой информации (СМИ), медиаосвещение, дискурс успеха.

The coverage in Belarusian mass media of a large-scale state project on the formation of the principles of a healthy lifestyle «Minsk Half Marathon 2017» is explored. The main categories of analysis are information reasons, thematic aspects and genre models. The conclusion is made about the important role of mass media in solving urgent social problems.

Keywords: Minsk Half Marathon, mass media, media coverage, discourse of success.

«Минский полумарафон» – международное спортивно-массовое мероприятие, проводимое с 2013 г. в первые выходные сентября в рамках празднования Дня города Минска. Это масштабный государственный проект, ставящий целью формирование у белорусов принципов здорового образа жизни, повышение двигательной активности, приобщение к беговому движению. В 2017 г. участие в нем приняли около 30 тыс. белорусских и зарубежных любителей бега.

Чтобы таких людей стало еще больше, необходимо активно освещать подобные проекты в средствах массовой информации, начиная с анонса забега и подготовки к нему и заканчивая подведением итогов, выводами, что следует сделать, чтобы в следующий раз мероприятие прошло еще более успешно. Медийное освещение «Минского полумарафона», его активное публичное обсуждение должны способствовать тому, чтобы белорусы меняли привычные модели поведения, характерные для жителей больших городов (переедание, малоподвижный и стрессогенный образ жизни, никотиновая зависимость и др.). В настоящей статье мы ставим цель исследовать освещение проекта «Минский полумарафон-2017» в белорусских СМИ для определения степени его успешности. Актуальность исследования определяется необходимостью оптимизации роли массмедиа в продвижении важных социальных идей, мобилизации общественности к изменению традиционных стереотипов и привычных моделей поведения, формированию современного образа жизни. Методологической базой выступает конструкционистский подход к социальным проблемам [1], [2]–[3] и роли массмедиа [4]–[6], [3].

Для создания выборки медиаосвещения проекта «Минский полумарафон-2017» был применен поисковик *Google*, который по соответствующему запросу выдал около 25 тыс. документов. Использование возможностей расширенного поиска в разделе «Новости» позволило сократить выборку до 360 документов. Так как в фокусе исследования находился проект 2017 г., мы ограничили выборку временными рамками 1 января–31 декабря 2017 г.

Дальнейший мониторинг информационного поля – через ввод в поисковик *Google* доменных имен сайтов (в соответствии с алгоритмом `site: [Tut.by]` «Минский полумарафон-2017») и использование альтернативной поисковой системы *Яндекс* – не позволил существенным образом дополнить выборку. Более информативной оказалась процедура поиска по сайтам СМИ. В связи с позиционированием проекта как государственного информация о нем была размещена на многих корпоративных интернет-ресурсах учреждений образования, органов государственного управления, предприятий и организаций государственной формы собственности и т. д. Интерес к проекту ожидаемо проявили спортивные и физкультурные движения и объединения, публиковавшие материалы о подготовке, проведении и результатах забега, активно призывавшие своих членов участвовать в нем. Так как перечисленные интернет-ресурсы не относятся к средствам массовой информации, они не вошли в итоговую выборку.

В результате сформировалась выборка из 77 публикаций. Практически во всех входящих в нее текстах «Минский полумарафон-2017» является приоритетной темой.

Для исследования степени успешности медиаосвещения проекта вошедшие в выборку публикации были проанализированы по следующим категориям:

- информационные поводы – что мотивировало журналистов и медиаменеджеров обратить внимание на проект;
- тематические аспекты – содержание публикаций, напрямую связанное с выделением их основных акторов;
- жанровые модели – использование журналистами определенных структурно-функциональных подходов.

В результате анализа в представленной выборке выделены следующие инфоповоды:

1. анонс, логистика предстоящего мероприятия;
2. подготовка к полумарафону;
3. персонификация;
4. занимательные факты о полумарафонах;
5. впечатления от полумарафона;
6. результаты полумарафона;
7. итоги полумарафона,

которые в количественном и процентном отношении распределились следующим образом (таблица 1).

Таблица 1 – Приоритетные инфоповоды

<i>Инфоповоды</i>	<i>Количество публикаций</i>	<i>Объем публикаций, в %</i>
Анонс, логистика предстоящего мероприятия	18	23,4
Подготовка к полумарафону	9	11,7
Персонификация	10	12,9
Занимательные факты	2	2,6
Полумарафон: забег, впечатления	14	18,2
Результаты полумарафона	18	23,4
Итоги полумарафона	6	7,8

Освещение темы «Минского полумарафона-2017» характеризуется богатым спектром информационных поводов – мы выделили семь, которые можно сгруппировать в несколько кластеров. К первому кластеру (37,7 %) относятся материалы, которые описывают подготовительный этап проекта: анонс мероприятия, логистику, приглашения участвовать, процесс индивидуальных и командных тренировок, занимательные факты из хроники аналогичных проектов. Второй кластер (41,6 %) – это сам забег, его результаты, впечатления участников, организаторов, журналистов, горожан. Третий кластер (7,8 %) составляют материалы с итогами «Полумарафона». При определенной сложности различения «результатов» и «итогов» мы следовали критерию «прямые / косвенные» и «непосредственные / опосредованные» последствия. Так, «прямыми» и «непосредственными» являются сообщения о победителях дистанций, персональных и командных результатах, эмоциях участников, атмосфере в течение и по окончании забега и т. д. «Косвенными» и «опосредованными» стали итоги «Полумарафона» для изменения жизни отдельных людей и целых трудовых коллективов, для приобщения к физкультуре и спорту различных категорий населения, развития межкультурного взаимодействия, роли мероприятия для укрепления позитивного имиджа города и страны и др.

Четвертый кластер (12,9 %) образуют материалы, раскрывающие тему «Полумарафона» и здорового образа жизни через конкретную личность. В него вошли интервью, зарисовки, корреспонденции об известных людях, формирующие представление не только о жизненном пути и характере своих героев, но и проясняющие для широкой аудитории специфику подготовки к забегу и в целом важности соблюдения принципов здорового образа жизни. Это публикации о министре здравоохранения Республики Беларусь В. Малашко, титулованной биатлонистке и любимице белорусов Д. Домрачевой, идейном вдохновителе проекта В. Девятковском, пресс-секретаре Президента Республики Беларусь Н. Эйсмонт, ректоре Бе-

лорусского государственного университета физической культуры, вице-президенте НОК С. Репкине, ведущей СТВ Н. Михайлик, бизнесмене В. Япринцеве, экс «Мисс Беларусь» О. Хижинковой, главном редакторе портала Tut.by М. Золотовой и др. (рисунок 1).

Рисунок 1 – Распределение публикаций о «Минском полумарафоне–2017» по информационным кластерам

Кейс «Полумарафон» демонстрирует высокий показатель персонификации – почти 13 %. Персонификация интерпретируется как привлечение VIP-персон (известных политиков, представителей бизнеса, спорта, культуры, медиа и др.) для позиционирования значимости проектов, в которых эти личности принимают участие, и воспринимается журналистами скорее негативно как искусственный способ формирования повестки дня. Однако в данном случае мы не обнаружили ни одного материала, свидетельствующего об искусственности в раскрытии темы: все герои и героини из соответствующего кластера – значимые акторы реализации проекта. Таким образом, при определенных условиях применение метода персонификации вполне оправдано, служит более глубокому восприятию информации аудиторией и, самое главное, формирует образ положительного героя. В качестве героев изображены успешные мужчины и женщины, занимающие ответственные посты и/или достигшие значительных результатов в сфере государственного управления, образования, реальном секторе экономики, спорте и массмедиа, которые придерживаются принципов здорового образа жизни, принимают активное участие в спортивно-массовых мероприятиях, хорошо выглядят и своим примером привлекают других к участию в физкультурном движении. В исследованных медиатекстах речь идет о процессе тренировок героев либо под руководством героев, о подготовке их к забегу, впечатлениях в процессе и от результатов «Полумарафона» и т. д. На основе данных текстов у аудитории формируется позитивное отношение к здоровому образу жизни, возникает желание последовать примеру кумиров.

Таким образом, событийность в основе абсолютного большинства информационных поводов свидетельствует о прочном статусе темы в информационном пространстве. Анализ медиополя демонстрирует, что тема «Минского полумарафона» как спортивно-массового мероприятия, имеющего важное значение для формирования здорового образа жизни граждан нашей страны, позитивного внутреннего и внешнего имиджа Республики Беларусь и ее столицы прочно закрепилась в СМИ.

Категория «тематические аспекты» предполагает выявление содержания публикаций через определение их основных акторов. Основными акторами в данном случае являются: организаторы проекта, участники забега, представители органов государственного управления, известные личности, журналисты, эксперты, болельщики (таблица 2).

Таблица 2 – Основные акторы публикаций

Основные акторы	Количество публикаций
Организаторы полумарафона	20
Участники забега	48
Болельщики	5
Известные личности	10
Журналисты	10
Представители органов государственного управления	7
Эксперты	4

Так как в большинстве публикаций фигурирует несколько основных акторов, а один и тот же субъект предстает в разных ролях (например, идейный вдохновитель и главный организатор «Минского полумарафона» В. Девятковский – одновременно депутат Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, глава Легкоатлетической федерации, экс-чемпион мира в метании молота), в результате совокупное количество публикаций с выделенными акторами превышает общее количество документов в выборке.

Ожидаемо основным актором публикаций о «Минском полумарафоне» стали его участники, в том числе потенциальные и будущие – в материалах о подготовке к забегу, – всего 48 публикаций. Необходимо отметить, что в процессе исследования возникали сложности при разграничении «участников» и иных категорий акторов. Так, к «участникам» правомерно причислить известных людей, в том числе представителей органов государственного управления, которые собирались участвовать или участвовали в забеге, однако в публикациях позиционировались скорее не как «звезды» или «VIP-персоны», а именно как «участники полумарафона». Отдельно выделен такой актор, как «болельщики» (5 публикаций), хотя они также принимали активное участие в мероприятии. Не были причислены к категории «участники» и журналисты, которые готовились к «Полумарафону» и принимали в нем участие, однако в своих материалах выступали прежде всего как носители корпоративных ценностей (10 публикаций).

Вторым по объему актором стали организаторы «Полумарафона» – 20 публикаций. Так как для информирования о забеге использовались пресс-релизы и пресс-конференции, в качестве основных акторов публикаций регулярно выступали его организаторы. В данном случае также было непросто разграничить «организаторов» и «представителей органов государственной власти» (например, В. Девятковский, А. Шорец, А. Шамко выступали в обеих ролях), однако если указанные в материалах персоны позиционировались журналистами скорее как «организаторы», мы относили их к данной группе.

Отдельную группу акторов составили журналисты (10 публикаций). Так как у «Полумарафона» было значительное количество информационных партнеров, ожидаемо, что четыре из них – интернет-портал Tut.by, редакция общественно-массового издания «Комсомольская правда в Белоруссии», телеканал СТБ и информационное агентство Sputnik Беларусь не только подробно освещали проект, но и создали в своих СМИ команды по подготовке и участию в «Полумарафоне», результаты и достижения которых нередко становились основной темой публикаций. В качестве мотивированных и заинтересованных участников журналисты прошли все этапы подготовки, приняли участие в самом проекте, активно обсуждали и выдвигали рекомендации по совершенствованию организации мероприятия в будущем («Команда «КП» провела тренировку в рамках подготовки к Минскому полумарафону»; «Sputnik Беларусь готовится к минскому полумарафону»; «Кривошеев о полумарафоне: это меняет отношение к городу и жизни»; «Чтобы Минский полумарафон был наряду с Лондонским и Берлинским»; «Что можно изменить в организации Минского полумарафона, чтобы сделать его еще круче»; «Думаю, что в следующем году побегу уже 10,5 километров: ведущая СТБ Наталья Михайлик о Минском полумарафоне»; «Похудели и бросили себе вызов. Как изменилась команда Tut.by к минскому Полумарафону-2017» и др.).

Отдельную группу акторов (10 публикаций) образовали известные личности: это прежде всего знаменитые спортсмены Д. Домрачева, В. Азаренко, О. Мазуренок, А. Богданович, Л. Черкашина, К. Санкович и др., популярные телеведущие В. Сенкевич, И. Подрез, Е. Перлин и др., а также Чрезвычайный и Полномочный Посол Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Фиона Гибб. Они тренировали будущих участников

забега и тренировались сами, делились впечатлениями от участия в предыдущих «Полумарафонах» и нынешних тренировках, активно призывали аудиторию принять участие в забеге и в целом изменить свой образ жизни на более здоровый.

Представители органов государственного управления выступали в качестве основных акторов в семи материалах. На первый взгляд, это немного, однако следует иметь в виду, что главное действующее лицо многих публикаций – депутат Палаты представителей В. Девятковский – рассматривался прежде всего как организатор, а не как чиновник. Среди героев публикаций – такие статусные персоны, как Первый заместитель главы Администрации Президента М. Рыженков, пресс-секретарь Президента Н. Эйсмонт, первый вице-президент Национального олимпийского комитета А. Асташевич, экс-министр спорта и туризма А. Шамко, министр здравоохранения В. Малашко, председатель Мингорисполкома А. Шорец. Участие этих персон в качестве основных акторов публикаций поддерживает позиционирование проекта как государственного, подчеркивает внимание государственных институтов к задаче формирования здорового образа жизни.

Немногочисленной оказалась такая группа акторов, как эксперты – всего 4 публикации, причем в качестве экспертов позиционировались не только министр здравоохранения или специалист в области связей с общественностью, но и журналисты, а также тренер бегового клуба. Практически не были представлены в СМИ экспертные материалы по вопросам подготовки к забегу и, шире, переходу к активному образу жизни, а также аналитические материалы по результатам «Полумарафона». Не использовались возможности привлечения в качестве экспертов широкого круга медицинских работников, а также представителей сферы организации массовых мероприятий, что позволило бы существенно повысить количество аналитических материалов. Совсем не представленной оказалась такая группа, как «горожане»: хотя забег проходил в день празднования 950-летия Минска, прямой речи минчан, их взгляда на проводимое мероприятие в СМИ не обнаружилось. Исключением стали материалы, в которых эпизодически упоминалось недовольство некоторых горожан перекрытыми в день забега автотрассами, а также объясняющие участие в мероприятии части не проявляющих значительной в нем заинтересованности школьников и студентов. В результате из материалов СМИ могло сложиться впечатление некоего противостояния жителей города и участников «Полумарафона», тогда как в действительности этого не было.

Основными тематическими аспектами стали позитивные физические и духовные изменения, произошедшие с отдельными людьми и целыми командами/трудовыми коллективами при подготовке к забегу; новые эмоции, впечатления и решения участников; позиционирование физической активности и здорового образа жизни как современных ценностей и моделей поведения; роль подобных мероприятий в формировании позитивного имиджа Минска и Беларуси как для собственных граждан, так и для иностранцев; примеры реального межсекторного взаимодействия в современном белорусском обществе и др. Таким образом, в медиаосвещении проекта выявлены как достоинства: очевидное расширение тематики, включение в медиатексты новых героев, значительное количество «историй успеха», в которых рассказывалось о том, как изменились герои после включения в проект, так и недостатки: невключенность всех субъектов в медиадискурс; меньшее, чем можно было ожидать, присутствие институциональных субъектов и экспертов; неполное использование информационных поводов для продвижения идеи необходимости физической активности и здорового образа жизни для всех категорий населения.

Далее проанализируем, какие структурно-функциональные модели использовались журналистами при освещении темы и как менялось их соотношение по ходу ее развития (таблица 3).

Таблица 3 – Жанровая принадлежность публикаций

Жанры	Количество публикаций
Заметка	37
Репортаж	12
Фоторепортаж	3
Фотоиллюстрация	5
Информационная корреспонденция	12

Окончание таблицы 3

Информационное интервью	3
Информационный отчет	3
Статья	1
Аналитическая корреспонденция	1

Итак, доминируют публикации информационных жанров (75 материалов из 77). Это обусловлено высокой информационной насыщенностью проекта, преобладанием среди СМИ новостных порталов, общественно-массовых изданий и телевизионных каналов; тяготением журналистов к данной структурно-тематической модели и т. д. Среди информационных жанров преобладает заметка (37 публикаций), репортаж (12 материалов – не считая фоторепортажей и фотоиллюстраций) и информационная корреспонденция (12), что объясняется использованием данных моделей при освещении самого забега. Не использовался опрос – мы отмечаем непредставленность жителей города по поводу проведения «Полумарафона», а также такие разновидности аналитических жанров, как аналитическое интервью, беседа, комментарий, обозрение. Полностью отсутствуют публицистические материалы. Аналитических текстов обнаружилось всего два: статья и аналитическая корреспонденция, что коррелирует с заключением о недостатке материалов экспертного характера как по поводу самого мероприятия, так и по поводу здорового образа жизни.

На основании проведенного исследования освещения в СМИ кейса «Минский полумарафон-2017» можно сделать следующие выводы:

1. Данный кейс наиболее наглядно и зримо формирует «дискурс успеха» [7] – позитивные индивидуальные, групповые и масштабные социальные изменения, которые происходят в современном белорусском обществе. Основное условие таких изменений – эффективное межсекторное взаимодействие: политическая воля государственных институтов, поддержка бизнеса, информационное партнерство основных медиа, активное включение белорусских граждан, движений и организаций. Все вместе способствовало синергетическому эффекту, благодаря которому «Минский полумарафон-2017» стал важной вехой позитивной социальной динамики.

2. Медиаосвещение «Минского полумарафона-2017» можно охарактеризовать как весьма успешное, что обусловлено комплексом причин. Среди них: системная поддержка белорусским государством формирования здорового образа жизни; роль современного спорта и отечественных спортсменов в самоидентификации белорусской нации, в формировании чувства гордости и патриотизма, позитивного имиджа и репутации Беларуси как внутри страны, так и за ее пределами; восприятие белорусской молодежью занятий физкультурой и спортом как современного модного тренда, и т. д. Необходимо отметить особую роль PR-сопровождения мероприятия: на протяжении реализации проекта оно являлось ее «локомотивом», а Вадим Девятковский стал «лицом» проекта.

3. «Минский полумарафон» стал «человеческим» проектом. Значительное количество персонализированных публикаций демонстрирует внимание белорусских медиа к людям, поиск героев в повседневной жизни, позиционирование профессионалов из различных сфер как увлеченных своим делом, разносторонне развитых, физически активных, успешно преодолевающих проблемы и комплексы, стремящихся развиваться телесно и духовно.

4. Освещение «Минского полумарафона» является достаточно успешным и по ряду косвенных признаков: это увеличение в средствах массовой информации внимания к другим проектам в области здорового образа жизни, повышение количества, тематического разнообразия и жанровых моделей в материалах на данную тематику, в том числе тематических проектов в изданиях-партнерах «Полумарафона». Так, например, с июля 2017 г. на информационном портале *Tut.by* появился новый раздел *go.tut.by*, посвященный здоровому образу жизни. В разделе ежедневно четыре–пять материалов: зарисовки о людях, занимающихся физкультурой и спортом, в том числе живущих в провинции; советы по правильному питанию, организации тренировок, освещение текущих физкультурно-оздоровительных мероприятий и др. Корпоративная команда портала, образовавшаяся при подготовке к забегу, в настоящее время каждую среду ходит тренироваться в легкоатлетический манеж Белорусского государ-

ственного университета физической культуры, главный редактор М. Золотова принимает участие во многих беговых состязаниях, что является хорошим примером для сотрудников и читательской аудитории портала. К сожалению, невозможно измерить количество (процент) белорусов, изменивших свои модели поведения в области физической культуры и спорта после медиаосвещения проекта, однако факт такой динамики представляется бесспорным.

Литература

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : «Медиум», 1995. – 323 с.
2. Фуллер, Р. Стадии социальной проблемы / Р. Фуллер, Р. Майерс // Контексты современности-II : актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории : хрестоматия / сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. – 2-е изд., доп. и перераб. – Казань : Издательство Казанского университета, 2001. – С. 138-141.
3. Ясавеев, И. Социальные проблемы и медиа: конструкционистское прочтение / И. Ясавеев. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2010. – 231 с.
4. Елсукова, Н.А. Конструирование социальной проблемы в печатных СМИ / Н.А. Елсукова, Т.В. Купчинова, Г.С. Рябая // Социология. – 2010. – № 1. – С. 119-125.
5. Маркина, В.М. Конструирование «других» в масс-медиа: теоретические подходы и методология анализа : дисс. ... канд. соц. наук : 22.00.01 / В.М. Маркина. – М., 2017. – 183 с.
6. Фролова, Т.И. Гуманитарная повестка российских СМИ: теоретическая модель, журналистские практики, стратегии развития : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Т.И. Фролова. – М., 2015. – 439 с.
7. Фролова, Т.И. Проблема социальной идентичности в информационном поле : от дискурса травмы к дискурсу успеха? / Т.И. Фролова // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения : матер. 55-го междунар. форума, Санкт-Петербург, 21-22 апреля 2016 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. – 2016. – № 2. – СПб., 2015. – С. 39-42.

К вопросу об определении статуса деонтической модальности

А.В. СЫТЬКО

Статья представляет собой теоретическое осмысление вопросов, возникающих при анализе значений квалификационных категорий, а именно деонтической модальности: ее логико-философские основы, ее характер и семантические корреляты, ее место в системе модальных значений.

Ключевые слова: модальность, семантика, возможность, необходимость, деонтическая модальность.

The article is a theoretical comprehension of the questions arising in the analysis of the values of qualification categories, namely the deontic modality: its logical and philosophical foundations, its character and semantic correlates, its place in the system of modal meanings.

Keywords: modality, semantic, possibility, necessity, deontic.

Модальность вообще – как подкатегория системы «маркировки модальной аспектности», или «квалификация состояний дел» – остается одной из основных проблемных областей в лингвистической семантике [1, с. 6]. Эта характеристика соответствует также *деонтической* модальности, в частности, одной из модальных подкатегорий, квалифицирующей пропозицию как возможную или необходимую и выражающей значения долженствования/обязательства и разрешения.

Природа данного типа модальности является предметом постоянных лингвистических дискуссий, начиная с 70-ых гг. XX в. Она гораздо менее описана, чем ее «более популярная сестра» – категория эпистемической модальности. Так, Дж. Ньютс (2010) отмечает, что в англоязычном научном дискурсе фактически нет лингвистической литературы, посвященной именно деонтической модальности, а все, что о ней было написано, почти всегда является исключительно «побочным продуктом» в контексте исследований формальной категории модальных вспомогательных глаголов [2, с. 16]. В русскоязычных исследованиях данное модальное значение рассматривается не в контексте исследования модализирующих языковых средств, а либо как самостоятельное, либо как частное проявление значений объективной необходимости, реализуемое тем или иным способом (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, С.Н. Цейтлин, И.Б. Шатуновский, И.М. Кобозева Н.И. Лауфер и др.)

Терминологические разногласия в трактовке понятия «деонтическая модальность» фиксируются довольно часто. Так, в англоязычной литературе существует единственный термин *deontic* ‘деонтическая’, а в ряду ее значений выделяются обязательства и разрешения (*obligation, permission*), а также необходимость (*necessity, needs*) (М. Халлидей, Ф. Палмер, Дж. Лайонс, Ф. Кифер, Дж. Байби У. Паглиука, Р. Перкинс, К. Хенгевельд, Й. ван дер Аувера). В русскоязычной лингвистической традиции при описании данного вида модальности используются термины *деонтическая, предписывающая, нормативная*, а также *модальность долженствования, модальность необходимости*; при этом семантический объем модальности у разных исследователей не совпадает.

Цель данной работы – прояснить статус деонтической модальности, что обуславливает обращение к истокам изучения данной модальности в философии и логике, определению семантических пространств, на которых данная модальность базируется в лингвистике, установлению места деонтики среди других модальных значений.

1. Основы деонтической модальности в философии и логике. Деонтическое модальное значение связано с волюнтаривной функцией языка, которая проявляется в передаче говорящим отношения к *возможным* своим действиям и действиям окружающих по созданию того или иного положения дел в мире, определяя таким образом, как мир должен соответствовать определенным стандартам, ожиданиям говорящего, т. е. выражает обязательства и *необходимость*. Семантические и концептуальные понятия *возможности и необходимости*

сти, таким образом, составляют основу лингвистического понимания рассматриваемой модальности, которое базируется на логико-философской интерпретации. Философов интересует, являются ли *возможность и необходимость* метафизическими понятиями, отражающими природу вещей, или они представляют собой своего рода металингвистические понятия, которые связаны с определенными свойствами наших утверждений [3, с. 6].

В лингвистике к исследованию модальности применяется два философских подхода, предложенных Аристотелем: дихотомия, различающая две основные модальные характеристики бытия – сущее в действительности (реальное, объективное) и сущее в возможности (ирреальное, субъективное), реализация которого есть движение, изменение бытия [4, с. 92, 197, 366]. Данный подход нашел отражение в лингвистике при разграничении реальной и нереальной (потенциальность) модальности. Второй подход, используемый при рассмотрении модальности, представляет собой трихотомию семантических значений действительности, нереальности/возможности и необходимости, поскольку модальность сопровождает суждение, законченное смысловое целое. «Всякое суждение есть или суждение о том, что присуще, или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще» [4, с. 155, 162, 247]. В дальнейшем данную трихотомию разрабатывал И. Кант, который отмечал, что «при всяком сочетании субъекта с предикатом остается вопрос: представляется ли это сочетание как только возможное, или как действительно существующее, или, наконец, как необходимое. Другими словами: означает ли связка (*copula*) данного суждения, что А может быть В, или же, что А есть В, или же, что А должно быть В. С этой точки зрения суждения бывают проблематические (сомнительные), ассерторические (уверительные) и аподиктические (обязательные), чему соответствуют три категории модальности: Возможность, Действительность, или существование, и Необходимость» [5]. Следовательно, под модальностью суждения понимается его квалификация в зависимости от характера устанавливаемой им достоверности – от того, выражает ли оно возможность или необходимость чего-либо. На соотношении базовых модальных понятий возможного и необходимого основаны многие важные проблемы бытия, такие как непосредственно связанные с деонтической модальностью вопросы воли, моральной ответственности.

2. Логико-философская дифференциация возможности и необходимости. Необходимость одной вещи есть одновременно возможность, по крайней мере, для некоторой иной вещи. Данные понятия взаимоопределяемы через отрицание. Это диалектически связанные, взаимодействующие противоположности. При этом возможность не исключает необходимости, но необходимость имплицитно включает возможность [6, с. 182]. Основой возникновения, существования возможности является ее соответствие какой-либо необходимости. В этом смысле любая возможность обусловлена и порождена определенными необходимостями, поэтому выступает как особая, специфическая форма проявления необходимости.

Это положение раскрывается в философском обосновании концепции «возможных миров», принадлежащем Г. Лейбницу. В соответствии с этой традицией возможность *P* определяется как истинность *P* в некоторых (= по крайней мере, в одном) возможных мирах, а необходимость *P* – как истинность *P* во всех возможных мирах (имеется в виду какая-то нормативная система, налагающая *обязанность*, которая раскрывается как разновидность *необходимости*). Таким образом, очевидно, что возможность и необходимость противопоставляются в рамках истинности пропозиции в одном из возможных миров. Искусственный язык семантики возможных миров позволяет учитывать не только объективные, но и прагматические условия использования языка. Некоторое множество возможных миров применительно к лингвистическому анализу охватывает понятие потенциальности, которое будет соответствовать модальным значениям возможности, необходимости, оптативности, повелительности, а также гипотетичности [7, с. 77].

Возможность может быть обусловлена логически, фактически или физически, а необходимость является нормативной (деонтической), физической (онтологической, каузативной) или обусловлена логическими законами. Логически необходимо все, что вытекает из законов логики. Физически необходимо то, что следует из законов природы. Деонтически необходимо то, что вытекает из законов или норм, действующих в обществе. Это понимание восходит к Аристотелю, который рассматривал возможность как оппозицию к действительности, а не-

обходимое как содержащее несколько подтипов: 1а) то, без чего невозможно существование (например, дыхание и пища необходимы для животного); 1б) «то, без чего благо не может ни быть, ни возникнуть» (выпить лекарство необходимо, чтобы выздороветь); 2) то, что является принуждением и насилием; 3) «к числу необходимого принадлежит доказательство, так как если что-то безусловно доказано, то иначе уже не может быть; и причина этому – исходные посылки, а именно: если с тем, из чего образуется умозаключение, дело не может обстоять иначе» [4, с. 151]. Что касается взаимных связей трех видов необходимости, то предполагается, что действие, вменяемое в обязанность, должно быть логически и физически возможным, поскольку невозможно сделать то, что противоречит законам логики или природы. Необходимое в силу законов логики или природы реально существует, его не может не быть. Необходимость в силу нормативности означает, что обязательное не всегда выполняется, но должно быть выполнено [8, с. 126.], т. е. действие необходимости принудительно обеспечено. В первом случае обеспечение обязательности бескомпромиссное. Во втором случае – рациональное и социальное, зависит от сознания и воли создателя норм, авторитета.

В логике в зависимости от основания утверждения о необходимости и возможности происходит разделение на алетическую модальность, которая фиксирует физические и логические отношения реальной действительности, и деонтическую, связанную с нормами и формулирующую то, что должно быть. Это понимание восходит к описанию модальности Г. фон Вригтом в книге «Эссе о модальной логике» (1951): «модальности образуют семейство родственных понятий, которое, кроме традиционных (алетических: возможность, необходимость и т. д.), включает также модальности деонтические (характеристики действий и поступков людей в обществе) и эпистемические (характеристика знаний)» [9, с. 30].

3. Место деонтической модальности в семантике возможности и необходимости.

Модальные понятия возможности и необходимости суть два концептуальных компонента и их оппозиция являются ключевыми позициями семантической зоны деонтической модальности. Как же соотносятся деонтические значения возможности и необходимости?

С одной стороны, в лингвистике отмечается три различных подхода к самой категории модальности, в рамках которых рассматриваются деонтические значения возможности и необходимости:

1) модальность есть отношение говорящего к содержанию высказывания, и в этом случае ядерные модальные значения (способность, возможность, необходимость / обязывание) содержатся в пропозиции;

2) модальность основывается на фактуальности пропозиции или реальности vs. ирреальности / потенциальности. При таком подходе модальные значения возможности и необходимости рассматриваются в рамках общей семантики потенциальности [7, с. 123], где находит отражение динамика связей между реальностью и нереальностью (ирреальностью), проявляясь с точки зрения субъекта модальности в возможности / необходимости перехода нефактического действия / состояния в фактическое. При этом в ситуации возможности допустимо в равной степени как осуществление, так и неосуществление этого перехода, а в ситуации необходимости требуется обязательное превращение потенциального в актуальное, обусловленность ситуации теми или иными (объективными или субъективными) факторами, которые, с точки зрения некоего лица (субъекта модальной оценки), требуют непременно превращения потенциального в актуальное [7, с. 60–61].

3) модальность есть отношение между субъектом предметной ситуации (субъектом действия) и его признаком (действием) в плане возможности, необходимости / долженствования, желательности (*Он может / должен / хочет спать*), т. е. модальность диктума в терминологии Ш. Балли.

С другой стороны, в основе различного понимания объема и семантики возможности и необходимости, выделения их различных частных значений – способности, физической и ментальной необходимости, возможности и необходимости по обстоятельствам, обязанности, вероятности – лежат подходы, отличающиеся точкой отсчета. Количество выделяемых типов модальных значений, их номенклатура и трактовка значительно варьируются у разных авторов.

В более раннем подходе за основу берется разделение модальности на алетическую, деонтическую и эпистемическую, восходящее к Г. фон Вригту [9], затем каждое модальное поле разбивается на возможность и необходимость (схема 1).

Схема 1 – Логико-понятийная классификация модальных значений в лингвистике

Данная триада признаков традиционно выделялась в отечественной лингвистике 70-х гг. для описания разновидностей значений возможности и необходимости (Т.П. Ломтев 1972, Г.А. Золотова 1973, В. Н. Бондаренко 1977, В.З. Панфилов 1977, F. Palmer 1979, 1984 и др.). Алетическое значение связано «с объективными потенциями реального мира» и имеет функционально-истинностный характер, природа этой объективности коренится в физических свойствах реального мира или логических свойствах мышления. Деонтическое значение – «с нормативным и ненормативным поведением» [10, с. 14–15]. В логико-понятийном подходе эпистемическая, субъективная модальность отражает степень познанности (достоверности) объективных связей действительности с точки зрения говорящего в плане соответствия его действительности» [11, с. 7].

В более поздних исследованиях для построения классификаций модальных значений возможности и необходимости применяются бинарные противопоставления: внутренняя / внешняя, деонтическая / недеонтическая. Так, большинство авторов, отдавая дань модальной логике [7], [3, с. 2], [12], [13], [14], [6], понимают модальность как обширную семантическую зону с двумя основными значениями – возможности и необходимости, в каждой из которых выделяются алетическая, деонтическая и эпистемическая возможность и необходимость (схема 2).

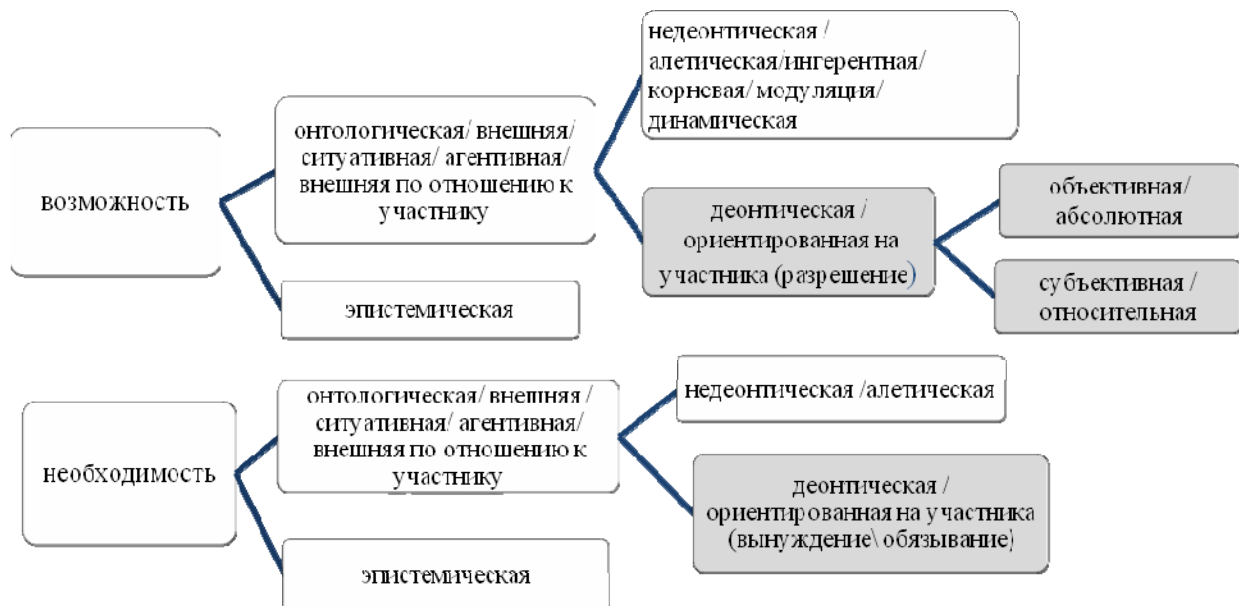

Схема 2 – Семантические зоны модальных значений возможности и необходимости

Алетическую и деонтическую модальность (очевидно, во избежание терминологической путаницы с логикой) лингвисты чаще всего представляют с помощью понятий *внешней*, *онтологической* возможности и необходимости. Модальность определяется как внешняя, ес-

ли связь между субъектом и признаком обусловлена факторами, находящимися *вне* самого субъекта [7]. К. Хенгевелд использует для внешней модальности термин «модальность, направленная на участника» (participant-oriented modality) [15]. Й. ван дер Аувера и В. Плулунгян группу внешних модальных значений называют «модальностью, внешней по отношению к участнику» (participant-external) [13]. В роли факторов, обуславливающих алетическую и деонтическую возможность-необходимость, выступают реальные условия природы и общества (в том числе физическое и психическое состояние человека) и существующие общественные нормы (общепринятые в данном коллективе нормы поведения и мышления, моральные и другие нормы). Онтологическая модальность рассматривается также как пропозитивная установка в отношении высказывания, ей противопоставляется отношение говорящего к содержанию высказывания [16, с.84], т. е. неэпистемическая (деонтическая и корневая) и эпистемическая возможность и необходимость [17].

Понятия *внешней, онтологической* возможности и необходимости описывают ситуации, где соответствующая пропозиция истинна во всех случаях, релевантных для данной ситуации (ср. ситуации возможных миров). Например, Дж. Лайонз определяет деонтическую модальность как относящуюся к необходимости и возможности действий, выполняемых морально ответственными агентами: «разрешено, чтобы ..., т. е. существует некоторый деонтически возможный мир, в котором <...>», и эпистемическую как относящуюся к проблемам знания и убеждения «относительно того, что известно, возможно, что <...>, т. е. существует некоторый эпистемически возможный мир, в котором <...>» [18, с. 346].

Внешняя модальность, в свою очередь, делится на *недеонтическую* и *деонтическую* (корневую). Первая относится к ингерентной возможности и необходимости, которые заданы исключительно внешними обстоятельствами несоциального характера (психическими или физическими свойствами или умениями и навыками субъекта) [19], [7, с. 131–133, 141]. М. Халлидей для номинации недеонтической, корневой модальности вводит термин «модуляция», обозначающий изменение какого-либо параметра признака предметной ситуации [20]. Вторая объединяет разрешение и долженствование, исходящие от говорящего или иного источника, поскольку деонтические нормы являются частью внешнего мира, объективными факторами [13].

4. Деонтические значения возможности и необходимости: семантико-прагматический подход. Деонтические возможность и необходимость есть семантические значения, а разрешения / запреты и обязательства относятся не к модальной области, но к прагматической [16, с. 247–248]. Наличие в деонтической возможности-необходимости указанной позволяет Дж. Байби, Р. Перкинсу и В. Пальюке по-иному подойти к пониманию данной модальной дихотомии. Исследователи не выделяют отдельного деонтического значения, а рассматривают необходимость и долженствование в группе агентивной модальности (agent-oriented modality ‘направленной на исполнителя’), наряду с желанием, способностью (внутренней возможностью) и корневой (внешней) возможностью. Агентивная модальность предполагает наличие у агента внутренних или внешних условий, позволяющих / вынуждающих выполнить действие, выраженное в смысловом предикате: в долженствовании это наличие вынуждающих внешних, социальных условий; в необходимости – физических условий; в способности – наличие у агенса внутренних условий; в желании – наличие внутренних волевых условий в отношении действия. В группе локутивной модальности (speaker-oriented modality ‘ориентированная на говорящего’) авторы рассматривают разрешение и запрет [12, с. 177].

Такой подход позволяет решить проблему дифференциации семантики и прагматики деонтической модальности, которые в речевой деятельности тесно взаимосвязаны.

5. Ситуативный характер деонтики. Источник деонтики или деонтические нормы – общественные, юридически оформленные законы, традиции, обстоятельства, а также нравственные нормы или волеизъявление конкретного лица, которые разрешают или делают ситуацию необходимой (напр., *Здесь курить нельзя; Можете оставаться у меня, сколько хотите*) – представляют собой условия для установления связи субъекта и действия в деонтических высказываниях, чем они отличаются от эпистемических [12, с. 177]. Зависимость деонтики от ситуации, наличие неких конвенций в социуме позволяет назвать данную модальную

группу *конвенциональной* [21, с. 47], или *ситуативной* [19], или «*модальностью события*» (event-modality) [14, с. 111–112]. Подчеркивая зависимый характер данного модального значения, И. Б. Шатуновский отмечает, что наличие условия в области необходимости дифференцирует ее значения как абсолютно-относительные [6, с. 187], а импликацию внешней / деонтической возможности в предложениях с *можно* и *нельзя* обуславливает контекстуальный референциальный фактор: обстановка, в широком смысле: свойства конкретного объекта, или конкретного места, где происходит действие, или времени, и т. д.: *Эту (данную) лодку можно было спасти; Сейчас можно писать, что хочешь; Здесь можно упасть; Играть нельзя;* и т. д. [6, с. 164]. Таким образом, модальность включает контекст двумя способами: во-первых, существует лингвистический контекст высказывания – его место, время, оратор и слушатель; во-вторых, есть ситуационный контекст: то, что указывает на источник для вывода или причину деонтической модальности.

6. Субъективная и объективная деонтика. Деонтические высказывания используются для обозначения разрешения и обязательства, исходящих от говорящего, ср.: *а) Здесь можно курить* – определить, предоставлено разрешение законом либо говорящим, позволит лишь контекст; *б) Вы должны снять обувь, когда войдете в храм* – культурная конвенция, которая имеет статус закона. Деонтика создается людьми, причем они целенаправленно и осознанно формулируют нормы поведения, в отличие от законов физической и логической природы. Не говорит ли это о том, что деонтическая модальность носит субъективный характер?

В интерпретации объективности / субъективности деонтики, однако, существуют разногласия. Так, Ф. Палмер, трактуя деонтическую модальность как «отношение говорящего к возможному событию в будущем», отмечает, что данная модальность «зависит *только* от объективной действительности и не связана с мысленными представлениями говорящего» [14, с. 111–112], т. е. исключает волю говорящего из деонтики.

Деонтическая модальность имела бы субъективный характер только в том случае, если бы нормы поведения устанавливались отдельным индивидом, зависели только от его воли и применялись им лишь по отношению к себе. Однако нормы имеют обязательный характер для всех и в этом смысле являются объективными. В этой связи в рамках деонтической модальности исследователи выделяют две стороны [7, с. 141]: *а) обусловленную социальными нормами (служебными, юридическими, социально-нравственными нормами общества), которые распространяются на сферу субъекта в силу его принадлежности к определенному социуму; б) обусловленную волей говорящего (ситуации разрешения, просьбы, совета, предложения).* Это приводит к разделению данной модальности на объективную и субъективную сферы (*вы можете идти* = *а) разрешено объективными условиями; б) разрешается кем-то*) [6, с. 173], [18, с. 347], на что указывал Я. Хинтика, подчеркивая, что разрешение – это дело говорящего: разрешить или нет, в то время как обязательство / вынуждение делает ситуацию необходимой, «в этом случае сама действительность такова, что допускает или не допускает различные варианты, «направления» развития событий» [22, с. 74].

Таким образом, в логике модальность рассматривается только на уровне пропозиции, а модальные высказывания интерпретируются с точки зрения истинности/ложности, для чего данные критерии дополняются значениями возможности и необходимости. Последние представляют собой семантические центры / корреляты деонтической модальности в лингвистической парадигме понимания данной категории.

Значения возможности и необходимости определяются друг через друга и через отрицание. Они имеют свою языковую форму, однако при рассмотрении семантической зоны модальности в лингвистике данные правила не соблюдаются: так, необходимость исключает возможность, но не наоборот – возможность в речи не исключает необходимость, поскольку возможность понимается как альтернатива.

Деонтические возможность и необходимость представляют собой ситуативные, контекстно-зависимые модификации: они актуализируются как в сфере объективных, онтологических отношений, так и в области субъективного отношения к предмету речи (действию).

Прагматический аспект данной категории требует дальнейшего теоретического рассмотрения и разграничения ее с побудительной и директивной семантикой, а наличие волевого компонента в ее семантике делает необходимым анализ соотношения деонтической модальности с волеизъявлением и желательностью.

Литература

1. Nuyts, J. The modal confusion : on terminology and the concepts behind it / J. Nuyts // *Modality : studies in form and function* / A.Klinge, H.Müller (eds.). – London : Equinox, 2005. – P. 5–38.
2. Nuyts, J. On deontic modality, directivity, and mood : the case of Dutch *mogen* and *moeten* / J. Nuyts, P. Byloo, J. Diepeveen // *Journal of pragmatics*. – 2010. – Vol. 42. – P. 16–34.
3. Зеленщиков, А.В. Пропозиция и модальность : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / А.В. Зеленщиков ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 1997. – 40 с.
4. Аристотель. *Метафизика* // Сочинения : в 4-х т. / Аристотель – М. : Мысль, 1976. – Т. 1 – 550 с.
5. Кант, И. *Энциклопедический словарь* / И. Кант ; Издатели : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон – СПб, 1895. – Т. XIV. – С. 325.
6. Шатуновский, И.Б. Семантика предложения и неререферентные слова / И.Б. Шатуновский. – М. : Языки славянской культуры, 1996. – 399 с.
7. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1990. – 264 с.
8. Ивин, А.А. *Логика: для юристов : учеб. пособие.* – М. : Гардарики, 2005. – 288 с.
9. Вригт, Г.Х. фон. *Логико-философские исследования. Избранные труды* / Г.Х. фон Вригт ; пер. с англ. / Общ. ред. Г.И. Рузавина, В.А. Смирнова ; Сост. и авт. предисл. В.А. Смирнов. – М. : Прогресс, 1986. – 600 с.
10. Булыгина, Т.В. Концепт долга в поле долженствования/ Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // *Логический анализ языка. Культурные концепты.* – М., 1991. – С. 14–21.
11. Бондаренко, В.Н. Виды модальных значений / В.Н. Бондаренко // *Филологические науки.* 1979. – № 2. – С. 54–61.
12. Bybee, J.L. *The Evolution of Grammar: tense, aspect, and modality in languages of the world* / J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. – Chicago : The University of Chicago Press. Croft, W., 1994. – 420 p.
13. Auwera, J. van der. *Modality's semantic map* / J. van der Auwera, V.A Plungian // *Linguistic Typology*. – 1998. – № 2. – P. 79–124.
14. Palmer, F.R. *Mood and modality* / F.R. Palmer. – 2-nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 236 p.
15. Hengeveld, K. *Mood and modality* / K. Hengeveld // *Morphology : a handbook on inflection and word-formation* / Eds. G. Booij, C. Lehmann, J. Mugdan. – Berlin; NewYork, 2004. – P. 1190–1202.
16. Kiefer, F. *On defining modality* / F. Kiefer // *Folia Linguistica*. – 1987. – Bd. 21 (1). – S. 64–97.
17. Palmer, F.R. *Mood and modality* / F.R. Palmer. – Cambridge, 1984. – 243 p.
18. Лайонз, Дж. *Лингвистическая семантика : введение* / Дж. Лайонз ; пер. : И.Б. Шатуновский, В.В. Морозов, Дж. Лайонз. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 399 с.
19. Auwera, J. van der. *Modality and mood in Standard Average European* / J. van der Auwera, D. van Olmen // *The Oxford handbook of modality and mood* ; Ed. by J. Nuyts & J.v.d. Auwera. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 364–382.
20. Halliday, M.A.K. *Functional Diversity in language as seen from a consideration of modality and mood in English* / M.A.K. Halliday // *Foundations of language*. – 1970. – Vol. 6. – P. 322–361.
21. Dietrich, R. *Modalität im Deutschen : Zur Theorie der relativen Modalität* / R. Dietrich – Springer Fachmedien Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1992. – 224 s.
22. Хинтиikka, Я. *Логико-эпистемологические исследования* / Я. Хинтиikka. – М. : Изд-во Прогресс, 1980. – Сер. : Логика и методология науки. – 448 с.

Стилистические приемы передачи речевой агрессии в социальных сетях

Т.Е. ХРАБАН

Представлены результаты анализа основных стилистических приемов передачи агрессии в социальных сетях: антономазии, гиперболы, парадокса, антитезы. Исследование было проведено на материале текстовых фрагментов комментариев социальной сети Facebook и ВКонтакте с использованием методов лингвистического описания и интерпретационного анализа текстовых фрагментов.

Ключевые слова: речевая агрессия, стилистический прием, социальные сети.

The results of the analysis of the main stylistic methods dealing with the conveying of aggression in social networks such as antonomasia, hyperbole, paradox, antithesis are presented. Text fragments of comments collected from the social network Facebook and VKontakte were used as material for this analysis. The study was carried out owing to the use methods of linguistic description and interpretation analysis of text fragments.

Keywords: verbal aggression, stylistic method, social networks.

Интернет-коммуникация, как и любая коммуникация, требует соблюдения норм речевого взаимодействия. В реальном пространстве абсолютная свобода слова невозможна благодаря моральным, нравственным и культурным ограничениям, а агрессивное поведение мешает успешной социальной адаптации в обществе. Глобальное вовлечение все большего количества людей в сетевое взаимодействие, их участие в различных группах и обсуждениях создает благоприятную почву для повсеместного распространения речевой агрессии, которая проявляется в негативном отношении к адресату (референту) и установкой на деструктивное речевое поведение. Проблема речевой агрессии широко представлена в современных лингвистических исследованиях: проведен лингвистический анализ форм речевой агрессии в СМИ (Т. Воронцова, Е. Какорина, Г. Копнина, А. Сковородников, Ю. Щербинина, В. Bushman, С. Ferguson, L. Eron, L. Huesmann, M. Lefkowitz, L. Walker), исследованы формы, типы и дискурсивные тактики вербальной агрессии (Л. Гараева, Л. Закоян, А. Карякин, С. Berger, D. Infante, K. Molek-Kozakowska, A. Rancer), изучены особенности выражения речевой агрессии в художественном тексте (А. Ларионова, И. Лазебная, V. Gecas), выявлены особенности проявления речевой агрессии в интернет-коммуникации (Е. Двойнина, Т. Габдрафикова, Н. Шаповалова, О. Маслова, M. Appel, B. Vatinic, P. Holtz, B. Stiglbauer).

Актуальность статьи продиктована необходимостью исследования коммуникационной среды Интернета, что может способствовать поиску позитивных решений в предотвращении возникновения и развития речевой агрессии и эффективно противостоять нарастанию данной проблемы в интернет-коммуникации. Цель статьи заключается в определении основных стилистических приемов передачи агрессии в украиноязычных секторах социальных сетей.

Материалы и методы. Исследование было проведено на материале публикаций и комментариев украиноязычных секторов социальных сетей Facebook и ВКонтакте с использованием методов лингвистического описания и интерпретационного анализа текстовых фрагментов.

Результаты и их обсуждение. Речевая агрессия – явление, включающее помимо языковой манифестации поведенческую, социальную, психологическую, прагматическую, политическую составляющие. Под речевой агрессией в работе понимается речевой акт, в котором иллокутивной целью является манифестация враждебности, направленной на определенный объект (явление, лицо, группу лиц). Речевая агрессия имеет различные формы проявления: наклеивание ярлыков, обыгрывание имени объекта агрессии, нагнетание негативных ассоциаций, акцентирование неприятных или обидных для объекта деталей, прямое оскорбление, скрытый упрек, косвенное осуждение.

Для реализации речевой агрессии пользователи социальных сетей применяют следующие основные стилистические приемы:

1. Антономазия. При выполнении функции передачи агрессии антономазия направлена на намеренное оскорбление, моральное подавление коммуниканта путем выражения негативных эмоций и чувств по отношению к реципиенту путем искажения его социального образа среди остальных членов общества, то есть уменьшения его социальной привлекательности, или путем формирования негативного коммуникативно-ведущего образа личности (события), с которым адресат имеет общность взглядов на жизнь, интересов, приоритетов, социальных норм и установок. Наиболее часто речевая агрессия в антономазии выступает в виде оценочных суждений, устанавливающих абсолютную или относительную ценность какого-либо объекта (личности). Учитывая тот факт, что современное общество является обществом информационным, следует отметить, что наиболее ярко оценка представлена в социальных сетях, где наиболее ярко представлены характеристики политических деятелей, деятелей культуры и шоу-бизнеса. Оценочные высказывания могут включать в себя инвективное словоупотребление, которое содержит в своем выражении понятия непристойного и запредельного с точки зрения норм общепринятого поведения [1, с. 18]. К основным тематическим группам бранной лексики относятся: названия живых существ (*Боягузлива гнида!!!; Які вони слизькі. Якщо в нас війна, то війна проти когось. Не будь слизняком і назви, хто це*); наименования нечистот (*Тарас, якщо ти не патріот, то... іди із групи, біомусор!!!!*); обращения к нечистой силе (*І знаходяться ж ідіоти, які вірять цій відьмі!; Загальне, таємне і рівне виборче право – це диявольський винахід. Не може бути голос доктора філософії бути рівним голосу бродяги з паспортом*); обвинения в незаконнорожденности (*Вам не здається підозрілим, що якийсь бастрюк сидить, крутить історією і просто тролить Вас. Навіщо на це реагувати*). Как свидетельствуют приведенные примеры, для оценки используются сравнения только с тем, что вызывает неуважение, презрение, брезгливость, но не ненависть или возмущение. Наличие неприличной формы таких слов и выражений, относящихся к конкретной личности, расценивается как речевая агрессия и посягательство на честь и достоинство адресата.

Использование антономазии с целью передачи речевой агрессии может осуществляться путем обвинения оппонента в нарушении им норм национально-культурного поведения, пренебрежении определенными культурными ценностями [2 с. 23]. В данном случае речевая агрессия реализуется с помощью следующих категорий лексических и фразеологических единиц: слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *мошенник, жулик, проститутка (Ще трохи і з такими шльондрами не бесіду проводитимуть, а прямий хук у морду; цинізм бариги виходить за межі)*; прецедентные имена (*Через рік роботи Сина Лейтенанта Шмідта...; Шановний Нарцисе, балакайте самі з собою, до Вас ніхто не звертається, правильний Ви наш; Старечий маразм укупі з інтернет-залежністю – міцна штука, Наполеон. Тебе, мабуть, і лікувати марно*); слова, держащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности (*Бреше майже як його політичний батько, супермегабрехло ...!; ..... є брехунами світового масштабу!; Як можна обнулити репутацію? Він же мінус нескінченність; Цікаво, а він і досі декларацію не подав? Ілі йому ніколи? Політичний труп з нульовим рейтингом*); слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого (*...офшорник постійно бреше; пани Оффшоровичи...; Рівненський республіканець? Буришти-ноукопач? Прихильник Рівненської республіки? А як же закони України?; За його словами, мер-сепаратист навіть підняв прапор ЄС над міською радою; Популіст та синок української корупції.); сленг (*Подивись на себе в дзеркало, ти навіть ім'я своє не використовуєш, а псевдо. Бот ти. І хам. І ведеш себе, як розпальцівка: навішування ярликів і перехід на особистості... Тебе ніхто до діалогу не просив. Тому надувай щоки далі, розумнику великий*); зооморфные образы, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека (*Я не виправдовую камуфляжників, які полізли на чужу ходу, але мене тут цікавить: чому їх не затримували в правовому полі компетентні органи, а останні скористались послугами биків кримінального характеру?*).*

Таким образом, при позиционировании своих установок и убеждений путем речевой агрессии индивид противопоставляет себя воображаемой референтной группе, которая воплощает в себе социальный «антиобразец» [1, с. 167]. Прием антономазии используется для искажения социального образа личности и достигается путем переосмысления, замещения, а также одновременного замещения и добавления интертекстуальных отсылок. Это наносит урон имиджу, портит социальный портрет и ведет к утрате в глазах коллектива предыдущей социальной значимости индивида, который стал объектом речевой агрессии. Адресная негативная информация об адресате создает предпосылки для образования в сознании окружающих его людей нового образа, который будет отличаться от первоначального своим искаженным видом.

2. Гипербола. Стилистический прием антономазии является средством открытого выражения агрессивности. Однако в социальных сетях администраторы сообществ могут удалить сообщение или закрыть доступ в группу за оскорбления и нецензурную лексику. Поэтому пользователями социальных сетей используется большой арсенал имплицитных приемов, с помощью которых говорящий может выразить отрицательное отношение к адресату. Одним из таких имплицитных приемов является гипербола [3], [4]. И. Курахтанова отмечает, что в «процессе гиперболизации переосмысливается взаимосвязь таких философских категорий как количество – мера – качество за счет контрастного сопоставления, определяющего характер соотношения компонентов гиперболы и включающий в себя две операции: аналогии по признаку и противопоставления по количественной характеристике. В основе гиперболического образа лежит нарушение структуры реальных взаимоотношений явлений действительности, подмена ее другой» [5, с. 7]. Такое гиперболическое употребление, по мнению Ю.Д. Апресяна, свойственно многим глаголам, содержащим в своем основном значении указание на количественную оценку. Как правило, в гиперболическом употреблении все подобные глаголы передают агрессивное отношение к адресату [4, с. 15]: *А працювати не пробували ці активісти? Вже остогиділи зі своїми протестами! Знають проти чого чи кого протестували?* Приведенный комментарий несет в себе имплицитную агрессию благодаря употреблению глагола *остогидіти*, который в своем значении дает указание на количественную оценку «надоесть до крайней степени». Такое же указание на количественную оценку содержится в следующем фрагменте: *Я знаю одну категорію «гомо сапієнсів», які дуже переїмаються нашими справами і радіють, коли в нас щось негаразд. В коментаріях налетіли і давай паскудити*, где глаголы *налетіли* и *паскудити* указывают на крайне негативную оценку оппонентом события и приобретают значение «обращаться в агрессивной манере». Так, контекст *Куди котиться Україна разом з народом?! В таке майбутнє, що то страшно заглядати...* содержит гиперболическое употребление глагола *котиться*. Пресуппозиция глагола в рассматриваемом фрагменте – «находиться в процессе быстрого движения» – имеет нейтральное значение, в то время как его ассепция – «регрессировать», «изменяться к худшему» – содержит негативную оценку.

3. Парадокс. Стилистический прием парадокса характеризуется алогической связью частей одного предложения, компонентов фразеологических единиц или нескольких предложений, в которых сосуществуют противоречивые понятия: *У п'ятницю лікарні ... стали жертвами хакерів-вимагачів. Що можна взяти з українських лікарень, крім аналізів пацієнтів?* В данном примере автор использует парадокс, который выявляет противоречие и алогизм, для обвинения в предоставлении заведомо ложной информации. В большинстве случаев парадокс противопоставляет два утверждения в двух предложениях, но может создаваться при помощи нескольких предложений: *Чудні люди. Країна в крові. Кожен день гине цвіт нації. Гинуть ті, хто міг продовжити свій рід, гинуть не за цапову душу. А вас хвилює Джамала з червоною доріжкою. Герої, на жаль, вмирають. І не потрібно нікого дурити. І себе, в першу чергу.* В данном примере экспрессивности парадокса способствует инверсия и эмфатические конструкции. Позиционирование конфликтогенного речевого поведения реализуется путем установки на антидиалог (*І не потрібно нікого дурити*) и может рассматриваться как «вторжение в когнитивное пространство адресата» [6, с. 9]. Несоизмеримость в человеческом восприятии таких семантических компонентов концептов *мир* и *война* как «культурно-развлекательные мероприятия» и «смерть», позволяют адресанту нивелировать

концепт «мир» путем изменения оценки объектов, стоящих за данным концептом. При этом происходит «актуализация одного из компонентов смысловой структуры концепта с привнесением нового содержания в его структуру и изменение соотношения смысловых компонентов» [6, с. 10], что рассматривается Т. Воронцовой как речевая агрессия.

Выявление противоречий окружающей действительности путем парадокса может достигаться путем создания сатирического эффекта, что уже в своей семантике заключает отрицательно-оценочную коннотацию, непосредственно связанную с проявлением агрессии: *Ви що??? ... – найкращий банкір за всю історію! Народ збіднів у 2–3 рази... А ви про якусь тюрму для поважної людини. Орден Охендовського I ступеня їй!*

Оппозиция в парадоксах может выражаться в имплицитной и эксплицитной формах. Имплицитной является оппозиция между логической нормой высказывания и словом (группой слов), использование которых превращает его в парадокс: *Наш виборець дуже розумний і має високі принципи довіри: 1. Гречка повинна бути чистою, без лушпиння; 2. Не менше кілограма; 3. За мітинги розраховується як домовлялись.* В данном фрагменте логически правильное высказывание, характеризующее культуру избирателя, и против которого направлен парадокс, выражается имплицитно путем соотнесенности избирателя с прецедентом, который в украинском обществе ассоциируется с коррупцией в избирательном процессе.

Таким образом, такие инвариантные характерные черты парадокса, как наличие алогизма, противоречивости, неожиданной трактовки известного и привычного, позволяют пользователям социальных сетей выражать собственную агрессию.

4. Антитеза. Как стилистический прием антитеза служит для раскрытия противоречивой сущности обозначаемого или несовместимости различных предметов, явлений. Для манифестации агрессии интерес представляет вид антитезы, который реализует не один концепт, а два противопоставленных концепта: концепт и антиконцепт. В данном случае антитеза служит для создания оппозиции «свой – чужой»: *Ну, пробачте нас, чоловік із вищого круга. Ти часом не арієць? А, ну так, у вас в лундирляндії всі – вища каста...* Приведенный пример является отражением возникновения и существования в интернете субкультуры «альт-правых», которая объединяет тех, кто «идентифицирует себя в оппозиции как к неолиберальным, так и к традиционным консервативным ценностям и... пропагандирует взгляды, которые присущи сторонниками господства белых, расистам, антисемитам, исламофобам, антифемистам, женоненавистникам и гомофобам» [7]. Возникающий между оппонентами когнитивный диссонанс можно охарактеризовать как «возврат к концепции войны идей или идеологий» [8]. Г. Почепцов утверждает, что, поскольку «это война не в физическом пространстве, даже, если задуматься, и не в информационном, а в пространстве виртуальном, то она требует не просто совершенно иного инструментария, но даже и иных базовых единиц» [8]. Такими базовыми единицами в приведенном комментарии стали мемы. Фрагмент содержит клише «фашисты – неонацисты – каратели», который является явным мемом, и, по мнению Г. Почепцова, «возродился без особых усилий, что позволило видеть действительность сквозь навязанные извне понятия. Понятно, что главным конструктивным элементом здесь становится привязка к немецким нацистам, которой не может быть в сегодняшнем дне, но зато она сильна пропагандистская» [8]. Таким образом, оппозиция «свой – чужой» превращается в оппозицию «свой – враг»: *...приходьте завтра на 12:00 до площі перед Національний Музей Історії України – НМІУ, щоб показати – тих, хто хоче знати правду більше, як маргіналів, що хотіли б аби всі й далі жили в полоні совкових міфів.* Стилистический прием антитезы содержит национально-культурный компонент в виде реалий и культурной коннотации. Способами выражения культурно значимой информации выступают прецедентные феномены: имена, ситуации, высказывания: *Вата проти фанери, хто ж візьме верх? Кому дістанеться головний приз? А ось він, на фото, цей призер; Та НАТА – то начебто дорогого фітнес клубу для багатіїв. Такі всі в вазеліні, щоб блищати, у дорогих труселях, надулися – зараз луснуть..., а як морду хаму надерти, то – «я сьогодні зайнятий» ... Сподіватися треба тільки на свою армію!* В данном фрагменте речевая агрессия проявляется как вторжение в аксиологическое пространство адресата, когда «адресант навязывает ад-

ресату негативное отношение к референту высказывания» [6, с. 10] – НАТО. При этом, «коммуникативная перспектива такого типа агрессии – разрушение реальных или потенциальных контактов между адресатом и референтом высказывания» [6, с. 10]. С целью эксплицитировать собственные представления и оценки автор анализируемого фрагмента создает негативный образ «чужого», используя контекстуальные (*вата – фанера; НАТО – своя армія*) и лексические (*надутися – луснуть*) антонимы, разговорные конструкции, отличительной особенностью которых является употребление сниженной и разговорно-неформальной лексики (*багатії, трусея, морду хаму надерти*), противопоставление «долг – неисполнение» (*як морду хаму надерти, то – «я сьогодні зайнятий»*), намеренное искажение слов для демонстрации пренебрежения к оппоненту (*НАТА*), сарказм, построение ассоциативных цепочек с негативной коннотацией (*НАТО – назва фітнес клубу*). Для акцентуализации позитивного образа «своего» автор фрагмента использует императив и восклицание с целью продемонстрировать уверенность в своей правоте, привлечь внимание аудитории и побудить ее разделить мнение автора (*Сподіватися треба тільки на свою армію!*), выстраивает ассоциативную цепочку с комплиментарной коннотацией «своя армия – надежда», употребляет частицу *тільки* для усиления высказывания в целом и выразительности одного из членов предложения – *своя армія*.

Манифестация оппозиции «свой – чужой» в антитезе ассоциируется с дестабилизацией и деструкцией, и позволяет рассматривать ее в качестве конфликтогена. Характерным для приемов обличения и обвинения является употребление оценочной лексики с негативным компонентом значения: *У мене питання до саакафілам: якщо запальний Міхо переміг корупцію в Грузії, то самий некорумпований суд хоче притягнути його до відповідальності за корупцію, тобто Міхо – бариґа! Якщо ж суд прийняв завідомо політично мотивоване рішення, то значить всі розмови про перемогу корупції в Грузії – фейк!* В данном фрагменте аргументированность негативной оценки «чужого» достигается также путем использования риторики ненависти для выражения резко отрицательного отношения к носителям иной системы национальных и культурных ценностей и выступает как форма проявления межнациональной вражды и нетерпимости (*саакафіли*).

Несмотря на все более активный процесс глобализации, который ведет к унификации и стиранию различий между «своими» и «чужими», оппозиция «свой – чужой» по-прежнему является характерной для интернет-коммуникации. Номинация «своих» и «чужих» в контексте публикаций и комментариев в социальных сетях в основном разворачивается за счет активизации разного рода националистических движений, межэтнической конфронтации, обострения конфликтов на территории постсоветского пространства, создания таких субкультур в интернете, как альт-правые, 4chan, Encyclopedia Dramatica, Something Awful, «посвященные бренду ожесточенной непочтительности и остроумности» [7]. Оппозиция «свой – чужой» может также реализовываться на культурном, гендерном, конфессиональном уровнях: *Мадам, я задався питанням: «Навіщо такі, як Ви, відвідують соцмережі?» Розпитав. Зробив висновок – дами ходять в соцмережі через відсутність уваги до себе. Блонді, озирнись навколо, приділіть увагу своїм близьким, і Вам відплатиться.*

В анализируемом фрагменте речевая агрессия реализуется путем использования обезличенно-насмешливого обращения (*мадам*), коммуникативной установкой которого является создание оппозиции «мужчина – женщина», причем автор намеренно подчеркивает свое негативное отношение до группы, к которой принадлежит оппонент (*такі, як Ви*). Автор также акцентирует негативную оценку интеллектуальных способностей адресанта (блонді); использует словосочетание, имеющее семантический компонент `одиночество` (*відсутність уваги*) с целью принизить личные качества оппонента и ее семейный статус.

Заключение. Таким образом, исследование дискурсивных фрагментов, размещенных в украиноязычных секторах социальных сетей, позволило выделить наиболее распространенные стилистические приемы передачи агрессии в украинском языке: антономазия, гипербола, парадокс, антитеза. При этом основным средством выражения агрессии являются входящие в состав указанных конструкций лексические единицы, тогда как сами стилистические приемы лишь углубляют передаваемые с их помощью агрессивные эмоции.

Литература

1. Волков, Ю.В. Социология / Ю.В. Волков, В.И. Добреньков, В.Н. Нечипуренко. – М. : Гардарики, 2000. – 512 с.
2. Жельвис, В.И. Эмотивный аспект речи. Психологическая интерпретация речевого воздействия / В.И. Жельвис. – Ярославль : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1990. – 81 с.
3. Гловинская, М.Я. Скрытая гипербола как проявление и оправдание речевой агрессии / М.Я. Гловинская // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой ; Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – С. 69–76.
4. Апресян, Ю.Д. ИмPLICITная агрессия в языке / Ю.Д. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Труды международного семинара «Диалог 2003» по компьютерной лингвистике и ее приложениям ; под ред. А.С. Нариньяни. – Протвино, 2003. – С. 14–18.
5. Курахтанова, И.С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы : на материале англ. языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.С. Курахтанова. – Москва, 1978. – 210 с.
6. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство / Т.А. Воронцова. – Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. – 252 с.
7. Kidd, S. Memes, subcultures and social media [Electronic resource] / S. Kidd. – Mode of access : <https://simonkidd.wordpress.com/2017/07/10/memes-subcultures-and-social-media/>. – Date of access : 21.03.2017.
8. Почепцов, Г.Г. Меметическая война, или в поисках «арифметики» разума [Электронный ресурс] / Г.Г. Почепцов. – Режим доступа : http://osvita.mediasapiens.ua/trends /1411978127/memeticheskaya_voyna_ili_v_poiskakh_arifmetiki_razuma/. – Дата доступа : 21.03.2017.

Киевский военный лицей им. И. Богуна

Поступила в редакцию 30.04.2017

Философия

УДК 316.75 + 304.44

Аксиологические приоритеты современных студентов и магистрантов (на примере ГГТУ им. П.О. Сухого)

В.К. БОРЕЦКАЯ, В.Н. ЯХНО

Анализируются ценностные предпочтения студентов и магистрантов Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого. Описаны результаты аксиологического выбора жизненных ценностей учащейся молодежи.

Ключевые слова: аксиология, ценности, семья, друзья и знакомые, религия, политика, работа.

The value preferences of students and masters of the Suchoi State Technical University of Gomel are analyzed. The results of the axiological choice of students' vital values are described.

Keywords: axiology, values, family, friends and acquaintances, religion, policy, job.

Полемика относительно базовых ценностей социума всегда актуальна. Одно из последних самых масштабных белорусских исследований динамики ценностей современного общества было представлено социологами из БГУ в монографии «Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» [1]. Является актуальным и теоретический аспект проблемы ценностей в философии, так как именно ценности выступают катализаторами многих социальных процессов и общественной динамики. Категория «ценность» – особая, философская категория, которая занимает центральную позицию в аксиологии – философском учении, анализирующем ценностные позиции человека и общества.

Аксиология становится самостоятельным разделом философии лишь в XIX в., благодаря немецкому философу Рудольфу Герману Лотце. В своей философии и психологии Лотце продолжает традиции Платона, Лейбница, Гербарта, Канта, Гегеля. Мыслитель «выстраивая» свою философию приводит нас к проблеме ценностей. Так, «субстанцию» Лотце считал продуктом рефлексии, возникшим из необходимости объяснить, что именно является основой разнородных типов отношений. Видимость субстанциональности образует многообразие отношений («закон видимости и есть субстанция»). Целеопределённая действительность есть по своей природе долженствующее быть, то есть обладает моральной необходимостью, – утверждал немецкий мыслитель. На подобном взаимодействии основывается и познание, в котором вещи и события отражаются не так, как они есть, а только как они являются. Содержание и значение нравственных идей, подобно теоретическим истинам, не зависит от опыта, который дает только повод к их развитию. Нравственная оценка наших действий может опираться на сознание только обязательных идеалов, осуществление которых настоятельно требуется от нас при всех обстоятельствах. Эта обязательность нравственных заповедей легко объясняется предположением, что, исполняя их, мы содействуем мировой цели, заключающейся в создании ценного блага [2, с. 797]. Базисное положение о «ценностных отношениях», их объективности было принято и в советской аксиологии, например, философской школе В. Тугаринова, который подчеркивал объективность как самих явлений, так и их свойств. В современной социальной психологии под ценностью понимается формируемое и принимаемое обществом, социальной группой или личностью убеждение по поводу целей, которые необходимо достичь, а также способов, которые способствуют их достижению. Носитель ценности – действие, явление, любая вещь, а вот «ценностные ориентации» – это усвоенные индивидом или социальной группой особые, часто субъективные ценности общества [3, с. 488].

Современное государство, вырабатывая стратегию будущего, должно учитывать аксиологические предпочтения своего населения. Ценности в любом обществе, в любую эпоху всегда являются комплексом возможностей (ресурсом) социального развития, так как ценностные устремления социальных групп оказывают непосредственное влияние на экономическую и социокультурную динамику общества, ускоряя или тормозя его эволюцию. Так, согласно последним исследованиям морально-ценностных установок белорусов Институтом социологии НАН ожидания наших граждан «не превосходят реальный социальный пакет. Среди ценностей на первом месте стоят здоровье, семья, дети». А народ наш «в целом достаточно самостоятельный и патриархальный» [4].

В XX в. социально-демографической группой, осваивающей и стимулирующей будущее, стала молодежь. Современная цивилизация особо поощряет инновации, в том числе представляющие собой программы, адресованные общественному прогрессу. Такие программы в период их формирования еще не реализуются в массовой деятельности людей и не проявляются в социальной жизни, но могут отчетливо проявлять себя в молодежной среде. Безусловно, есть ценности, которые сохраняют устойчивость во времени и подлежат передаче следующим поколениям, например, семья и религия, но есть и более «новые», современные – досуг, политика.

Общезначимость указанной проблемы послужила источником интереса к выявлению основных жизненных позиций и возможных ценностных сдвигов в молодежном восприятии. Аксиологические приоритеты белорусов анализировались учеными нашей страны [1], [4]. Цель авторов статьи состояла в выявлении базисных ценностей у молодежи, а именно, у студентов и магистрантов ГГТУ им. П.О. Сухого. Работа выполнена на основе анализа научной литературы, использования метода анкетного опроса, а также количественного и качественного анализа полученных эмпирических данных.

Социологический материал, использованный в статье, получен авторами в процессе анкетирования студентов и магистрантов. Задавая рамки анализа, учащимся было предложено определить свое отношение к таким базовым ценностям общества как: семья, друзья и знакомые, досуг, политика, работа, религия. Кроме того, респондентам необходимо было определить значимость знания (обучения, информации) и основные источники их получения. В рамках подготовительной работы была создана фокус-группа учащихся в Гомельском государственном техническом университете им. П.О. Сухого. По результатам обсуждения проблемы была разработана анкета, которая включала в себя блоки вопросов, направленных на выяснение предпочтений учащейся молодежи в выборе основных ценностей социума. Эмпирической базой исследования стал выборочный социологический опрос среди студентов первокурсников дневной формы обучения и студентов-заочников второго и третьего курсов обучения, а также магистрантов дневной и заочной форм получения образования. Респонденты – жители г. Гомеля или Гомельской области. Опрос был проведен в январе-феврале 2017 г. Всего было проанкетировано 300 человек. 92 студента-первокурсника факультета автоматизированных и информационных систем (далее ФАИС) в возрасте от 17 до 22 лет и 103 студента заочника от 19 до 33 лет (специальностей: энергетика, промышленная электроника, теплоэнергетика). Кроме того, было опрошено 105 магистрантов в возрасте от 21 до 37 лет (всех специальностей). ГГТУ является техническим вузом, поэтому большинство респондентов обучается на технических и технологических специальностях и большую часть респондентов составляют представители мужского пола 77,3 %.

Обратимся к анализу распределения ответов на предложенные вопросы. Самой значимой ценностью для наших учащихся оказалась семья – 74 % опрошенных заявили, что именно семья играет «очень важную» роль в их жизни. Суммируя данный результат с позицией «скорее важно», мы получили 94 %. Безусловно, семья – базовая интегрирующая сила, социокультурный феномен, который должен сопровождать нас всю жизнь: от рождения до смерти. Именно семья формирует у человека основные навыки коммуникации, которые раскрываются и совершенствуются далее весь жизненный цикл, в том числе в дружеском общении, приятельских отношениях, в трудовом коллективе. Только 1,6 % респондентов решили, что семья – «скорее не важна». Два человека заявили, что семья в их жизни «совсем не важна» – это 1,1 %. Десять человек не смогли определить свою позицию относительно семьи (3,3 %).

Если сравнивать ответы студентов и магистрантов, то обнаруживается интересная тенденция – самая высокая оценка роли семьи в жизни человека была дана студентами второго курса ФАИСа и магистрантами. Это самые молодые из принимавших участие в анкетировании респонденты, и они, большей частью, не имеют ни семьи, ни опыта семейной жизни. Среди студентов – 94,4 % считают семью «очень важной» и «скорее важной». У магистрантов этот показатель – 94,2 %. У более взрослых и большей частью семейных студентов заочного факультета – 92,8 %. Сравнительный анализ полученных данных можно представить в виде диаграммы (рисунок 1).

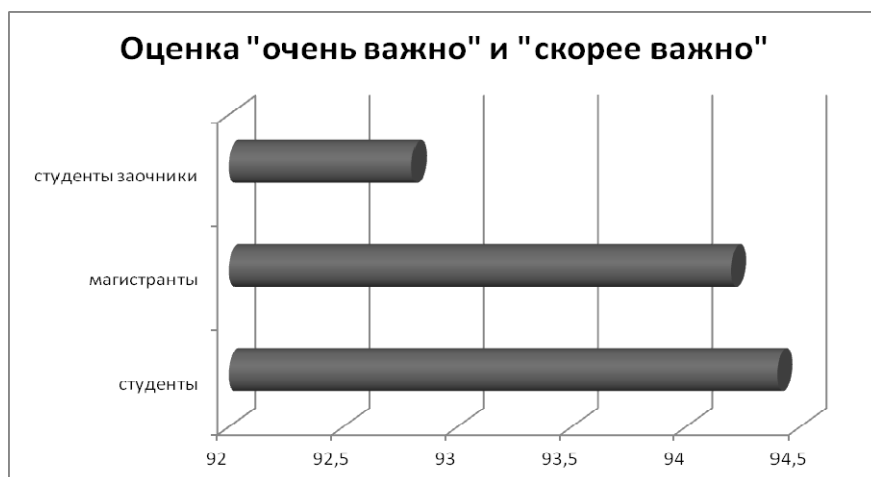

Рисунок 1 – Динамика значимости ценности семьи для студентов и магистрантов ГГТУ (в %)

Следующая ценность человеческой жизни, предложенная для анализа студенческой аудитории, работа. Трудовая деятельность, работа человека в философских источниках всегда характеризовались двояко: от апологии у Гегеля до критического восприятия у Маркса и Зиммеля. А дискуссии с учащейся молодежью о необходимости работать часто заканчивались вопросом: Неужели человек должен все время работать, зарабатывать для того, чтобы жить? Разве в этом смысл человеческой жизни? Следует отметить, что последние годы все чаще говорят и пишут о кризисе трудовой мотивации, нежелании молодежи работать. Действительно, если работой студентов и магистрантов считать учебу, то проблемы очевидны. Однако, понимание работы как ценности и потому самоцельной человеческой деятельности необходимо не только для развития общества, но и самого человека. Работа дает нам возможность актуализировать все свои дарования, замыслы, формировать широкий круг коммуникаций и, конечно, обеспечивает наш материальный достаток. Тем более приятно было зафиксировать позицию «работа» как одну из лидирующих в иерархии молодежных ценностей. Она заняла второе по значимости место, среди других категорий – 88 % от числа опрошенных студентов и магистрантов. Считают, что работа – это то, что «очень важно» – 41 % и «скорее важно» – 47 %. Отношение к ней как к тому, что «скорее не важно» и «совсем не важно» соответственно только у 6,3 % и 1 % от всех опрошенных. Неопределившихся – 4,7 %.

Если рассматривать восприятие «работы» как ценности у различных категорий учащихся ГГТУ (студентов-дневников, заочников, магистрантов), то результаты не имеют ярко выраженных различий, что видно по диаграмме (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение оценки респондентами «работы» (в %)

	очень важно	скорее важно	скорее не важно	совсем не важно	не определились
студенты дневного отделения	41	48	9	1	1
магистранты	41	46	7	1	5
студенты заочники	41	47	6	1	5

Незначительно (на один процент) отстает по значимости восприятия у молодежной аудитории позиция «друзья и знакомые». Феномен дружбы как формы общения людей, основанной на взаимопонимании, общности интересов, взаимном уважении, взаимопомощи, считают «очень важным» и «скорее важным» – 88 %. Друзья, знакомые, широкий круг общения быстрее и легче «приобретаются» в рамках совместной учебы и трудовой деятельности. Характер и количество дружеских и приятельских отношений, как известно, зависит не только от среды, но и от возрастных особенностей. Итак, наибольшую потребность в тесном и позитивном общении проявляют именно молодые люди. Видимо поэтому лишь 4 % от числа опрошенных указали на то, что друзья и знакомые «скорее не важно», а 3 % – «совсем не важно». Не определились по данной позиции 5 % респондентов.

Анализ ответов на вопрос о значимости такой ценности как «друзья и знакомые» подтвердил корреляцию позиции респондентов с возрастом. Наибольшую потребность в общении и дружеских связях испытывают студенты-дневники второго курса ФАИСа: «очень важны» и «скорее важны» друзья и знакомые для 94,5 % молодых людей. Далее следуют магистранты – 88,4 % и самые «взрослые» – студенты-заочники – 86,3 % (рисунок 2). Друзья и знакомые «скорее не важны» и «совсем не важны» для 4,5 % студентов дневного отделения. Примечательно, что у студентов дневного отделения неопределившихся нет. Указанные позиции выбрали 5,6 % магистрантов и 9,6 % студентов-заочников. Не определились у магистрантов – 6 %; у студентов заочного факультета – 4,1 %.

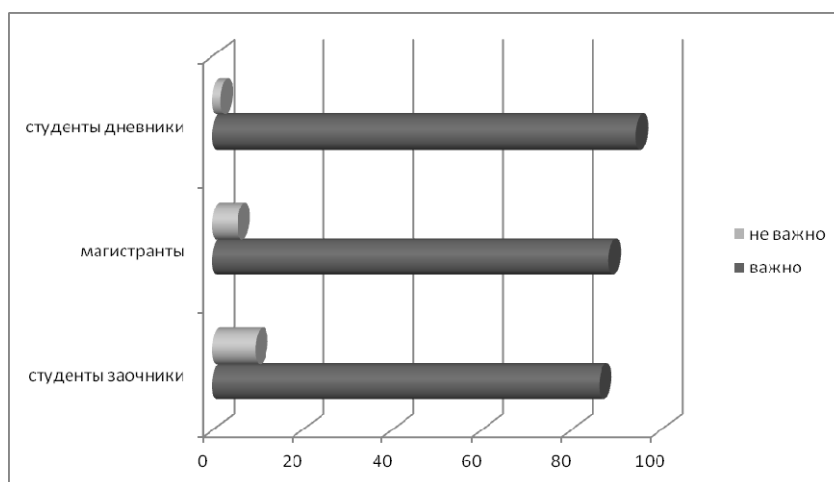

Рисунок 2 – Динамика значимости ценности друзей и знакомых респондентами (в %)

В компании друзей и знакомых люди любят проводить свой досуг. Досуг как свободное от обязательной деятельности время считают базовой ценностью 83 % молодых людей. Согласно данным социологических исследований в отличие от старших поколений в жизни современной молодежи досуг играет значительно более важную роль [1, с. 175]. Лишь 12 % молодых людей считают, что досуг – это «скорее не важно» и 1,6 % – «совсем не важно». Неопределившихся – 3,4 %.

Позиция досуга в иерархии ценностей также обозначила зависимость от возрастной категории: чем моложе учащиеся, тем выше ценность досуга (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение оценки респондентами «работы» (в %)

	очень важно	скорее важно	скорее не важно	совсем не важно	не определились
студенты дневного отделения	25	63	11	1	0
магистранты	24	60	11	2	3
студенты заочники	27	52	14	2	6

Последние две позиции в иерархии базовых ценностей для студентов и магистрантов ГГТУ им. П.О. Сухого заняли политика и религия.

Религия в любом социуме выступает хранителем традиций и устойчивых ценностей. Это феномен культуры, который объединяет и передает исторически апробированный опыт социальной адаптации человека к окружающему миру и социальным группам. Это главный источник нравственных знаний и практик. Опрос выявил следующие позиции: «очень важной» религия является для 13,6 % учащихся; «скорее важна» для 28,3 %. Для 41,9 % респондентов религия является значимой ценностью. «Скорее не важна» религия для 30 % студентов и магистрантов и «совсем не важна» – для 24 %. Неопределившихся – 4,1 %.

Сравнительный анализ отношения студентов и магистрантов к религии обозначил зависимость ответов как от возраста и, соответственно, социального опыта, так и от степени образования. Наибольшее количество позиций значимости религии как «очень важной» и «скорее важной» базовой ценности у студентов-заочников – 54,3 % и у магистрантов – 48,4 %. У студентов-второкурсников ФАИСа – лишь 25 %.

Результаты анкетирования свидетельствуют о явной непопулярности у молодежи такого социально значимого института как политика. Неверно было бы утверждать об аполитичности учащихся, однако политика оказалась «очень важной» лишь для 6 % респондентов. «Скорее важной» политика является для 41 % из числа опрошенных. Два пункта, в целом, набирают 47 % – немного меньше половины участников опроса. Политика скорее «не важна» для 37 % студентов и магистрантов и «совсем не важна» для 11 %. 5 % респондентов не смогли определить свое отношение к политике.

Как свидетельствуют полученные результаты, восприятие феномена политики также взаимозависимо с возрастными различиями. «Большая ценность» политики, ее влияние на жизнь и деятельность человека «понятна» взрослым студентам заочного факультета (данная возрастная группа: от 19 до 33 лет). Политика является «очень важной» и «скорее важной» для 55,2 % студентов-заочников. Политика «скорее не важна» и «совсем не важна» для 39,7 % заочников. Не определились – 5,1 %. У магистрантов результаты следующие: политика, в целом, «значима» для 44,7 %, а «не значима» для 52,3 %. 3 % магистрантов не смогли определить своего отношения. Политика воспринимается как ценность только 43,4 % из числа студентов ФАИСа, причем «очень важной» она оказалась только для 5,4 % респондентов. Политика «скорее не важна» и «совсем не важна» для 56,6 % студентов дневного отделения.

Определяя наиболее значимые для молодых людей, обучающихся в университете, ценности и смысл их жизни и деятельности, авторы посчитали возможным предложить вопрос о статусе знаний. Ведь чем больше в обществе грамотных, образованных, информированных людей, тем более активной, независимо мыслящей становится нация. А это те качества, которые столь необходимы как молодежи, так и свободному, ориентированному на инновации и развитие обществу. Поэтому студентам и магистрантам ГГТУ им. П.О. Сухого был задан вопрос: «Существуют разные точки зрения о ценности знаний (обучения). Являются ли они ценностью для Вас?» Подавляющее большинство из числа студентов и магистрантов – 74 % – ответило: «да, конечно». Ответ: «наверное, да» у 17,7 %. Затруднились ответить на этот вопрос 7 % студентов и магистрантов. И лишь 1,3 % не считают знание ценностью.

Главным источником знаний, конечно, оказался Интернет – 73 %. Книги и журналы с большим отставанием оказались на второй позиции – 25 %. Далее – 2 % у телевидения и других источников. У всех категорий проанкетированных молодых людей как главный источник знаний лидирует Интернет. У студентов дневного отделения – 90,2 %, у магистрантов – 85,7 %, у студентов заочного факультета – 75,7 %. Невозможно оспорить доступность, объемы, скорость в получении информации, которые возможны при использовании сети. К сожалению, молодые люди все меньше читают книги. Среди студентов ФАИСа используют книги и журналы как источник знаний лишь 6,5 %. У студентов заочников этот показатель 25,2 %. У магистрантов самый высокий результат 41,9 %.

Исследование аксиологических предпочтений студентов и магистрантов ГГТУ им. П.О. Сухого показало: насколько важны для них традиционные классические ценности. Для учащейся молодежи годы обучения – один из важнейших периодов жизни. Однако, это время не только получения образования и приобретения профессиональной квалификации, но и этап согласования своих желаний, возможностей, ценностных ориентаций с условиями и требованиями со стороны общества. Формирование жизненных приоритетов и смыслов –

процесс длительный и сложный. Вузы как социальные институты, организующие специфическую среду профессионального самоопределения, занимают особое место в процессе формирования личности будущего гражданина. Они включают учащихся в свою структуру на достаточно продолжительный срок, создают более «богатую», по сравнению с другими учебными заведениями, мировоззренческую и познавательную среду. На время обучения в вузе приходится наиболее значимый для молодых людей период интенсивного психологического и социального становления личности, ее взросления, осознания человеком его роли и места в обществе. Следовательно, нацеленность образовательного и воспитательного процесса на формирование активной нравственной и гражданской позиции, усвоения основных базовых ценностей общества является важнейшей задачей современной высшей школы.

Литература

1. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск : БГУ, 2009. – 231 с.
2. Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон : Биографии : в 12 т. / Отв. ред. В.М. Карев, М.Н. Хитров. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. – Т. 6: Клейракъ – Лукьяновъ. – 863 с.
3. Современная психология: справочное руководство / под ред. В.Н. Дружинин. – Москва : ИНФРА, 1999. – 688 с.
4. Какие жизненные ценности находятся для белорусов на первом месте // Новости@mail.ru [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа : <http://news.mail.ru/society/31152122/?frommail=1>. – Дата доступа : 28.12.2017.

Гомельский государственный технический
университет им. П.О. Сухого

Поступила в редакцию 28.01.2018

Методологический аспект исследования менталитета интеллигенции как культурно-исторического феномена

Е.В. КОРЕНЬ

В силу широты проблемного поля тема интеллигенции стала предметом междисциплинарных исследований, что существенно влияет на методологию ее изучения. В статье проанализировано понятие интеллигенции, показано, что феномен интеллигенции нужно рассматривать диалектически, в культурно-историческом срезе сквозь призму категории менталитет. Для исследования менталитета интеллигенции возможно применение широкого спектра методов и приёмов: общенаучных, специально-исторических, традиционных и новых, междисциплинарных, в том числе – исторического анкетирования. Актуальность темы обусловлена ролью интеллигенции в культивировании духовных ценностей, обретающих особую злободневность в условиях информационного общества. Материалы статьи могут быть применены для дальнейших исследований феномена интеллигенции, для разработки методологии изучения её менталитета, а также для подготовки спецкурсов, семинаров, статей и т. д.

Ключевые слова: интеллигенция, менталитет, методология, культурно-исторический феномен, метод исторического анкетирования.

Due to the breadth of the problem field, the topic of intellectuals became the subject of interdisciplinary research, which significantly affects the methodology of its study. The concept of intelligentsia is analyzed. It is shown that the phenomenon of intelligentsia should be considered dialectically, in the cultural and historical context through the prism of the category of mentality. To study the mentality of the intelligentsia it is possible to use a wide range of methods and techniques: General scientific, special historical, traditional and new, interdisciplinary, including-historical survey. The relevance of the topic is determined by the role of the intelligentsia in the cultivation of spiritual values, which acquire special topicality in the conditions of the information society. The materials of the article can be used for further research of the phenomenon of intelligentsia, for the development of methodology for studying its mentality, as well as for the preparation of special courses, seminars, articles, etc.

Keywords: intelligentsia, mentality, methodology, cultural and historical phenomenon, historical survey methodology.

Тема русской интеллигенции как исторического и социокультурного феномена дискутируется в разных областях гуманитарного знания уже на протяжении более чем ста лет. Особую остроту эти дискуссии обретали, как правило, в переломные моменты истории – в межреволюционный период 1907–1917 гг., в годы так называемой «хрущевской оттепели», в «перестроечные» годы, отмеченные новой трансформацией ценностей [1, с. 297–301]. Сложилось особое направление гуманитарных научных исследований – интеллигентоведение, в русле которого рассматриваются вопросы дефиниций интеллигенции, её происхождения, социальной роли, методологии её исследования, в 2001 г. начал издаваться журнал «Интеллигенция и мир» [2, с. 105–107], [3, с. 10–11]. Проблемы интеллигенции стали предметом междисциплинарных исследований. Проблемное поле интеллигенции очень широкое. Открытыми остаются вопросы, касающиеся определения понятий интеллигенции, интеллектуалов, интеллигентности, происхождения интеллигенции, особенностей её менталитета, ценностных установок, социально-культурной роли и др. Сложность исследования истории интеллигенции обусловлена рядом причин содержательного, теоретико-методологического, даже экзистенциального характера [4, с. 70]. Проблема менталитета русской интеллигенции связана с вопросами о национальном, историческом, нравственном самосознании общества, об эволюции общественной системы ценностей и ценностных ориентациях интеллектуальных элит, о взаимодействии христианских и гуманистических ценностей в менталитете интеллигенции, о трактовках этических проблем свободы, человеческого достоинства, смысла жизни, творчества, о проблемах самопознания. Предметом анализа в данной статье является методологический аспект исследования менталитета интеллигенции как исторического феномена.

Анализируя методологический аспект исследования феномена интеллигенции, важно, прежде всего, определиться с понятием «интеллигенция». До настоящего времени не сложилось исчерпывающего определения этого термина. Существуют взаимоисключающие подходы к определению интеллигенции как социального феномена, реально существующей социально-профессиональной группы или ушедшего в прошлое социального явления, превратившегося в «мифическое образование» [4, с. 71]. Думается, правильнее будет рассматривать феномен интеллигенции в культурно-историческом срезе. Понятие интеллигенции было применено к исторически конкретной социально-культурной общности, обладавшей рядом специфических черт психологии, поведения и системы ценностей. Важно диалектически подходить к анализу эволюционирующего феномена интеллигенции и исторически меняющего смысл термина, его обозначающего [5, с. 56–58]. История возникновения и применения термина «интеллигенция» весьма запутанна [6, с. 24]. Это слово заимствовано из латинского языка для обозначения специфически российского социо-культурного феномена. *Intelligens* в переводе – умный, мыслящий, понимающий, духовный (*intelligentis, intelligentia, intellegentia* – понимание, познавательная сила, знание). Часто положение об уникальности русской интеллигенции подкрепляется ссылкой в иностранных словарях, что понятие «*intelligentsia*» заимствовано из русского языка. Большинство авторов считают, что данный термин ввел в научный оборот писатель П.Д. Боборыкин в 1866 г. [7, с. 16, 21–25] [4, с. 72]. Хотя некоторые исследователи высказывают сомнения в том, что категория «интеллигенции» имеет место только в русской культуре. М.Е. Добрускин и другие авторы связывают это понятие с немецкой классической философией, идеями И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля об интеллектуальной, познавательной, духовной силе [7, с. 16–19], [8].

Как бы то ни было, интеллигенция как активная общественно-политическая сила проявила себя именно в русской культурно-исторической традиции [9, с. 9–13], [10], [5, с. 57]. Понятие «интеллигенция», распространившееся в России во второй половине XIX в., претерпело в своей истории различные толкования [9, с. 10–11], [11, с. 65], [12, с. 92], [13, т. 2, с. 110], [14, т. 3, с. 124–123], [15, с. 226, 330], [16, с. 155, 164], [3, с. 9, 12, 16]. В большинстве современных энциклопедических словарей этот термин сводится к определению группы общественно активных людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом и художественным творчеством, составляющих культурную среду общества [17, т. 2, с. 359–361], [18, т. 2, с. 46], [19, с. 216], [20, с. 216], [10]. Вопрос о дефиниции и сущности интеллигенции усложняет деление её на научную, гуманитарную, техническую, творческую и пр. Это вызывает путаницу в определении понятий интеллигенции и специалистов (профессионалов в определенных сферах) [4, с. 72].

На наш взгляд, имеющиеся определения не в полной мере учитывают нравственный аспект, связываемый обычно с понятием «интеллигентность», и особенности самого культурно-исторического феномена «русской интеллигенции», её социально-политической роли в истории России Нового времени. Д.С. Лихачев подчеркивал важность морального компонента в определении интеллигенции, требования к человеческим личностным качествам (честности, мужества, чуткой совести, внутренней свободы и ответственности) [21, с. 3–4]. Н.И. Балашов рассматривает русскую интеллигенцию «в её классическом виде» как «важного субъекта формирования живой культуры России XIX–XX вв.» [22, с. 233–236]. В.В. Кожин, указывая на особый характер «политичности» русской интеллигенции, утверждает, что «интеллигенция в России играет роль, аналогичную роли “демократических” институтов и учреждений в странах запада» [23, с. 113, 120]. В.В. Иванов, рассматривая интеллигенцию как «проводника в ноосферу», носителя передовых нравственно-философских, религиозных идей, идеи «общественного блага», исповедовавшейся многими представителями русской интеллигенции Нового времени «с религиозным рвением» [24, с. 46]. Р.В. Иванов-Разумник определяет интеллигенцию как «этически-антимещанскую, социологически – внесловную, внеклассовую, преемственную группу, характеризующуюся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и индивидуальному освобождению личности» [25, т. 1, с. 20]. Пожалуй, более исторично будет такое определение интеллигенции как культурно-исторического феномена: «интеллигенция – это социокультурная группа, принадлежность к которой определяется общественно-политической активностью, преобладанием интеллектуальной деятельности, приверженностью к идее «обще-

ственного блага», предпочтением духовных ценностей и общенациональных интересов классовым, сословным, корпоративным ценностям и интересам, потребностью в умственном, духовном творчестве, внутренней автономией, высокими морально-нравственными запросами.

Рассматривая феномен интеллигенции и различные его дефиниции, нужно учитывать особенности соотношения понятий «интеллигенция» «интеллектуальная элита» (интеллектуалы), «духовная элита», интеллигентность, интеллектуальность [3, с. 12], [5 с. 57–58], [9, с. 5–9], [14, т. 3, с. 88–89, 124–128]. Понятие «интеллигенция» нельзя путать с понятием «интеллектуальная элита». «Интеллектуальная элита» – это наиболее просвещенная, духовно развитая часть общества, которая культивирует высшие ценности культуры (национальной, сословной, корпоративной) на основе культурных достижений человечества [16, с. 164]. В отличие от социально активной интеллигенции интеллектуалы могут быть и социально пассивными, уходить полностью в духовную деятельность, умозрительное творчество [5, с. 57–58]. Чаще всего культурная элита и становится основой для формирования интеллигенции. Так, российская интеллигенция в силу особых исторических условий сформировалась на основе дворянской интеллектуальной элиты [13, т. 1, с. 82–85]. В Новое время в сознании образованных дворян происходило постепенное нарастание противоречий между гуманистическими идеалами Просвещения и христианства, с одной стороны, и феодально-крепостническими устоями действительности, что вызвало кризис феодальной системы ценностей и дифференциацию дворянских интеллектуалов по ценностным и идеологическим установкам, то есть по «незыблемым жизненным принципам», «исходным нравственным выборам», определяющим культурные, религиозные, политические искания и убеждения [26, с. 432]. К концу XVIII в. значительно расширился слой дворянских интеллектуалов, для которых были характерны все названные выше черты интеллигенции. Интеллигентность обязательно включала в себя интеллектуальность. Однако интеллектуальность далеко не определяла интеллигентность. В России XVIII–XIX вв. было, например, много жестоких помещиков-крепостников, слывших интеллектуалами, но заслуживавших осуждения с этической точки зрения. Интеллектуальность и моральность изначально рассматривались как необходимое сочетание в интеллигентском менталитете.

Специфика исследования истории интеллигенции в том, что, помимо фактического материала, численных данных, мы имеем дело с уникальным духовным миром людей (с мышлением, идеями, настроениями, исканиями, ценностями, переживаниями) в гораздо большей мере, чем при исследовании других общественных групп. Это обстоятельство требует не просто детального изучения источников, объективного анализа событий, деятельности людей, их отношений, результатов их творчества, но и понимания мотивов деятельности, ценностных установок, политических, нравственных позиций, то есть ментальных аспектов.

Особый отпечаток на процесс и результаты исследования налагает фактор субъект-объектных отношений. Во-первых, исследователь должен учитывать то обстоятельство, что имеет дело преимущественно с субъектом моральной, общественно-политической, творческой деятельности, обладающим сознанием и волей. Можно говорить о диалогичности прочтения и восприятия некоторых источников (литературных, философских сочинений, мемуаров, писем). Во-вторых, любой ученый, исследующий проблему интеллигенции, философские, политические, моральные взгляды её представителей, различные системы ценностей, при всём стремлении к объективности суждений, всё же не может быть абсолютно беспристрастен, полностью свободен, например, от «идеологичности» в оценке политических настроений, отношения к религии, к власти, к народу, к самобытности, исторической роли интеллигенции. «Познанию интеллигенции присущи авторефлексивность и интроспекция» [4, с. 71]. Все эти обстоятельства требуют особой внимательности и ответственности исследователя. Необходимо строго придерживаться принципов историзма и объективности, учитывать ценностный аспект проблемы интеллигенции, её связи с различными социальными группами, специфику её менталитета, её роль в культуре, в политической, социальной истории [27, с. 194–207].

Е.В. Ишимская, обращая внимание на недостатки распространенного классового подхода (отсутствие четких критериев интеллигенции, игнорирование моральной стороны явления, историко-культурного контекста понятия и др.), говорит о необходимости «философского дискурса», опоры в теоретическом осмыслении интеллигенции на принципы «нахождения общего и специфического», «должного и сущего», принципы историзма, преемственности, взаимодей-

полнительности, которые «позволяют выявить универсальное и частное в содержании этого явления, последовательно и логично воспроизвести процесс его развития, создать некий идеальный образ и сопоставить его с действительностью, критически осмыслить основные идеи и авторские позиции» [4, с. 72–73]. Действительно, «полиформатное исследование», междисциплинарный подход, использование достижений истории, философии, социологии, культурологии, психологии, филологии и других наук при исследовании интеллигенции весьма плодотворны. При этом важно не упускать из виду цивилизационно-историческую специфику феномена интеллигенции в его развитии, а также историческую динамику понятия «интеллигенция».

При исследовании истории интеллигенции возможно применение достаточно широкого спектра методов и приемов как общенаучных, так и специально-исторических. Историко-генетический метод позволяет рассмотреть интеллигенцию в ее развитии, дать анализ динамики этого развития в совокупности причинно-следственных связей и закономерностей. Историко-системный метод помогает сделать углубленный структурно-функциональный анализ интеллигенции, выявить причины и условия ее формирования, особенности развития, внутренней дифференциации [27, с. 199]. Применение историко-сравнительного метода важно при раскрытии сущности и особенностей интеллигентского менталитета на разных этапах. Применим и историко-типологический метод или метод конструкции идеальных типов интеллигенции: например, дворянской, разночинской и др. Использование ретроспективного анализа даёт возможность глубже осветить исторический феномен интеллигенции с помощью рефлексии к его истокам, проанализировать условия формирования и развития интеллигенции, особенности её умонастроений и ценностных установок в разные периоды истории, в различных обстоятельствах.

Большое внимание при изучении интеллигенции как социально-культурного исторического феномена, на наш взгляд, должно быть уделено историко-психологическим методам и приемам, исследованию человеческого, личностного аспекта проблемы интеллигенции, её культурно-психологических типов. Чтобы глубже и основательнее осмыслить истоки, сущность и историческую роль интеллигенции в целом и деятельность конкретных личностей, нужно поставить в центр внимания исторические категории «менталитет» и «ментальность», использовать методы и приемы, разрабатываемые в исторической антропологии [28, с. 86, 89–92]. Для выяснения духовно-нравственного выбора, мотивов деятельности интеллигенции, специфики её системы ценностей уместно и применение психоисторического анализа [27, с. 132], [29, с. 128, 191–193].

Существует много толкований категорий «менталитет» и «ментальность» [30, с. 158–165], [14, т. 3, с. 190], [31, с. 57], [11, с. 86–90], [13, т. 1, с. 327]. Понятие «менталитет» – это историческая категория, характеризующая склад ума, умонастроения, особенности организации сознания и психики, мировосприятия как отдельных личностей, так и общественных групп, народов, регионов [1, с. 162]. «Ментальность» – это своеобразная личностная или социальная память, определяющая духовно-психические особенности индивида или социума. Понятие «ментальность» ещё определяют как универсальную способность индивидуальной психики хранить в себе типические инвариантные структуры социума, эпохи [32]. Ментальность действует как совокупность глубинных ценностных установок, позволяет людям усваивать культурные ценности общества [30, с. 163]. Философский анализ менталитета касается, прежде всего, его аксиологического аспекта [33]. В менталитете отражаются глубинные черты духовной жизни народа и связанные с ней традиционные ценности и верования. Культурологическая основа менталитета включает в себя также тип восприятия и деятельности, способ изменения действительности [33]. В основе менталитета интеллигенции той или иной эпохи лежит определенная система ценностей, понятий, психологических установок, которая определяет судьбу носителей менталитета [14, т. 3, с. 190], [31, с. 57], [30, с. 158–165]. Ментальность различных типов интеллигенции обусловлена определенным способом организации их сознания, набором ценностных приоритетов.

Обращает на себя внимание соотношение (и даже созвучие) понятий менталитет, ментальность, духовность, интеллигенция, интеллигентность в контексте русской культуры. По тонкому наблюдению А.В. Соколова, в русской культуре произошло «опредмечивание» «бестелесного интеллигентского духа в виде вполне осязаемого и наблюдаемого социального явления» [4, с. 75]. Формирование менталитета русской интеллигенции определялось рядом цивилизационно-культурных факторов: нестабильностью политического, социально-экономического, культурного развития страны, влиянием духовно-религиозных процессов, идей Просвещения о человеческом

достоинстве, естественных правах, ценности знания и творчества, слившихся с дворянскими ценностями чести, «служения Отечеству», всё более соотносившихся с представлениями о народе, общественном благе, социальной справедливости и т. д. По мнению Д.С. Лихачева, интеллигенция «как духовное сообщество заявила о себе 14 декабря 1825 г. на площади Петровой» [21, с. 5]. Е.Л. Рудницкая полагает, что «вслед за крушением декабризма общественная мысль, критически переоценивая его трагический опыт, как бы уходит в глубину, в рефлексию. Судьбы России, её прошлое, настоящее и будущее осмысливаются в контексте всемирно-исторического процесса. Эта сосредоточенная работа отмечена устойчивым феноменом – нравственным императивом, в котором синтезируется понимание хода истории и долг мыслящей личности, способствующей реализации абсолютных законов бытия. Возникает теоретическая предпосылка складывающегося интеллигентского сознания, идентифицирующего себя с самой историей. Практическим выходом подобного самовосприятия была установка на просвещение» [34, с. 215]. Просвещение, в сущности, и есть главное дело интеллигенции и ключ к её ментальности.

В российской философии и науке термин «менталитет» употребляется для характеристики национальных особенностей народов и культур. Например, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и др., хотя и не применяли термин «менталитет», тем не менее, внесли существенный вклад в разработку этой проблемы, используя понятия «склад», «тип», «образ», «слой». Например, «склад русского характера», «склад души народа», «русский духовный склад», «национальный тип», «духовный тип человека», «умопостигаемый образ народа» и т. п. В русской философии термины «менталитет» и «ментальность» нередко отождествляются, считаются близкими по значению с такими понятиями, как «русская идея», «образ мыслей», «совокупность умственных навыков и духовных установок» [32], [35, с. 30–32]. По мнению В.В. Колесова, «о ментальности народа можно говорить только в исторической перспективе». Ментальность («душа», «дух») благодаря «общности языка» соединяют народ и элиту [36 с. 5, 112, 121, 207].

Н.А. Бердяев выделил два типа русской интеллигенции. Первый тип – это «созидатели духовной культуры нации», «лучшая часть общества», «есть соль земли, истинная выразительница народного духа». Второй тип – это «третий элемент», ведущий свое начало от 1860-х гг., имеющий сильный сословно-классовый привкус, гордящийся своим демократическим происхождением, отсутствием «традиции духа» как заслугой. Говоря о передовой роли интеллигенции в общественной жизни, Бердяев подчеркивает, что дворяне, «вольно отрекавшиеся от своих сословных привилегий» «во имя всенародной правды», более достойны признания, чем круг деятелей, ограниченных «направленческими, узкоинтеллигентскими интересами» [37, с. 68–71].

Исследование менталитета и ментальности интеллигенции требует опоры на важнейшие принципы исторического исследования, тщательного анализа источников, применения как традиционных специально-исторических методов, так и новых подходов и методов исследования, в том числе и междисциплинарных. Так, герменевтический анализ продуктивен, прежде всего, для истолкования текстов (литературных, философских сочинений, писем и др.), исходя из них самих, а не через объяснение, через контекст. Герменевтический анализ вполне применим для исследования любых феноменов культуры, систем ценностей и т. д. [19, с. 119, 494], [27, с. 223], [31, с. 57–58]. Метод понимания связан с реконструкцией, постижением, интерпретацией смыслового содержания исторической информации. Вживание – это прием рассмотрения определенной исторической проблемы с точки зрения условий, понятий и позиций изучаемой эпохи. Историческим анкетированием мы условно называем метод «проникновения в сознание и подсознание культурных типов прошлого» с помощью определенной постановки вопросов, которые, как полагает А.Я. Гуревич, «продиктованы историку его активной личностной позицией» [31, с. 57]. Историческое анкетирование давно используется в медиэвистике для извлечения информации о жизни, мировоззрении и ценностях средневековых культур. На наш взгляд, этот метод может быть применен и в исследовании истории менталитета интеллигенции. Этот метод достаточно сложен. В отличие от социально-психологических методов анкетирования (или тестирования) современных типов историческое анкетирование предполагает работу, прежде всего, с письменными источниками личностного характера – мемуарами, дневниками, письмами, художественными, философскими, публицистическими сочинениями, принадлежащими людям прошлого. Искать и получать ответы на интересующие вопросы гораздо сложнее. И, тем не менее, этот метод позволяет получать различную, в том числе и

скрытую информацию. Ответы на диктуемые следователем вопросы могут быть прямые и косвенные, которые важно адекватно интерпретировать. Здесь необходимо строго придерживаться принципов историзма, объективности, системности, учитывать ценностный аспект.

Например, при исследовании эволюции менталитета русской дворянской интеллигенции второй половины XVIII – первой четверти XIX в. уместно поставить следующие вопросы:

- самоидентификация сословной принадлежности;
- оценка своего положения в обществе, своей социальной роли;
- отношение к власти, оценка политической реальности и своей роли в ней;
- отношение к равным по статусу, подчинённым и вышестоящим людям;
- отношение к религии, науке, ценностям Просвещения;
- отношение к миру, к своей стране;
- оценка средств социального и политического действия;
- морально-ценностные установки: отношение к этическим категориям «добра», «зла», «чести», «верности», «свободы» и т. д.

Это лишь небольшой перечень обобщенных вопросов, с помощью которых можно прозондировать исторический источник и осветить важные аспекты менталитета интеллигенции. Такие «анкеты» позволяют исследовать соотношение понятий «интеллигент» и «интеллектуал» (взаимосвязь интеллигентности и интеллекта), проанализировать настроения и мотивы деятельности, социально-политические и морально-духовные ценности интеллигенции (черты новаторства и консерватизма в её менталитете, взаимодействие гуманистических и христианских ценностей – свободы, человеческого достоинства, благородства, справедливости с идеалами святости, аскетизма, жертвенности, благотворительности), понятия об антиценностях («деспотизма», «рабства», «холопства», эгоизма, подлости, невежества), уровень развития национального и исторического самосознания интеллигенции, её роль в создании, хранении, трансляции культурных ценностей.

Методологический аспект исследования менталитета интеллигенции представляется особенно важным в связи с духовно-культурными, социально-политическими трансформациями общества, возрастанием роли информации и интеллектуальной деятельности, выраженными тенденциями междисциплинарности в научных исследованиях. Методология исследования интеллигенции как культурно-исторического феномена требует дальнейшей разработки и в связи с пересмотром устаревшего классового подхода. Ценностные искания русской интеллигенции Нового времени, культивировавшей идеи общественного блага, бескорыстного служения отечеству, просветительства, гражданственности, чести, ценности личности имеют большое историческое и моральное значение. В современном обществе категории духовности, интеллигентности обретают новую злободневность как противовес потребительским тенденциям.

Литература

1. Балугев, П.Б. Споры в конце XIX в. о роли интеллигенции в исторических судьбах России / П.Б. Балугев // В раздумьях о России (XIX в.) / отв. ред. Е.Л. Рудницкая. – М. : Археогр. центр., 1996. – С. 297–324.
2. Меметов, В.С. Листая страницы журнала... (Основные тенденции современного интеллигентоведения) / В.С. Балугев, Н.Г. Юркин // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. – № 1. – С. 105–119.
3. Возилов, В.В. Методологические аспекты содержания понятия «интеллигент / интеллектуалы» / В.В. Возилов // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. – 2013. – № 1. – С. 9–16.
4. Ишимская, Е.В. Методология исследования интеллигенции: проблемы и перспективы / Е.В. Ишимская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2010. – № 1 (13). – С. 70–75.
5. Чичин, Е.С. Интеллигенция как социально-философское понятие / Е.С. Чичин // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 56–60.
6. Степанов, Ю.С. «Жрец» нарекись, и знаменуйся «жертва» (К понятию интеллигенции в истории русского менталитета) / Ю.С. Степанов // Русская интеллигенция. История и судьба. – М., 1999. – С. 14–44.
7. Добрускин, М.Е. О генезисе философского понятия интеллигенции / М.Е. Добрускин // Философия и общество. – 2003. – Выпуск № 4 (33). – С. 16–25.
8. Николенко, К.В. Социально-философский анализ понятия интеллигенции [Электронный ресурс] / К.В. Николенко. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/7_NND_2009/Philosophia/41846.doc.htm. – Дата доступа : 06.02.2017.
9. Гаспаров, Л.М. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность / Л.М. Гаспаров // Русская интеллигенция. История и судьба. – М. : Наука, 1999. – С. 5–14.

10. Русская интеллигенция [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_интеллигенция. – Дата доступа : 22.01.2018.
11. Кондаков, И.В. К феноменологии русской интеллигенции / И.В. Кондаков // Русская интеллигенция. История и судьба. – М. : Наука, 1999. – С. 63–90.
12. Петров, В.М. Социокультурная динамика и функции интеллигенции / В.М. Петров // Русская интеллигенция. История и судьба. – М. : Наука, 1999. – С. 90–108.
13. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б.Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, РГНФ, 1999. – Т. 1. – 548 с. ; Т. 2. – 567 с.
14. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта : в 3 т. / А.С. Ахиезер. – М. : Философ. общество, 1991. – Т. 1. – 318 с. ; Т. 3. – 471 с.
15. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М. : Независимая газета, 1993. – 422 с.
16. Соколов, К.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность / К.Б. Соколов // Русская интеллигенция. История и судьба. – М. : Наука, 1999. – С. 149–208.
17. Отечественная история : энциклопедия : в 5 т. – М. : БРЭ, 1996. – Т. 2. – 656 с. : ил.
18. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 2. – 779 с.
19. Философский энциклопедический словарь. – М. : СЭ, 1989. – 815 с.
20. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1984. – 797 с.
21. Лихачев, Д.С. О русской интеллигенции / Д.С. Лихачев // Письмо в редакцию Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 3–9.
22. Балашов, Н.И. Русская интеллигенция в её классическом виде как важный субъект формирования живой культуры России XIX–XX вв. / Н.И. Балашов // Русская интеллигенция. История и судьба. – М. : Наука, 1999. – С. 230–243.
23. Кожин, В.В. Попытка беспристрастного размышления об интеллигенции / В.В. Кожин // Русская интеллигенция. История и судьба. – М. : Наука, 1999. – С. 108–124.
24. Иванов, В.В. Интеллигенция как проводник в ноосферу / В.В. Иванов // Русская интеллигенция. История и судьба. – М. : Наука, 1999. – С. 44–63.
25. Иванов-Разумник, Р.В. История русской общественной мысли : в 2 т. / Р.В. Иванов-Разумник. – Пг. : Революционная мысль, 1918. – Т. 1. – 192 с.
26. Соловьев, Э.Ю. Прошлое толкует нас / Э.Ю. Соловьев. – М. : Политиздат, 1991. – 432 с.
27. Методологические проблемы истории : учеб. пособие / В.Н. Сидорцов [и др.] ; под общ. ред. В.Н. Сидорцова. – Мн. : Тетра-Системс, 2006. – 352 с.
28. Куприянов, А.И. Историческая антропология в России, проблемы становления / А.И. Куприянов // Отечественная история. – 1996. – № 4. – С. 86–99.
29. Методология истории: учебное пособие для студентов вузов. – Мн. : ТерраСистемс, 1996. – 240 с.
30. Пушкарев, Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки / Л.Н. Пушкарев // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 158–166.
31. Гуревич, А.Я. Историческая наука и историческая антропология / А.Я. Гуревич // Вопросы философии. – 1988. – № 1. – С. 56–70.
32. Шпилькин, Ю. «Что такое ментальность?» [Электронный ресурс] / Ю. Шпилькин. – Режим доступа : <http://www.proza.ru/2012/12/08/1194>. – Дата доступа : 04.10.2016.
33. Милицин, В.Н. Менталитет как понятие философии, психологии и культурологи [Электронный ресурс] / В.Н. Милицин. – Режим доступа : http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4172. – Дата доступа : 04.10.2016.
34. Рудницкая, Е.Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года / Е.Л. Рудницкая. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 272 с.
35. Скворцов, В.Н. Отечественная философия о феномене русской интеллигенции и ее месте в культуре [Электронный ресурс] / В.Н. Скворцов. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennaya-filosofiya-o-fenomene-russkoy-intelligentsii-i-ee-meste-v-kulture> – Дата доступа: 12.10.2016.
36. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
37. Бердяев, Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Н.А. Бердяев. – М. : Канон, 1998. – 400 с.

Канцэпт «Веды» ў філасофіі Мішэля Фуко

І.М. НОВІК

Артыкул прысвечаны канцэпту «Веды» ў філасофіі Мішэля Фуко. Упершыню ў айчыннай навучы ўзнімаецца праблема наяўнасці ў творчасці французскага філосафа двух тэрмінаў для азначэння веды – «savoir» і «connaissance», і, на падставе ўласных тлумачэнняў Фуко, паказваецца дзеля чаго яму спатрэбілася гэтае разрозненне веды-savoir і веды-connaissance: якія эпістэمالагічныя і гістарычныя праблемы былі тым самым азначаны. Адметнасць падыходу Фуко да феноменаў веды і ведання праясняецца шляхам параўнання з сучаснай эпістэміялогіяй і характэрнымі хадамі думкі апошняй, апроч таго, адметнае стаўленне да веды як «гістарычнага апырэры» з'яняецца праз параўнанне з канцэптам Падзеі (Ereignis) у творчасці позняга Гайдэгера. Нарэшце, паказваецца як адметнае вызначэнне веды дае Фуко магчымасць наноў і больш глыбока прачытаць гісторыю новаеўрапейскай навукі і самога новаеўрапейскага ведання.

Ключавыя словы: Мішэль Фуко, веда, эпістэміялогія, «savoir» і «connaissance», гістарычнасць веды.

The article is devoted to the concept of «knowledge» in the philosophy of Michel Foucault. For the first time in Belarusian science, the issue of existence of the two terms for determining knowledge in philosophy of Michel Foucault («savoir» and «connaissance») has been raised. Based on the explanations given by Foucault himself it is shown why he needed this dichotomy – what epistemological and historical problems were thereby raised. The peculiarities of Foucault's approach to the phenomenon of knowledge are also explained by comparison with modern epistemology and its characteristic features. In addition, Foucault's distinctive definition of knowledge as a «historical a priori» is explained by comparison with the concept of the Event (Ereignis) of the late Heidegger. It is shown how specific approach to knowledge allowed Foucault to raise anew and more deeply the problems of the historicity of the European knowledge.

Keywords: Michel Foucault, knowledge, epistemology, «savoir» and «connaissance», historicity of knowledge.

Уводзіны. Наўрад ці Мішэль Фуко і ягоная творчая спадчына патрабуюць прадстаўлення для абазнанага ў філасофіі чытача. Па сходу хвалі першага і павярховага захаплення французскай філасофіяй і постмадэрнізмам стала відавочна: перад намі не проста надзённы мысляр, «модны» філосаф, але ж і класік найноўшай думкі, г. зн. той, без каго цэласнае і звершанае ўзнаўленне і прачытанне інтэлектуальнага ландшафту мінулага стагоддзя наўпрост немагчыма. І калі мы, па вядомай парадзе Бадрыяру, колісь і «забудземся на Фуко», то такім чынам будзе страчана істотная, інтэгральная частка еўрапейскага інтэлектуальнага досведу.

Сама філасофія Фуко, між тым, прадстаўляе для інтэрпрэтатараў пэўныя цяжкасці ў рэканструкцыі. Нягледзячы на тое, што для яго былі ўласцівы скразныя тэмы, адметная оптыка разгляду праблем, як і характэрныя шляхі, з'яўшчыкі іх развязання, на ўзроўні канцэптуальнага апарату такога скразнага адзінства не назіраецца. Для французскага філосафа быў характэрны, калі так можна сказаць, тэрміналагічны пратэізм: ледзьве не ўвесь паняццыйны апарат Фуко збірае, стварае для кожнай кнігі наноў і ad hoc. Адзін з рэдкіх канцэптаў, які можна знайсці амаль на любым адцінку яго творчасці, бадай што ў кожнай з кніг мысляра, у большасці з ягоных артыкулаў – гэта веда. Менавіта аналіз веды ў яе гістарычным бытаванні, яе сацыяльнай абумоўленасці як і, наадварот, угрунтаванасці сацыяльных структур на пэўных тыпах веды былі асноўнымі тэмамі, якія паклікалі Мішэля Фуко да творчасці і думкі.

Тым болей крытычна выглядае недахоп у айчыннай традыцыі (умоўна назавем яе постсавецкай) грунтоўнай аналітыкі: што прадстаўляе з сябе «веда» для Фуко, які канцэптуальны і анталагічны абшар акрэслены гэтым канцэптам. Яшчэ горш справы для айчынных штудый Фуко пачынаюць выглядаць пасля звароту да французскіх арыгіналаў яго прац, калі становіцца відавочна: насамрэч, для французскага мысляра існавала два тыпы веды – «savoir» і «connaissance». Гэта разрозненне, якога Фуко таксама прытрымліваўся на працягу

ўсёй сваёй творчасці і якое грала ў ягоным мысленні падставовую ролю, было прапушчана, зацёртае няўдалым перакладчыцкім рашэннем (мы, вядома, але і на жаль, кажам пра рускія пераклады, бо беларускіх сёння папросту няма).

Акурат азначаны прагал мы і паспрабуем, у меру сваіх сіл, запоўніць у дадзеным артыкуле.

Тэмай нашага тэксту, такім чынам, выступае канцэпт веды ў Мішэля Фуко. У першай частцы нашага артыкула мы даем адказы на агульныя пытанні: чым падыход Фуко да веды адрозніваецца ад найбольш пашыраных і вядомых на сёння эпістэمالагічных тэорый; як ягоны канцэпт веды суадносіцца з навукавай ведай (найбольш упадабаным і даследаваным аб'ектам сучаснай эпістэمالогіі); што азначае канцэптальнае разрознненне «savoir» і «connaissance», якія праблемы браўся ўзняць і вырашыць Фуко праз гэтую дыхатамію. Найбольш спрэчнае, выклікаўшае шмат спрэчак і непаразуменняў сярод інтэрпрэтатараў і крытыкаў ягоных тэкстаў, вызначэнне веды-savoir гучыць як «гістарычнае апырэры». Але менавіта ў гэтым парадаксальным вызначэнні думка Фуко набліжаецца да падставовых элементаў творчасці позняга Гайдэгера. Параўнанне двух ключавых канцэптаў гэтых філосафаў XX ст. – savoir Фуко і Ereignis Гайдэгер, – з'яўляецца тэмай другой часткі нашага артыкула. Менавіта такое супастаўленне, на наш погляд, дазваляе найбольш рэльефна адцяніць адметнасці падыходу да веды французскага мысляра. Нарэшце, у трэцяй частцы нашага тэксту разглядаецца пытанне: як знойдзеныя і падкрэсленыя нам адметнасці падыходу да веды і яе вызначэння М. Фуко дазваляюць яму навуку і больш грунтоўна паставіць пытанне аб гістарычнай абумоўленасці веды, гістарычнасці веды і ведання. Усе ўзнятыя пытанні мы спрабавалі развязаць праз зварот да французскіх арыгіналаў прац М. Фуко – у першую чаргу вядомага метадалагічнага трактату «Археалогія веды».

Веда і навука, «savoir» і «connaissance». Падыход Фуко да азначэння і канцэптэуалізацыі веды выразна адрозніваецца ад бітых шляхоў сённяшняй філасофіі. Французскі мысляр аднолькава як ігнаруе задачу вызначэння сутнасці веды як такой, безадносна множнасці і гетэрагеннасці яе праяў¹, так і прамінае ўпадабаны абсалютнай большасцю даследнікаў разбор прыродазнаўчай і логіка-матэматычнай веды, як экзэмплярнай і ўзорнай эпістэмічнай сітуацыі. Фуко таксама аналізуе веду, звязаную з навукамі, але абірае зусім іншы «гуманітарны», антрапацэнтрычны навуковы абшар, як сферу сваёй зацікаўленасці.

Слова «навука», якое мы шматкроць сустракаем у філасофскіх працах Фуко, мянуе адметную сукупнасць, якая не супадае з множнасцю ўсіх канвенцыйных спосабаў вытворчасці навукавай веды, і апыроную кагнітыўную сітуацыю, не тоесную з тым вобразам сістэматычнай дзейнасці падначаленай ідэалам строгасці і аб'ектыўнасці, праз які мы яго разумеем. Для Фуко гэта назва, па-першае, толькі эмпірычнай сукупнасці – г. зн., толькі навук у іх рэальным і гістарычным бытаванні. Па-другое, сярод мноства наяўных навук французскага мысляра цікавіць адметны ўчастак, які і слугуе галоўным лейтматывам яго філасофіі. Гэта не зусім «гуманітарныя» навукі ці «social sciences». І не толькі таму, што Фуко ў сваіх даследаваннях робіць рэйды на такія канвенцыйна не гуманітарныя, не сацыяльныя тэрыторыі як біялогія, эканоміка ці псіхіятрыя, а яшчэ (і пераважна) таму, што «гуманітарныя навукі» і «social science» неад'емна дадзены праз сваю прэтэнзію на гуманізацыю грамадства ці на адміністраванне соцыуму. Падпасці пад правакацыю такой прэтэнзіі, паводле французскага філосафа, азначае ўжо прамінуць самае істотнае. Фуко спрабуе ўлучыць сам гэты гарызонт прэтэнзій на гуманізацыю і структураванне грамадства ў межы свайго разгляду. Прадметам яго аналізу і думкі былі: як гэты гарызонт змяняўся цягам гісторыі, праз якія інструменты гэта прэтэнзія выяўлялася і спраўджвалася, якое значэнне ёй надавалася ў розныя перыяды.

Але не будзе слушна і іншая стратэгія азначэння і акрэслення падобных навук – праз супрацьпастаўленне прыродазнаўчым і абстрактным навукам у тэрмінах распачнага «недахопу», «яшчэ не ...». Гэта не проста «нястальныя» навукі [1], адасобленыя ад узорных

¹прычым такая адсутнасць спроб агульнага і абстрактнага вызначэння і канцэптэуалізацыі феномену веды як такой не з'яўляецца тэрэтычным хібам падыходу Фуко, гэта сумыслная пазіцыя, вынікаючая з бачання веды як паверхні, на якой гісторыя выбухае адзінкавымі, сінгularнымі падзеямі. Веда заўжды партыкулярна і неаддзельна ад сваіх канкрэтных гістарычных, культурных і дысцыплінарных абліччаў.

навуц адсутнасцю неабходнага ўзроўню фармалізацыі, зблытанасцю і дыскрэтнасцю традыцыі, скандальнай нястачай адзінага нарматыўнага гарызонту. Тое што іх акрэслівае ў іх адметнасці гэта хутчэй празмернасць, «лішак», своеасаблівы «гібрыдны характар» [2]. Яны прадстаўляюць сабой «гордзіеў вузел» фактычнасці і нарматыўнасці. Прычым, гэтыя лішак і гібрыдны характар – віноўнікі іх рыхлага тэарэтычнага статусу, у той самы час з'яўляюцца і крытэрыямі іх устойлівасці і трываласці ў грамадстве. Яны разгортваюцца ў асаблівай прасторы, дзе выяўленне аб'екта вывучэння з неабходнасцю тоесна яго ўстанаўленню, дзе акт аналітычнага вылучэння адначасова ёсць актам кантролю. Яны ўзнаўляюць сябе ў грамадстве, бо з'яўляюцца прыладамі ўзнаўлення самога грамадства.

Апроч таго, гэтыя навукі палягаюць на адмысловым «звіху» погляду, яго звернутасці назад: тое што ёсць іх аб'ектам – гэта сам суб'ект, само «суб'ектнае» ў суб'екце. І, падобна «Анэлу гісторыі» В. Бен'яміна [3], гэты суб'ект «гуманітарных» навуц змушаны назіраць працэс няспыннага награвашчвання руін чалавечага: кожная здабытая ісціна суб'екта ў момант адпадае ад яго ў адчужаную аб'ектыўнасць, у якой ён болей не згодны пазнаваць сябе. Лінгвістыка супрацьпастаўляе нам нашы уласныя словы, эканоміка – адцурае нашы ўласныя працу, час і смяротнасць, біялогія робіць чужым нашае ўласнае жыццё. Гэта тая веда, пасродкам якой ментальнае адпадае і адчужаецца ад свайго носьбіту, той лабірынт, які збудаваў вакол сябе, і ў якім канчаткова згубіў сябе новаеўрапейскі суб'ект на шляху самапазнання.

Прычым веда, якая выступае аб'ектам вывучэння Фуко, не тоесна зместу («кантэнт») гэтых навуц, сукупнасці іх ісціных (ці прызнаных за гэтка) прапазіцый. «Веда», якую разглядае і аналізуе французскі мысляр, раўназначна той сукупнасці фактараў, якія спрычыняюцца да ўзнікнення, усталявання і трансфармацыі гэтага зместу.

Каб адрозніць ад навуковай веды той адметны тып веды, які цікавіць яго, Фуко карыстаецца наяўнасцю ў французскай мове двух слоў, якімі можа быць пазначана веда: «savoir» і «connaissance», надаючы іх адрознасці канцэптуальны характар.

У рускіх выданнях гэтыя два тэрміны перакладаюцца, як правіла, як «веда» і «пазнанне» («знание» і «познание») [4], [5]. Такі варыянт развядзення «savoir» і «connaissance» мае пад сабой пэўную рацыю: «пазнанне» з неабходнасцю прадугледжвае працэсуальнасць і працэдурнасць, дзе любыя бачныя сляды і праявы спазнанага акаляюць прасторава і часова нелакальныя складнікі (трансцэндэнтальныя нормы, псіхалагічныя і кагнітыўныя механізмы). Мэтаю філасофіі Фуко акурат і была крытыка ўвядзення ў аналіз гісторыі веды такіх нелакальных элементаў, адсячэнне іх як тлумачальных прынцыпаў. Веду-savoir, наадварот, неабходна разумець як чыстую «эвентуальнасць», яна ёсць сукупнасць сінгулярных падзей, якія падлягаюць дакладнай лакалізацыі. Але, усё ж, гэта занадта моцнае развяданне перакладчыцкай праблемы накіраванае «рассячэння гордзіева вузла», пры якім губляецца дыялектычнасць супрацьпастаўлення «savoir» і «connaissance» і прыўносяцца дадатковыя нерэлевантныя сэнсы (калі б мэтай Фуко было супрацьпаставіць ведзе пазнанне, ён мог бы выкарыстаць асобны, наяўны ў французскай мове, тэрмін для апошняй – «cognition», але ж ён гэтага не зрабіў). У гэтым сэнсе нам пашэнціла, што ў англійскіх выданнях «Археалогіі веды» абодва словы былі перакладзены аднолькава, як «knowledge», і перакладчыкі былі змушаны звярнуцца да самога Фуко за далейшымі ўдакладненнямі. Таму мы маем уласнае тлумачэнне ад самога французскага філосафа: «Пад *connaissance* я разумею адносіны суб'екта да аб'екта і фармальныя правілы, якія кіруюць імі. *Savoir* жа адносіцца да ўмовы якія неабходны ў пэўны перыяд, каб той альбо іншы тып аб'ектаў быў дадзены для веды-*connaissance*, каб тое альбо іншае выказванне было сфармуляваным» [6, р. 16–17].

Паміж ведаю-savoir і ведаю-connaissance існуюць, **па-першае, стасункі тла і фігуры**²: навука развіваецца на тле веды і праз адносіны з ёй. У ландшафтах веды навука знаходзіць сваю лакалізацыю і праз сваю канфігурацыю ў полі веды набывае індывідуальнасць: «Навука (ці тое, што ўдае сябе за гэткую) лакалізавана ў полі веды і грае ў ім пэўную ролю» [7, р. 241]. Навука «выцінае» і прыўлашчавае пэўныя фрагменты веды.

²Сам Фуко для характарыстыкі гэтых адносінаў выкарыстоўвае крыху іншую «геаграфічную» метафару: ён кажа аб неабходнасці разрознення навуковага «абшару» (*domaine*) і археалагічнай «тэрыторыі» (якой уласна і з'яўляецца веда) [7, р. 239], гл. таксама [8, р. 143].

Навуковая веда заўжды лакунарна адносна веда-savoir, яна размяшчаецца ў складках яе паверхні і кіруецца логікай яе прыўлашчэння. Веда ж – гэта заўжды нешта большае чымсьці навука. Яна большая за навуку, бо ўлучае ў свой масіў:

1. сукупнасць філасофскіх і літаратурных сцверджанняў адносна аб'ектнага поля магчымай навукі [7, р. 239], «мастацкую літаратуру, рэфлексію, апавяданні, інстытуцыйныя пастановы і палітычныя рашэнні» [8], там, дзе яны сфармуляваны на падставе тых жа дыскурсіўных рэгулярнасцяў, што вызначаюць навуковыя выказванні, ці там, дзе яны адлюстроўваюць навуку як дыскурсіўную і сацыяльную практыку;

2. сацыяльныя, этычныя і палітычныя кантэксты / сітуацыі, дзе ад носьбіта веда патрабуецца аўтарытэтнае слова, дзе ён можа выступаць у ролі эксперта;

3. не кадыфікаваныя, невідавочныя для носьбітаў веда, але ж дзейсныя ў яе полі перцэптыўныя коды і інструментальныя сітуацыі, праз якія падаецца прадметнае поле;

4. механізмы надання і атрымання кампетэнцыі, неабходныя для прамаўлення ад імя веда.

Адным словам – savoir гэта ўсё тое, што дазваляе ўвідавочыць сацыяльную ўцягненасць навукавай веда, яе знітаннасць з уладай.

Як суаднесеныя ў якасці фігуры і яе тла веда-connaissance і веда-savoir маюць і розныя стасункі з навочнасцю: навука паўстае праз акрэсленне дакладнага абшару, праз кадыфікацыю і фармалізацыю практык ўтрымання і ўзнаўлення дасяжнасці і бачнасці сваіх вынікаў, веда ж выступае як непрыкметны і несамавіты спод навуковых палажэнняў. Але – і тут палягае адзін з кардынальных момантаў усёй філасофіі Фуко, – няўлоўнасць, някідкасць веда не мае нічога супольнага з латэнтнасцю і непрамоўленасцю, патаемнасцю і прытоенасцю. Веда заўжды навідавоку і на паверхні, але праз гэта яна ўспрымаецца як нешта занадта павярхоўнае і невыразнае, як нешта, што «само сабой разумецца», яна выступае як рэфэрэнтная рамка, якую ніколі не ставяць пад сумнеў.

Па-другое, веда адносіцца да зместу навукі як умова яго магчымасці. Але ж стасункі веда / навуковая веда («savoir» і «connaissance») нельга разумець як лагічныя адносіны патэнцыйнага / сапраўднага. Веда – гэта не патэнцыйная навука, яна не вычэрпваецца сваёй навука-спараджаючай роляй. Размова не ідзе пра розныя мадальнасці быцця: веда не меней рэчаісная чымся навука, але існаванне навукі немагчымае без пэўнага поля веда, у якім яна ўзнікае і развіваецца. Але не наадварот: існаванне пэўных устойлівых канфігурацый веда не прыводзіць да аўтаматычнага фармавання адпаведнай навукі. Такім чынам, веда з'яўляецца неабходнай, але не дастатковай умовай для з'яўлення і існавання навукі.

Канкрэтныя механізмы ажыццяўлення навукі на тле «веда» ніяк апырыры не прадпісаныя: канкрэтныя гістарычныя стасункі, якія разгортваюцца паміж навукай і ведаю, і з'яўляюцца акурат характарыстыкамі канкрэтнай эпохі («У любой дыскурсіўнай фармацыі мы знаходзім адметныя адносіны паміж навукай і ведаю» [7, р. 241]).

Веда-savoir Фуко і Ereignis Гайдэгера. Веда папярэднічае навуцы не толькі ў тэмпаральным сэнсе, але і «квазі-трансцэндэнтальным» сэнсе, як яе «гістарычнае аргігі». Перад тым як пэўнае навуковае выказванне будзе расцэнена ў якасці асэнсаванага і можна будзе спытаць пра ягоную ісціну, павінен адбыцца шэраг падзей і перадумоў, якія Фуко ўласна і называе «ведаю». Навуковыя сцверджанні заўжды гучаць у межах карэлятыўнай інструментальнай сітуацыі са спасылкамі на адметныя перцэптыўныя рэжымы, у пэўных інстытуцыянальных граніцах – якія і лакалізуюць іх у адпаведных сэнсаўтваральным абшары і гарызонце ісціных прэтэнзій. Каштоўнасць, дзейнасць, тэрапеўтычная сіла, здольнасць вырашаць пытанні, звязаныя з пакутамі і смерцю медычнага слова, напрыклад, неадлучны ад сітуацыі бальніцы ці клінікі [7, р. 69].

У гэтым сэнсе паняцце веда грае ў Фуко ролю аналагічную ролі паняцця «Падзеі» (Ereignis) у творчасці позняга Гайдэгера: яно павінна падкрэсліць, што навуковае пазнанне адбываецца ўнутры кола разамкнёнасці – разамкнёнасці і ўжо – дадзенасці існага адносна якога разгортваецца навуковае запытанне і наяўнасці таго бытнага, чыя іста палягае ў запытанні (чалавека). Падобна Гайдэгеру, Фуко падкрэслівае падзейны, эвентуальны характар ісцінага: ісціна гуманітарных навук ёсць уступленне у кола навочнага. Апроч таго, паміж падыходамі двух філосафаў можна знайсці яшчэ два істотныя паралелізмы:

а) і веда для Фуко, і Падзея для Гайдэгера носяць прынцыпова безагентны характар – яны маніфестуюць сябе праз пэўныя выказванні, але іх нельга атрыбутаваць прамойцам дадзеных выказванняў як аўтарам іх фармуліроўкі;

б) нягледзячы на свой праддадзены, атуляючы ў стасунку да свядомасці характар і *savoir*, і *Ereignis* не прыналежаць да атэмпаральнага рэгістра трансцэндэнтальных перадумоў пазнання, якія заўжды і па азначэнню вонкі гісторыі. Акурат наадварот: веда і Падзея наўсцяж гістарычныя, яны і з'яўляюцца шляхам рэалізацыі гістарычнасці пазнання.

Але апроч усіх паралелізмаў ёсць паміж *savoir* Фуко і *Ereignis* Гайдэгера і шэраг істотных адрозненняў, гэта:

1) Адносіны суб'екта пазнання і навуковага запытання да самога кола разамкнёнага: для Гайдэгера чалавек трапляе ў прастору непакрыёмага існага праз чуласць і послух да падзеі быцця інтэрпрэтацыя Фуко нашмат болей «ніцшэанская»: навука, пазнанне – гэта прыўлашчанне пэўнага фрагменту веда, прэтэнзія на адзінаўладнае гаспадаранне. Тут неабходны некаторыя тлумачэнні: для Гайдэгера таксама іста і кон сучаснай эпохі тэхнікі і разліку палягаюць на арудуючых, распараджальніцкіх адносінах да рэчаў, увасабленнем якіх і выступаюць прыродазнаўчыя навукі, але праз такія адносіны чалавек забывае тую ісціну быцця, да якой ён прыналежыць, і ён мусіць вярнуцца да «паслухмянасці» быццю, каб вярнуцца да прытоенай ісціны. Для Фуко не існуе нічога да, ці пад уладнымі адносінамі: улада бацькоў над дзецьмі, доктара над хворым, закаханага над аб'ектам кахання ўласна і з'яўляецца тым працэсам, пасродкам якога вытвараецца такое існае як «дзіця», «хворы», «каханы».

2) Татальны / лакунарны характар: *Ereignis* для Гайдэгера – падзея ўсеахопная, яна цалкам атуляе ўсю эпоху, над якой развінаецца яе ўлада, аднолькава выяўляючыся ў любых культурных артэфактах і ўчынках людзей, але з асаблівай сілай і сапраўднасцю – у творчасці паэтаў і філосафаў; канфігурацыі веда для Фуко не маюць такога «эпахальнага» вымярэння, іх выяўленне не паклікана распусціць у сваёй зыходнай падстаўнасці ўсю размаітасць культурных і сацыяльных практык, толькі патлумачыць лакальныя адцінкі сазлучанасці пэўных навуковых дыскурсаў і сацыяльна-палітычных стратэгіяў, пакідаючы месца для іншых перапрычатанняў культуры эпохі пры абранні іншых аб'ектаў факусіроўкі.

Веда і гісторыя: гістарычнасць веда-savoir. Калі падвесці прамежкавы падрахунак і звярнуцца да думкі, выказанай на пачатку, што дыхатамію *savoir* і *connaissance* можна часткова суаднесці з супрацьпастаўленнем веда і пазнання, то мы атрымаем парадаксальны вынік: у той час як абсалютная большасць даследнікаў разглядаюць і вызначаюць веда як вынік пазнавальнай дзейнасці, як ментальны стан, вынікаючы з кагнітыўных працэсаў, для Фуко гэтыя адносіны разгортваюцца з дакладнасцю наадварот – веда папярэднічае пазнанню, задае ўмовы яго магчымасці і перавышае яго па «аб'ёму». Фуко дасягае такой парадаксальнай фармуліроўкі за конт таго, што адмаўляецца атрыбутаваць веда да ўнутранага, ментальнага свету суб'екта.

Традыцыйная эпистэмологія ў якасці парадыхмальнага ўзору для аналітыкі веда бярэ квазі-картэзіянскі экзистэнцыял «я ведаю», дзе пэўны змест свядомасці даецца ў абоймах перакананасці (упэўненасці). Веда тут – скутак жыццёвага цэлага індывіда, зробленага паводле аб'ектыўных і інтэрсуб'ектыўных правілаў падагульнення кагнітыўных працэдур, вынік ментальных працэсаў ці наступства ўласцівых эпосе і культуры спосабаў разважання і мыслення.

У залежнасці ад канкрэтнай трактоўкі і канцэптuallyнага насычэння гэтага «я ведаю» для аналізу гісторыі веда пакінуты тры магчымыя інтэрпрэтацыйныя сцэнарыі:

1) Мы ставім галоўны акцэнт на «я» і ўтрымліваем у яго ў якасці канкрэтнага біяграфічнага адзінства «перажытага і спазнанага» – веданне, як стан індывідуальнай псіхікі прыраўноўваецца да каўзальнага выніку з біяграфічных акалічнасцей і ўздзеянняў культурнага кантэксту; альбо разумеем гэта «я» як фантабуючы гейзер самаістых «азарэнняў» генія, якія не маюць іншых прынцыпаў свайго тлумачэння, апроч уласна спасылкі на «геніяльнасць» іх аўтара. У такой трактоўцы мы маем справу з канцэптам аўтарства як гранічным і апошнім тлумачальным прынцыпам гістарычнасці веда.

2) «Я» разумецца ў трансцэндэнтальным рэчышчы – як фармальнае кропка, ачышчаная ад усіх індывідуальна-псіхалагічных інтэрпрэтацый, ад якой сыходзяць акты канстытування магчымасці любога ведання. Альбо сама сітуацыя «я ведаю» ўтрымліваецца як падлеглая

прынцыповай фармалізацыі ў сукупнасці лагічных законаў – найбольш паслядоўна дадзеная стратэгія рэалізуецца ў межах аналітычнай традыцыі, якая спрабуе патлумачыць веду праз схему «S ведае што p, тады і толькі тады калі ...» [9, р. 121]. Так ці інакш – гістарычнасць як такая вымыкаецца з абшараў эпістэміялогіі: калі мы маем універсальнае мерыва для таго каб знітаваць сінгулярныя «я ведаю» ў адзінства ведання як такога, то веда не можа мець іншай гісторыі апроч свайго простага назапашвання і акумуляцыі. Веда, якая разглядаецца як атэмпаральная нязменнасць, гарантам якой выступаюць трансцэндэнтальныя нормы і лагічныя законы, пакідае месца толькі для адной трактоўкі сваёй гістарычнасці: як барацьбы веды і няведання, паступовага, магчыма не без кульгання і кружэння, але ж, у рэшце рэшт, пераможнага прыйсця царства святла ў цемру няведання.

3) Можна, нарэшце, узгадаць, што супрыналежнасць «я» і ведання адбываецца ў асяроддзі і ў стыхіі «перакананасці», як спосабу адносінаў да зместу веды і паспрабаваць гістарызаваць самі гэтыя адносіны, вылучыць тыпы перакананасці і пераканання, уласцівыя розным эпохам: такім чынам гісторыя веды пераўтвараецца ў гісторыю розных тыпаў рацыянальнасці, у калейдаскоп тыпаў падставовага досведу, на аснове якога суб'ект здабываў упэўненасць у сваёй ведзе.

Так ці інакш, розным чынам для кожнага з падыходаў, але інварыянта ў сваёй ісце, веда разглядалася як тое, што выпадае з шэрагаў гістарычнага, як тое, што хаваецца ад наяўнасці ў складках індывідуальнай псіхікі, трансцэндэнтальных прынцыпаў ці рытме феноменалагічнага развіцця пазнання. Наяўная веда з'яўляецца хіба што водгаласам фінальнай, абсалютнай веды, якую могуць даць канчатковы падрахунак пражытага жыцця, суздром праяснення трансцэндэнтальныя і лагічныя перадумовы пазнання, нарэшце знойдзеная абсалютна адэкватная рэчаіснасці форма рацыянальнасці. Гісторыя веды пераўтвараецца ў эсхаталагічныя наратыўныя бясконца адкладзенага канчатковага прыйсця ісіны, знакам і сімвалам адкладзенасці якога выступаюць усе канкрэтныя чалавечыя пазнанні. Такім чынам, разгортваецца драма бясконцай гульні веды і няведання, дзе кожная здабытая пэўнасць ёсць адначасова і павялічэнне даляглядаў няведання – драма, галоўным драматургам якой і, адначасова, галоўнай дзеючай асобай якой выступаў новаеўрапейскі суб'ект.

Але побач і насуперак гэтай драме, якую новаеўрапейскі суб'ект распавядаў сабе і паводле якой выбудоваў сябе, разгортвалася неўпрыкмет зусім іншая гісторыя – непакісна, без ваганняў новаеўрапейскі соцыум праводзіць у сабе самім безліч межаў і граніцаў, адасабляе нармальнае ад ненармальнага, разумнае ад бязглуздага ці шалёнага, безапеляцыйна вырашае кон вар'ятаў і злачынцаў, парадкуе і нармуе жыццё, працу і мову, накладвае на сябе разметачныя сеці, пасродкам якіх няспынна і адназначна фіксуецца, каталагізуецца і тлумачыцца ўся сукупнасць чалавечых паводзін. Неўпрыкмет гэта другая гісторыя веды вытварала, спараджала і змяняла самі локусы, адкуль суб'ект мог бясконца пытаць самога сябе аб грунтоўнасці сваіх «я ведаю», змяняла змест, значэнне і значнасць гэтага «я ведаю».

Эксперт, пакліканы ў суд, можа бясконца пытаць самога сябе аб абгрунтаванасці і слушнасці сваёй веды, пакінуты сам насам перад «тварам» свайго ведання, але гэта не змяняе таго факта, што за ім ужо і бясумненна замацаваны права і кампетэнтнасць вырашаць самыя экзістэнцыяльныя пытанні – волі і няволі, жыцця і смерці падсуднага. Тое, што дае яму такое права – гэта прызнаная за ім веда і прызнаная за ведаю прэрагатыва на развязанне падобных пытанняў. Прычым эксперт разглядаецца як прадстаўнік веды, як уцялесненне веды, як той, хто знаходзіцца «ў ведзе», не таму што яго словам папярэднічае даўгое пазнанне, не таму што яго свядомасць у дадзены момант утрымлівае неабходную інфармацыю, падмацаваную жыццёвым досведам ці правіламі логікі, але ж таму і толькі таму, што ў межах дыскурсіўнай практыкі вылучана адпаведнае вакантнае месца, за якім замацаваны адпаведны абсяг правамоцтваў, якое ён і займае, запаўняе, дзякуючы простаай адпаведнасці правілам выказвання ўласцівым гэтай пазіцыі. Такім чынам, веда псіхапаталогіі – гэта тое, на падставе чаго прымаюцца канкрэтныя рашэнні аб шпіталізацыі, выносіцца вырак аб прысутнасці прытомнасці асобы падчас здзяйснення ўчынку і д. п. Медычная веда – гэта тое, пасродкам чаго за індывідам замацоўваюць статус хворага, суадносяць яго з полем пакут, сімптомаў, магчымасцяў і шляхоў ачування. Лінгвістычная веда – гэта інстанцыя рашэння: з'яўляецца

той ці іншы «дыялект» ці «маўленне» самастойнай мовай, ці не; гэта тое, што супрацьпастаўляе суб'екта гісторыі яго ўласных словаў. Падобныя сітуацыі даюць Фуко падставу разглядаць веду не як прамежкавыя высновы, атрыманыя падчас пазнання, не як мінаючы ментальны стан, якому пагражаюць самі прынцыпы, на якіх ён угрунтаваны, але як сукупнасць тых эфектаў, якія будзе мець сказанае з дарэчнасцю да пэўных нефармальна і недэдуктыўных правіл ў сітуацыі, калі прэтэнзія на ісцінасць ёсць адначасна прэтэнзіяй і правам на вырашэнне кону пэўнага кола асоб. Веда – гэта статус, які надаецца выказванням у канкрэтных гістарычных абставінах, і той перфарматыўны гарызонт, які расчыняе перад выказваннямі, сам факт надання падобнага статусу. Ментальны стан суб'екта ведання – бясконцыя колы рэкурэнтнага ўсведамлення сябе як ведаючага, падвядзенне рахункаў у межах разумення і разумнага і г. д. – усё гэта з'явы другасныя і эпіфенаменальныя ў параўнанні з выказаным паводле правіл веды і ў сітуацыі веды.

Літаратура

1. Hacking, I. Michel Foucault's immature science / I. Hacking // Michel Foucault: critical assessments. – 1994. – Vol. 2. Barry Smart. Routledge. – P. 176–185.
2. Косыба, Н. Die Disziplinierung Foucaults Diskursanalyse als Wissenssoziologie / Н. Косыба // Neue Perspektiven der Wissenssoziologie ; D. Tänzler, Н. Knoblauch, НG. Soeffner (Eds). – Konstanz : UVK. Verlagsgesellschaft, 2006. – S. 135–155.
3. Беньямин, В. О понятии истории / В. Беньямин // Новое литературное обозрение ; пер. и комм. С. Ромашко. – 2000. – № 46. – С. 81–90.
4. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко ; пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова ; под общ. ред. Б. Левченко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 207 с.
5. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко ; перевод с французского. – Санкт-Петербург : Гуманитарная академия, 2004. – 412 [3] с.
6. Foucault, M. The archeology of knowledge / M. Foucault. – Routledge, 2013. – 247 p.
7. Foucault, M. L'Archéologie du savoir / M. Foucault. – Paris : Gallimard 1969. – 287 p.
8. Allen, B. Foucault's theory of knowledge / B. Allen // Foucault and philosophy. – Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2010. – P. 143–162.
9. Gettier, E.L. Is justified true belief knowledge? / E.L. Gettier // Analysis. – 1963. – № 23 (6). – P. 121–123.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.161.1'366

В мире парадоксов русской морфемики

В.И. КОВАЛЬ

Рец. на: Никитевич, А.В. Парадоксальная морфемика: монография / А.В. Никитевич ; Мин-во образования РБ, Учреждение образования «Гродненский гос. ун-т им. Я.Купалы». – Гродно : ЮрСаПринт, 2018. – 226 с.

В монографии А.В. Никитевича «Парадоксальная морфемика» в научно-популярной форме представлены актуальные проблемы морфемики и словообразования в русском языке, рассмотрен морфемный состав самых различных слов в интерпретации различных лексикографических источников. Существенно, что значительная часть рассматриваемых фактов не получила (по причинам объективного и субъективного характера) соответствующей лексикографической оценки в известных словарях. Как справедливо отмечал автор в одной из своих работ, «сложности практического плана неизбежно возникают при обращении к некоторым лексикографическим источникам, поскольку они в своих решениях нередко противоречат друг другу». И в этом плане заслуживает внимания сам подход автора – критический анализ имеющих место в традиционной морфемной и словообразовательной лексикографии интерпретаций морфемного состава различных по структуре единиц. При этом автор книги старается помочь читателю (учителю, школьнику, студенту) разобраться в тех порой противоречивых решениях, которыми изобилует современная словообразовательная лексикография. И, что важно, делает вывод о том, что в ходе подобных разысканий далеко не всегда можно получить исчерпывающий ответ: сложное переплетение синхронии и диахронии порой приводит к причудливой комбинаторике морфем в составе некоторых слов (*рукоять, лукоморье, восвояси*).

В своей монографии А.В. Никитевич привлекает значительный фактический материал, стараясь рассмотреть самые различные слова: и простые, и сложные; слова из школьного учебника и слова из произведений русской художественной литературы; слова хорошо известные и новообразования последнего времени. Важно, что все это рассматривается с позиций логики морфемики, взаимосвязи семантики слова с его строением и проецируется на те знания, которые получены учащимися (школьниками и студентами) в процессе изучения морфемики и словообразования.

А.В. Никитевич в своей книге в научно-популярной форме затрагивает широкий круг вопросов, так или иначе связанных с морфемами, их ролью не только в составе слова, но и в организации известных грамматических категорий, в частности, категорий рода, числа, одушевленности/неодушевленности. При этом значительное внимание уделено окончанию как морфеме и склонению именных частей речи как такому «механизму» словоизменения, который имеет прямое отношение к содержанию важнейших грамматических категорий. Показательна сама формулировка этой рубрики в монографии: «Окончание и склонение. Как много страниц в книге может быть посвящено склонению?». Ведь хорошо известно, что в школьном учебнике склонение, к примеру, имени существительного в большей степени «волнует» методистов с позиций орфографии, нежели собственно грамматики. Не случайно автор говорит о своеобразном «орфографизме» школьного учебника.

Очень важно, что в освещении многих грамматических тем А.В. Никитевич опирается на хорошую филологическую традицию, классиков отечественного и зарубежного языкознания (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр).

Нет никакого сомнения в том, что читателю небезынтересны будут и те части книги, которые позволяют увидеть и понять всю неисчерпаемость и глубину взаимосвязи морфемики и словообразования с лексикой и грамматикой.

Отдельно следует сказать о названиях разделов, параграфов, внутренней рубрикации монографии. Большинство из них сформулировано таким образом, что не может не привлечь внимание читателя: «Слова, которые нас окружают», «Слова, которых нет в словарях», «О «наезде» морфем», «Всегда ли *кашевар варит кашу*, или Сюрпризы для двоечников и отличниц», «Сага о наречии» и др.

В книге следует отметить и материалы, которые будут полезны учителю, в частности, некоторые статьи автора, опубликованные им ранее. Хорошим практическим подспорьем для учителей, преподавателей и учащихся послужит значительный по объему Практикум, упражнения в котором, по нашему мнению, будут способствовать выработке у учащихся умения самостоятельно думать и принимать логичные, непротиворечивые решения.

Монография А.В. Никитевича представляет собой очень интересный и, безусловно, заслуживающий внимания результат учебно-педагогических и научных размышлений автора, известного в Беларуси и за ее пределами специалиста по словообразованию, в значительной степени полезной для методики преподавания морфемики и словообразования в вузе, лицее, гимназии. Предназначается для учителей-филологов, любознательных учащихся, преподавателей, аспирантов и всех ценителей русского слова.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 31.05.2018

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *В.А. Бобрик, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 31.07.2018. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 18,63. Тираж 100 экз. Заказ № 581.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.